ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

[11] 2009

БЫТЬ ИНДИЙЦЕМ В XXI ВЕКЕ: РОМАН ШАШИ ТХАРУРА “ПОГРОМ” / РАССКАЗЫ САЛМАНА РУШДИ, АРАВИНДА АДИГИ И АМИНА КАМИЛА / “ИЗ ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ” / “АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА”: “НЕ СОВСЕМ ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ” БАБИ ХАЛДАР / АМАРТЬЯ СЕН И ПАВАН ВАРМА В РУБРИКЕ “СТАТЬИ, ЭССЕ” / “NOTA BENE”: СЕРГЕЙ АРУТЮНОВ О КНИГЕ СУДХИРА КАКАРА “ЦВЕТА НАСИЛИЯ”

Основан в 1955 году

[11]
2009

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный литературно-художественный журнал

Быть индийцем в XXI веке

3 Прабхат Пракаш Шукла *Обращение к российскому читателю.* Перевод А. Л.

5 Шаши Тхарур *Погром.* Роман. Перевод Миры Салганик. Послесловие Петра Топычканова

144 Салман Рушди *Прибежище мира.* Перевод А. Суворовой

159 Аравинд Адига *Батарея Султана.* Рассказ. Перевод Т. Бердиковой

168 Амин Камил *Петушиный бой.* Рассказ. Перевод Н. Поваляевой

Из индийской поэзии

175 Ашок Ваджпейи Перевод с хинди Равиля Бухараева

175 Гульзар Перевод с урду Равиля Бухараева

176 А. Джайяпрабха Перевод Дмитрия Веденяпина

179 Сукумаран Перевод Дмитрия Веденяпина

181 Гаган Гил Перевод Дмитрия Веденяпина

183 Джой Госвами Перевод Льва Оборина

184 Юмлембам Ибомча Сингх Перевод Льва Оборина

Документальная проза

186 Баби Халдар *Не совсем простая история.* Перевод Е. Скрылевой

Статьи, эссе

212 Паван Варма *Великий средний класс. Что такое быть индийцем.* Перевод Екатерины Кудашкиной

236 Амартья Сен *Тагор и его Индия.* Перевод Яна Шапиро

NB

251 Сергей Арутюнов *Вражда без конца и без краю.* О книге Судхира Какара "Цвета насилия"

Индия—Россия

258 Татьяна Загородникова *Серебряный век и Индия*

267 Нирупама Менон Рао *Санкт-Петербург.* Стихотворение. Перевод Дмитрия Веденяпина

Путешествие по книге

268 Борис Волхонский *Одна жизнь – в разных жанрах*

Картинная галерея

275 Мира Салганик *Анджоли Эла Менон – свободный поиск*

Наши интервью

278 *"Входи в каждую незапертую дверь".* С Салманом Рушди беседует журналистка Мита Капур. Перевод Марии Кленской

281 *Наши приоритеты.* С директором издательства "Восточная литература" С. М. Аникеевой беседует Т. Шаумян

Письма из-за рубежа

284 Сергей Строкань *Увидеть Бенарес и не умереть*

Среди книг

289 Вера Калмыкова *Постколониальный роман. взгляд изнутри*

Библиография

294 *Индийская литература на страницах "ИЛ"*

Авторы номера

299

© "Иностранная литература", 2009

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями "Вестник иностранной литературы", "Литература мировой революции", "Интернациональная литература". С 1955 года – "Иностранная литература".

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева
заведующая отделом художественной литературы

О. Д. Дробот
заместитель главного редактора

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская
заведующая отделом критики и публицистики

Общественный редакционный совет:

С. К. Апт
Л. Г. Беспалова
А. Г. Битов
Н. А. Богомолова
Е. А. Бунимович
П. Л. Вайль
Т. Д. Венедиктова
А. М. Гелескул
Е. Ю. Гениева
А. А. Генис
В. П. Голышев
Г. М. Дашевский
Б. В. Дубин
С. Н. Зенкин
Вяч. Вс. Иванов
А. В. Михеев
М. Л. Салганик
И. С. Смирнов
Е. М. Солонович
Б. Н. Хлебников
Г. Ш. Чхартишвили
А. И. Эппель

Международный совет:

Ван Мэн
Криста Вольф
Януш Гловацкий
Гюнтер Грасс
Тонино Гуэрра
Милан Кундера
Зигфрид Ленц
Ананта Мурти
Кэндзабуро Оэ
Милорад Павич
Умберто Эко

Редакция :

М. М. Алексеева
О. Г. Басинская
Т. А. Баскакова
С. М. Гандлевский
А. Ю. Лешневская
Е. М. Мамардашвили
И. В. Мокин
К. Я. Старосельская
М. Н. Томашевская
Л. Г. Харлап
А. Ю. Шередега

Журнал выходит при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации, Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Фонда Первого Президента России Б. Н. Ельцина

Прабхат Пракаш Шукла

Полномочный посол Индии в Российской Федерации

Обращение к российскому читателю

Я счастлив, что журнал "Иностранная литература" в ноябре 2009 года выпускает специальный номер, посвященный современной индийской литературе. Не сомневаюсь: появление в печати этого номера станет значительным вкладом в празднование года Индии, который отмечается в России в 2009 году.

Между Индией и Россией всегда существовали прочные связи. Классическая и современная индийская и русская литература постоянно переводилась на языки обеих стран и пользовалась в них огромной популярностью. Пушкин, Достоевский, Толстой, равно как Тагор, Прем Чанд, Нирала, да и многие другие писатели обеих стран, стали и в Индии и в России именами привычными, широко известными.

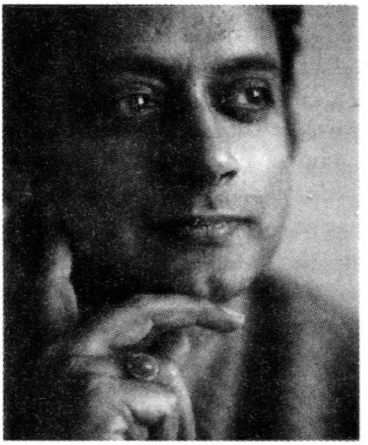
Для еще большего упрочения наших культурных связей в настоящее время предпринимаются немалые усилия как с российской, так и с индийской стороны. В составе индийской делегации, прибывшей в сентябре 2009 года на Московскую международную книжную ярмарку, где Индия была почетным гостем, насчитывалось двадцать четыре известных писателя. Специальный номер "Иностранной литературы", в свою очередь, сыграет существенную роль в пробуждении интереса у российских читателей к современной индийской литературе.

Индийская литература представляет собой обширную панораму, ведь помимо официально признанных восемнадцати национальных языков в нашей стране имеются и многочисленные региональные языки, на которых пишут сегодня индийские писатели. Существуют в Индии и широко известные во всем мире авторы, которые пишут по-английски, — их произведения также пользуются в Индии немалым спросом. Современные индийские писатели касаются таких актуальных тем, как перемены в стране, которая сегодня из деревенской и отсталой становится урбанистической и высоко развитой, как сложности социального и экономического развития, как проблемы распространившейся на многие страны и континенты индийской общины за рубежом. Имеются и многие другие темы, на которые пишут сегодня индийские авторы.

Хочется надеяться, что читателям понравится специальный номер "Иностранной литературы", посвященный современной Индии. Пользуясь представившейся мне возможностью, хотел бы выразить огромную благодарность редакторам, переводчикам, всем тем, кто принял участие в подготовке этого номера.

Перевод А. Л.

Шаши Тхарур



Погром

Роман

Перевод Миры Салганик

История есть нечто священное, ибо ей надлежит быть правдивою, а где правда, там и Бог, ибо Бог и есть правда.

Мигель де Сервантес *Дон Кихот*

История есть не что иное как активность преследующего свои цели человека.

Карл Маркс *Святое семейство*

The New York Journal

Понедельник, 2 октября 1989

В ИНДИИ УБИТА АМЕРИКАНКА

Нью-Дели, Индия, 1 окт. Посольство Соединенных Штатов сообщает: вчера в городе к востоку от Дели, всего за несколько дней до возвращения на родину, разбушевавшейся толпой зверски убита американская гражданка.

Присцилла Харт, 24, из Манхэттена, добровольная сотрудница неправительственной организации

© Shashi Tharoor 2001
© Мира Салганик. Перевод, 2009
© Петр Топычканов. Послесловие, 2009
Редакция выражает благодарность автору за любезно предоставленную возможность безвозмездной публикации романа.

HELP-US, погибла от ножевых ранений в городе Залилгархе штата Уттар-Прадеш, где она работала в области здравоохранения. Источник в американском посольстве не высказал предположения, что ее убийство связано с тем, что она является гражданкой США.

Подробности убийства, происшедшего во время индо-мусульманского погрома, остаются невыясненными. Мисс Харт в течение 10 месяцев собирала материал для докторской диссертации.

В четверг она должна была вернуться на родину.

По словам представителя HELP-US мисс Харт была тесно связана с программой пропаганды регулирования рождаемости как части проекта в области здравоохранения, поддерживаемого организацией, в которой она состояла.

Среди жертв межобщинного насилия, в результате которого за последние три недели погибло несколько сот индийцев, других иностранцев не было. Представитель посольства считает, что "мисс Харт просто оказалась в неудачном месте в неудачное время".

The New York Journal

Вторник, 3 октября 1989

СМЕРТЬ ИДЕАЛИСТКИ

Нью-Йорк, 3 окт. Для семьи, родственников, друзей и профессоров смерть Присциллы Харт, 24-летней идеалистки, волонтера и научного работника, погибшей во время погромов в Индии, стала душераздирающим трагическим событием.

Стройная, белокурая, голубоглазая девушка через несколько дней должна была вернуться домой, чтобы защитить докторскую диссертацию в Нью-Йоркском университете. 10 месяцев полевых исследований в индийском городе Залилгарх она сочетала с волонтерской работой по программе ограничения рождаемости, проводимой американской группой HELP-US.

"Она любила этих людей, — сказала Биверли Николз, доцент кафедры социологии Нью-Йоркского университета, научный руководитель мисс Харт. — Она знала Индию. И не только дорогие рестораны в Дели или дипломатические круги при американском посольстве. Она жила в маленьком городке, среди индусов, мусульман и прочих. Причин убивать ее ни у кого не было".

После 10 месяцев пребывания в Индии мисс Харт должна была на следующей неделе вернуться в свой дом в Манхэттене. "Она собиралась закончить диссертацию и работать в следующем семестре в качестве научного ассистента", — сказала профессор Николз.

Родители девушки, находящиеся в разводе, и ее старшие братья собрались сегодня в доме матери и рассказали репортерам о чувстве тяжелой утраты, вызванной трагической гибелью мисс Харт.

"Присцилла была жемчужиной, ангелом во плоти, спустившимся на

землю, чтобы творить добро, — сказал ее отец Редьярд Харт, управляющий по маркетингу компании 'Кока-кола'. — Она влюбилась в Индию, когда я работал там в конце 70-х. Она мечтала туда вернуться и делать людям добро".

Ее мать Катарина Харт, 52, учительница английского, согласилась: "Присцилла хотела, чтобы все трудились вместе. Она была полна решимости добиться перемен в жизни женщин Индии. В последний раз, когда я с ней говорила, она казалась настолько удовлетворенной и уверенной в своих целях... Не могу поверить, что она не вернется".

В доме также присутствовали братья Присциллы: Ким, 27, и Лэнс, 23.

"Она была готова всем помогать, независимо от расы или религии", — сказал Ким, биржевой брокер.

Интерес мисс Харт к Индии зародился в те три года, которые семья провела там, когда ее отец занимался возобновлением деятельности компании "Кока-кола", изгнанной из Индии в 1977-м. Впоследствии она написала дипломную работу в Нью-Йоркском университете о женщинах Индии. "Первоклассная работа, — сказала профессор Николз, — ко мне до сих пор обращаются с просьбами с ней ознакомиться. Мисс Харт была чрезвычайно увлечена Индией. Особенно ее волновали проблемы народонаселения и прав женщин. Она мечтала провести в Индии всю жизнь".

Мисс Харт работала в нью-йоркской неправительственной организации HELP-US в качестве интерна в летние месяцы 1986-го и 1987 года. Учась в магистратуре, она также не теряла связи с этой организацией. В период полевых исследований в Индии она предложила свою помощь проекту HELP-US, в разработке которого участвовала. "Ее искренность и способность к состраданию трогали, — сказал Линдон Гэйлбрет, президент HELP-US. — Нам будет сильно ее недоставать".

Виктор Гудмэн

The New York Journal

Среда, 4 октября 1989

РОДИТЕЛИ НАМЕРЕНЫ ПОСЕТИТЬ ИНДИЮ И УВИДЕТЬ МЕСТО ГИБЕЛИ ДОЧЕРИ

Нью-Йорк, 3 окт. Родители погибшей в Индии американской студентки сообщили сегодня о том, что на будущей неделе они намереваются посетить город, где два дня назад насильственно оборвалась жизнь их дочери. Они сказали, что единственный способ побороть скорбь по убитой дочери — посмотреть фактам в глаза. Поэтому они отправляются в Залилгарх, малоизвестный городок в северном штате Индии Уттар-Прадеш, чтобы своими глазами увидеть место, где прошли последние минуты жизни их дочери.

"Мы хотим поговорить с ее друзьями и коллегами, людьми, с кото-

рыми она работала, увидеть, где она жила", – сказал Редьярд Харт в телефонном интервью из своего дома в Стэмфорде, Коннектикут.

Присцилла Харт, 24-летняя студентка Нью-Йоркского университета и волонтер HELP-US, была убита во время погрома. Мистер Харт сообщил, что она будет кремирована в Индии, а прах доставлен в Нью-Йорк, где на будущей неделе состоится поминальная служба.

Мистер Харт, специалист по маркетингу, сказал, что он и его бывшая жена Катарина полетят в Индию сразу после службы. "Надеюсь, что американская общественность прочтет о смерти моей дочери и задумается над проблемами, которые так много для нее значили. Я хочу, чтобы Присцилла не была забыта, чтобы мир узнал о ее работе в Индии и о том деле, ради которого она пожертвовала жизнью".

Мать мисс Харт, Катарина, разведенная с мистером Хартом, от комментариев воздержалась.

Виктор Гудмэн

The New York Journal

Понедельник, 16 октября 1989

СМЕРТЬ АМЕРИКАНКИ В ИНДИИ

Залилгарх, Индия, 15 окт. Смеркалось. Наступало время суток, когда сельская Индия зажигает керосиновые лампы и москиты вылетают на охоту. В ту субботу, 30 сентября, Присцилла Харт, 24, простилась с друзьями, ибо через несколько дней ей предстояло уложить вещи и вернуться в Нью-Йорк, чтобы готовиться к защите диссертации в Нью-Йоркском университете.

Молодая американка, волонтер проекта благотворительной организации HELP-US по проблемам регулирования рождаемости, завершила полевые исследования в маленьком североиндийском городке Залилгарх. В тот вечер она отправилась на велосипеде в заброшенную крепость на берегу реки Джамны, протекающей близ города. Может быть, ей хотелось побыть вдали от толп и шума города, где воинственно настроенные индусы организовали многолюдное религиозное шествие. А может, просто захотелось спокойно полюбоваться закатом, зрелищем, по которому ей предстояло скучать по возвращении домой.

Но ей не было суждено вернуться. Труп девушки был обнаружен на следующий день. Ей нанесли шестнадцать ножевых ударов.

В Залилгархе, с которым она собиралась проститься, бурлили страсти. В городе с населением всего в 300 000 индусские фанатики организовали шествие с участием почти 30 000 человек. Участники процессии намеревались пронести через центр города освященные кирпичи, чтобы затем переправить их в Айодхью, где индусы собираются

возводить храм Рам Джанмабхуми на спорном участке земли, ныне занимаемом недействующей мечетью XVI века – Бабри масджид.

Процессия должна была пройти через мусульманские кварталы города, население которых выступало против агитации в пользу Рам Джанмабхуми.

Минувшей ночью было совершено – предположительно мусульманами – вооруженное нападение на двух молодых индусов, развешивавших баннеры для процессии. Это событие опасно накалило...

Продолжение на с. 141.

Из *дневника* Катарины Харт

9 октября 1989 г.

Не могу поверить, что опять сижу рядом с ним в самолете. Сколько раз уже так было, сколько мы летали вместе – новая работа, отпуск, мои паспорт и билет всегда у него, даже мой посадочный талон: он же мужчина, глава семьи – все дорожные документы у него.

А когда все закончилось, среди многих прав, которые я себе вернула, было и это – право быть собой в самолете. Не довеском, не женой, не миссис Редьярд Харт, по его решению всегда сидящей у прохода и ожидающей, когда он передаст ей уже прочитанную им газету, обреченной видеть раздраженное лицо (сколько же можно терпеть!), когда приходилось ее побеспокоить, чтобы пройти в туалет, или попросить, чтобы она взяла что-нибудь у стюардессы для детей.

Дети. Уже много лет мы не путешествовали все вместе, семьей. Он часто говорил мне, что любит ездить, но ездить один. Он самодостаточен, в отличие от меня, от всех нас, ему ничего не нужно – ни сока, ни развлечений, ни частого посещения уборной. Он и не скрывал, что предпочел бы ездить без нас. Тем не менее мы много ездили вместе, наши дети научились сравнивать авиакомпании, отели и поезда, как другие ребята сравнивают бейсбольные команды. А из-за постоянных командировок Редьярда у детей появились для сравнений весьма экзотические основания.

– "Эмирейтс" – это круто, – говорил Ким, исходя из того, что на самолетах этой авиакомпании в спинки кресел вделаны мониторы и большой выбор каналов.

– Но с ними вечно летаешь через Дубай, – спорил Лэнс, – а там магазины, магазины, магазины без конца. Схипхол лучше.

Его любимый аэропорт Схипхол в Амстердаме – Лэнс всегда мечтал, чтобы пересадка продлилась там подольше и он мог бы вволю побыть на галерее с игровыми автоматами, стреляя в монстров и драконов.

Как прекрасно – иметь возможность одним нажатием кнопки уничтожить своих монстров и драконов, а не копить их, как я, в сердце, где они пожирают душу.

В соседнем кресле сидит мой ужасный экс-муж. Мы опять рядом в самолете, Редьярд и я, мы вместе, не муж и жена, а просто отец и мать. Отец и мать, а детей рядом нет. Ким не смог оставить работу, где, по его

словам, младшие брокеры за счастье почитают, если им удается отдохнуть хотя бы в День благодарения. А Лэнс — Лэнс, который так и не сумел понять, почему мне пришлось расстаться с его отцом, — обитает в своем собственном мире и в других мирах не нуждается. Но сегодня я не буду тревожиться за Лэнса. Сегодня я подумаю о другом.

Присцилла с детскими голубыми глазами, с прямыми белокурыми волосами и выражением доверчивого простодушия, которым она приветствовала мир. Присцилла с золотистой кожей, с ясной улыбкой, от которой светились глаза всех, с кем она общалась. Присцилла с ее идеализмом, ее серьезностью, ее решимостью сделать в мире что-то хорошее. Присцилла, ненавидевшая отца за то, что он мне сделал.

Вот я сейчас смотрю на него: он пытается читать журнал, но тщетно, его глаза все на той же странице, которую он раскрыл, когда я начала писать эти строки. Я смотрю на него и вижу Присциллу, у нее были его глаза, его нос, его губы, его волосы. Вот только на ее лице они выглядели совсем по-другому. Его красивые черты обрюзгли от распущенности, а лицо Присциллы доброта сделала спокойным и мягким. И этот его капризный изгиб губ, это лицо человека, которому слишком легко и слишком долго удавалось стоять на своем, разительно отличалось от лица дочери. В Присцилле не было ни высокомерия, ни раздражительности, даже когда она негодовала по поводу какой-то вопиющей несправедливости. Она была просто хорошим человеком, чего не скажешь о Редьярде.

Я смотрю на него, смотрю, как он старается сосредоточиться на чтении, как он скорбит по дочери, с утратой которой не может смириться. Не может, хотя потерял ее давно, тогда же, когда потерял меня, потерял, когда она была еще жива. И все-таки мне его жаль.

Так больно думать о Присцилле в прошедшем времени. Мое дитя, мой личный вклад в будущее мира. Я бы что угодно отдала за то, чтобы это случилось со мной, а не с ней. Что угодно.

Телеграмма Диггзу из "Нью-Йорк джорнэл"

Диггзу ньюйорк джорнэл ньюдели
от вассермана международный отдел.

имею только ленты агентств убийстве харт буду благодарен подробности очерка кто девушка что делала как убита почему поговорите родителями редьярд катарина харт прилетают завтра Эр-Индия-101 сопровождайте их залилгарх как насчет 1200 слов неделю почините ваш факс телеграммы разорят нас

Записи Диггза

10 октября 1989 г.

Аэропорт в Дели. Черт побери, даже в четыре утра полно народу.

В Нью-Дели прорва работы: все непременно прилетают и улетают среди ночи. Гул моторов, вспышки света, рев машин — и все в два, три,

четыре ночи. Только в "третьем мире" жители окрестных кварталов могут мириться с подобным бардаком. Хотя какой у них выбор?

Харты выходят в сопровождении типичного посольского работника. Хороший пиар. Всякому, кто приезжает в Индию, не помешал бы провожатый через таможню и иммиграционный контроль. Люди и так дочь потеряли, не маяться же им еще и в бесконечных очередях.

Харт — мужчина весьма представительный. Высокий холеный красавец, знавший лучшие времена. Этакий Роберт Редфорд с тридцатью избыточными фунтами, главным образом на лице. Голубые глаза, твердый взгляд, крепкое рукопожатие. Но какой-то он изнуренный — этого не объяснишь усталостью от путешествия.

Миссис Харт: типаж матери семейства/интеллектуалки. Невысокого роста, тяжеловата, волнистые каштановые волосы, кожа сухая и морщинистая не по возрасту. С шеи свисают очки на цепочке. Одета практично и невыразительно, ей будет жарко в этой одежде (а она ведь жила в Индии, неужели не помнит, какой здесь климат?).

Она определенно недружелюбна. Харт как будто рад встрече со мной. Говорит предсказуемые вещи (нужно увидеть, где это произошло, встретиться с людьми, которые знали Присциллу, работали с ней, хотелось бы понять и т. д.), доволен, что я поеду с ними в Залилгарх. Миссис Харт возражает: "Это частный визит, мистер Диггз..." Но Харт как-то привычно от нее отмахивается. Ну конечно, они же в разводе.

— Присцилла жила ради благого дела, — говорит Харт жене, — если мы не будем общаться с прессой, как люди узнают о ее жизни и работе?

Парочка фотографов из агентств довольно безразлично их щелкают. Кто-то задает стандартные вопросы. Пресса не проявляет особого интереса. Залилгарх далеко, а погромы — уже вчерашние новости.

Харт как будто разочарован, видимо, ожидал другого приема. Съемочная группа, возможно телевидение, пятится, снимая его проход к консульской машине. Он скоро поймет, что плюс-минус одна смерть не делает погоды в стране такого множества смертей. Бедняга.

Запись Шанкара Даса, руководителя проекта HELP-US *Залилгарх. Встреча с мистером и миссис Харт*

12 октября 1989 г.

(Из-за неполадок в магнитофоне голоса остальных участников встречи не были слышны и не могли быть расшифрованы надлежащим образом.)

Мистер Харт, миссис Харт, прошу вас, входите! Входите, прошу вас. Для меня большая честь приветствовать вас в Залилгархе. Хотя и в весьма прискорбных обстоятельствах. Весьма-весьма прискорбных.

Вот перед вами схема, иллюстрирующая наш проект. Как вы несомненно знаете, его цель — разъяснение смысла регулирования рождаемости. Наша задача — информировать бедных сельских женщин о технике планирования семьи. Вы понимаете? Очень важно просветить их, объяснить, откуда берутся дети. Зачем иметь так много детей, кото-

рых они не могут прокормить? Если детей меньше, за ними смотрят лучше.

У мисс Присциллы были такие глубокие знания. Она была такая трудолюбивая. Прилагала столько усилий, чтобы получше узнать местных жителей. Везде бывала, буквально везде, на своем велосипеде. Велосипеда тоже больше нет. Ужасное событие. Действительно ужасное.

Выпейте чаю. Без сахара? *Бхайя, багайр чини ка ча леана!*

Я им перевел. Извините, по здешнему обычаю чай подают прямо с молоком и сахаром. Извините, пожалуйста. Сейчас принесут другой чай, сию минуту. *Бхайя, джальди кар до!* Сейчас-сейчас.

А пока будьте любезны посмотреть на эту стену. Здесь вы сможете увидеть масштаб нашего проекта. Нами охвачены две тысячи триста сорок три семьи. Расширенная программа помощи рассчитана на тысячу сто семьдесят пять домовладений. Снабжение детской присыпкой — посмотрите на цифры. Снабжение противозачаточными средствами. Визиты врачей. Мы представляем лучший проект в Индии. Самый лучший.

Обычно в Залилгархе американцы на нашем проекте не работают. Политика HELP-US — помочь людям помогать себе. Но поскольку мисс Присцилла принимала большое участие в разработке проекта еще в Соединенных Штатах, то это было естественно. Вполне естественно. Она проводила здесь исследования, проект тоже здесь, так что все сошлось. Идеально сошлось.

Что вы сказали? Нет-нет. Ее здесь все любили. Очень скромная, очень простая. Не как другие важные шишки из-за границы.

Всегда: мистер Дас — то, мистер Дас — другое. Так много знала о проекте, а всегда спрашивала, никогда не поучала. Спрашивала. Не поучала. Бывало, скажет, знаете, мистер Дас, а что, если мы попробуем вот так? Или попробуем вот этак? И бывало, я ей говорю: это очень хорошая идея, мисс Присцилла Харт, но Залилгарх не Америка. Не Америка. Вы в Америке делаете то-то и то-то так-то и так-то, а здесь все по-другому. И она всегда слушала. Всегда слушала.

Сейчас чай хороший? Отлично. Отлично. Такая замечательная была девушка. Такой приятный человек. Приятный человек. Друзей легко находила. Бывало, говорю ей: не надо вам дружить с кем попало. С людьми не вашего типа. Не вашего типа. А она смеется: мистер Дас, говорит, а какой у меня тип? Все люди — моего типа. А я ей: нет, надо осторожней выбирать друзей, избегать подонков из низов. А она все смеется: а мы, мистер Дас, мы кто, подонки из верхов? Говорит и смеется.

Простите меня. Сами видите, как мы расстроены из-за мисс Присциллы, очень расстроены. За день до того мы устраивали ей прощальный вечер. Столько собралось народу. Никто и представить себе не мог, что это за прощание окажется. Что за прощание. Так печально.

А это мисс Кадамбари. Она занимается распространением информации. Она много работала с мисс Присциллой. Мисс Кадамбари покажет вам, где жила мисс Присцилла. Я думаю, вам туда хочется. Очень скромные условия. Очень скромные. Но вы понимаете: Залилгарх — не Дели.

Мы договариваемся о вашей встрече с мистером Лакшманом, губернатором области. Он может рассказать вам подробности трагических

событий прошлой недели. Очень важный человек. А также добрый друг мисс Присциллы.

Очень добрый друг.

Еще чаю? Нет? Сердечно благодарен, что вы почтили нас визитом. Желаю вам самого приятного пребывания в Залилгархе. Прошу вас, звоните мне без колебаний, если вам что-то понадобится. Я всегда на месте. Всегда на месте.

Из записок Присциллы Харт

25 декабря 1988 г.

Рождество в Залилгархе

Пыльный туман на истоптанных улицах,
Коровьи лепешки, ржавые крыши.
Кричащие вывески жалких лавчонок,
Звон велосипедов, крики разносчиков.
На каждой стене красные пятна бетеля
И злобные черные лозунги.
Грязные белые одежды грязных смуглых людей,
Их женщины в ярких сари с детьми и узлами.
Сюда я приехала делать доброе дело —
Такая простая задача в такой непростой стране.
Врываюсь на велосипеде в чужую жизнь
И объясняю, что хорошо и что плохо.
Они меня слушают не понимая, мудрые,
Расходятся по своим хижинам,
Кормят мужей, детей, сами едят,
Что останется.
Рожают детей своим властелинам,
Мужчинам. На то воля Бога,
Но не моего Бога.
Дай мне силы, о Боже, добиться перемен.
Дай время, чтобы увидеть перемены.

Из блокнота Диггза

11 октября 1989 г.

Господи, какая помойка.

Жара. Пыль. Мухи. Дерьмо. Толчея. Полный набор — в Залилгархе есть все.

Любая западная страшилка про Индию — здешняя реальность.

2 февраля 1989 г.

Он не понравился мне, когда я увидела его впервые. Он вышел из официальной машины, неуклюжего "амбассадора", — стального сундука на колесах, на нем был костюм сафари, жуткая униформа, обожаемая индийскими чиновниками. Куртка была ему коротка и полы нелепо топорщились на заднице, брюки слишком расклешены — индийские портные, похоже, застряли на моде семидесятых, ты понимаешь, что я имею в виду. И я подумала, Боже, очередной напыщенный самодовольный бюрократ, абсолютно не понимающий, какое впечатление он производит, явился надувать щеки по поводу нашего проекта. Я представила себе, как мистер Дас будет кланяться, лебезить и превозносить до небес этого чинушу и все ради того, чтобы правительство было нами довольно, и решила, что эта игра не для меня. Но улизнуть было поздно, а если ты единственная белокожая блондинка, то раствориться в толпе шансов у тебя нет.

Так что я пошла в офис и осталась там.

Потом рада была, что не ушла. Пока мистер Дас крутил свою обычную пластинку: "Две тысячи триста сорок три семьи... тысяча сто семьдесят пять домовладений", — я поймала себя на том, что изучаю нашего визитера, нового губернатора области. Он темнокож, мой мистер Лакшман, кожа того примерно оттенка, что у Джесси Джексона. Тонкие черты лица, идеально правильный нос, шелковистые усики. Напомнил мне Омара Шарифа из "Лоуренса Аравийского". Только губы у Лакшмана полнее, по-настоящему чувственный рот. Даже не верится, что это я написала. (Синди, порви это письмо, когда прочтешь, о'кей?)

Но все это не выходило за рамки простого любопытства, пока он не открыл рот. А рот он открыл, чтобы задать вопрос — неожиданно проницательный вопрос. Оказалось, он действительно слушал и даже кое-что понял насчет программы ограничения рождаемости. Сказано было по делу, и его слова меня глубоко тронули. Не столько сами слова, сколько голос. Звучный мягкий голос. Не бархатный голос радиоведущего, а с хрипотцой — как рубчатый плис. Что-то в этом голосе притягивало и волновало меня. Соблазняющий голос, но не голос соблазнителя. Синди, ты хоть что-то поняла? Если нет, значит, я просто не сумела его описать, но я услышала этот голос, и единственное, чего бы мне хотелось, услышать его снова.

И услышала — мистер Дас все говорил и говорил, а Лакшман задавал вопросы, спокойные, целенаправленные вопросы, а я сидела, слушала и глядела в его печальные и нежные глаза. И понимала, что встретила родственную душу.

Знаю, что ты скажешь: ну вот, Присцилла, опять! Ты неисправимо романтична. Наверное, так и есть, и я этого не стыжусь. Ты же знаешь, Синди, всякий раз, когда мне казалось, что я встретила родственную душу, я оказывалась права — так было с тобой, с профессором Николз и даже с Уинстоном, пусть это и плохо кончилось. Но в данном случае мне не грозят осложнения такого рода. После той встречи в офисе мы с ним провели массу времени вместе: он человек очень корректный, очень мягкий и очень достойный. Кстати — он женат. Так что выбрось-

те недостойные мысли из своей хитроумной головки, мисс Синди Валериани. Хочу довести до твоего сведения, что женили его по сватовству, что у него есть маленькая дочурка, которой он очень гордится, ей шесть лет, у нее ямочки на щеках, которые так и хочется ущипнуть. Мне это известно не только по фотографии в его кабинете — я ее увидела, когда он пригласил меня домой к обеду. Маленькая Рекха с глубокими темными глазами и ямочками на щеках. Вот так-то.

Жена странноватая, совсем не такая, как он, сдержанная и не слишком общительная. За столом вовлечь меня в беседу особо не старалась. Собственно, как только прислуга подала на стол, она отправилась заниматься Рекхой, оставив меня наедине с Лакшманом. Я была не в претензии, но выглядело это как-то странно, если учесть, что появилась она снова только тогда, когда я стала прощаться и поинтересовалась, где хозяйка.

А за столом мы разговаривали и разговаривали. Я понимаю, Синди, что он пригласил меня только потому, что хотел проявить любезность по отношению к единственной иностранке в Залилгархе. И, может быть — только может быть, — еще потому, что я ему понравилась на той встрече в офисе и потом во время беседы у него в кабинете. Но мы очень скоро нашли общий язык на, так сказать, неофициальном уровне. За обедом до меня начало доходить, что, пожалуй, я единственный человек в этом забытом богом городишке, с которым ему есть о чем поговорить, единственный человек с соизмеримой системой координат. Мы с ним читали примерно одни и те же книги, видели одни и те же фильмы и слушали более или менее одну и ту же музыку (благодарение Богу за то, что у меня есть братья!). Эти индийские чиновники в регионах очень одиноки. Ему тридцать три, и в глазах местной бюрократии он царь и бог. Но это еще означает, что он здесь в единственном числе — его окружают люди, не получившие такого, как он, образования, мыслящие не так, как он, не способные рассуждать об интересующих его вещах на соответствующем английском. Другое дело, если бы он работал в Дели или хотя бы в Лакнау, столице штата, но тут, в Залилгархе, он небожитель и один как перст. Конечно, его приглашают к себе местные "тузы": крупные землевладельцы, лидеры различных общин и каст, богатые подрядчики, с которыми он должен поддерживать добрые отношения, но в интеллектуальном плане у него нет с ними ничего общего. Он сказал, что дружит с суперинтендантом местной полиции, однокашником по колледжу, но учились они на разных курсах и не были близки в студенческие годы, к тому же, я думаю, объем их работы вряд ли оставляет много времени для общения. По крайней мере у меня сложилось именно такое впечатление. Так что, когда появляется Присцилла Харт, переполненная рассказами о жизни Большого Яблока и зающая все о проблемах индийских женщин и их правах, то он сидит и внимательно слушает. А почему бы и нет?

Знаешь, когда в тот вечер мы расстались, я впервые осознала, насколько одинока сама. Я ехала сюда, готовая к той жизни, которой жила до встречи с ним, — уйма тяжелой работы, беседы с женщинами через переводчиков (хотя мой хинди заметно улучшается), несколько навязчивое внимание со стороны доброго, неисправимого мистера Даса и моей довольно неискренней помощницы Кадамбари (я тебе писала о них в прошлый раз). В свободное время я читала, писала, приводила

в порядок заметки. И, поскольку была ко всему этому готова, моя жизнь быстро вошла в колею. Пока я не встретила Лакшмана.

Пока я не встретила Лакшмана, не почувствовала в нем родственную душу, не пожелала ему спокойной ночи и не ощутила с огромной силой, что мне чего-то недостает. Того, по чему я приучила себя не тосковать.

Нет, Синди, не волнуйся, я не влюблена, ничего подобного. По крайней мере так мне кажется, да и вообще, это невозможно. Он женат, я приехала сюда на десять месяцев, и мы живем в разных мирах. Но когда я вернулась в свою комнату, где нет ни телефона, ни телевизора, только стопочка книг и тусклый свет, при котором я читаю, я вдруг поняла, до какой степени отрезана от того, что у меня всегда раньше было. Дружеское общение. Мне кажется, с ним оно возможно.

А тем временем я многое от него узнала! Он прочел мне целую лекцию об индо-мусульманском вопросе. Не об истоках проблемы: как англичане по старому принципу "разделяй и властвуй" вбивали клин между индусами и мусульманами, как националистическое движение пыталось всех объединить, но Мусульманская лига откололась и призвала к созданию Пакистана, как в 1947 году страна была разделена надвое и мусульмане получили свое государство. Он рассказывал о нынешних бедах. Ты, наверное, знаешь, Син, что мусульмане составляют 12 % восьмисотмиллионного населения Индии – против 82 % индусов. (Я не уверена, что привожу точные цифры!) После Раздела на протяжении десятилетий в разных частях страны возникали мелкомасштабные проблемы, стычки между общинами, как правило, вызываемые религиозными шествиями или праздниками, задевавшими то одних, то других. Индийское правительство вроде бы научилось довольно ловко справляться с подобными беспорядками, и таких, как Лакшман, учили методикам их контролирования, примерно как аспирантов обучают писать диссертацию. Лакшман говорит, что их учили устанавливать связи между общинами, создавать "комитеты мира", наводить мосты между лидерами религиозных групп. Это внушает надежду, ведь обстановка тут напряженная. Источником напряжения стал какой-то Рам Джанмабхуми, храм, который, по словам индусов, был разрушен могольским императором Бабуром или Бабаром в 1526 году. Этот Бабар (да, как слон из комикса) якобы построил на том месте мечеть, а индусы желают повернуть историю вспять и заново возвести храм на месте мечети. Хотя Лакшман уверяет: доказательств, что там вообще когда-то был храм, не существует. Но для индусских лидеров подобная мелочь значения не имеет, и они организуют митинги и демонстрации по всей стране, призывая своих сторонников доставлять кирпичи на святое место, чтобы потом возвести из них храм...

Но хватит об этом. Как у тебя на личном фронте? Мэтт все еще делает вид, будто того, что между вами произошло, никогда не было?..

Из записок Присциллы Харт

14 февраля 1989 г.

– Не думаю, что я слишком молод для такой работы. В моем возрасте Иисус Христос уже был распят.

Я засмеялась — несколько напряженно, потому что не знала, как отнестись к его заявлению.

— Вы видите себя в роли Мессии?

— Нет, — мгновенно ответил он. — А вы?

Вопрос ошеломил меня.

— Я? Нет! С чего вы взяли?

— Вы приехали в такую глухомань — бросили земные блага: микроволновки, видеотеки, мороженое тридцати сортов, чтобы поселиться в этой индийской дыре и заниматься ограничением рождаемости. Чего ради вы это делаете?

— Пропагандой ограничения рождаемости, — поправила я. — Я только учу — в смысле, рассказываю людям об их правах, о том, что́ они могут и что́ им поможет. Вот и все.

И тут же почувствовала, что словно оправдываюсь.

— Чего ради? Выполняете некую миссионерскую миссию?

— Глупости! То есть, конечно, я христианка, принадлежу к методистской церкви, но сюда меня направила не церковь. — Я начинала горячиться. — Я здесь вообще в качестве научного работника. Провожу полевые исследования. Работа на проекте совпадает с моей темой, и я рада, что могу принести людям пользу.

— Пользу, — повторил он, и глаза его заискрились. — Кажется, это Оскар Уайльд сказал, что стремление приносить пользу — последнее прибежище дурнушек. Однако даже человек с его наклонностями согласился бы, что к вам это не относится.

Я не сразу поняла, а поняв — покраснела. Господи, я зарделась!

— Не знала, что от индийских администраторов требуется знание Оскара Уайльда, — лихо отпарировала я, чтобы скрыть смущение.

— Господи, мы читаем все подряд. Чем еще заняться, когда тебя посылают работать в далекую провинцию? Но Уайльдом я увлекся еще в колледже. В колледже Сент-Стивен. Даже играл в "Как важно быть серьезным". Нас приводил в восторг его язык, и после спектакля мы долго объяснялись "уайльдизмами" — частенько собственного изобретения. Дошло до того, что я перестал понимать, где подлинник, а где подделка. Боюсь, только что сказанное — тоже не цитата, а "лакшманизм".

— С такой Индией мне еще не приходилось сталкиваться.

— С Индией, которая ставит "Как важно быть серьезным"? Которая придумывает фразочки под Уайльда? И считает, что каламбур сильней меча? Значит, вам не встречались выпускники Сент-Стивена. Так сказать, продукция этого колледжа, старейшего колледжа Делийского университета и лучшего учебного заведения Индии, — спросите любого нашего выпускника. При этом заметьте: из колледжа выходит разная публика. Надо свести вас с Гуриндером, нашим главным правоохранителем. Он не поклонник Уайльда, скорей наоборот, но на свой лад еще хуже меня.

Он улыбнулся. Белые зубы так и сверкнули на смуглом лице.

— Дорогая Присцилла, мы такие же индийцы, как беременные женщины, охваченные вашей программой по пропаганде ограничения рождаемости.

Я внутренне усмехнулась.

Улыбчивый парнишка принес нам чаю.

— Митха Мохаммед, Сладкий Мухаммед, — представил его Лакшман. — Чай у него всегда переслащенный. Должно быть, сам сластена, поэтому мы и зовем его Сладким. Если слишком сладко — не мучайте себя и не пейте. Свою чашку он, однако, поднес к губам. Парнишка поклонился, не переставая улыбаться, и вышел.

— Но как же так получилось, что вы не сталкивались с нашими выпускниками? Вы ведь три года жили в Дели?

— Маленькая была. Мне шел пятнадцатый год, когда я... когда мы... уехали. Я училась здесь в Американской международной школе. Из индийских детей знала только тех, у кого родители работали в американских компаниях, или таких, кто по разным причинам учился раньше за границей и в индийскую школу пойти не мог. Знакомые из местных, посещавшие нас дома, приходили без детей. Поэтому из индийцев я знала только нашу прислугу.

— Ужас, — мрачно сказал он, и я подумала, что обидела его.

Но он расхохотался.

— Ужасное детство, Присцилла, обездоленное дитя! Моя несчастная маленькая богатенькая американская девочка!

Он потрепал меня по руке. Рука лежала у меня на коленке. Я опять покраснела, кажется, на сей раз буквально залилась краской.

— Богатыми нас едва ли можно назвать, — ответила я. — Скорее средний класс. Мама преподавала в школе.

— По индийским меркам, Присцилла, американский дворник — богач. Вам известно, какие у нас зарплаты? Вам может показаться, что я живу как король, и в определенном смысле так оно и есть, но с теми деньгами, которые я приношу домой, в Америке я находился бы за чертой бедности и мне бы полагались продовольственные талоны.

Он вроде был доволен, что выказал свою осведомленность об американском образе жизни, в Индии мало кому известном. "А он неплохо разбирается в ситуации, — подумала я, — впрочем, именно это он и старается мне показать".

— Кстати, о продовольствии — а вы не проголодались? Собираетесь куда-то на обед? А то, если вы свободны, уверен, Гита и Рекха будут рады снова вас повидать.

Я возразила: дескать, это неудобно, но он только отмахнулся.

— Какие неудобства, прислуга всегда готовит больше, чем мы в состоянии съесть, так что никаких проблем. Единственное — я должен предупредить Гиту о вашем приходе, чтоб не застать ее врасплох.

Он поднял трубку, поговорил на хинди с помощником, ожидая соединения, улыбнулся мне, потом опять заговорил на хинди, теперь, видимо, с кем-то из домашней прислуги. Я осматривала его кабинет с довольно тягостным чувством — грязноватые стены, казенная мебель, полки, забитые потрепанными папками, косо висящий календарь с аляповатым изображением какого-то индусского бога. Этот человек явно не придает значения окружающей его обстановке. Потом к телефону подошла его жена: он заговорил на скорострельном южном языке, на котором я не понимала ни словечка. Она что-то отвечала, он настаивал, потом положил трубку и криво усмехнулся.

— Послушайте, мне бы не хотелось... — начала я. — Почему нам не отложить...

— Да все в порядке, — заверил он, — просто я позвонил, когда Гита уже уходила в храм. Я забыл, что по вторникам она туда ходит. Но к обеду она нас ждет. Только немного попозже. Не возражаете, если мы пообедаем часика через два?

Я все еще колебалась — не потому, что не хотела продолжить наше с ним общение, а из-за возникших сложностей и еще из-за того, что не знала, куда себя девать. Но тут он неожиданно спросил:

— Вы уже видели Котли?

Я покачала головой.

— Это нужно видеть! Единственная действительно историческая достопримечательность Залилгарха! Вы здесь уже два месяца и так и не видели Котли? — театрально изумился он, поднимаясь из-за стола. — Я просто обязан свозить вас туда. И сумерки — наилучшее время. Увидите, как за рекой садится солнце.

Он взял меня за руку выше локтя, будто помогая встать. Пальцы у него были сильные, но легкие. Мне захотелось, чтобы они подольше не отпускали мою руку.

— Пошли! Прекрасно заполним время до обеда и до встречи с Гитой.

Он позвонил в колокольчик. В кабинет влетел *чапраси,* чтобы донести его портфель до машины, уже ожидавшей внизу.

— У меня велосипед... — неуверенно пробормотала я.

— Можете оставить его здесь. После обеда мой шофер отвезет вас домой, а велосипед воэьмете утром.

"Ну что ж, — подумала я, забираясь в официальный "амбассадор", — вот это мужчина, который успевает продумать все".

Из блокнота Диггза

11 октября 1989 г.

Ясное дело, нормальной гостиницы в Залилгархе нет. Да и на черта она им? Только "номера" для коммивояжеров и шлюх — неопрятные, полные мух комнатенки над ресторанами. Но посольство договорилось, что Хартов разместят в гостевом домике Министерства общественных работ, где обычно останавливаются приезжие чиновники. Началось с неразберихи: мистеру и миссис Харт приготовили одну комнату — местное начальство не известили, что они в разводе. Обо мне не сообщили вообще. Но гостевой домик все равно пустовал, поэтому после выяснения отношений с администратором в форме отчаянного заламывания рук с его стороны и парочки двадцаток из моих рук, нам отперли дополнительные комнаты. Оттуда несло плесенью и пылью, не убиравшейся неделями. Простыни, когда-то белые, не выглажены и в пятнах, но я не сомневаюсь: альтернативный вариант в городе куда хуже. Харт с охотой поверил мне на слово.

После казенного обеда (беседа за столом вымученная, суп паршивый), миссис Харт удаляется на покой. Харт тоже устал — перелет, раз-

ница во времени, визит вежливости в посольство, долгий, тряский путь из Дели. Его лицо, особенно глаза, свидетельствуют о бессонных ночах. Но он настроен поговорить. Мы сидим на веранде в продавленных плетеных креслах, москиты вьются вокруг головы и зудят прямо в уши. Харт пытается отгонять их, я приношу из комнаты баллончик репеллента.

— Спасибо, — смущенно говорит он. — Не было времени подумать об этой штуке.

Я, конечно, об этой штуке никогда не забываю. И о выпивке тоже.

Харт с трогательной благодарностью смотрит, как я извлекаю из сумки бутылку "Джонни Уокера" с черной этикеткой и посылаю служителя за стаканами. Льда нет, но Харта это, похоже, не волнует. Он так сжимает свой стакан, что я радуюсь прочности казенного стекла — тонкостенный лопнул бы и изрезал ему ладонь. Так мы сидим, в полутьме, чуть разгоняемой тусклым светом одинокой лампешки под металлическим колпаком (угрожающе меркнущей и вспыхивающей от вечных скачков напряжения), вокруг кружатся москиты, дуреющие от нашей близости и отвращаемые запахом химикатов. И мы разговариваем. Точнее, говорит Харт, а я слушаю вместе с незаметно включенным диктофоном.

Харт — Диггзу

11 октября 1989 г.

Понимаете, я сам просился в Индию. На работе не могли взять в толк: за каким чертом ты рвешься туда? — спрашивали в Атланте. Кока-кола в Индии продавалась вполне прилично, но возглавлял дело индиец по имени Кисан Мехта. Он занял этот пост в шестьдесят четвертом и с того времени работал один, если не считать заезжих пожарников-американцев — вы понимаете, кого я имею в виду, да? Проверить то, посмотреть это, а главным образом, напомнить местным управляющим и дистрибьюторам, что за ними надзирает громадная транснациональная корпорация. Начиная с шестидесятых компания не отправила на постоянную работу в Индию ни одного американца.

Но я проявлял такую настырность, что в конце концов руководство согласилось. В 1976-м, под самое Рождество, меня назначили директором по маркетингу в Индии. Я их убеждал, что хорошая порция доброй американской энергичности и владение современными маркетинговыми технологиями — это все, что нужно для серьезного увеличения продаж. Дела в Индии шли неплохо, но я был уверен, что смогу добиться серьезного увеличения продаж.

Я много слышал про Индию еще до того, как туда засобирался, — мои родители были миссионерами в этой стране. И обожали ее — Тадж-махал, "Книга джунглей" и так далее, сами знаете. Они и меня назвали Редьярдом в честь Киплинга! Правда, к тому времени, как я появился на свет, родители уже работали в Китае, но их одолевала такая ностальгия, что в стране Перл Бак им снились бенгальские уланы! Миссионерство в Китае кончилось, когда там начался коммунизм, так что рос я главным образом в Штатах, но родительские мечты об Индии прочно засели во мне, и я от них так и не избавился.

Катарина — должен признать — была не в восторге. В свое время я хотел, чтобы мы с ней провели медовый месяц в Индии, но она заявила, что никуда не поедет, и дело кончилось Ниагарой. Ей вообще наши поездки за границу никогда не нравились. Любым экзотическим приключениям Катарина предпочитала привычную жизнь в Штатах со своими книгами, со своей школой. Она сомневалась, что сможет найти работу в Индии, боялась, что переезд плохо отразится на учебе детей. И долго противилась, но я гнул свое. В конце концов она сдалась.

Мы приехали в Индию в начале семьдесят седьмого, в первых числах января. Я был счастлив, мне все нравилось. Стояла чудная погода — нежаркая и солнечная. А на дворе январь. Правительство произносило правильные речи о необходимости открыть индийскую экономику для иностранных инвестиций. Раньше-то миссис Ганди была по отношению к Америке настроена враждебно. Помните, как в середине семьдесят пятого она объявляла чрезвычайное положение и утверждала, что ЦРУ старается дестабилизировать ее правительство? Но когда ее оппоненты оказались за решеткой, а пресса под цензурой, она очень даже оттаяла.

Были и настораживающие сигналы. В 1973 году в Индии был принят новый закон: Акт о регулировании иностранной валюты, нам надо было пройти новую регистрацию, чиновники тянули с ответом — все как всегда у страны, помешанной на формальностях и бюрократических процедурах, — вы же знаете индийцев: у них крючкотворство в крови.

Правда, против нас велась довольно активная политическая кампания.

В Атланте казалось бредом, что кока-кола, безалкогольный напиток, вообще может быть предметом политических разногласий. Конечно, всегда находились истеричные леваки — в Латинской ли Америке, или в Индии, — которые вопили, что кока-кола — инструмент ЦРУ, но нынешние нападки были прямо-таки абсурдны. Кто-то заявил в парламенте, что компания "Кока-кола" "ограбляет", видите ли, Индию, что она "подрывает здоровье индийцев". Пылкий социалист по имени Джордж Фернандес требовал, чтобы ему объяснили: "что мы за страна такая, если в городах продается кока-кола, а в деревнях нет чистой питьевой воды?!"

Но нас это не беспокоило. У нас бывали ситуации и похуже — когда в 1949—1950-м во Франции пытались запретить кока-колу, и это чуть не привело к торговой войне! Мы были в состоянии справиться с нашей квотой националистической левацкой истерии.

Тем временем миссис Ганди отменила чрезвычайное положение и объявила выборы.

Индира практически была диктатором, двадцать два месяца она правила страной по законам чрезвычайного положения, а теперь — пожалуйста, дает жертвам диктатуры право решать, может ли она и впредь их тиранить!

Миссис Ганди проиграла на выборах, и к власти пришло новое коалиционное правительство. И угадайте, кто был назначен министром промышленности в новом кабинете? Обожаемый нашей компанией индийский политик Джордж Фернандес, который без проволочек взялся за иностранные компании. И первыми жертвами стали

АйБиЭм и "Кока-кола". От нас он потребовал, чтобы мы "индианизировали" нашу деятельность, а главное — передали индийцам нашу секретную формулу. В противном случае компании не разрешат работать в Индии. Мы отказались. Пол Остин сделал заявление: "Если Индия хочет иметь кока-колу, то получать ее может только на наших условиях". Ну а Индия — во всяком случае в лице своего правительства, — не пожелала пить кока-колу на наших условиях. В августе 1977 года, через семь месяцев после моего приезда, нам было отказано в регистрации. Правительство распорядилось свернуть нашу деятельность в Индии.

Скажу вам прямо, Рэнди, — удар был зубодробительный. Не только в профессиональном плане, хотя и это было тяжко.

Я сорвал с места семью, притащил жену с детьми на край света, а оказалось, напрасно. Жизнь в Дели только как-то наладилась, дети в школу пошли, какой смысл тащить их обратно? Да и не больно-то я мог рассчитывать, что в Атланте мне предложат что-то получше. Плюс — вопрос профессиональной чести. Компания оставляла в Индии несколько сотрудников для ликвидации дел, в том числе для урегулирования бесконечной тяжбы по поводу одного акцизного сбора, и я вызвался остаться. Мне казалось, что если есть какой-то нетривиальный способ возвращения компании в Индию, то я — именно тот человек, который его найдет. И еще отчаянно хотелось оправдать свое решение уехать в Индию.

И мы остались. Мой старший сын Ким кончал школу, и компания разрешила мне остаться в Дели до завершения его учебы — и, конечно, не возражала против попыток вернуть ее в Индию. Катарина устроилась на работу в Американскую международную школу. Платили гроши, но по крайней мере ей было чем занять себя, чтоб не все время злиться на Индию и на меня. Младший, Лэнс, был несколько заторможенным — таких, как он, нынче называют неспособными к обучению, и ему было хорошо везде. А вот на Присциллу Индия произвела сильное впечатление. Ей было двенадцать, когда мы приехали, она начала взрослеть и эмоционально созревать, и все это происходило как раз в Индии. Я не принимал ее в расчет, когда решал, уезжать нам или оставаться, только теперь понял, что о ней-то и нужно было подумать в первую очередь.

Да, спасибо, выпью еще. Не было времени сообразить, что надо запастись выпивкой. Хорошо, у вас нашлась. Нет, можно без содовой. Я люблю чистый виски. На самом деле, спиртное меня не берет. Только болтать начинаю.

В профессиональном смысле я провалился полностью. Теперь это можно признать, хотя в то время я убеждал себя и Атланту, что вот-вот пробьюсь. Следуя мудрым советам нашего ветерана Кисана Мехты, я придумывал один тактический ход за другим, но ни один не сработал.

Одна идея, которая меня осенила, заключалась в использовании стратегии "Пепси-колы" в Советском Союзе. Помните, как "Пепси" проскользнула за железный занавес, а мы так и остались у Советов в черном списке? "Пепси" предложила сделку баш на баш: они распространяют в Америке некий советский продукт, в данном случае водку, в обмен на разрешение распространять свой продукт, пепси-колу, в СССР. В Москве это сработало, но в Дели у "Коки" ничего похожего не получилось. Я

предложил — в обмен на возобновление наших операций в стране, — используя опыт и возможности "Кока-колы", открыть в США сеть магазинов и продавать изделия индийских ремесленников, что приносило бы в казну Индии большие экспортные доходы. Индийская бюрократия размышляла без малого три месяца — и послала нас куда подальше.

Я не сложил руки, Рэнди. Все три года моего пребывания в Индии я бился за возвращение кока-колы на индийский рынок — в ситуации наибольшего неблагоприятствования. Какая ирония — нас клеймили как орудие западного империализма в то время, как старые империалисты так и перли в Индию и начинали там хозяйничать. Мы изо всех сил стараемся, обхаживаем власти, придумываем, как еще угодить им, умоляем позволить нам вернуть Индии удовольствие от кока-колы. И это империализм?

Тогда я взялся за другое — потратил чёрт знает сколько времени, нанял кучу юристов, чтобы разработать схему учреждения индийской компании, в которой "Кока" владела бы только сорока процентами, — конечно, мы бы, как и прежде, производили концентрат сами, но передавали его по себестоимости новой компании.

Я добился некоторого успеха, власти проявили интерес к моей идее, но тут выяснилось, что родная компания лишает меня поддержки. Атланта не рискнула сделать столь нестандартный шаг ради тех прибылей, на которые могла рассчитывать в Индии. Один из высоких чинов прислал мне строгую служебную записку: "Кока-кола — продукт, затребованный в разных странах по всему миру. Мы не станем ронять свой престиж, прогибаясь ради удовлетворения каждого безрассудного требования каждого несговорчивого правительства". Каждого безрассудного требования каждого несговорчивого правительства. Забыть не могу эту фразу. Слова будто выжжены в моем мозгу. На них-то я и сломался.

Я, конечно, не мог уехать из Индии, пока Ким не завершит образование, но больше не работал — только изображал деятельность. Нашел другой способ занять себя. Впрочем, какого черта, все равно эта история всплыла во время бракоразводного процесса, так что могу рассказать и вам.

Я завел роман. Самый банальный роман, Рэнди, какие только бывают. С собственной секретаршей.

Стыдно теперь вспоминать, да и тогда было как-то неловко, но я был ослеплен страстью настолько, что не замечал постыдности этой истории. Это во мне отпрыск миссионеров говорит. Семейная жизнь с Катариной превратилась в привычку. Привычка бывает и комфортной, но в нашем браке было слишком много трений и взаимного раздражения. Я должен был главенствовать в семье — я решал, как нам поступать, где и как жить. Жена вечно спорила, но всегда сдавалась. Наверное, в ней накапливалось раздражение, но я был слишком поглощен работой и ничего не замечал. С другой стороны, Катарина перестала меня привлекать. Эти незыблемые ценности среднего класса — практичная одежда, чувство долга, умеренность во всем — мне до смерти наскучили. Мы все реже засыпали в объятиях друг друга, но ее, похоже, это устраивало...

А меня — нет. Но с ней спать мне не хотелось. На самом деле, мне недоставало настоящего секса. Возбуждения от узнавания женского тела,

которое раскрывается, отзываясь на твои прикосновения, обладания возлюбленной так, как ею никто никогда еще не обладал. Вот чего я искал, и все это я нашел в Нандини.

Она была экзотична, Рэнди, именно экзотична. Она входила в офис в нарядном сари, сверкая украшениями и благоухая розовым маслом. Руки безупречно ухожены, из прически не выбивается ни волосок. Улыбалась мне ослепительной улыбкой, слегка поблескивая неровными зубками, говорила по телефону на том английском, которому учат девочек в монастырских школах Индии, с той особой интонацией, которой только они и владеют. И сводила меня с ума. Я звал ее к себе, диктовал пустые, повседневные письма, потом требовал прочитать мне их вслух, только чтобы услышать ее голос, от которого мои слова становились волшебными. И, не скрою, чтобы смотреть на нее.

Вы когда-нибудь испытывали притяжение экзотики, Рэнди? Ладно, можете не отвечать. Только налейте мне еще. А себе? Уверены, что не хотите? Так на чем я остановился? Да, Нандини. Она была совершенно не похожа на Катарину. Существо другой породы. Носила тесные блузки без рукавов, которые открывали глазу ложбинку между грудей всякий раз, как сари соскальзывало с плеча, когда она поворачивалась или наклонялась поднять что-то с пола. Ну и само сари, конечно! Это отдельная тема, Рэнди. Сари позволяет женщине разом осуществить ее извечное желание скрыть одно и показать другое! Сари способно так очертить женскую фигуру, утаив все недостатки, как юбке и не снилось. Под сари можно спрятать тяжелый зад и непривлекательные ноги и продемонстрировать изящную середину торса, чего не позволяет ни один западный туалет. Меня завораживал вид ее пупка над складками сари, изгиб талии там, где она расширяется к бедрам. Эта выпуклость над бедром — для меня самое сексуальное местечко женской анатомии. А тут — мне даже не нужно было раздевать ее, чтобы прийти в возбуждение. Голова кругом шла.

Я видел, что ее тоже влечет ко мне. По ее улыбкам, голосу, по тому, как она на меня смотрела. И не в том было дело, что она старалась подольститься к боссу, нет. Она подавала мне недвусмысленные сигналы.

Я не сразу их расшифровал. Но однажды, дело было вечером в моем офисе, это просто случилось — как такие вещи и случаются.

Она стояла на моей стороне письменного стола и через мое плечо читала документ, который требовалось перепечатать. Я пояснял свои исправления, она следила за мной и делала пометки в блокноте. И нечаянно уронила карандаш прямо мне на колени. И инстинктивно потянулась за ним.

Я удержал ее руку, накрыв своей.

— Мне нравится, что она тут, — сказал я.

Не бойтесь, я не пьян. Я умею пить. Одно время я даже сидел на индийском скотче, если можно так выразиться. Пойло называлось "заграничное спиртное индийского производства". Вы только вдумайтесь: "заграничное спиртное индийского производства". Но все лучше, чем тот паленый виски, за который бутлегеры драли втридорога. В те времена в Индии продавалось больше "Джонни Уокера", чем производилось в Шотландии, это я вам точно говорю. Ладно, наливайте.

Хорошо, что при этом свете мне не видно вашего лица, Рэнди. Не могу найти себе оправдания — тогда-то я его не искал. Хотел ее, и все. А поскольку мне мало что удавалось, Нандини стала для меня источником абсолютного удовлетворения.

Ее рука шелохнулась под моей, но не вырываясь, а поглубже зарываясь между моих ног.

— И мне нравится, что она тут, — сказала Нандини.

Она опустилась на колени, и я почувствовал запах розового *аттара*. Ощутил нажатие ее неровных зубок, движение изящных пальчиков по моему бедру и — очутился в другом мире. Голова кружилась от наслаждения, ощутимого и воображаемого...

Вот так это началось, Рэнди. И продолжилось безумно, неостановимо. Везде, где только удавалось. В гостиничных номерах, которые компания заказывала для приезжающих из Атланты, во время служебных командировок, куда раньше никто не брал с собой секретарей. И, конечно, в офисе, на диване, на который я обычно усаживал посетителей.

А однажды на моем рабочем столе. Я вернулся к себе после на редкость тяжелой встречи с самодовольным чиновником, именовавшимся Инспектор по ценным бумагам и иностранным инвестициям, выслушав высокомерную отповедь: я, де, напрасно навязываю Индии то, что правительство считает "несущественным продуктом".

Нандини проследовала за мной и плотно закрыла дверь офиса.

— Неудачный визит? — мягко спросила она, принимаясь растирать мне затылок, в котором пульсировал напряженный узелок боли.

Я повернулся и с силой впился ей в губы, она задыхалась, я терзал ее рот, все глубже проникая в него языком. Без единого слова повалил ее на стол, одной рукой дернул молнию брюк, другой задрал на ней сари и нижнюю юбку, грубо вошел в нее. Она покорилась мне полностью, вся целиком, и это было главное... Глаза закрыты, голые руки откинуты назад, ноги свисают со стола. Я на ней, в ней, до самой глуби в ней, я победитель. Так продолжалось недолго, но именно в эти мгновения ко мне вернулось ощущение того, кто я, где я и зачем я здесь.

Прости, Рэнди. Дерьмом меня считаешь? Когда я заново проживаю эти минуты, мне тоже иногда кажется, что я и впрямь законченный мудак, каким Катарина представила меня в суде.

Задним числом легко увидеть, с какой неотвратимостью приближался конец. А тогда я был способен думать лишь об одном — как бы нам получше устроиться. Нандини извелась от необходимости вечно прислушиваться к звукам за дверью офиса, вечно торопиться освободить гостиничный номер, вечно опасаться слежки. Говорила, что хочет быть наедине со мной, не нервничая и не считая минут. Встречаться у нее было невозможно, и не только потому, что она была замужем, — она жила вместе с престарелой матерью, которая не выходила из дома. Оставался мой дом. И тогда я внес в это безумие систему. Как никогда прежде стал интересоваться жизнью семьи: узнал, сколько часов жена проводит в библиотеке, когда у Кима уроки музыки, когда отдыхает прислуга. Выяснил, что по понедельникам, средам и пятницам дома никого не бывает с часу до половины четвертого, ну, плюс-минус полчаса.

В эти дни я отпускал шофера и сам вез Нандини домой, уверенный в своей полной безопасности. Нандини это очень нравилось — не-

житься в огромной американской кровати, которую мы с Катариной провезли через полмира, обозревать себя и меня нагишом в зеркале в полный рост, наслаждаться бесшумной эффективностью кондиционера. А что испытывал я, кувыркаясь с секретаршей в кровати, где через несколько часов будет спать, обратив ко мне спину во фланелевой ночнушке, женщина, на которой я женат двадцать лет? Если не врать себе, то вовсе не уколы совести, как мне позже хотелось бы думать, а возбуждение и удовольствие от возвращения супружескому ложу его законных функций.

К тому времени, как мы стали встречаться у меня дома, дела уже шли к своему естественному завершению. Ким кончал учиться, а я уже был готов признать поражение, известить Атланту и получить назначение на новую работу в другом месте. Нандини начинала задавать вопросы о нашем будущем, я же строил наши отношения, не думая о завтрашнем дне. Ясно было, что Нандини заглядывала значительно дальше. Она уже видела себя в супружеской постели и теперь внушала себе, что это ее законное место. Мне стало казаться, что я попал в западню.

Однажды ночью Катарина принюхалась к простыням и заподозрила служанку в том, что та ложится днем прикорнуть в нашей спальне. Разобиженная служанка так клялась в своей невиновности, что Катарина поверила в немыслимость своих предположений. Но скоро ей стало приходить на ум кое-что другое.

Ты считаешь это постыдным, Рэнди? Вряд ли, вы, журналисты, — народ толстокожий. Уверен, ты и похуже вещи слыхал. Но это — особый случай, пойми. Фокус в том, что я как выпью, так начинаю болтать. А сейчас и вовсе... У меня одно осталось. Слова.

Давай допьем. Прикончим бутылку.

Ну вот, у Катарины появились подозрения. Но обнаружила, что происходит, не моя жена. Присцилла обнаружила. Да так, что хуже некуда. Присцилла вошла в индийскую жизнь глубже, чем остальные члены семьи. Ким был занят школьными друзьями и экзаменами, у Лэнса образовался свой круг — американские мальчики, как и он свихнувшиеся на комиксах, которыми они без конца обменивались; Катарина занималась преподаванием и хозяйством; я был поглощен работой и романом с Нандини. Одна Присцилла проявляла интерес к индийцам — и не к горстке американизированных отпрысков богатых семей, с которыми училась, а к тем, кого она звала "настоящие индийцы". Сначала она взялась учить грамоте наших слуг и стала после ужина давать им уроки чтения. Однажды она пошла домой к нашему садовнику и вернулась с рассказами об ужасающей нищете, в которой жило его семейство. Я был вынужден удвоить ему зарплату. После этого вся наша прислуга наперебой приглашала ее в гости.

Присцилла была самым активным членом школьной лиги социальной помощи. Присцилла вызывалась читать вслух слепым детям, Присцилла ходила по воскресеньям помогать в католическом приюте для сирот. Среди ее знакомых не было ни одного индийца, окончившего колледж или занимавшего приличный пост, зато она действительно помогала обездоленным.

Так что, когда младший сын прачки, который, помогая отцу, таскал узлы с бельем, в среду пришел к нам, еле держась на ногах, то Присцилла не позволила ему уйти. Я уже был на работе и узнал все это поз-

же. Прачка запротестовал, говоря, что не может отвести ребенка домой, пока не обслужит клиентов. Тогда Присцилла заявила, что даст мальчику аспирин и закутает его в одеяло, а отец заберет сына, когда закончит работу. И что типично для Присциллы — прибежала из школы пораньше, чтобы узнать, накормила ли прислуга ребенка и как он себя чувствует.

Знал бы я свою дочь получше, не оказался бы, когда Присцилла открыла дверь спальни, нагишом на голой Нандини, которую как раз перевернул на живот и подскакивал на ней, как ковбой на кобыле.

Она даже не вскрикнула. Не хлопнула дверью. Не убежала. Застыла в дверях, широко раскрыв глаза, ничего не понимая и не желая понять. Я увидел ее и замер от стыда, от унижения, от ужаса.

— Радди, ну же!

Нандини, не открывая глаз, выгнулась и встала на четвереньки, ничего не замечая.

Услышав ее голос, Присцилла вздрогнула. Зарыдала.

— Присцилла!

Я оторвался от Нандини, хотел спрыгнуть с кровати, но надо было прикрыть наготу, заметался...

— Не подходи ко мне! — вскрикнула Присцилла. — Не смей! Ненавижу тебя!

Дальше все смешалось. Визг Нандини, штаны, которые никак не надеваются... Присцилла с криком бежит по коридору, я, путаясь в штанах, за ней, она вылетает на улицу, я за ней, полуголый и босой, хватаю ее, она вырывается, заходится в рыданиях, колотит меня кулачками. Визжат тормоза, из машины выскакивает жена, тоже вернувшаяся пораньше, чтобы проверить свои подозрения. И семейная жизнь оседает на меня, как палатка...

Лакшман — Присцилле Харт

27 февраля 1989 г.

Я чиновник, я не политолог, но, на мой взгляд, в Индии пять источников разногласий — языковой, региональный, кастовый, классовый и религиозный.

Все просто: в Индии есть тридцать пять языков, на каждом из которых говорят больше миллиона человек, и пятнадцать, на каждом из которых говорят больше десяти миллионов. В Конституции упомянуто семнадцать. Вот, смотрите — рупия. На банкноте слова "одна рупия" написаны на семнадцати языках, да еще и разными алфавитами. Язык естественным образом объединяет говорящих на нем и отдаляет от говорящих на других языках. Хинди считается государственным языком, но полстраны на нем не говорит и настороженно относится к любой попытке его навязать. В Тамилнаду, откуда я родом, проще спросить дорогу на английском, чем на хинди.

Значит, язык разделяет. Вдобавок, в первое десятилетие нашей независимости правительство реорганизовало штаты по языковому

принципу. Носители многих языков получили собственные политические образования, которые призваны стать выразителями их лингвистической самобытности. В Пенджабе говорят по-пенджабски, в Бенгалии по-бенгальски, в Тамилнаду по-тамильски и так далее. В результате в Республике Индийский Союз мы имеем двадцать пять штатов, превращающихся в этнолингвистические образования, которые способствуют росту регионального патриотизма — за своими границами тоже.

В Северной Индии существует "пояс хинди" — перенаселенный, безграмотный, бедный и требовательный, который вызывает неприязнь в более продвинутых и более зажиточных южных штатах. А заброшенный северо-восток считает и северян, и южан чужими, которым дела до него нет. Существует реальный риск отчуждения северо-востока, особенно в связи со сосредоточением власти в Дели, отчего отдаленные штаты ощущают себя окраиной, платящей дань Северу.

Теперь касты. По существу, кастовая система — чисто индусское явление, но никак нельзя сказать, что человек избавляется от своей касты, если переходит в другую веру, даже в религии эгалитарные, такие, как сикхизм, христианство или ислам. В стране сотни каст и подкаст, но в принципе их можно сгруппировать в четыре главные: это брахмины — священнослужители и люди знания (что в старину было одно и то же), кшатрии, которые были воителями и царями, вайшьи — земледельцы и купцы, шудры — ремесленники и люди физического труда. Вне кастовой системы находились неприкасаемые: они занимались черной работой и всем тем, что "оскверняет" других — они мусорщики, они подметают улицы, выносят помои, моют сортиры и собирают золу погребальных костров. Махатма Ганди пытался повысить их статус и дал им имя хариджанов — детей Божьих, но со временем они расслышали в этом слове оттенок снисходительности и теперь называют себя далитами — задавленными. Любопытная деталь, которая зачастую остается незамеченной: три высшие касты охватывают менее двадцати процентов населения. Есть над чем задуматься.

Следующее — классы. Классовое деление не совпадает с кастовым, потому что можно быть бедным брахмином или богатым вайшьей, но, как и в случае с кастами, огромное большинство индийцев составляют низы общества. Привилегированная элита — в лучшем случае — около пяти процентов, средний класс — процентов двадцать с лишним, все остальное население — это низы общества. Легко понять, почему коммунистические партии решили, что Индия созрела для революции. И, конечно, были неправы, а одна из главных причин их ошибки (были и другие серьезные причины, я потом вам объясню какие) заключалась в том, что они недооценили фатализм индийской бедноты, ее готовность мириться с тысячелетними устоями.

Пятый источник противоречий Индии — религия. Именно на индуизме прочно держится социальное равновесие, ибо каждый индус твердо верит, что его беды — расплата за то, что он натворил в минувшей жизни, а за мытарства в этом мире ему воздастся в следующей жизни — если только он не будет возмущаться, а будет хорошо себя вести и безропотно принимать все, включая несправедливость. Это наилучшее противоядие марксизму. Кстати, хорошо бы знать: сколько мусульман —

с их предрасположенностью к эгалитаризму — было среди лидеров компартии до Раздела. И сколько брахминов — с их естественной тягой к диктатуре, пусть даже и пролетариата. Но религия порождает и то, что в Индии зовется "коммуналистом", — своего рода религиозный шовинизм, который нередко перерастает в нетерпимость и выливается в насилие против инаковерующих. А на земле Индии представлены почти все религии, какие только есть на свете, за исключением, пожалуй, лишь синтоизма. На протяжении нашей истории каких только столкновений на религиозной почве здесь не было: индусов с мусульманами, мусульман с сикхами, сикхов с индусами, индусов с христианами.

Вам, наверное, кажется, что при наличии такого множества противоречий Индия должна бы неминуемо расколоться на части. Отнюдь нет. Индия опровергла все предсказания распада. И главная причина именно в том, чего не приняли во внимание коммунисты. Они недооценили устойчивость индийской демократии, которая дает всем — самым обездоленным, самым недовольным — шанс добиваться исполнения своих надежд или осуществления амбиций внутри общей системы. Сегодня на юге, в Тамилнаду, и на северо-востоке, в Мизораме, министрами стали вчерашние сепаратисты. Хотите агитировать в поддержку языковых прав или в защиту угнетаемых племен? Нет проблем, нужно лишь творчески подойти к идее федерализма и дать возможность крикунам управлять автономиями в рамках федерального штата... Леваки-наксалиты рубят головы крупным землевладельцам в Бенгалии? Тоже не проблема, стоило уговорить коммунистов пойти на выборы — и сегодня прокитайская компартия уже больше десятка лет стоит у власти в Бенгалии. Неприкасаемые хотят положить конец трехтысячелетней дискриминации? Отлично, им предлагается первая в мире программа компенсации за дискриминацию с гарантиями не только возможностей, но и результатов — квоты для неприкасаемых в университетах и на государственной службе и даже предоставление им восьмидесяти пяти мест в парламенте. Мусульмане чувствуют себя "затравленным меньшинством"? Нехорошо. Им нужно разрешить собственное Персональное право, никоим образом не вмешиваться в их образ жизни, сколь ретроградным бы он ни был, и даже пойти на государственное субсидирование ежегодных паломничеств в Мекку.

Вам кажется, что в моем изложении все выглядит слишком просто? Поверьте, это совсем не просто. Из-за каждой из этих проблем проливалась кровь и гибли люди. Но базовый принцип действительно прост. Дать каждому почувствовать себя таким же индийцем, как и все прочие, — вот в чем секрет. Доказать, что демократия защищает многообразие индийской самобытности, что человек может быть хорошим мусульманином, хорошим бенгальцем и хорошим индийцем одновременно.

Это работает, Присцилла. Мы выдали путевки в мечту, в мечту о невероятной, многоязыкой, многоцветной, многоконфессиональной стране. Со временем демократия решит проблему сикхов в Пенджабе и даст единственно правильный ответ, который удовлетворит индийских мусульман.

Но кто, спросите вы, допустил подъем воинственного индуизма, который угрожает самой основе той Индии, которую я вам описал?

14 февраля 1989 г.

Машина остановилась там, где кончалась дорога, у ржавых ворот с табличкой, запрещающей въезд без особого разрешения. Водитель достал из бардачка карманный фонарик и пошел открывать ворота. Ворота жалобно заскрипели. За ними виднелась заросшая зеленью дорога, спускавшаяся к реке.

— Все в порядке, — сказал Лакшман шоферу, — оставайся в машине. Мы скоро вернемся. Фонарик дай мне.

Водитель явно обрадовался, хотя у него и отобрали фонарик, оставив одного в быстро сгущающихся сумерках.

— Наверняка будет дрыхнуть, пока мы не вернемся, — весело заверил меня Лакшман.

— Расскажите мне про это место. Кажется, оно называется Коти?

— Котли, — поправил Лакшман. — Никто толком не знает, откуда это название. "Котл" значит крепость или замок, а "котли" — дворец... Эта удивительная груда развалин представляет собой нечто среднее между тем и другим. Ее поколениями называли Котли, и она всегда была грудой развалин, она старше всего, что находится в Залилгархе и окрестностях.

— Сколько же она простояла?

— Кто ее знает? — ответил он. — Говорят, это сооружение тринадцатого или четырнадцатого века. Кажется, в Археологическом управлении Индии есть на этот счет какие-то документы, но сам я их не видел. Одно могу сказать — развалины древние. И заброшенные.

— Почему? Почему не открыть их для туристов?

— Для туристов? — рассмеялся Лакшман. — Туристы в Залилгархе? Милая Присцилла, сомневаюсь, что в Залилгархе побывал хоть один турист после 1543 года, когда прокладывался Великий колесный путь и Шер Шах Сури разбил здесь на одну ночь свой шатер! Сами подумайте — зачем туристу Залилгарх? Даже вы здесь не в качестве туриста.

Он неожиданно схватил меня за плечо.

— Осторожно! Под ногами полно обломков, ничего не стоит вывихнуть щиколотку!

Руку он сразу же убрал.

— Котли стоит здесь с незапамятных времен, как и множество других руин, разбросанных по Индии, — продолжил Лакшман, — когда-то земля отсюда до самой реки принадлежала старому навабу, потом перешла в собственность правительства, так что никто не имеет права здесь строить. Да и желающих нет. Место глухое, от города далеко, поблизости ничего нет. И еще слухи о привидении.

— О привидении?

— Рассказывают, что владелец Котли был убит в собственной постели собственной женой и ее любовником. Но он не позволил им насладиться плодами злодейства. Он остался в замке, расхаживал по коридорам и покоям, стеная, вскрикивая и скрежеща зубами, пока убийцы не бежали в ужасе. После этого никто не решался поселиться в Котли, и замок пришел в запустение.

— И что же, привидение все еще здесь?

— В Индии, Присцилла, мифы и легенды живут долго.

— В отличие от людей, — брякнула я.

Мне просто хотелось сострить, поддержать разговор в его тоне, но я сразу же об этом пожалела.

— В отличие от людей, — с расстановкой повторил он. — К чему вы это сказали, Присцилла? Вам привелось видеть здесь много смертей, видеть, как умирают? Мне-то казалось, в последние годы Залилгарх живет достаточно спокойной жизнью. Ни одной вспышки насилия с тех пор, как я здесь. И процент детской смертности у нас снижается.

— Знаю, — заторопилась я. — Простите, я сказала глупость.

— Нет, не глупость, — мягко возразил он. — В этой стране приходится сталкиваться с множеством бессмысленных смертей и страданий, которых можно было бы избежать. Но, поверьте, положение меняется.

Мы шли в молчании. И вдруг — силуэтом на фоне буйного закатного неба — я увидела Котли, сине-черное полотно, забрызганное яростным шафраном заходящего солнца.

Да, без сомнения, руины. Но руины мощные и прочные. Четкий каменный прямоугольник Котли составлял резкий контраст с гибкой ветвистостью деревьев, непокорностью кустарника и плавно струящейся на заднем плане рекой. В вечернем свете он походил на кулак, поднявшийся из земли.

— Войдем, — предложил Лакшман, включая фонарик.

Я продвигалась осторожными шажками, выбирая куда ступить среди обломков, завалivших проход, но, как и следовало ожидать, потеряла равновесие и чуть не упала. Лакшман быстро подхватил меня, но сразу же отпустил. Мы двинулись дальше, и вот тут он взял меня за руку.

— Идемте со мной, — зачем-то сказал он; теперь его голос напоминал горячее вино с пряностями.

Он крепко держал мою руку в своей. В мягкой руке, никогда не державшей инструмента тяжелее авторучки. В отличие от других, знакомых мне мужских рук, эта никогда не стригла газон, не мыла посуду, не проносила мяч через линию гола. Рука ребенка из хорошей семьи в стране, где понятие "хорошая семья" означает постоянное наличие других рук, готовых носить тяжести и выполнять всякую неприятную работу. Но в этой мягкой руке ощущалась сила, от нее исходила уверенность, и я держалась за эту руку, радуясь, что полумрак не дает ее владельцу видеть, как горят мои щеки.

Мы вошли в Котли. От пола ничего не осталось, только трава и гравий на месте былых роскошных ковров, наверняка устилавших полированные плиты. Луч фонарика заплясал по стенам и потолку.

— Смотрите, — выдохнул Лакшман, и луч повел меня к островку мраморной облицовки, сохранившему все еще различимые линии декоративной фантазии мастера. Луч очертил сводчатые линии чего-то, похожего на неф, передвинулся на изящный каменный узор над окном, задержался в нише, где мог бы стоять масляный светильник.

— Поразительно...

— Поднимемся наверх, — заторопился Лакшман, — пока солнце еще не село.

Он потянул меня к лестнице.

Часть крыши давно обвалилась, и второй этаж представлял собой длинное открытое пространство, завершавшееся невысокой стеной с зубцами. Я шагнула к ней — захотелось постоять на краю под ветром, треплющим волосы, посмотреть на закат над рекой. Но рука Лакшмана задержала меня.

— Нет, — сказал он, — не здесь. Есть место получше.

И повел меня направо, под остаток крыши. Фонарик высветил тускло блеснувший висячий замок на деревянной двери, явно не имеющей отношения к старине.

— Ключ только у начальства, — засмеялся Лакшман, доставая из кармана связку.

Повернул ключ, снял замок и толкнул скрипучую дверь.

— За мной!

Мы оказались в маленькой комнатке — не больше ризницы — с прямоугольным отверстием в левой стене наподобие окна, обрамившим, словно картину, вид на реку и закатное небо.

— Садитесь, — предложил Лакшман, указывая на каменную плиту.

Я осторожно опустилась на плиту в алькове, где раньше, должно быть, стояла кровать. Лакшман уселся рядом, удобно скрестив ноги. На его лице появилось выражение, которого раньше я не замечала, — он казался взволнованным.

Волнение слышалось и в голосе:

— Теперь смотрите...

Он указал лучом направление и сразу выключил фонарик.

Я взглянула и обмерла: прямо перед нами на стене висело зеркало. Время местами съело амальгаму, но это было зеркало — серебристый блеск на камне. В наступившей темноте в зеркале засиял закат над рекой.

— Ну, вот вам первый стереозакат!

Я не могла и слова выговорить, звуки будто застряли в гортани. Глядя в яркий прямоугольник окна, я видела, как по темнеющему небу растекается шафрановое пятно, а переведя взгляд — как пылают краски в зеркале. Комнатку заполнял теплый вечерний воздух, густо пропитанный запахами гульмохура и бугенвиллеи. Он смешивался с теплом, исходившим от Лакшмана, сидевшего совсем близко. Я слышала его ровное, спокойное дыхание. Мне чудилось, что я даже вижу его довольную улыбку.

— Нравится? — спросил Лакшман, сжимая мою руку.

Мне хотелось поблагодарить его, но не было слов. Я перевела глаза с пылающего неба над рекой на отражение в зеркале. В жизни не видела ничего прекраснее этой картины. Дурацкая мысль — сегодня Валентинов день, который мне еще никогда не случалось проводить в столь романтической обстановке. И не задумываясь, почти не сознавая, что делаю, я поцеловала его в щеку.

Ну, не совсем в щеку. Мои губы скользнули по уголку его губ, задев шелковистый ус — и это был уже не поцелуй в щеку. Я оказалась в его объятиях, наши губы сами собой слились, я жадно припала к ним, ощущая пряноватый вкус его рта, раскрывая языком его мягкую, влажную тайну, и звук, застрявший в гортани, наконец вырвался громким стоном.

Он оторвался от моих губ, но объятий не разжал.

– Присцилла, – хрипло выговорил он, будто не зная, что еще сказать.

– Лакшман, – откликнулась я, пробуя эти два непривычные слога – столь же непривычные и интимные, как вкус на кончике моего языка.

– Я... мы... я не должен...

Я потянулась к нему, я хотела только прижаться лицом к его груди, но не успела... Страсть и отчаяние в его глазах, и вот уже его руки обхватывают мою голову, веки мои опускаются, и я позволяю ему любить меня.

Из блокнота Рэнди Диггза

12 октября 1989 г.

Встречался с лидером местных шовинистов-индусов, чтобы разобраться в политической составляющей погромов. Зовут Рам Чаран Гупта.

Возраст не определишь – вроде под шестьдесят, но может оказаться лет на десять старше или моложе. Смуглокожий, лицо гладкое, без морщин, сам подобранный, ни жирка, ни складок. Мощная голова, седой ежик вокруг лысины на макушке. Белая *курта-пайджама*. Сандалии. Пальцы ног заскорузлые, а ступни гладкие – видно, не много ходит пешком.

Изъясняется исключительно на хинди, но, подозреваю, английский знает лучше, чем кажется.

Говорят, пользуется большим уважением как человек "умеренных" и "разумных" взглядов, которые он умеет терпеливо излагать.

Провалился на последних парламентских выборах, но может добиться успеха на следующих.

Рам Чаран Гупта – Рэнди Диггзу

(перевод с хинди)

12 октября 1989 г.

Да, это был великий день, я хорошо его помню. Могу точную дату назвать: 15 сентября. День, когда наши лидеры объявили программу "Рам Шила Пуджан".

Вы знаете про нашего бога Раму, героя Рамаяны? Он был великий герой. Царь. Но из-за хитрых интриг мачехи изгнан в леса на четырнадцать лет. Такая несправедливость. Но Рама благородно вытерпел все. Когда он был в лесу, злой демон Равана похитил его жену Ситу и увез ее на остров Ланка. Но Рама вместе со своим братом Лакшманом с помощью обезьяньего войска во главе с богом Хануманом, вторгся на Ланку, победил Равану и привез жену обратно. Великий герой. Я каждый день молюсь ему.

Так вот, бог Рама родился в Айодхье, в трета-юге по индусскому календарю, то есть много-много тысяч лет назад. Айодхья — это город в нашем штате, но далековато отсюда — четыре часа на поезде. В Айодхье много храмов Рамы. Но самый знаменитый — на самом деле теперь уже не храм. Я говорю про Рама Джанмабхуми, место рождения бога. В прежние времена там стоял великий храм. Но, случись вам побывать в Айодхье, никакого храма вы не увидите... А он был, о его великолепии и красоте легенды сохранились. Со всей Индии сходились к нему паломники поклониться Раме. Но мусульманский правитель, могольский император по имени Бабур, не индиец даже, а иностранец из Средней Азии, его разрушил. А на месте храма построил большую мечеть, которая носит его имя, так и называется: Бабри масджид, Бабурова мечеть. Можете себе представить? Мечеть на самом святом для нас месте! Мусульмане молятся Мекке на том самом месте, где родился наш великий бог Рама!

Естественно, индусам тяжело с этим смириться. Что в этом удивительного? А мусульмане что, радовались бы, если бы индусский правитель взял и построил храм Рамы в Мекке? Но что мы могли сделать? Мы столетиями томились под могольским игом. Потом появились англичане, но нам от этого лучше не стало. Мы так надеялись, что в свободной Индии все переменится. Большинство мусульман покинули Айодхью и уехали в Пакистан. Мечеть была больше не нужна. И тут произошло чудо. Группа верующих обнаружила, что во дворе мечети вдруг явилась статуя Рамы. То был явный знак от бога. Его храм должен быть отстроен на священном месте.

Но разве суды станут нас слушать? Там же одни атеисты и коммунисты, которые правят нашей страной, люди, потерявшие свои корни! Они забывают, что англичан здесь больше нет. Они поддерживают английские законы, а не индийское правосудие. Судьи заявили: нет, здесь не имеют права молиться ни индусы, ни мусульмане. Отказались поверить в неожиданное явление статуи, они утверждают, что статую подбросили. И присудили навесить замок на ворота мечети. Вот я вас спрашиваю: это справедливо? Выходит, у нас, у индусов, нет прав в собственной стране?

Мы бились годами, перепробовали все способы восстановления справедливости. Суды нас не слышат. Правительство ничего не делает. Наконец, лидеры моей партии заявили: хватит! Это воля народа — почтить достойным образом место рождения Рамы. Раз правительство не принимает меры — это сделает народ. Мы построим храм.

Из чего, спросите вы. Из кирпичей — из *шила*. Кирпичи доставляют из всех деревень, со всех концов нашей святой земли. На каждом кирпиче имя Рамы. Каждый кирпич освящен на специальном богослужении в местном храме, а затем привезен в Айодхью. Это и есть "Рам Шила Пуджан" — поклонение кирпичам Рамы. Кирпичам для нового, великого храма в честь рождения великого бога-царя.

Какое волнение мы все испытали в тот день! Объявление о начале программы строительства вызвало гордость и радость в сердцах всех индусов. Вся Индия немедленно приступила к работе. В каждой деревне молодые люди принялись обжигать кирпичи, вырезать или писать имя Рамы на каждом, поклоняться этим кирпичам в деревенском хра-

ме. Радостное волнение носилось в воздухе, волнение от ожидания исполнения давней мечты. Готовые кирпичи, прежде чем отправить в Айодхью на строительство храма Рама Джанмабхуми, торжественно проносили через всю деревню.

И мы в Залилгархе тоже выполняем эту программу. Залилгарх не такой уж неприметный городок, как кажется из Дели. В конце концов, это столица области. Так вот, после долгой работы во всех деревнях области мы назначили день большой процессии в самом Залилгархе: субботу тридцатого сентября. Процессия *должна будет* стать венцом областной программы: добровольцы из каждой деревни привезут свои кирпичи, другие соберут готовые кирпичи в каждом городском квартале, мы все вместе, единой процессией пройдем с лозунгами через город, затем отправимся в Айодхью, чтобы сложить кирпичи — недалеко от мечети захватчика. Наконец, после веков безысходности, мы восстановим справедливость.

Мы собирались отстроить храм.

Как мы готовились к этому дню! Молодежь трудилась не покладая рук: мы делали флаги и флажки, печатали плакаты, рисовали транспаранты. Портные Залилгарха работали по ночам, чтобы успеть сшить для участников процессии рубахи священного шафранового цвета. А кирпичи! Они были прекрасны — красные кирпичи, цвета крови, которую мы готовы пролить во имя великого бога, с его именем, крупно выписанным белыми буквами на каждом кирпиче. Мы готовились к большому событию. Как это у вас по-английски? Памятный день.

Но эти мусульмане — они зловредный народ, мистер Диггз. Вы не понимаете их склад ума. Они преданы чужеземной религии, исламу, больше, чем Индии. Они же когда-то перешли в ислам, отказавшись от веры своих индусских предков, но они не признают этого, они корчат из себя потомков завоевателей из Аравии, Персии или Самарканда. Хорошо, если это так, пусть туда и возвращаются! Зачем оставаться у нас, если они не желают ассимилироваться? Селятся вместе, работают вместе. Молятся вместе. Я читал — у вас в Америке это называется "ментальность гетто".

Мусульмане однажды уже разделили нашу страну, чтоб создать себе этот проклятый Пакистан на священной земле нашей цивилизации. Величайшие памятники индусской цивилизации — древние города Хараппа и Мохенджо Даро, старейший университет мира Такшашила, даже сама река Инд, по имени которой называется наша страна на вашем языке, — все это теперь оказалось за границей, на чужой земле. Мне тошно говорить об этом, но тогда мы спрятали гордость в карман и согласились на гнусный раздел. Однако им все мало, они хотят большего! К тому же нами тогда управляли друзья мусульман, этот индиец английского разлива, Джавахарлал Неру, он был нашим первым премьер-министром, вот он и отдал мусульманам полстраны. Мусульмане желают иметь по четыре жены, им для развода всего-то и требуется одно слово сказать, так что делает Неру? Разрешает им жить по Персональному праву, вместо того чтобы они — как все другие — соблюдали Гражданский кодекс. Мусульмане желают за границу ездить, чтобы молиться в этой своей Мекке, так правительство оплачивает им корабли и самолеты — каждый год! — и гостиницы, и все прочее. Вот я вас спрашиваю —

почему я должен платить налоги, чтобы мусульмане имели возможность съездить к их иностранному богу?

Вижу, вам это все внове. Но, мистер Диггз, это еще не все. У мусульман есть свои учебные заведения, университеты, которые субсидируются правительством, мусульмане занимают высшие государственные посты, они добились особого статуса для Кашмира — единственного штата с мусульманским большинством. Вам, например, известно, что ни один индус, если он не живет в Кашмире, не имеет права купить там хоть клочок земли? Но хуже всего то, мистер Диггз, что эти мусульмане плодятся быстрей индусов! Имеют по четыре жены, которые у них вечно беременны, это я вам точно говорю. Индира Ганди во время этого ее чрезвычайного положения заставляла делать молодым мужчинам операцию, чтобы детей не плодили, а мусульмане не соглашаются даже на добровольное планирование семьи — им, видите ли, вера запрещает! У них по дюжине детей у каждого! Да что там, мистер Диггз! Посмотрите статистику. Сами увидите. После того как они устроили этот предательский раздел, многие уехали в свой треклятый Пакистан. Тех мусульман, что в Индии остались, едва десять процентов набиралось. Последняя же перепись, даже по официальным цифрам, показала, что их двенадцать процентов, а на сегодняшний день, поверьте, уже все пятнадцать будет. И не так уж долго ждать, мистер Диггз, когда мусульман в нашей стране станет больше, чем индусов. Знаете, какой у них был лозунг, когда создавался Пакистан: *Ладке лийе Пакистан ханске ленге Хиндустан – С боем взяли Пакистан, Индостан возьмем, смеясь.* Вот перед какой серьезной угрозой мы стоим, мистер Диггз. И как же отвечают на нее все правительства, сформированные Индийским национальным конгрессом? Потаканием и попустительством. Больше ничем.

При наследниках Неру положение только ухудшилось. А уж хуже всех последний, Раджив Ганди, внук. Про судебное дело Шах-бану слышали, мистер Диггз? Один мусульманин решил избавиться от жены — старухи семидесяти пяти лет. Для мусульманина это не проблема — назначил содержание в сорок рупий, да и дело с концом. По их вере муж должен заплатить бывшей жене столько, сколько когда-то дал за невесту. Но то было шестьдесят лет назад! А жена возьми и подай в суд, говорит, мол, на сорок рупий жить нельзя и вообще, что это такое — после шестидесяти лет брака?! Суд удовлетворяет иск, назначает старухе приличное помесячное содержание и еще напоминает правительству, что определяющие принципы Конституции предполагают установление единого Гражданского кодекса для всех граждан Индии. Какой же крик подняли мусульмане — вы не поверите! Единый Гражданский кодекс, — в точности, как у вас в Америке, мистер Диггз, — но мусульманские лидеры вели себя так, будто всю мусульманскую общину собираются загнать в газовые камеры! И как же поступает малодушный Раджив Ганди? Тихо проталкивает новый закон, цинично именуемый Закон о мусульманских женщинах (защита прав после развода). Ну?! Согласно ему мусульманка подчиняется средневековым законам своей религии, а если она остается нищей, то рассчитывать на защиту гражданского суда не может. Ей должна оказывать помощь мусульманская благотворительная организация — вакиф. Ну мыслимое ли дело? В двадцатом-то веке? И все ради того, чтобы утихомирить самых обскурантистских мусульманских лидеров? Когда же наступит конец этим потачкам?

Говорю вам, мистер Диггз, это не кончится, пока мы не победим этих так называемых секуляристов, которые правят страной и которые поставили нас на колени своей безнравственной и эгоистической политикой. Пока не приведем к власти силы хиндутвы. Indianess, если сказать по-вашему. Только тогда мы сможем преподнести урок мусульманам. Ваш Лакшман и прочие обвиняют нас в разжигании насилия. Что за чушь! Насилие творят другие, а потом сваливают на нас. Я иной раз подозреваю, что так называемые секуляристы нарочно устраивают погромы, чтобы нас дискредитировать. Всякий раз, когда к власти приходит правительство, стоящее на позициях хиндутвы, — как уже произошло в четырех штатах, мистер Диггз, — кончается межрелигиозное насилие, нет никаких погромов. И что же остается говорить секуляристам?

Знаете, что говорит моя коллега Сидхви Ритамбхара, знаменитая проповедница? Да, женщина, ибо мы исповедуем прогрессивную, современную религию, мистер Диггз, — а о мусульманках-проповедницах вам приходилось слышать? Так вот, она говорит: мусульмане — это лимон, выжатый в сливки Индии. Индия скисает от них. Нам надо избавиться от лимона, разрезать его на мелкие кусочки, выдавить косточки и выбросить вон. Вот что нам надо сделать. И вот что в один прекрасный день сделают "Вишва хинду паришад", "Баджранг дал", "Шив сена", "Раштрия сваясевак сангх" и другие организации, входящие в нашу политическую семью, в "Сангх Паривар". И нас весь мир должен будет благодарить, потому что мусульмане, мистер Диггз, народ зловредный. Почему ни одна мусульманская страна в мире — не демократия? Посмотрите вокруг, посмотрите на карту мира — только диктатуры, монархии, тирании, военные режимы. Слово даю, они не умеют по-другому. Все мусульмане — фанатики и террористы, они понимают только язык силы. Поищите мусульман, у которых власть и которые не угнетают другие народы?! Где мусульмане, там обязательно война. Не могут они без насилия над иноверцами, это у них в крови, мистер Диггз! Посмотрите, что мусульмане творят на Ближнем Востоке, в Индонезии, на Филиппинах...

Но я отвлекся. Вы спрашивали меня про подоплеку погрома. Наша программа — "Рам Шила Пуджан". Я вам уже говорил — зловредный народ эти мусульмане, мистер Диггз. Не могли они смириться с мыслью, что мы, индусы, восстанавливаем нашу поруганную честь. Мы мирно занимались своим делом — им-то что до этого? Верно, особой любви мы к ним не питаем, но мы бы никогда не стали на них нападать. Зачем портить такое событие дракой? Это они начали. Они всегда первые начинают.

Я расскажу вам, что произошло. Как произошло. Было это накануне дня нашей великой процессии — в пятницу, двадцать девятого числа. Да-да. В пятницу у них святой день, но их молитвы давно закончились, и мы им не помешали. Наши добровольцы, хорошие ребята-индусы из "Баджранг дала" и "Вишва хинду паришада", занимались вечером своими делами, готовились к великому дню, к процессии в субботу тридцатого числа. Расклеивали плакаты, флаги крепили к фонарным столбам, улицы украшали. Среди них был и мой сын Рагхав.

Работы было много, пока то да се, уже стемнело, но все были в хорошем настроении. Песни пели. Было поздно, ребята устали, но все жда-

ли наступления торжественного дня. Вдруг слышат — мотоцикл. Выскочил из темноты, без огней, на мотоцикле двое.

Мусульмане! Злобные рожи закрыты черным, закутаны в *бурка*, в покрывала черные, под которыми их бабы прячутся, чтоб никто не увидел. Мотоцикл сбрасывает скорость. Наши ребята работали довольно далеко от дороги, но двое, Амит Кумар из Бахрайча и Аруп, сын Макхана Сингха, оба хорошие мальчики из достойных семей, писали лозунги на заборе у дороги. Мотоцикл уже рядом. Никто не ждал дурного, как вдруг те двое с закрытыми лицами замахнулись — в лунном свете блеснула сталь.

Кинжалы! Мистер Диггз, у них были кинжалы!

Они набросились на мальчиков. Наши на миг оцепенели, а те — удар за ударом, в спину, по рукам, по ногам, в лицо, жертвы с криком валятся на землю. Мой сын Рагхав и другие ринулись на помощь. Сын говорит, что это было как во сне, когда бежишь, а ноги тебя не слушаются. Мотор взревел, мотоцикл рванул вперед, и уже на ходу один чуть не попал ножом в лицо Рагхаву, когда он подбегал к Амиту и Арупу.

Оба буквально истекали кровью. Руки и ноги бессильно болтались — Рагхав сказал: как у тряпичных кукол. Ребята тут же повезли их в больницу, позвонили мне, я сразу туда бросился, а уж оттуда в полицию. Доктора делали им операцию за операцией. Мы ждали всю ночь, гнев и молитвы смешались в наших сердцах. Благословением Рамы оба живы, но Амит останется хромым на всю жизнь. А Аруп Сингх — такой красивый мальчик, жениться должен был через месяц, страшно изуродован, все лицо будет в шрамах.

Мрак был в наших сердцах в ту ночь, мистер Диггз. Эти мусульмане не должны были уйти от кары. Я знаю, чего они добивались, — хотели сорвать нашу процессию. Помешать нам выполнять программу "Рам Шила Пуджан", а в конечном счете не дать отстроить храм Рама Джанмабхуми. Такого мы ни за что не допустим.

Рано утром тридцатого числа прошлого месяца мне сказали явиться в полицию. В полицию? В чем я виноват? Нет, говорят, на экстренное совещание лидеров индусской общины. Я согласился, хотя не очень-то доверяю этому молодому губернатору и его другу, полицейскому. Они из тех, кто приезжает в провинцию с разными модными идеями, которых набрались в своих английских колледжах, и норовят объяснить нам, как мы должны жить. Это они-то, которые сами не знают ни своей культуры, ни своей религии. Люди, которые и права-то не имеют называться индийцами. Но они, видите ли, управляют нами.

Когда мы прибыли в полицию, и губернатор, и суперинтендант уже были там. Нашего губернатора Лакшман зовут. Он с Юга. Красивый, только черты немного бабьи и кожа темная — у нас бы ему хорошая невеста не досталась. Суперинтендант — тот сикх в тюрбане, Гуриндер Сингх. Не индус и не мусульманин, правда, его единоверцы веками воевали с мусульманами. Но таким, как Лакшман или Гуриндер, все равно, в какого бога верить. Они учились в Дели в одном колледже, наверняка заведение со всякими миссионерскими штучками, где говорят только по-английски и едят вилками и ножами. Так что эти двое — единомышленники. Вот в чем была наша проблема.

Лакшман сразу приступил к делу:

— Я знаю, что вы все озабочены ночным инцидентом.

— Озабочены? — прервал его Бхушан Шарма из "Баджранг дала", срываясь почти на визг. — Да мы в ярости, чёрт побери! Мальчишек зверски убили у всех на глазах!

— Они поправятся, — спокойно ответил Лакшман. — Я разговаривал с врачами. В Залилгархе не было убийств. Пока.

— Не потому, что мусульмане не убийцы, — не унимался Шарма. — Их целью было именно убийство! Это какой же правопорядок вы поддерживаете в городе?!

— Ночью мы произвели ряд арестов, — с улыбкой сказал Гуриндер Сингх. Он часто улыбается, особенно когда говорит об очень серьезных вещах. — Злоумышленников мы найдем.

Любит употреблять не совсем обычные слова.

— Злоумышленники попрятались, — продолжал он.

Вообще-то, у него репутация толкового человека. И честного, что редкость в его профессии.

— Но я хочу быть уверенным, что ситуация не выйдет из-под контроля, — добавил Лакшман. — Полиция не даст нарушителям правопорядка уйти от наказания. Призываю всех сохранять спокойствие. И прежде всего воздерживаться от действий, которые могут обострить ситуацию.

— Воздерживаться? Это мы должны воздерживаться?! — Шарма был настроен крайне агрессивно. — По-вашему, мы должны сидеть и ждать, что еще мусульмане выкинут? Особенно сегодня, когда...

— Особенно сегодня, — подтвердил Лакшман. — На самом деле, после того, что произошло ночью, я сомневаюсь в целесообразности проведения вашего шествия. Я бы советовал подумать о переносе.

Он не закончил фразу, вернее, ее окончание заглушили громкие, беспорядочные выкрики негодования. Когда все накричались, я встал и, опершись руками о стол, посмотрел прямо ему в глаза.

— Именно этого и ждут от нас мусульмане, — спокойно сказал я. — Они надеялись запугать нас, заставить отказаться от наших планов. Вы хотите, чтобы мы сыграли им на руку? Ни за что!

Лакшман испробовал все. Холодную рассудительность. Настойчивый совет. Искренний призыв. Пылкие уговоры. Страсти накалены, говорил он. Ваша программа пробудила страхи в общине. Мусульмане в меньшинстве. Они напуганы, встревожены — легкая добыча для экстремистов и горячих голов. Мы уже видели, к чему это может привести. Если шествие состоится, то неизвестно, чего еще ждать... Одна искра может вызвать взрыв. Мы этого хотим?

— Они нападают на нас, а вы хотите, чтоб мы поверили, будто они напуганы? — вопил Шарма. — Мы собираемся мирно пройти по городу, а вы заявляете, что мы распаляем страсти? У вас странный взгляд на вещи, губернатор-сахиб!

Лакшман сделал еще несколько попыток нас переубедить, но понял, что они тщетны. Марш "Рам Шила Пуджан" по Залилгарху состоится, как планировался. Мы были полны решимости стоять на своем.

Тогда он сменил тактику.

— В таком случае, измените маршрут, — он вынул карту города из папки, поданной Гуриндером. — Запланированный вами маршрут небезопасен. Марш пройдет прямо через мусульманские кварталы, а в двух местах — в непосредственной близости от мечетей. Кое-кто из му-

сульман сочтет это провокацией, и, должен сказать, я не могу с ними не согласиться. Вы просто-напросто подтолкнете горячие головы на что-то подобное тому, что было прошлой ночью.

— Если это повторится, губернатор-сахиб, — сказал я, — то будет нарушен закон. И ваша прямая обязанность не допустить этого. Ваша и суперинтенданта-сахиба. — Гуриндер только улыбнулся. — Мы осуществляем наше демократическое право на проведение публичных акций. Вы боитесь, что криминальные элементы нарушат закон, если мы пройдем маршем по городу. Ну так поймайте их. Отдайте под суд. Накажите. Но не наказывайте нас.

— В Залилгарх съехалось более тридцати тысяч молодых людей, наших активистов, чтобы принять участие в марше, — добавил Шарма. — И вы собираетесь попытаться им помешать, мистер Лакшман?

Лакшман и Гуриндер обменялись взглядами, будто хотели сказать, что именно этого они добиваются. Но попробуй они это сделать, дело кончится насилием, стычками между активистами и полицией. Вот уж чего им бы не хотелось!

— Нет, — наконец ответил Лакшман, — я не намерен вам мешать.

Сказал не "им" мешать, а "вам". И смотрел при этом на меня, а не на Бхушан Шарму.

— Но я полагаюсь на ваш здравый смысл и надеюсь, что вы проследите за поведением активистов. И за тем, чтобы — особенно в мусульманских кварталах — не делалось ничего, что угрожало бы спокойствию Залилгарха.

— Конечно, конечно, — обрадовался кто-то из присутствующих, и мы ахнуть не успели, как Лакшман и Гуриндер начали диктовать свои условия.

Мы можем пройти по городу, но не должны бить в барабаны и греметь цимбалами возле мечетей. Мы можем скандировать лозунги, но призывы должны быть умеренными и не носить подстрекательский характер. Плакаты нести можно, оружие — нельзя. Условия эти он обязан был выставить в силу занимаемой должности. Нам придется согласиться, иначе этот его дружок, улыбчивый сикх, может аннулировать разрешение полиции на проведение марша. А ведь они и вправду могут на это решиться. Можно было, конечно, взять их на пушку, только какой смысл? Мы согласились.

— В письменном виде, — потребовал Лакшман, кусая нижнюю губу.

Ох уж эти мне чересчур ученые типчики из колледжей! Им все подавай в письменном виде, будто можно наложить проклятье на нас, тупых крестьян, написав несколько слов на листке бумаги. Мы переглянулись, Шарма пожал плечами. Гуриндер записал свои требования на полицейском бланке, мы все поставили свои подписи.

Из записок Присциллы Харт

16 июля 1989 г.

Интересные вещи узнала насчет индусского бога Рамы, из-за которого весь нынешний тарарам. Значит так: когда он привез свою жену Ситу с

Ланки и стал царем, пошли по царству сплетни и шепотки, что раз Сита столько времени провела пленницей во дворце Раваны, едва ли она так уж чиста. И чтобы заткнуть сплетникам рты, Рама устроил *агни-парикша*, публичное испытание огнем, которое подтвердило бы ее невиновность. Сита вышла из пламени невредимой. Сертифицированная чистота и невинность.

На некоторое время пересуды затихли, но потом прежние слухи поползли снова. Рама почувствовал, что это подрывает доверие к нему как царю. Поговорил с Ситой. Что ей было делать? Сита умолила землю разверзнуться — буквально — и поглотить ее. На том сплетни окончательно прекратились. Рама потерял женщину, которую отвоевал с оружием в руках, но остался мудрым и любимым царем.

И как же, чёрт подери, это аттестует Индию? Внешний вид важнее истины. Слухи сильнее фактов. Преданность — улица с односторонним движением: от женщины к мужчине. И если общество предубеждено против женщины, лучше ей на поддержку мужчины не рассчитывать. Нет у нее иного выхода, кроме как покончить с собой.

А я влюблена в индийца. Просто спятила.

Профессор Мохаммед Сарвар – В. *Лакшману*

26 августа 1989 г.

Спасибо за приглашение. Приятно сознавать, что мои лекции в колледже произвели на вас впечатление, и вы меня до сих пор помните.

Да, сейчас я в университете, в добром, старом Делийском университете, преподаю на историческом факультете. Я пробуду здесь еще некоторое время — собираю материал по своей теме, которая странным образом оказалась сейчас злободневной. Я работаю над жизнеописанием человека по имени Сайед Салар Масуд Гази, более известного как Гази Миян, воителя и святого, весьма в этих краях почитаемого. Вы не слышали о нем? Значит, в моем исследовании есть надобность.

Начать с того, что у нас есть поразительная традиция, особенно актуальная в Северной Индии: это культ героев, воителей или святых — что, в данном случае, сочетается в одном лице, — которых почитают и индусы, и мусульмане. О "композитной культуре" Северной Индии говорится много, значительно реже упоминается то, что я бы назвал "композитной религиозностью". Индусы поклоняются целому ряду мусульманских святых — вспомните Низамуддина Аулия, Моинуддина Чишти, Шаха Мадара, Шейха Насируддина, которого называли *Чираг-и-Дилли*, Светоч Дели, или Ходжу Хизра, покровителя лодочников, чье имя даже англичане сочли уместным использовать в названии калькуттских доков Киддерпор. Гази Миян — из этой лиги.

Это, однако, еще не дает оснований говорить о композитной религиозности или самодовольно восторгаться синкретизмом индо-мусульманских отношений в Индии. Разумеется, нужно постоянно напоминать народу, что веротерпимость входит в индийскую традицию и что сближение между общинами — явление столь же распространенное, как

и стычки между ними. Но мы не должны отдавать поле религиозного конфликта в руки шовинистов с обеих сторон. И нам нужна — как любит говорить мой друг и коллега, профессор Шахид Амин, которого вы должны помнить по колледжу, — "свободная от сектантства история сектантских раздоров".

В народном представлении Гази Миян — великий мусульманский воитель, павший на поле брани в 1034 году, сражаясь с объединенным войском индусских раджей. Битва произошла недалеко отсюда, под Бахрайчем, это к северу от нынешнего Залилгарха. Народная память довольно скоро возвела его в ранг святого. К гробнице Гази Мияна начали стекаться толпы, о его подвигах слагались баллады, его имя попало в истории на персидском и на урду, хотя слово "истории" следует взять в кавычки, так как по большей части они носят житийный характер и ничем не подтверждаются. Но вот что интересно: в этих житиях Гази Миян отнюдь не выглядит апостолом индусско-мусульманского единства. Он сражается за ислам. В одном тексте семнадцатого века он даже представлен как племянник Махмуда Газни, печально известного захватчика, в одиннадцатом веке разрушившего прославленный храм в Сомнатхе. Защитник веры, говорится в этом тексте, он истреблял неверных и разбивал их идолов. Он и жизнью пожертвовал, как подобает мученику джихада, так что, надо полагать, его душа отправилась прямо в мусульманский рай, где для индусов места нет.

Так почему же Гази Мияна почитают те самые индусы, которых он, судя по всему, изничтожал? Почему индуски у его могилы вымаливают себе сына, который походил бы на него благородством и отвагой? Почему индусы сложили о нем баллады и песни? А ведь на самом деле сложили и пели — британскими колониальными этнографами в девятнадцатом веке было собрано множество подобных песен по деревням между Дели и Варанаси. И что любопытно — героем песен стал уже проклятый от рождения воин, которому предсказали, что он умрет, не успев жениться, и действительно, он погиб в день свадьбы, когда бросился на защиту своих стад и пастухов от грабителя-индуса раджи Сохала Део. А что это были за стада? Стада коров! Вам это ничего не напоминает? Не напоминает вам молодой воин, защищающий коров, самого бога Кришну из индусских преданий, совратителя пастушек и покровителя коров? Более того, в одной из популярнейших баллад на свадьбу Гази Мияна врывается забрызганная кровью пастушек Яшода, приемная мать Кришны, умоляя его о защите. Вы только представьте себе это зрелище: молодой мусульманин-жених сбрасывает свадебный наряд, просит прощения у своей матери, затягивает на себе портупею с коротким мечом и выходит на битву с убийцей коров. Впечатляющая сценка, скажу я вам. Но в песнях можно еще и не то найти: и эпизоды из Рамаяны, и вариант с появлением самого Кришны — и все это связано с жизнью Гази Мияна, а иногда и с чудодейственной силой его гробницы.

Как объяснить эти противоречивые легенды о погибшем воине джихада, почитаемом мусульманскими фундаменталистами, и о благородном защитнике коров, воспеваемом простыми индусами? Экстремисты с обеих сторон старались дискредитировать секулярную привлекательность народного героя. Индусские фундаменталисты разоблачали

баллады как фальшивки, пущенные в ход хитроумными мусульманскими мошенниками, чтобы морочить доверчивых индусов. И всеми силами подчеркивали роль Гази Мияна в джихаде. Что касается истории с коровами, то — по их версии — коровы предназначались для свадебного пиршества воителя, а раджа Сохал Део хотел отбить стадо, дабы спасти священных животных от неминуемой гибели под мусульманскими ножами. Индусов столетиями держали в заблуждении — утверждали фундаменталисты, — понуждая их почитать угнетателя и иностранного завоевателя к тому же. Борцы за хиндутву сетуют, что пожертвования паломников, сделанные у гробницы Гази Мияна, расходуются на исламские школы, больницы и мечети — какая ж это композитная религиозность? И нечего секуляристам использовать этот факт, как доказательство ее существования!

На протяжении столетий, а может быть, прямо с 1034 года, дата свадьбы Гази Мияна ежегодно переносится на несколько дней от реального события. Но свадьба неизменно прерывается — как это и было на самом деле. К гробнице стекаются сотни свадебных процессий — индусских и мусульманских. И всякий раз приходит "нежданная" беда — гроза, ливень... впрочем, достаточно любого предлога для отмены свадебной церемонии. Свадьба не может состояться. Таков ритуал. Однако через год свадебные процессии — индусские и мусульманские — снова стекаются к гробнице.

Вот этим я сейчас и занимаюсь. Уйма материала, часть еще надо подсобрать в районе Бахрайча и вокруг Залилгарха. Встречаюсь с бродячими певцами-дафали, которые поют баллады о Гази. Остановился у местного старосты мусульманской общины, у Рауфа-бхаи, вы с ним не знакомы? Ах, знакомы! Кузен моей матушки. Просыпаешься утром в мусульманском квартале, беседуешь с соседями и ощущаешь, как бытует ислам в маленьком городке в Уттар-Прадеш.

Штука в том, что историки, которые не продали душу ни одной из сторон в этом постоянном мерзком раздоре общин, обязаны вгрызаться в мифы, разделяющие и объединяющие наш народ. Бригада хиндутвы занята изобретением нового прошлого для страны, фабрикуя исторические обиды, которые им хочется компенсировать, выуживая "доказательства" мусульманских злодеяний и незаконного присвоения национальной славы. Они делают из нас — только в более широком масштабе — Пакистан, оправдывают теорию двух наций, не отдавая себе отчета, какой урон наносят структуре нашего общества. Тщатся "преподать" таким как я "урок", хотя сами выучили мало уроков. Мне часто приходит на ум Мухаммад Икбал, замечательный поэт, и эти его строки: "Нет в мире ничего лучше нашей Индии" — его поносят за поддержку идеи создания Пакистана, хотя он мечтал, чтобы отчизной мусульман была Индийская конфедерация. И еще написал он строки, нечасто цитируемые в наши дни: *тумхари тахзиб*... Ох, тысяча извинений, вы же стопроцентный южанин и едва ли понимаете урду! А написал он вот что: "Твоя цивилизация собственным кинжалом покончит с собой; на гибель тот обречен, кто вьет гнездо на ломкой веточке"

Проблема в том, что нынешние индусские шовинисты Икбала не читают.

16 февраля 1989 г.

...Не могла я представить себе обед с его женой после того, что произошло, и попросила его что-нибудь придумать — мол, голова у меня разболелась или еще что-нибудь в этом духе. Он не стал скрывать разочарование, сказал, что не в восторге от перспективы увидеть недовольное лицо жены, которой специально звонил и велел устроить этот обед. Вынудил меня пообещать, что я приду в другой раз — а поскольку я уже бывала у них, то сказала "да".

Наутро ко мне на работу явился курьер в форме — пеон, как их называют в Индии, — и вручил официального вида конверт.

"Моя дорогая Присцилла" — прочла я и представила себе, как он перебирает формы обращения: "Присцилла" — невежливо; "Милая Присцилла" — чересчур нежно; "Дорогая Присцилла" — банально; может быть, даже "Бесценная Присцилла" — но это преждевременно, так что остановился на "Моей дорогой Присцилле". Почерк у него твердый, отчетливый, стремительный.

"Моя дорогая Присцилла, мне было необыкновенно хорошо с тобой вчера. Прости за подобный способ общения, но, догадываюсь, что у тебя дома нет телефона, а я обязательно должен снова тебя увидеть. Позвони мне, если сможешь, — мой прямой номер 23648. Или передай записку с пеоном, который доставил это письмо. Твой Лакшман".

Опять-таки — сколько он колебался, прежде чем выбрал форму подписи... "Искренне твой"? Слишком формально. "Твой, очень искренне" — совершенно неискренне. "Всегда твой"? Очень самонадеянно. И выбрал — просто, но и с намеком: "Твой". Мне понравилось.

Думала я пару секунд, не больше. О том, чтобы воспользоваться служебным телефоном — а он у нас один, — не могло быть и речи. Так что я быстро черкнула на служебном бланке: "В то же время, в том же месте, завтра?" Вложила в конверт и отдала пеону. Тот поклонился и отсалютовал.

Ох, Синди, знаю, что ты думаешь, но это не так. Как бы я хотела поговорить с тобой! Мне тебя ужасно не хватает, Синди. Ни о чем так не мечтаю, как о долгом-долгом разговоре на твоей кровати, в обнимку с твоими жутко пухлыми и уютными подушками (видела бы ты эту жесткую, плоскую дощечку, которую выдают за подушку в Залилгархе!). Писать тебе обо всем, что я переживаю, — совсем не то, к тому же я настолько отвыкла писать письма, что не уверена, действительно ли доношу до тебя то, что чувствую. Я знаю, что тебя тревожит во всей этой истории, — он женат, он индиец, я чёрт знает где, мне одиноко, и я не понимаю, во что впутываюсь. На твоем месте меня тревожило бы то же самое! Но Лакшман — совершенно необычный человек, это действительно так, и я знаю, что больше всего на свете хочу быть с ним. Синди, я спятила, да? Можешь не отвечать на этот вопрос — пока придет ответ, я уже буду знать: полная я дура, или просто нашла *его* в неудачном месте и в неудачное время...

Запись интервью Рэнди Диггза с губернатором области В. И. *Лакшманом*

13 октября 1989 г.

Р. Д. Господин губернатор, спасибо, что вы согласились меня принять. Меня зовут Рэнди Диггз, я корреспондент газеты "Нью-Йорк джорнэл" в Южной Азии. Вот моя визитка.

В. Л. Спасибо. Вот моя. Впрочем, вам известно, кто я.

Р. Д. Я знаю, кто вы, мистер Лакшман.

В. Л. Чем могу быть полезен?

Р. Д. Я готовлю материал о молодой американке, которая была убита здесь в прошлом месяце. О Присцилле Харт.

В. Л. Да. Присцилла.

Р. Д. И я подумал, что вы могли бы рассказать мне про обстоятельства ее гибели.

В. Л. Обстоятельства?

Р. Д. Погром. События, которые привели к трагедии. Ее роль в этих событиях. Все, что может объяснить ее смерть.

В. Л. Не было у нее никакой роли в событиях. В этом-то и трагедия.

Р. Д. Она...

В. Л. Она приехала работать по проекту в области демографии. И исследовать роль женщины в индийском обществе. Она ни малейшего отношения не имела к этой индо-мусульманской чуши.

Р. Д. Просто оказалась в неудачном месте в неудачное время.

В. Л. Можно сказать и так. Если бывает неудачное место или неудачное время. Мы там, где мы есть, и в то единственное время, которое у нас есть. Возможно, именно там, где нам и положено быть.

Р. Д. Собственно, я...

В. Л. Не волнуйтесь, я не собираюсь втягивать вас в философские дебаты. Вы пришли поговорить с губернатором о погроме, и я буду говорить о погроме. Выпейте чашечку чаю.

Р. Д. Спасибо. Он с сахаром?

В. Л. Боюсь, что да. В наших краях чай всегда подают с сахаром. Сможете пить?

Р. Д. Нормально. Расскажите о погроме.

В. Л. Вам известно о "Рам Шила Пуджане"? 15 сентября Би-Джи-Пи — Индийская народная партия — и ее воинствующие союзники, выступающие за хиндутву — это можно перевести как "индусскость", — объявили кампанию прямого действия с целью отстроить храм Рамы на месте мечети Бабри масджид в Айодхье. Никаких юридических и политических шагов они предпринимать и не подумали. По тону их лидеров сразу стало ясно, что они собираются действовать по полной программе, чтобы добиться поставленной цели, и даже, если потребуется, применить насилие.

Р. Д. Минутку, дайте проверить, записывает ли диктофон! Так... "добиться поставленной цели". Все в порядке. Прошу вас, продолжайте.

В. Л. На чем я остановился? Да... Неприятности начались не в Залилгархе. Уже через несколько дней после объявления кампании большая часть Северной Индии была охвачена безумием, какого не знала со

времен Раздела. Чуть ли не в каждом городе или населенном пункте толпы возбужденной молодежи маршировали по улицам, скандируя антимусульманские лозунги. Лозунги, просто чудовищные по злобности, тупости, неприкрытой агрессивности. Мусульмане, сгрудившись в своих гетто, смотрели на все это с ужасом, едва веря своим глазам, и постепенно проникались мрачной холодной яростью.

Р. Д. А почему их нельзя было остановить? Запретить эту "Рам Шила Пуджан"?

В. Л. Я хотел их остановить, ибо видел в происходящем подрыв политических ценностей секулярной Индии. Запросил разрешения на запрет этих маршей в моей области. Получил отказ. Кампанию запретили только в Западной Бенгалии, где коммунисты обладают изрядным политическим влиянием. Правительства других штатов норовили совместить несовместимое: заявляли о своей приверженности секуляризму и ничего не делали, чтобы сохранить его. Боялись лишиться поддержки сторонников хиндутвы, поэтому на запрет и не шли. Хотя, возможно, они считали, что запрет только создаст организаторам маршей ореол мучеников и подольет масла в огонь. Так что кампания развивалась без помех. Ну и, конечно, были люди, втайне сочувствующие идее восстановления храма Рамы и в правительстве. Многие даже открыто выступали в поддержку. Именно бездействие правительства привело к глубокому отчуждению мусульман. Для многих мусульман это стало кризисом надежды и веры в индийский секуляризм, которые на протяжении четырех десятков лет упорно и настойчиво прививали им власти страны.

Р. Д. Так что в тот день мусульмане были очень взбудоражены.

В. Л. Чрезвычайно взбудоражены. И не только мусульмане. Невероятно возбуждена была и индусская община. Ее лидеры, или скорее те, кто выступал от имени индусов, открыто нагнетали страсти. Страну охватило безумие, которому поддалась и интеллигенция, и средства массовой информации.

Р. Д. А голоса в защиту секуляризма?

В. Л. Какие там голоса! Оглушительное безмолвие.

Р. Д. Это было распространенное явление или проблема, с которой вы столкнулись только здесь, в Залилгархе?

В. Л. В этой части страны достаточно распространенное: в Уттар-Прадеш, Бихаре, отчасти и в Мадхья-Прадеш. Меньше на моей родине, на Юге. А в здешних местах дело приняло скверный оборот. Не прошло и десяти дней после объявления кампании, как начались беспорядки. Они охватывали город за городом. Сначала демонстрации на улицах — кирпичи с именем Рамы, антимусульманские лозунги, исполненные ненависти и угроз, ответные действия небольших, но разъяренных групп мусульман, и, как результат, введение комендантского часа. Недели через три комендантский час уже действовал в ста восьми городах.

Р. Д. Расскажите поподробнее про Залилгарх.

В. Л. Раз вы здесь, сами можете все увидеть. Что такое Залилгарх — городишко в Уттар-Прадеш, областной центр. О нем и сказать-то нечего. Но как и всякий другой городок в этих краях, он не мог остаться в стороне от бушующей вокруг межрелигиозной истерии. Карликовый, бессистемно застроенный городок с населением менее одного лакха...

Р. Д. Лакх это сто тысяч?

В. Л. Совершенно верно. Залилгарх не дотягивает до этого лакха, но обладает опасным процентным соотношением индусов и мусульман — их здесь почти поровну. На самом деле, вскоре после моего приезда сюда я обнаружил, что в официальных документах Залилгарх числится "чрезвычайно неустойчивым в плане межобщинных отношений". Первые столкновения между общинами были здесь зафиксированы еще в 1921 году.

Р. Д. Под межобщинными вы понимаете...

В. Л. Индо-мусульманские. И в Залилгархе они происходили в те времена, когда чуть не по всей стране индусы и мусульмане дружно участвовали в совместной кампании несотрудничества с колониальными властями под руководством Махатмы Ганди, направленной против англичан. И впоследствии стычки повторялись с пугающей регулярностью.

Р. Д. Что вызывает столкновения на религиозной почве?

В. Л. Да уйма всего. Причины, как правило, бывают локальными — нападение на религиозную процессию, осквернение святынь, незаконные связи мужчин и женщин разных вероисповеданий и так далее. Индусы и мусульмане живут раздельно, но близко, в перенаселенных трущобах, которые у нас называются *басти*. В этих условиях любая искорка может вызвать кровопролитие. А любая стычка оставляет след враждебности и подозрительности, которые, в свою очередь, удобряют почву для новых стычек.

Р. Д. Разве нельзя было, зная все это, что-то предпринять, предотвратить то, что случилось? Вам лично, администрации или полиции?

В. Л. Я уже тысячу раз спрашивал себя об этом. И Гуру, Гуриндер, задается тем же вопросом. Вы знакомы с нашим суперинтендантом полиции?

Р. Д. Я знаю, что его зовут Гуриндер Сингх. Собираюсь поговорить с ним после вас. Вы, кажется, друзья?

В. Л. Да. Однокашники по колледжу. Оба закончили Сент-Стивен в Дели. Между нами года два разницы. Я не очень хорошо знал его в студенческие годы, мы сдружились уже здесь. Прекрасно делает свое дело. Но весьма необычный полицейский.

Р. Д. Почему?

В. Л. Ну, в колледже он занимался историей. Увлекался хоккеем; когда не гонял шайбу, просто собак гонял. Здорово пил — уже тогда. Славился смачными анекдотами. Постоянно сквернословит. Боюсь, вы скоро в этом убедитесь. И каламбурит. Многие студенты Сент-Стивена после окончания попадали на государственную службу. Гуриндер Сингх стал готовиться к экзаменам в Индийскую административную службу главным образом по настоянию родителей. Самому ему хотелось фермерствовать.

К экзаменам он готовился кое-как, баллов для поступления в ИАС не набрал, но мог пойти в правоохранительные органы. Он-то думал, что родители оценят его старания и оставят в покое.

Но нет. Родители заявили, что сын загубит свою жизнь в деревне. И Гуриндер капитулировал. (*Пауза.*) Мы все капитулируем. (*Пауза.*) Я хотел стать писателем. Но у моих родителей были другие планы.

Р. Д. В Америке родители перестали пытаться объяснять детям, как им жить.

В. Л. Ну, мы нескоро станем жить как Америка.

Р. Д. И то правда. Вы рассказывали мне про Залилгарх. Про демографию. Историю. А могли вы сделать что-то еще для предотвращения того, что случилось?

В. Л. Могли ли мы сделать больше? Честно говоря, думаю, что нет. Мы сделали все возможное. В Залилгархе начиналось как всюду. С каждодневных маршей по улицам, с угрожающих лозунгов. Мы с Гуриндером действовали по инструкции, делали все, что требуется. Устраивали встречи представителей обеих общин, требовали от них осмотрительности и сдержанности. Возбуждали уголовные дела против наиболее бесноватых демонстрантов, других превентивно арестовывали. Активизировали комитеты мира...

Р. Д. Комитеты мира?

В. Л. Подобные организации мы создаем везде, где существуют межрелигиозные трения. Привлекаем к совместной работе лидеров обеих общин, они встречаются, решают свои проблемы. Мы использовали все механизмы, которыми располагали, все известные нам уловки. В нормальное время они срабатывали.

Р. Д. А это было не нормальное время?

В. Л. Именно. Когда кампания "Рам Шила Пуджан" набрала обороты, мы ничего не могли сделать для обуздания бушующих страстей.

Р. Д. Минуточку, мне нужно сменить кассету.

Дневник Лакшмана

26 марта 1989 г.

— Мне кажется, я так и не простила отца, — серьезно сказала она. — Я же его застукала. Видела, как он барахтается с этой гнусной бабой из его офиса. Мне было всего пятнадцать, и я чувствовала себя оскорбленной, словно он изменил мне, а не матери. Он пытался поговорить со мной, объясниться, даже просить прощения, хотя гордыня вряд ли позволила бы ему употребить слово "прости". Никогда не забуду, с каким презрением, с какой надменностью пятнадцатилетней девчонки, преисполненной фрейдистской мудрости, которой чёрт знает откуда набралась, я бросила ему в лицо: "Ты жалок, отец. Неужели не понимаешь, что таким способом ты пытался компенсировать свою неудачу поиметь индийский рынок?"

Она тихо засмеялась своим воспоминаниям.

— В семье меня звали Скороспелая Присцилла. Отцу особенно нравилось это прозвище. Но после той истории он перестал меня так называть.

Я погладил ее по голове, нежно поцеловал в щеку и сказал:

— Скороспелая Присцилла.

— Лучше так, — ответила она, целуя меня в губы. И продолжила с прежней серьезностью: — Эта история во многом изменила меня. Она как-то сразу прояснила смутные подозрения, давно уже мне досаждавшие. Чем отец занят в Индии в конце концов? Пытается продавать кока-колу. Господи, не лекарства, не новые технологии... Ему неинтересно

заниматься очисткой питьевой воды или, допустим, электрификацией. Ему нужно всучить Индии кока-колу, чёрт побери!

— Индийцы охотно пьют кока-колу, дорогая.

— Некоторые индийцы. Но мне это не кажется благородным делом. Знаешь, в нашей школе учились дети дипломатов, но там попадались и дети миссионеров, работавших с отсталыми племенами, дети тех, кто строил в Индии плотины, электростанции, даже подземные дороги, кто занимался вещами полезными, необходимыми. Как же мне хотелось, чтобы и мой отец занимался чем-то в этом духе, а не торговал кока-колой. — Она помотала головой, волосы упали ей на лицо, скрыв, словно завесой, горечь. Я осторожно отвел их с лица. Она снова заговорила: — Парадокс был в том, что другие дети завидовали мне. "Твой папа работает в компании "Кока-кола"? Круто!" Ты же понимаешь. Им работа родителей казалась неинтересной, а вот мой отец в шоколаде, потому что связан с продуктом, который они знают и ценят. Дикость какая-то... — Я кивнул, не желая с ней спорить. — А когда дела у него разладились, когда правительство вышвырнуло эту кока-колу, меня стали на части разрывать противоречивые чувства. Отец казался мне жалким, но, с другой стороны, я почти радовалась, что он так бьется — ведь это означало, что мы остаемся в Индии, откуда я никак не хотела уезжать. Я обожала отца, понимаешь, он был моим идеалом — высокий, сильный, красивый, он заразительно смеялся, а когда я была маленькая, подбрасывал меня в воздух, у меня замирало сердце, но его руки вовремя подхватывали меня. Потом я выросла, стала большой — в воздух меня уже было не подбросить, слишком умной, чтобы видеть в отце совершенство, и слишком смышленой, чтобы не ставить под сомнение его деятельность. Тебе не скучно меня слушать?

— Ну что ты! — Теперь я поцеловал ее в лоб. — Рассказывай.

— Еще мне было обидно, что он не проявляет интереса к той Индии, которую я так любила. Он знал только кондиционированные офисы, пятизвездочные отели, один и тот же круг знакомых, поочередно собиравшихся друг у друга, он жаловался на безалаберность правительства, на безобразную работу почты, на непредсказуемость водоснабжения, но никогда не бывал на базаре, не заглядывал в помещения для прислуги, ни разу не зашел ни в храм, ни в мечеть, не видел ни одного индийского фильма и не подружился по-настоящему ни с одним индийцем. Он думал, что завоюет Индию своей кока-колой, а завоевал паскудную шлюху, искательницу приключений.

Я прижал ее к себе и мягко сказал:

— Хватит, Присцилла. Это было давно.

— Знаю. — Она высвободилась из моих объятий: ей нужно было выговориться. — Но я не могу его простить. Не только за то, что он причинил такую боль маме, разрушил семью, чего я и представить себе не могла. Но как он мог дойти до того, чтобы привести любовницу к нам в дом, в их с мамой постель, и допустить, чтобы я все это увидела. Как это было мерзко, застать его в таком виде. Потом я годами не разрешала ни одному мальчишке даже дотронуться до меня. Меня сразу передергивало, я вспоминала голого отца верхом на этой женщине, звуки, которые они издавали, его хрюканье, ее стоны. Омерзительно!

— Я понимаю...

Я снова притянул ее к себе. Она больше не вырывалась.

— Но потом я решила, что не дам ему изгадить еще и мою жизнь. Мама увезла нас обратно в Америку — мы жили в Нью-Йорке. Каждый парень из моего класса хотел дружить со мной, провожать до дома, ходить в кино. Я поначалу противилась, а потом, когда наконец начала принимать ухаживания, но не разрешала ничего, что бы им хотелось, жизнь моя превратилась в кошмар. В школе пошли разговоры, что я трехнутая, раз не даю даже поцеловать себя, а скорее всего — лесбиянка. Это было трудно вынести, а главное — мне самой хотелось, безумно хотелось снова оказаться в сильных мужских руках. Хотелось, чтобы меня подбросили в воздух и поймали на лету. Хотелось найти человека, который поможет забыть отца, но он не должен был походить на отца, напоминать мне о нем.

"И в конце концов подвернулся я, — невольно пришло мне в голову. — Еще один женатый мужчина, изменяющий жене с экзотической иностранкой".

Но она не к этому вела, пока не к этому.

— В последнем классе я сблизилась со своим одноклассником, чернокожим парнем, Даррилом Смитом. Он увлекался спортом, был капитаном нашей баскетбольной команды. Не то чтобы семи пядей во лбу, но очень славный. И, Господи, такой высокий! Наверное, я всю жизнь буду помнить наш первый поцелуй — мне пришлось, как балерине на пуанты, встать на цыпочки, чтобы дотянуться до его губ, хотя он чуть ли не пополам перегнулся. — Ее глаза светились как далекие, мерцающие в облаках звезды. — В школе, конечно, пошли разговоры, наш роман воспринимался рискованной выходкой. На самом деле, рядом с Даррилом я чувствовала себя в полной безопасности и совершенно свободной от тени отца. А когда он впервые сбросил одежду, я не могла глаз оторвать от его стройного мускулистого тела. — Она взглянула на меня, будто впервые осознав, что говорит с любовником. — Тебе неприятно это слушать, Лаки? Если не хочешь, я не буду рассказывать.

— Нет-нет, — возразил я, стараясь, чтобы она не поняла по моему голосу, как трудно мне выслушивать ее исповедь. — Я хочу знать все, что ты готова мне рассказать.

Она прильнула ко мне.

— Это важно для нас обоих. Я хочу, чтобы ты знал все, что имеет для меня значение.

— Понимаю, продолжай...

— Родители расстроились, когда узнали о наших отношениях. К тому времени отец уже работал в Атланте, в центральном офисе "Кока-колы", и виделась я с ним редко, раза три-четыре в год. Но он пришел в бешенство — из-за того, что Даррил черный. И все повторял: "Они не такие, как мы" и еще: "Как ты могла?" Я не удержалась и спросила, не кажется ли ему, что первым на этот вопрос должен бы ответить он. И, конечно, он наотрез отказался знакомиться с Даррилом, впрочем, мне не очень-то и хотелось. Мама со свойственной ей сдержанностью выражала неодобрение, не повышая голоса и тщательно избегая упоминаний цвета кожи Даррила: "Присцилла, ты должна понимать, что достойна лучшего. Вспомнить хотя бы этого юношу из вашего дискуссионного клуба. Он постоянно приглашал тебя. Но ты ни разу..."

Ясное дело, юноша из дискуссионного клуба был парень начитанный, богатый и белый — Даррил проигрывал ему по всем трем пунктам, за что я любила его еще больше. — Она изменила тон, словно желая ослабить драматизм следующей фразы: — Любовь без шанса на выживание. — И, усмехнувшись своей тогдашней наивности, продолжала: — Я начала убеждать себя, что мы с Даррилом всегда будем вместе. Конечно, ничего у нас не вышло. И вовсе не потому, что он черный, а я блондинка, и даже не потому, что у него один спорт в голове, а я отличница. Беда была в том, что мы почти совсем не разговаривали. Даррил был человек простой, теплый, достаточно искренний и, в отличие от отца, немногословный. Если я начинала рассказывать про мою семью, про Индию или про книгу, которую прочитала, он просто улыбался своей ослепительной улыбкой и закрывал мне рот поцелуем. За поцелуем следовало продолжение. Потом ему хотелось куда-нибудь пойти поесть или выпить, или потанцевать, но потребности просто поговорить у него никогда не возникало.

Я принимала его таким, какой он есть. Ведь я могла сколько угодно говорить с подругами, особенно с самой близкой из них, Синди, мы с ней дружили еще с начальной школы, пока я не уехала в Индию. И я думала, ну и что, пускай он мало говорит со мной, но я знаю, что он меня любит, а это самое главное. И не обижалась на его неразговорчивость. Но в один прекрасный день он сообщил мне — как всегда весело и прямо, — что получил баскетбольную стипендию в городе Гонзаге. В штате Вашингтон. И собирается туда ехать. Я просто взвыла: "Гонзага? Ты мне даже не говорил, что подавал на стипендию в Гонзагу. Я думала, мы устроимся где-нибудь здесь!"

Выяснилось, что искатель талантов из Гонзаги зашел посмотреть игру нашей команды, увидел Даррила и выхлопотал для него стипендию. В тот вечер мы пошли в кино, и Даррил забыл рассказать мне про человека из Гонзаги, а то, что поблизости от тихоокеанского Северо-Запада нет ни одного колледжа, куда я могла бы поступить, ему и в голову не пришло.

"А как же мы?" — наконец спросила я. И тут поняла, что вопрос о нас вообще не приходил ему в голову, что в те годы баскетбол составлял весь смысл его жизни, а я была в ней совершенной случайностью. Я много времени провела в его объятиях, но совершенно не понимала, что происходит у него в голове. — Она повернулась и посмотрела мне прямо в глаза. — Он был первый, кто меня по-настоящему поцеловал, понимаешь, по-настоящему, а не просто чмокнул в щечку, и, конечно, первый мужчина, с которым я спала. И за все десять, нет, одиннадцать месяцев, что мы были вместе, он ни разу не сказал, что любит меня.

Я почувствовал острый укол ревности.

— Потому что не любил, Присцилла, — сказал я, — он тебя не любил.

— Слова-то мог сказать. Я их столько раз слышала от стольких мальчишек, которые не вкладывали в них никакого смысла. А Даррил был честен со мной, он меня не обманывал. Это я себя обманывала. Я бросилась к маме, и она откликнулась, понимаешь? Была терпелива, нежна и никого не осуждала. Она помогла мне пережить боль. И сказала одну вещь, которую я запомнила, — сказала, что я вижу в людях то, чего они сами в себе не видят. В этом моя проблема. Но в одном Даррил мне помог. Излечил от отца. Когда он уехал в Гонзагу, я прорыдала целую не-

делю, а перестав плакать, поняла, что он меня освободил. От себя и от страха и отвращения при мысли о сексе, угнездившихся во мне в ту минуту, когда я увидела отца с этой... с этой сучкой. Благодаря Даррилу я снова стала нормальной. Ты понимаешь, о чем я? — Я молча кивнул. После Даррила легче стало быть нормальной, бойкой американкой, констатировала она. — В колледже у меня была уйма романов, два-три вполне серьезные, но и они ни к чему не привели — не те это были люди, понимаешь? Один из них, Уинстон Эверетт Холт III из Бостона, даже хотел на мне жениться. Я училась на втором курсе, он уже заканчивал. Уин был такой бостонский брахмин: на нем лежала печать дорогой частной школы, говорил он, как говорят только люди, получившие определенное воспитание, — со всеми этими "видите ли", "разумеется", ну ты знаешь... Впрочем, откуда тебе знать, ты не можешь знать подобные нюансы! Все было при нем: имя, семья, деньги, прекрасная внешность, прекрасные связи, прекрасные перспективы. Мамина мечта. А я ему отказала.

— Почему?

— Потому что не любила. Вернее — не могла полюбить. Слишком уж сильно он напоминал отца.

— Ох, за многое в ответе этот твой отец, — сказал я с притворной легкостью. Мне тяжело было выслушивать ее откровения. Они меня растревожили, даже задели, что было странно, ведь я с самого начала чувствовал, что она должна была вести именно такой образ жизни, американской жизни. Я пытался не зацикливаться на этом, но ничего не получалось. Неожиданно для себя я брякнул: — Эти молодые люди, с которыми ты встречалась, — ты с ними спала?

— С некоторыми спала, — ответила она. Потом с интересом посмотрела на меня, догадываясь, что вопрос задан не просто так. — Это имеет для тебя значение?

— Не знаю.

Ответил полуправдой, поскольку действительно не знал, большое ли значение это для меня имеет, но в душе у меня что-то закипало, и я с трудом сдерживал эмоции.

Она положила руки мне на плечи.

— Лаки, мне двадцать четыре. Ты же не думал, что я девственница, или думал?

— Нет, — честно ответил я.

— Когда первый раз, после заката...

— Тогда я вообще ничего не думал, — занял я оборону.

— Но обрадовался, убедившись, что я не девственница, верно?

— Верно, — согласился я без особой уверенности. — Это не важно, Присцилла. Забудем.

Она прижалась ко мне, положила голову мне на грудь. Я молчал.

— Можно тебя спросить?

— Конечно.

— Твоя жена... Когда вы встретились, она была девственницей?

— Задавать такой вопрос так же нелепо, как спрашивать, пользуется ли супруга папы римского противозачаточными таблетками! — Я изобразил изумление. — Ты что, шутишь? Индуска, выходящая замуж по сватовству? Естественно, она была девственницей. Мало того, она нико-

гда ни с кем не целовалась и даже за руку не брала ни одного мальчика. В Индии это так. От девушки ожидают именно такого поведения.

– Ожидают?

– Ожидают, – твердо повторил я. – Если она не девственница, на ней никто не женится. Да и порядочная девушка из хорошей семьи такого никогда себе не позволит. – Я сам удивился страстности, с которой заговорил. Она лежала очень тихо, молча, и я понял, что обидел ее. – Извини, Присцилла, я неудачно выразился. Я не то имел в виду...

– А что?

– Что в Индии живут совсем по-другому. Что мы, индийцы, должно быть, очень зажатые люди – после столетий владычества мусульман, которых сменили эти чёртовы викторианцы. И без сомнения, в нашем образе жизни много ханжества. Но, как сказал бы Уайльд, так ли уж дурно ханжество? Это просто способ приумножить свои ипостаси. – Я старался говорить не слишком серьезно. – Но секс вне брака для нас неприемлем... У нас все еще сильны понятия чести. Женщины не спят с кем попало. А женщину с прошлым никто не возьмет в жены.

– А как насчет мужчин?

– Что насчет мужчин?

– Ты был девственником, когда вступал в свой бесценный брак по сватовству?

– Практически был, – сказал я.

– Что значит "практически"?

– У меня не было девушки или кого-то в этом роде. В колледже со мной учились ребята, которые встречались с девушками, но таких было совсем немного, и я не уверен, что эти девушки с ними спали. На самом деле, у нас и возможности-то особой не было: раздельные общежития, куда запрещалось заходить лицам другого пола, номер в гостинице студенту не по карману, даже за руки держаться на людях нельзя – кончится скандалом. Но девственность я потерял до брака, как и многие мои друзья. В конце концов, у нас были те же потребности, что и у молодых американцев, но без их возможностей. Так что однажды ночью группа студентов нанесла визит в бордель.

– Нет! – ахнула Присцилла. – Как это отвратительно!

– Обычай, освященный веками, – ответил я. – Мужчина должен знать, что это такое. Поэтому и существуют кварталы красных фонарей. Сто рупий, или около того, за смуглую толстую коротышку с зубами, красными от бетеля, и густо напудренным лицом. Все заняло минуты две. Она даже блузку не сняла, задрала мятую нижнюю юбку и раздвинула ноги. Больше я там не бывал.

– Надеюсь, – выдохнула она.

– Некоторые ходили еще и еще, если могли разжиться сотней рупий. Я не мог, да и не хотел.

– И что ты делал?

– Делал?

– В смысле секса, я имею в виду.

Я засмеялся.

– Моя дорогая, – произнес я вполне по-уайльдовски, – возможно ли, что ты никогда не слышала о грехе Онана? – Она залилась краской. Прелестная женщина, только что так спокойно рассказывавшая мне о своем

вполне богатом сексуальном опыте, зарделась от мысли, что я призывал на помощь руку. — Так что ты понимаешь, почему я не слишком протестовал, когда родители задумали женить меня. Я был готов. Еще как готов!

Я засмеялся.

— Надеюсь, ты не был разочарован, — с некоторым ехидством сказала она и снова прильнула ко мне.

— На самом деле, был. Гита была не просто девственницей. Она ужаснулась тому, что я от нее хотел. Похоже, ее мать только в самых общих чертах рассказала дочери, что должно произойти. Гита отказалась раздеться догола — сама мысль об этом была ей омерзительна. Мое тело не вызвало у нее никакого желания. Так что, пожалуй, можно сказать, что я был разочарован.

Присцилла пристально смотрела на меня своими удивительными глазами.

— Прости меня, Лаки, — тихо сказала она. — Тебе наверняка было тяжело рассказывать мне об этом.

— Все в порядке.

— Я тоже тебе расскажу одну вещь, о которой никому не говорила. Про то, чего я никогда не делала. В постели. Я никому не разрешала брать меня так, как отец брал ту женщину. Сзади.

Я посмотрел на нее, она ответила мне немигающим взглядом. Меня охватило желание схватить ее, перевернуть на живот и сделать то, чего она никому не разрешала. И говорила, что никогда не разрешит. Я потянулся к ней и нежно коснулся ее щеки.

— Я понимаю, Присцилла.

Из блокнота Рэнди *Диггза*

12 октября 1989 г.

Ко мне заходил Мохаммед Сарвар, профессор, с которым я встречался в Дели. Сказал, что в Залилгархе он занимается историческими исследованиями, живет у родственников, поэтому ему удобней зайти ко мне самому. Это довольно необычно для индийцев — они всегда приглашают к себе. Из чего я заключил, что дом, где он остановился, своим он не считает и что родственники у него люди бедные. Или консервативные. Или и то, и другое. Спрашивать не стоит.

Сарвар — моложавый, стройный, усы, редеющие волосы — появляется, когда я сижу на веранде с Редьярдом Хартом. Это первый сюрприз.

Харт прищуривается:

— Мы знакомы? Мне кажется, мы с вами встречались.

— Встречались, мистер Харт, — подтверждает Сарвар, пожимая ему руку. — Десять с лишним лет назад.

— Десять лет... ну конечно! Я вас вспомнил. Тогда вы были... как же вас называли? Студенческий лидер.

Он выговаривает эти слова с подчеркнутой тщательностью, словно название экзотической бабочки. Или тропической болезни.

— Совершенно верно, — спокойно отвечает Сарвар.

— Возглавляли коммунистический союз, если мне не изменяет память.

— Один из коммунистических студенческих союзов. Их в университете два.

— В этом вся Индия, — благодушно восклицает Харт. — Во всем мире коммунизм теряет силы, а в Индии его поддерживают целых два студенческих союза. И вы возглавляли демонстрацию перед моим офисом, — грозит он Сарвару пальцем.

— Долой американский империализм! — скандирует Сарвар. — Американские капиталисты — эксплуататоры — *мурдабад*! Кока не пища для индийских нищих!

— Это мне особенно понравилось. Кока не пища для наших нищих. Представляю, как вы веселились, сочиняя эти речевки.

— Отнюдь. Мы считали это серьезным делом.

— Не сомневаюсь. Я вас тогда пригласил в офис, чтобы обсудить ваши требования.

— Совершенно верно.

— И предложил вам кока-колу, — с удовлетворением добавляет Харт.

— От которой я отказался.

— Которую вы, помнится, выпили. Две бутылки.

— Это был не я. Я отказался. Я был членом Союза студентов Индии. Кока-колу пила девушка из Всеиндийского студенческого союза. Дочь очень богатого землевладельца из Калькутты, члена парламента от компартии Индии. Девица выросла на этом напитке. Она мне потом сказала, что пила не от жажды, а потому, что видела в этом способ эксплуатации эксплуататора. Она подо все умела подвести базу.

Харт смеется.

— А теперь что она делает?

— Преподает в американском университете, кажется в Эмори. Читает лекции по феминизму и постмодернизму. Я слышал, что у нее "зеленая карта", постоянная должность и лучшая музыкальная система в кампусе. Она все еще печатается в "Экономик энд политикал уикли" — критикует Индию за опасные компромиссы с силами мирового капитала.

— А вы? Все еще устраиваете демонстрации перед институтами американского империализма?

— Нет, — пришла очередь засмеяться Сарвару. — Давно бросил. Теперь я профессор.

— Профессор? Профессор чего?

— Преподаю историю на историческом факультете Делийского университета.

— Историю, — бурчит Харт. — Вот чего предостаточно в этой стране.

— Да, — кивает Сарвар. — В отличие от вашей страны. В колледже я собирался записаться на факультативный курс американской истории. Декан отговорил меня, сказал, что у американцев нет истории. У нас, конечно, есть и история, и мифология. Иногда мы их путаем.

— Какую же историю вы преподаете?

— Специализируюсь по тому, что у нас называется средневековой историей Индии. Некоторые называют это Мусульманским периодом. Тот период, когда большей частью Индии правили различные мусульманские династии, а в конце — Великие Моголы.

— Странный выбор для коммуниста.

— Ну, это тоже в прошлом. На самом деле, то была вера, а со временем я обнаружил, что есть две другие веры, для меня более значимые.

— И что это за веры? — спрашивает Харт.

— Демократия, — спокойно отвечает Сарвар. — И ислам.

— Похоже на идеальную эволюцию, — вмешиваюсь я. — Замечательная встреча после стольких лет, Редьярд, но теперь мне хотелось бы перейти к интервью с профессором Сарваром...

Письмо Присциллы Харт Синди Валериани

5 апреля 1989 г.

<...> — Как ты можешь любить меня? — неожиданно спросил он. — Ты же ровно ничего не знаешь о моем прошлом, о родителях, о нашем старом доме в деревне, где я пошел в школу, не знаешь, чем меня кормили в детстве, о чем я думал, что слышал, о чем мечтал...

Я ответила:

— В том-то и дело, Лаки. Меня твое прошлое не волнует. Мне все равно: рос ты в хибаре под соломенной крышей или во дворце, ездили твои родители в "мерседесе" или чистили зубы веточкой *нима*. Я люблю тебя. Не твою семью, не вашу деревню, не кастовую принадлежность или происхождение. Я тебя люблю. И это единственное, что имеет значение.

Мой ответ привел его в некоторое замешательство — он будто столкнулся с чем-то доселе ему неизвестным.

— И я люблю тебя, Присцилла, — сказал он, но я расслышала в его словах нотку неуверенности, которую не замечала раньше...

Я говорила тебе, что он пишет стихи? Даже печатал кое-что в местных журналах. "Невысокого уровня стихи", — смущенно сказал он. Посылаю тебе одно стихотворение, которое он мне дал. Ты сразу заметишь в нем шероховатости. Он пошутил: "Пожалуй, чересчур серьезно, как сказал бы Уайльд, но ты-то понимаешь, почему важно быть серьезным". Он так и сыплет этими ужасными каламбурами, когда нервничает, что мне кажется безумно трогательным. Стихотворение и впрямь серьезное и, думаю, искреннее. Читай:

Как заснуть ночью

Старайся ни о чем не думать,
вот в чем секрет.

Старайся ни о чем не думать:
Ни о несделанной работе,
невыполненных обещаниях,
и неотвеченных звонках,

и о повестке дня той встречи,
которую ты так и не провел.

Не думай ни о чем.
Не думай о словах,
сказал ты их,
или не говорил,
о мелких стычках и серьезных расследованиях,
об унижениях и оскорблениях,
которые пришлось стерпеть,
об остроумных ответах,
на ум пришедших
слишком поздно.

Не думай ни о чем.
Не думай о заброшенной жене,
об одиноких детях и их укорах,
не думай об улыбке женщины,
что, пожимая твою руку,
свою чуть задержала в ней.

Не думай ни о чем.
Об уличной сиротке
с молящими огромными глазами
в отрепьях грязных
и с ручонкой,
протянутой
в надежде.

Да нет, не думай
о женщине на стройке.
На голове ее корзина кирпичей,
она их носит, носит, носит...
пока заброшенный младенец,
в пыли барахтаясь, пыль ест
и плачет.

Не думай ни о чем.
И ты сумеешь
заснуть.

Как тебе такая поэзия, Синди? Он пишет от души, он мучается неустроенностью мира. Он как-то рассказывал о кадровой элите, в которую входит и сам. Индийская административная служба — ИАС. У нас в Штатах не существует ничего подобного. Попасть в эту элиту невероятно трудно. Сотни тысяч юношей и девушек работают по шестнадцать часов в день в надежде оказаться среди тех 15 000, которых допустят к ежегодному экзамену. По результатам экзамена будут отобраны четыре сотни кандидатов на руководящие посты в государственном аппарате — из них человек 25 попадут в ИАС. Лаки говорил, что ему приходилось вставать в половине пятого утра и каждый божий день вызубривать

миллионы фактов и цифр обо всем на свете — и не потому, что их нужно знать для будущей работы, а исключительно ради того, чтобы доказать свою способность ее выполнять. Для многих эти экзамены становились смыслом жизни, а точнее, самоцелью: сдать их — значит получить пожизненный пропуск во власть, это — престиж, влияние, обеспеченность до конца дней.

Лаки лелеял другие надежды — он хотел быть писателем, но не мог рассчитывать, что сможет жить литературным заработком. Родители оказывали на него сильнейшее давление, требовали, чтобы он сдал экзамен на государственную службу. Он говорит, что и сам начал видеть в этом нечто возвышенное — служение народу и стране, ради этого и сдавал экзамены. Как Уайльд, говорил он, я отдал гениальность жизни, а литературе — один лишь талант.

Так странно слышать эти его постоянные ссылки на Уайльда. Он отнюдь не стереотипный викторианский денди с лилией в одной руке и томиком стихов в другой. Господи, он же бюрократ, государственный чиновник. И идеалист во всем, что касается его работы, традиционалист в культурном и социальном плане, он взращен системой воспитания индийского среднего класса. Думаю, что Оскар Уайльд — его сугубо интеллектуальное пристрастие, часть его образования, не нашедшая применения в жизни. Ты посмотри на его жизнь. Он выполняет работу, в которую никак не укладываются уайльдовские остроты и колкости, полюбившиеся ему в колледже. Может быть, в этих саркастических фразочках он прячется от повседневной реальности, с которой ему приходится сталкиваться. Может быть, я для него тоже своеобразное укрытие?

Не знаю я, Синди. Но он, конечно, идеалист, а в правительстве идеалистов не так-то много. "Я не для того год жизни убил на зубрежку в каморке с тремя другими зубрилами, чтобы служить трущобной рвани, — сказал ему кто-то из группы, когда они были на практике в Массури. — Я пошел в ИАС, чтобы обеспечить себя, подарить родителям достойную старость и найти себе хорошую жену". Я не шучу, Син, стоит этим ребятам сдать экзамены в ИАС, как они моментально становятся завиднейшими женихами. В Индии нет ничего лучше государственной службы, а уж попасть в ИАС — предел мечтаний. Так что отцы девиц на выданье сразу удваивают приданое, как только на горизонте появляется кандидатура из ИАС. Ты только послушай: Лаки мне рассказал про своего однокурсника, который влюбился и хотел жениться. Но возникла проблема: девушка-то была из состоятельной семьи брахминов, а парень — из племени нагов, значит — он дикарь, да еще и христианин! Отец вопил и бесновался, превратил жизнь дочери в настоящий ад, запретил ей даже упоминать имя парня. И тут выясняется, что тот прошел в ИАС по квоте, предназначенной для представителей низших каст. Папашу как подменили, возражения против жениха просто испарились, из "треклятого дикаря" он превратился в "моего зятя из ИАС".

Что касается Лаки, то он в постоянном внутреннем конфликте из-за своей работы. С одной стороны, по его собственным словам, он действительно может приносить пользу, поскольку губернатор области обладает реальной властью. С другой, он говорит, что постепенно теряет веру в свои возможности, сталкиваясь с коррупцией и цинизмом властей. Многие его коллеги берут взятки, ибо получают относительно

скромные оклады по сравнению с однокашниками, занимающимися бизнесом или производством. Почему ж не делать деньги и тем, кто гораздо способней, кто сумел пробиться в ИАС?

При том, сколько в Индии законов, нормативных документов и инструкций, государственный чиновник может сколотить себе немалый капитал на выдаче разрешений — на строительство фабрики, на получение ссуды. Ну и, естественно, на политике — то местное начальство, то член Законодательного собрания штата, то столичный министр обращаются с просьбами назначить кого-то на должность, санкционировать какое-то мероприятие, ускорить прохождение какого-то документа. Лакшман идет навстречу такого рода просьбам — так устроена здесь жизнь. Но бывают просьбы, которые он отказывается выполнить.

Одно хорошо — его нельзя уволить. Перевести можно, и если он станет сильной головной болью для большого начальства, то вполне может неожиданно получить место заместителя уполномоченного по внутренним водным путям или чего-то в этом роде. Лучше об этом не думать!

Лаки говорит, что жена вечно его спрашивает, чего ради он делает такую проблему из своих принципов? К чему раскачивать лодку? Надо же думать и о благополучии семьи, о будущем ребенка... Лаки с горечью говорит, что она беспокоится только за его должность, дом, машину, слуг — остальное ее не волнует.

Лаки считает, что ей надо было выйти замуж за его одногруппника, который напился до умопомрачения, когда узнал, что принят в ИАС. Он стоял на улице и орал во весь голос: *Мери зиндаги бан гаи* – моя жизнь состоялась!

Из дневника Катарины Харт

12 октября 1989 г.

Сегодня Кадамбари — не усвоила я как дальше, — малопривлекательная женщина: очень смуглая, нездоровый цвет лица, одета в белое сари с темно-синей каймой, волосы гладко зачесаны назад и заплетены в тугие косы — повела нас в квартиру Присциллы.

Залилгарх ужасен, именно таким я боялась его увидеть. Зной накатывает удушливыми волнами, будто открывается дверца небесной печи и жар пышет прямо тебе в лицо. Уличное движение — стремительный поток, взбаламученная река транспорта и человеческих тел в постоянном движении, струйки велосипедов обтекают тощих коров, скелетообразные буйволы тащат скрипучие повозки, громыхающие автобусы оглушительно сигналят и изрыгают копоть. И везде люди: полуголые попрошайки демонстрируют свои язвы и клянчат деньги, святые-садху в шафрановых одеяниях, лица натерты пеплом, волосы всклокочены, мужчины в *дхоти*, мужчины в брюках, мужчины в широких штанах и свободных рубахах. Но самое поразительное — женщины в ярких сари из хлопка или нейлона, блистающие золотыми браслетами на запястьях и серебряными на щиколотках. Уличные торговцы наперебой расхваливают свои товары — острую снедь на сухих пальмовых листьях,

орешки в кулечках из старых газет, тростниковый сок, выжимаемый в грязные стаканы. И надо всем тучи мух.

В мусоре копошатся бездомные дети, мужчина мочится на стену, заклеенную предвыборными лозунгами и символикой двух соперничающих политических партий. А в ослепительно-синем небе, словно дурное предзнаменование, — огромная стая оглушительно каркающих ворон.

Чтобы добраться до последнего жилища Присциллы, нам пришлось спуститься по узенькому переулку — *гали*, как они здесь называются. Дорожка для пешеходов завалена заплесневелым мусором, на который страшно наступить. Вонь невыносимая. Бродячие собаки роются в объедках. Идти по проезжей части еще труднее — сплошные трещины и ухабы. И пыль от проезжающего транспорта — велосипедов, желто-черных мотороллеров с колясками и редких повозок, запряженных замученными буйволами, лениво подхлестываемыми возницами. Велосипедные звонки, громкие мужские выкрики, стук моторов авторикш и оглушительная кино-музыка из лавок сливались в непереносимый гул. Мы шагали мимо бакалейных лавок, испускавших пряные запахи, мимо выставленных на продажу ядовито-ярких пластмассовых ведер, прошли мимо фотоателье — документального свидетельства вхождения Залилгарха в современность. У входа в бывший дом Присциллы Кадамбари остановилась перед крохотной лавчонкой, где, скрестив ноги, сидел за алюминиевым прилавком грязный человечек — торговец бетелем. Он явно узнал ее, потому что без вопросов умело выложил лаймовую пасту на свежий зеленый листок, добавил толченый арековый орех и разноцветные зернышки *супари*. Мы с Редьярдом смотрели. Торговец-*панвала* сложил листик треугольником, Кадамбари сунула его за щеку. Предложила и мне, но я отказалась, и мы последовали за ней по крутой наружной лестнице.

По индийским понятиям в октябре нежарко, но Редьярд обливался потом. Выбеленные ступеньки были грязны, стена заплевана красным соком бетеля, который жуют жильцы, поднимаясь наверх. Кадамбари тоже сплюнула. В семидесятых, когда я впервые увидела в Дели эти красные пятна, я их приняла за кровь и подумала, что уровень преступности в Индии выше, чем официально сообщается, или, еще хуже, что индийские туберкулезники захаркали кровью весь город. Узнав, что это просто сочетание пагубной национальной привычки с отсутствием гигиенических навыков, я, признаться, испытала большое облегчение. Но сегодня красные пятна снова показались мне кровью, кровью Присциллы, выпущенной ножом неизвестного убийцы; от этой мысли я мгновенно ослепла и споткнулась.

Мы поднялись на два пролета и вошли в мрачный коридор, тускло освещенный голой лампочкой на белом шнуре. Четыре одинаковые двери ярчайшего голубого цвета, впрочем, приглушенного грязью и обшарпанностью, заметными даже при этом свете. Две голубые двери были закрыты, но не заперты, третья была открыта, на пороге стоял малыш, тараща круглые глазенки, с подбородка у него капало молоко, тут же появилась мать и утащила ребенка внутрь. На четвертой двери висел замок. Кадамбари достала большой ключ, и мы вошли.

Маленькая, скудно обставленная комнатка, каменный пол, на котором моя дочь расстелила небольшой палас, узкая кровать. В американском понимании даже не кровать, веревочная койка, *чарпой*, веревки,

натянутые на каркас, заметно провисли в середине, тощенький матрас. Кровать аккуратно застлана грубой белой простыней, сверху — яркое индийское покрывало. Я тяжело опустилась на кровать, представляя себе, как ложилась на нее моя дочь, провела рукой по покрывалу, пощупала жесткую подушку и ощутила комок в горле.

Редьярд решительно вошел в комнату, окинул ее взглядом — кровать, примитивный стол, по совместительству служивший и письменным, индийский шкаф — *альмира*, одинокий стул, на стене постер рок-группы "Грэйтфул дэд", на полу две дорожные сумки с вещами. Незатейливо жила моя дочь, как мы, собственно, и предполагали. На столе стопка книг. На подоконнике коротковолновый приемник с антенной, вытянутой во всю длину, наверное, чтоб дотянуться до музыки и новостей с родины. Единственная роскошь, а так — нет ни телевизора, ни телефона. В углу заржавелый вентилятор на ножке — позволяющий хоть немного умерить жару, если не капризничает энергосистема Залилгарха. Крохотная ванная, туалет в индийском стиле — надо садиться на корточки, кран, на полу ведро. Как же она жила, моя девочка? И ведь ни разу не пожаловалась.

Взгляд Редьярда упал на две фотографии на столе. В рамках. На одной я, она снимала меня в Нью-Йорке год назад. Вторая — старая, сделана в Дели, в Красном форте, еще в 1978 году. Мы всей семьей, впятером. Дети улыбаются, щурясь от солнца, Редьярд положил руку мне на плечи. Наивная туристическая фотография, но можно представить себе, как смотрела на нее Присцилла.

Редьярд оторвался от фотографии и подошел к шкафу. Кадамбари достала еще один ключ и отперла дверцу. Редьярд отпрянул, увидев свое отражение в зеркале — потный, с отекшими веками. Несколько хлопчатобумажных платьев безвольно свисают с деревянных вешалок. Редьярд выдвинул ящик и, наткнувшись на белье Присциллы, отдернул руку.

По комнате с жужжанием носилась муха. Уличный шум звучал здесь глуше, будто из уважения к нашим чувствам.

Я поднялась с кровати, начала ходить по комнате, перебирать ее платья, выворачивать карманы, опорожнять ящики. Я сама не знала, что ищу. Ключи к разгадке, может быть, но к разгадке чего? Местные власти ничего не искали, им было известно, что ее убили во время уличных беспорядков, вместе с еще семерыми, зачем еще что-то искать? Возможно, я хотела найти разгадку ее жизни, а не смерти. Услышать и понять то, чего она уже никогда не расскажет.

Редьярд все еще обливался потом. Он тупо смотрел на пожитки дочери. Я видела, что он отчаянно пытается совладать с чувствами, которых никогда ранее не испытывал. Боль и недоумение ясно читались на его напряженном, мокром от пота лице. Он разглядывал каждую книгу, каждую вещь, будто силясь понять, почему они здесь и что со всем этим делать. Конечно, нам надо было собрать ее вещи и забрать их. Забрать куда? И с какой целью? Какой смысл везти их в Америку? Лучше раздать здесь, местные с радостью все возьмут.

Но разбирать вещи — все-таки какое-никакое конкретное дело. Я принялась за шкаф, Редьярд молча сел на стул и уставился в стену, Кадамбари, наблюдая за нами, жевала свой *пан*. Правда, когда я взялась за чемодан Присциллы, Редьярд встал и отнес его на кровать. В чемодане были газетные вырезки, рабочие заметки Присциллы и кое-какие суве-

ниры, которые она собиралась привезти домой, — декоративное блюдо из бронзы, деревянная шкатулка ручной работы, пара вышитых наволочек для диванных подушек. Простые вещи, красивые, они недорого обошлись ей на местном базаре. Я решила, что их нужно взять с собой в Америку, как Присцилла и собиралась.

Мы работали молча. Ни Редьярд, ни я не могли и слова сказать друг другу в это время, в этом месте. Чтобы не расплакаться, я сосредоточилась на работе. В свое время домашние хлопоты и переезды с места на место помогли мне не сойти с ума, когда развалился мой брак, а сегодня разборка вещей поможет мне справиться с болью.

Я обшарила все ящики перед тем, как закрыть их, и не нашла ничего необычного. Сняла с кровати покрывало с типично индийским узором, но грубую простыню оставила на месте. Одежду, которую Присцилла никогда не надевала, сложила в дорожную сумку. Я предложила бы эти вещи Кадамбари, но она не обращала ни малейшего внимания на то, чем я занималась, к тому же я не могла представить себе Кадамбари в платье. Надо будет спросить у симпатичного мистера Даса, не посоветует ли он, кому отдать вещи. К счастью, Редьярд не заглянул в туалетную сумку Присциллы. Там лежал вибратор. И початая упаковка противозачаточных таблеток.

Таблетки поразили меня больше, чем вибратор. Я знала, что Присцилла порвала со своим последним бойфрендом еще до отъезда в Индию, и полагала, что она живет здесь одна. Зачем ей противозачаточные таблетки в Залилгархе?

В ее бумагах я не обнаружила ключа к этой загадке, хотя, конечно, нужно будет еще раз внимательно все просмотреть. Я нашла два своих письма, но ни одного — от ее друзей. Несколько незавершенных карандашных набросков, наспех записанные стихотворные строчки — и больше ничего. Все прочее было связано или с ее работой, или с диссертацией. Не сомневаюсь, что где-то есть кое-что еще. Присцилла наверняка делала наброски и рисунки, писала стихи, вела дневник — я знаю свою дочь. И я уверена — было что-то еще.

Кадамбари подняла дорожную сумку и вышла. Редьярд запер чемодан. Я взяла со стола старую фотографию, собираясь положить ее в сумку, но мою руку перехватила рука Редьярда — странно незнакомая.

— Можно, я ее возьму? — спросил он внезапно севшим голосом.

Права не имеешь, Редьярд, подумала я. Именно ты разрушил мир, запечатленный на ней. Подумала — подумала, но сказала:

— Конечно, Редьярд.

Протянула ему фотографию, но он упал на кровать с рыданиями, я оказалась рядом с ним, его разгоряченное мокрое лицо уперлось мне в бок... И я вдруг осознала, что никогда не видела его плачущим.

Из дневника Лакшмана

3 мая 1989 г.

Мы встречаемся по вторникам и субботам — в Котли, перед закатом. Она приезжает на велосипеде. Я сделал для нее дубликат ключа от во-

рот. Она всегда приезжает первая и прячет велосипед в зарослях кустарника. Это разумная мера предосторожности, поскольку, хоть я, как правило, и отпускаю водителя, иногда все-таки вынужден его оставлять, а я не хочу, чтобы он сложил два и два и получил двадцать два. Бывает, что мне приходится задержаться на работе, в субботу у меня рабочий день, по идее половина рабочего дня, но половина может затянуться до вечера. На мое счастье, по субботам Гита ходит с Рекхой в храм Шивы к ранней вечерней службе и понятия не имеет, в котором часу я вернулся домой.

В свое время я не одобрял эти походы Гиты в храм: у *свами* из этого храма плохая репутация, говорили, будто он увлекается тантрическими ритуалами и прочими сомнительными штуками. Еще до приезда в Залилгарх я слышал о человеческих жертвоприношениях, доказательств не нашли, но у *свами* есть приспешники — он их зовет последователями, — по виду которых вполне можно предположить, что по приказу *свами* они, недолго думая, перережут тебе горло из любви к своему богу. Но *тантра* отнюдь не для Гиты, да и супруга губернатора в общем-то вне опасности, так что я не стал мешать ей регулярно посещать храм. Теперь же мне это даже выгодно. Раз Гита в храме, я могу и задержаться. Если я приезжаю в Котли с опозданием, Присцилла ждет меня в комнате над лестницей, читает или что-то записывает в блокнот, или просто смотрит на реку, на заходящее солнце и темнеющее небо.

Увидев меня, она поднимается с улыбкой, согревающей мне душу. Мы обнимаемся, обмениваемся нежными долгими поцелуями — так я ни с кем еще не целовался — и рано или поздно оказываемся на нашей импровизированной кровати. Мы изобретаем все новые ласки, мы экспериментируем, но не от пресыщенности, а от радости познавания друг друга. Потом мы лежим и разговариваем.

Она говорит, что любит меня, и искренне в это верит.

Это не любовь, о которой я слышал от родителей, чувство, укорененное в семье, в единственном для тебя месте в мире, в узах крови, настолько прочных, что невозможно даже помыслить об их разрыве. А здесь другое — любовь, о которой я знаю по западной литературе и фильмам, внезапное взаимное притяжение между мужчиной и женщиной, чувство, не зависящее от социального контекста или семейных связей. Я не в силах объяснить Присцилле, что воспитан в недоверии к такого рода любви, потому что ее трудно отличить от влюбленности или похоти. Отец говорил со мной об этом перед моим отъездом в университет.

— Ты столкнешься с многими соблазнами, — сказал тогда он, — у тебя может появиться чувство к какой-нибудь девушке, и, возможно, ты решишь, что это любовь. Это нормально, только не надо путать такое чувство с настоящей любовью, которая возникает лишь на основе брачных обязательств и опыта совместного решения жизненных проблем. На Западе считается, что любовь кончается браком, поэтому там столько браков приходит к концу, когда умирает любовь. В Индии же знают, что семейная жизнь приводит к любви и по этой причине у нас почти неизвестен развод, и любовь продолжает жить даже после смерти одного из супругов, потому что корни ее уходят в фундаментальные основы нашего общества и нашей души. Ты уезжаешь учиться, строить свое бу-

дущее. Но если ты почувствуешь, что тебя отвлекают другие мысли, вспомни, что я тебе сказал.

Я запомнил.

Я не знаю, что она видит во мне, что это за духовная близость, которая высекает в ней искру узнавания. Однако, мне кажется, я знаю, что вижу в ней я. Я вижу это в тайном месте наших встреч в полюбившийся нам час, когда сумерки медленно заполняют комнату, а закатные лучи освещают наши тела, окрашивая кармином и темную, и светлую кожу. Я вижу это в ее теле, когда оно, готовое слиться с моим, словно вспыхивает от невысказанных чувств. Я вижу это ночью в ее глазах, когда лунный свет играет с ее волосами, а тени лежат на ее бедрах, как прозрачная ткань. Я вхожу в нее, и мой дух вливается в ее душу — такого я никогда не испытывал. Она стонет, она моя, я торжествую, я воспаряю, она содрогается и увлекает меня в ночь. И я знаю, что люблю ее.

Но потом мы лежим бок о бок, наши сердца полны обрывочных фраз, я смотрю в зеркало на стене и вижу тьму, которая пятном расползается по нашей любви. Я люблю ее, но что это значит, когда мы пробуждаемся? В ее мечтах мы, взявшись за руки, идем по Бродвею и тремся носами на скамейке молодоженов в Тадж-Махале. Я думаю о Гите, о ее и моих родителях, о маленькой, растерянной Рекхе, недоумевающей, куда девался папа, и глаза ее полны невыплаканных слез. Конечно, бывают минуты, когда я тоже фантазирую о новой жизни с новой женой, женой с волосами медового цвета, белокожей и румяной, с глазами, как бриллианты, играющие на солнце. Я готов забыть об ответственности, о бремени вины и долга, обо всем, что приковывает меня к сегодняшнему дню.

Иногда мне снятся странные сны об Америке, какой я никогда ее не видел даже в кино, просторной, открытой и зовущей; это безусловно Америка, но странная, населенная быстрыми машинами и большими женщинами, или, может быть, быстрыми женщинами и большими машинами — не могу вспомнить, когда просыпаюсь. Сны с точными, но нелепо перемешанными подробностями: я вижу Присциллу, она манит меня, и я знаю, что это Присцилла, но во сне она похожа на Мэрилин Монро, Мэрилин Монро с фотографий, которые я видел в старых журналах. Эта Присцилла-Мэрилин зовет меня в большую машину, и я думаю — ясно и отчетливо, — что надо сесть в эту машину, она очень надежная, она славится своей надежностью, я ищу глазами название и читаю VULVA, и это меня нисколько не удивляет — просто еще один известный шведский бренд. В другом сне я балансирую на самой кромке крыши небоскреба, Гита и Рекха цепляются за меня, они перепуганы и плачут, я им кричу, чтоб держались, хотя на самом деле это я вот-вот свалюсь с крыши, я срываюсь и падаю с огромной высоты, падаю, падаю, падаю, в ушах крики жены и дочери... я просыпаюсь. Я всегда просыпаюсь, не успев удариться оземь. Естественно, заснуть я больше не могу.

Я мало читал Фрейда, но понять смысл таких снов можно и без психоаналитика. А сны донимают меня все больше. Как-то я проснулся после очередного падения, но в этот раз я плюхнулся в солоноватое, пенное, коричневое море, а когда, задыхаясь и захлебываясь, всплыл на поверхность, почувствовал на губах и во рту вкус кока-колы. Я понял,

что тону в кока-коле! Снова выбравшись на поверхность, я совсем близко вижу дочку на плоту, который почему-то похож на "амбассадор". Она вся в белом, будто в трауре, глаза печальные, но она не замечает меня, не видит, что я тону так близко от нее. Я кричу ей, но меня опять затягивает вниз, я понимаю, что уже в третий раз иду ко дну и больше мне не всплыть, сейчас я захлебнусь коричневой жидкостью... Клянусь, я проснулся с отчетливым вкусом кока-колы во рту.

А что, интересно, снится Присцилле? Она утверждает, что никогда не могла вспомнить ни одного сна, что пробуждается освеженная, не имея ни малейшего понятия, где блуждала ночью. Я завидую счастливой мимолетности ее снов.

Теперь меня терзают еще и ее воспоминания. Я думаю о ее любовниках, об этом ее баскетболисте, представляю себе его черную, мало отличающуюся от моей руку на ее белом бедре, и что-то во мне постепенно умирает. С притворной небрежностью расспрашиваю ее о других, она отвечает без малейшего смущения, со всеми подробностями. А мне вечно хочется узнать больше, чем я могу вынести. Иной раз мне удается вовремя остановиться, не выспросить подробности, которая потом будет мучить меня, заставляя усомниться в собственных мужских достоинствах. Но вся штука в том, что всего мучительней самые невинные детали. По моей собственной просьбе она описывает весь свой зверинец, в ее воспоминаниях фигурирует чуть не вся ООН — аргентинец, финн, китаец. А я кто — приходит мне в голову? Последний в длинном списке экзотов, побывавших в постели Присциллы? Потом вспоминаю, что у нее были и белые американцы голубых кровей, и размышляю над ее продвижением от бостонского брахмина к тамильскому. Возможно, она предпочитает меньшинства.

Конечно, я понимаю: подобные мысли недостойны, а обжигающие вспышки ревности рано или поздно всегда проходят, их гасит искренность ее любви. А иногда мне помогает прийти в себя уайльдовское "мне нравятся женщины с прошлым и мужчины с будущим" — пожалуй, мы с ней понравились бы Уайльду.

Порой мы рассуждаем о будущем, словно оно у нас есть. Общее будущее. Я всерьез размышляю, не бросить ли службу. "Ты что, с ума сошел? — обязательно спросила бы мама, — оставить карьеру в Административной службе, о которой тысячи других даже мечтать не могут!" Уехать с Присциллой в этот ее американский университет, защитить диссертацию или заняться литературой. Мама никогда не примет Присциллу, отец, будь он жив, отрекся бы от меня. Моя возлюбленная мечтает совсем о другом, ей хочется остаться в Индии и заниматься своими проектами там, куда меня направит начальство. Я помалкиваю насчет того, что правила Административной службы запрещают супруге высокопоставленного чиновника заниматься деятельностью такого рода. Столкновение интересов... Что-то заставляет меня избегать обсуждения практических деталей. Присцилла — это уход от реальности, ее волшебству не вынести приземленного реализма.

Поэтому я соглашаюсь с ее упоительными планами, построенными на паутинке иллюзий.

12 октября 1989 г.

Вам будет интересно узнать, что сказал Маулана Азад, когда в 1940 году его избрали президентом Индийского национального конгресса.

Маулана был ученейшим богословом, он родился в Мекке, изучал Коран и хадисы, владел персидским, арабским и урду. В Индии он считается эталоном мусульманской учености и культуры. Однако он говорил, что все его существо восстает против идеи раздела Индии по религиозно-общинному принципу: "Я не в силах представить себе, как может мусульманин допустить это, если только он не истребил дух ислама во всех уголках своей души". При этом, заметьте, его главным соперником в борьбе за голоса индийских мусульман был Мохаммад Али Джинна, лидер Мусульманской лиги, выпускник Оксфорда, адвокат из "Линкольн-инн", который заказывал себе костюмы на Сэвил-роу, любил скотч и сигары, ел свинину, почти не знал урду и был женат на иноверке. Это не мешало Джинне утверждать, что именно он выступает от лица индийских мусульман, когда он провозглашал мусульман отдельной нацией. Маулана работал в секулярном (индусопокорном, как говорил Джинна) Национальном конгрессе и неустанно напоминал единоверцам, где их настоящая родина.

Продолжать? Работает ваш диктофон? Хорошо.

"Я мусульманин и горжусь этим", — сказал он в своей знаменитой речи. "Тринадцать столетий блистательной традиции ислама — мое наследие, и я не хотел бы утратить ни единой его крупицы. Вдобавок, я горд тем, что я индиец. Я часть неделимого единства, каким является Индия. — После чего добавил — и это ключевые слова его речи: — Я необходим этому величественному сооружению. Я — один из существенных компонентов этой страны. Я никогда не откажусь от этого притязания. То был исторический жребий Индии — многие расы, культуры и религии стекались к ней, многие караваны остановились здесь... Одним из последних был караван последователей ислама. Мусульмане пришли в Индию и остались здесь навсегда. К несметным богатствам этой страны мы добавили свои собственные. Мы дали ей то, в чем она больше всего нуждалась, самый бесценный дар из сокровищницы ислама — послание о равенстве людей. С тех пор прошло целых одиннадцать столетий. Сегодня ислам имеет столь же несомненное право на землю Индии, что и индуизм".

Требовалось немало отваги, чтобы произнести подобные слова.

Джинна называл Маулану мусульманским статистом, марионеткой Конгресса. Но ведь именно Маулана, гордясь своей религией, одновременно утверждал право индийских мусульман на Индию. Он отвергал идею раздела, доказывая, что имеет право — как любой индус — на всю Индию, от Кашмира до Каньякумари, от Хайберского перевала до Кхулны. С какой стати было ему соглашаться с небольшой частью узкомыслящих индийских мусульман и принимать идею Пакистана, по которой его единоверцам доставалась усеченная часть наследия их страны?

Маулана был подлинным представителем индийского ислама, а победа Джинны как раз и стала одной из причин гигантской трагедии, постигшей мусульман этой страны.

Можно понять, почему некоторые индийские мусульмане, особенно северяне с их романтической ностальгией по доброму старому времени, ненавидят Пакистан больше, чем индусы. Они знают, чего лишились и какое бремя вынуждены нести в результате отступничества Джинны и превращения их братьев по вере в иностранцев. В 1971 году Мохаммед Карим Чагла, бывший министром иностранных дел в 1965 году, когда Индия воевала с Пакистаном, выступая в парламенте во время бангладешских событий, сказал: "Пакистан был зачат в грехе и умирает в насилии".

Вы знакомы с М. Джей Ахбаром, главным редактором "Телеграфа"? Блестящий молодой журналист, настоящая медийная звезда и, между прочим, мусульманин. Так вот он публично обвинил Джинну в том, что тот "продал родовое право индийских мусульман за чечевичную похлебку". Многие мусульмане страдают от комплекса вины: раз страну разделили как бы от их имени, то у них меньше прав на уменьшившуюся Индию...

А это, в свою очередь, заставляет многих мусульман считать себя гражданами второго сорта, словно мы косвенно повинны в первородном грехе Пакистана. "Если вам не нравится в Индии, почему вы не уезжаете в Пакистан?" – спрашивают индусские фанатики. И что на это ответить? Сказать, что это моя родина и у меня такое же право жить здесь, как и у них? Но ведь Джинна и его последователи дали индусским шовинистам повод для подобных заявлений, когда от лица всех индийских мусульман заявляли, что их родиной является другая страна, иностранная держава под названием Пакистан.

Естественно, что индусские шовинисты используют эти настроения мусульман, воспринимая их как признание собственной несостоятельности. И я не имею в виду оглашенных экстремистов, которые скажут вам, что Тадж-Махал на самом деле был когда-то дворцом махараджей. Я говорю, казалось бы, о разумных людях, которые призывают мусульман "ассимилироваться", "признать", что мы бывшие индусы, обращенные в ислам, и принять их представления о национальном характере Индии. Разумеется, найдутся мусульмане, готовые согласиться с подобной чушью. Но на каждого мусульманина, страдающего от чувства вины, найдутся двое, которые вслед за Мауланой утверждают, что Индия неполна без нас, что мы индийцы не в меньшей степени, чем самые чванные из индусов.

Помню, как однажды у нас в колледже затеялся спор, и мой оппонент, выйдя из себя, заявил: это вы разделили страну! Я возразил, что если бы ее разделил я, то я бы жил не здесь, а в Пакистане. И добавил: если вы имеете в виду то, что я мусульманин, то по этому обвинению я признаю себя виновным. Но только по этому. Страну разделили не мусульмане – это сделали англичане, Мусульманская лига, Национальный конгресс. На сегодняшний день в Индии мусульман больше, чем в Пакистане. Здесь наша родина.

Я говорил спокойно, и он угомонился. Что-то пробормотал и ушел. Я отстоял свою позицию. Мусульмане должны держаться твердо, иначе нам скоро не на чем будет стоять.

Пакистанцы никогда не оценят масштаб ущерба, нанесенного Джинной нам, индийским мусульманам, как общине: ведь он сделал многих из нас не-индийцами. Сколько индийцев — кто из-за невежества, кто из-за предрассудков — считают нас не совсем такими, как они, чужаками, другими. Я как-то ехал в поезде со всей семьей — жена, дети, на мне, как сейчас, рубашка и брюки, курю "Уиллс", читаю "Стейтсмен". Сосед по купе заговорил о какой-то газетной заметке — не помню о чем, но точно не об индо-мусульманском вопросе. Побеседовали, потом он представился — я тоже назвал себя.

— Мохаммад Сарвар? — изумился он. — Так вы мусульманин?

— Да, — отвечаю ему, уже готовый защищаться.

Он как-то неуверенно обвел рукой всех нас: меня, жену в цветастом *шальвар-камизе*, мальчиков в шортах и футболках с комиксами в руках:

— Но вы совсем на них непохожи!

Совсем на них непохожи. Я хотел было ответить, но вдруг остро ощутил тщету любых возражений. Он уже налепил на меня ярлык, поместил недавнего собеседника в социальное гетто для меньшинств. Но я изумил его, пожалуй, даже разочаровал своим несоответствием его стереотипу. Видимо, будучи мусульманином, я обязан был выглядеть как-то иначе, может, иметь отметины на лбу от того, что пять раз на дню во время намаза стучу головой об пол; жена, несомненно, должна была быть закутана в *буркy*, укрывающую ее от глаз неверных; мальчики — носить какие-то, одному ему известные, но явные признаки обрезания. А тут — пожалуйста, обыкновенная индийская семья среднего класса. Я смотрел ему прямо в глаза, пока он, смутившись, не отвел взгляда. Да, я мусульманин, хотел я сказать ему, но я никогда не позволю таким, как ты, определять, каким мне быть.

Я вырос в привилегированной семье, получил элитарное образование и теперь пользуюсь влиянием в интеллектуальных кругах. Но я всегда понимал, как мне важно не забывать, что миллионы моих единоверцев живут по-другому. Мусульмане в Индии сталкиваются с множеством препятствий, даже с дискриминацией в ее самых разных формах, что меня лично может и не затронуть. Но если я хоть на миг забуду об этом, всегда найдется человек в поезде, который мне напомнит.

И все же, мистер Диггз, я люблю эту страну. Люблю не потому, что я тут родился, как и мои родители, и их родители тоже, и не только потому, что их кости смешались с землей этой страны. Я ее люблю, потому что ее знаю, я изучал ее историю, путешествовал по ее географии, дышу ее загрязненным воздухом, писал слова на ее музыку. Индия сформировала меня, мой ум, мои вкусы, мои привязанности и страсти. Если теперь я пять раз на дню бью поклоны в сторону Каабы — а будучи студентом, молился от силы раза три в год, — это не значит, что я отрекаюсь от своих корней. Я могу заказать себе южно-индийскую *масала-доса* в "Кофе-хаузе", потом наслаждаться бетелем и слушать *раг дарбари* в исполнении Рави Шанкара, ликуя всем моим индийским существом от каждой ноты. Я слушаю братьев Дагар, мусульманских исполнителей индусских религиозных гимнов, я хожу слушать *каввали* и умираю от восторга, когда их лучший исполнитель, индус Шанкар Шамбху, традиционно поет хвалу множеству мусульманских святых, прежде чем начать концерт. Это Индия, мистер Диггз!

Я был студентом, когда в 1971 году пакистанские генералы объявили Индии джихад. А война тогда шла за создание Бангладеш, независимого мусульманского государства на территории бывшего Восточного Пакистана. Они кричали о джихаде, а я раздувался от гордости, потому что военно-воздушными силами Индии командовал маршал авиации Латиф, отец моего однокашника. Какой джихад собирались вести пакистанцы против своего выдающегося единоверца?

В последние годы, мистер Диггз, произошла перемена в нравственном облике страны, в ее настрое, в понимании того, что значит быть индийцем. Усиливается демонизация определенных общин. Послушать только все эти разговоры: "мусульманам потакают из политических соображений" – а в пример приводят дело Шах-бану и Персональное право мусульман. Мусульманин может иметь четырех жен, мусульманская община растет быстрее всех других, скоро мусульман будет больше, чем индусов! Мусульмане нелояльны, они устраивают фейерверки всякий раз, когда Пакистан обыгрывает Индию в крикет или хоккей. Поначалу я пытался обсуждать это с теми индусами, которые готовы были слушать, но быстро сообразил, что все не так просто. Действия правительства Раджива Ганди в отношении дела Шах-бану были чистейшим политическим оппортунизмом, подачкой консервативным мусульманам, а не предательством интересов мусульманок и реформаторов ислама. К чему клеймить общину в целом, если многие члены этой общины тоже оказались в проигрыше? В любом случае, Персональное право касается только вопросов брака, наследования и развода – какое отношение оно имеет к тем, кого не затрагивает? Если мусульманину разрешено иметь четырех жен – а далеко не все этим пользуются, – то каким образом это влияет на количество репродуктивных мусульманских утроб, их же все равно четыре, зачинают ли женщины от одного мужа или разных мужей. И на основании каких статистических прогнозов можно утверждать, что 120 миллионов мусульман "обгонят" 800 миллионов индусов? И если горстка мусульман настроена пропакистански, как можно навешивать ярлык пакистанских симпатий на всю общину?

Но все это бессмысленно – тут нет ни логики, ни разумных умозаключений. Национальный разум поражен интеллектуальным раком и теперь мыслит категориями "мы" и "они".

Где же оказываются такие индийские мусульмане, как я? Я всю жизнь считал себя частью "нас", но теперь есть индийцы, респектабельные индийцы, индийцы, побеждающие на выборах, которые относят меня к "ним". Однако я исполнен решимости сопротивляться этому комплексу меньшинства, навязываемому индусскими шовинистами мне и мне подобным. Почему я попадаю в меньшинство? Это что, вытекает из правил арифметики? Но численно мусульмане в Индии всегда составляли меньшинство – и до Раздела, и в Мусульманский период средневековья, исследованию и преподаванию которого я посвятил жизнь. Но были ли мусульмане "меньшинством", когда Великие Моголы восседали на троне в Дели? Математически – несомненно, но ни один мусульманин не относил себя к меньшинству. Брахмины сегодня составляют всего десять процентов населения Индии – рассматривают они себя как меньшинство? Нет, меньшинство – это состояние ума, мистер Диггз. Это ощущение бесправия, ощущение своей периферийности, существования из милос-

ти. Я отказываюсь позволять другим загонять меня в эти рамки. И говорю моим единоверцам: никто не может без вашего согласия причислить вас к меньшинству.

Я был в Пакистане. Один раз. Участвовал в научной конференции и слушал доклад пакистанского ученого о роли — очень значительной, если не главной — ислама для национального самосознания его страны:

— Если турки перестанут быть мусульманами, они все равно будут турками. Если египтяне перестанут быть мусульманами, они все равно будут египтянами. Если иранцы перестанут быть мусульманами, они все равно будут персами. А кто мы без ислама? Мы индийцы!

Позже я подошел к нему. Представился:

— Меня зовут Мохаммед Сарвар. Я индиец.

И ушел, не замечая его протянутой руки.

Всякий раз, как я рассказываю эту историю моим мусульманским друзьям, я добавляю: для меня — все наоборот, мы мусульмане, но мусульмане живут и в сотне других стран. Значит, если мы не индийцы, то кто мы?

Опасность в том, что такие индусы, как Чаран Гупта, заставляют мусульман думать по-другому. Этим так опасна перемена в общественном настроении и определении понятия "индийский", и поэтому надо восстановить былую атмосферу в стране. Индия, которая отталкивает от себя некоторых из нас, может стать чужой нам всем. Это стало бы вторым Разделом, а раздел индийской души будет так же страшен, как раздел индийской земли. Для моих сыновей приемлема только одна концепция Индии как нации более великой, чем сумма составляющих ее частей. Индия не индусская, Индия не мусульманская, а единая Индия, каковой может быть только страна, позволяющая мусульманам именовать себя индийцами.

Миссис Харт и мистер Дас

12 октября 1989 г.

— Не знаю, как просить вас об этом, мистер Дас, но речь идет о деле очень для меня важном. Понимаете, я должна разобраться в обстоятельствах смерти моей дочери.

— Конечно, миссис Харт, конечно. Прошу вас. Задавайте мне любые вопросы. Все, что угодно. Если не смогу ответить, я, конечно, так и скажу вам, без колебаний. Без всяких колебаний.

— Ну что же. — Она глубоко вздыхает. — У Присциллы был близкий друг в Залилгархе?

— Мисс Присцилла была очень-очень популярна, миссис Харт. Мы все были ее близкими друзьями. Самыми близкими.

— Нет, вы меня не поняли. Видимо, я недостаточно ясно выразилась. Был ли у нее особенно близкий друг? Личный друг?

— К сожалению, я вас не понимаю, миссис Харт. Не понимаю.

— Был у нее бойфренд, мистер Дас?

— Бог мой, миссис Харт, что за вопрос вы задаете! Мисс Присцилла была сущим ангелом. Она помогала несчастным женщинам, усердно работала, очень усердно. У нее и времени не было на каких-то бойфрендов!

— Мистер Дас, я не сомневаюсь, что она много работала, но полагаю, у нее оставалось время и для себя. Вот что я нашла в ее вещах — это противозачаточные таблетки, мистер Дас, впрочем, вы должны знать, что это. Зачем она принимала их?

— Да-да. Понимаю. Понимаю. Но почему вы предположили, миссис Харт, что она их принимала? Вы в курсе, у нас проект по ограничению рождаемости. У нас планирование семьи. Образовательный проект. Может, она показывала таблетки женщинам, нуждающимся женщинам. Пожалуйста, не думайте самое плохое о вашей бедной дочери, миссис Харт. Самое плохое.

— Ох, да ради Бога... нет, это я так, мистер Дас. Спасибо.

— Миссис Харт, я с пониманием отношусь к вашему желанию узнать побольше об этой страшной трагедии. Страшной трагедии. И собрать все, что связано с вашей очаровательной дочерью. Очаровательной дочерью. К сожалению, это единственное, что есть в нашем офисе.

— Что это?

— Информационная справка, миссис Харт. Информационная справка о планировании семьи и о женщинах.

— Не совсем то, что я искала, но все равно, очень любезно с вашей стороны. Спасибо.

— Пожалуйста, миссис Харт. Всегда рад помочь. Всегда рад.

— Вы случайно не видели в ее столе чего-то... более личного характера?

— Что имеется в виду? Не совсем понимаю. Не совсем, миссис Харт.

— Я знаю, что у Присциллы была привычка вести дневник — записывать свои наблюдения, впечатления. Стихи. Делать наброски в альбоме. Я ничего не нашла у нее дома. И, похоже, альбом не видел никто.

— Альбом? Я тоже не припоминаю. Ничего такого не видел, миссис Харт. Если у нее был альбом, в офисе она его не доставала. Очень жаль, но ничем не могу помочь, миссис Харт. У мисс Присциллы и места такого здесь не было, чтоб альбомы держать. Только для служебной документации было место. Документации по проекту. Но мы, конечно, поищем еще, миссис Харт. И вы тоже можете поискать в офисе. Пожалуйста, миссис Харт. А хотите взять с собой информационную справку мисс Присциллы? Документ?

— Благодарю, но мне не хочется лишать вас бумаг, необходимых для работы, мистер Дас.

— Ничего, это у нас лишняя копия. Лишняя копия. И как хорошо написано! Мисс Присцилла замечательно писала. Прошу вас, миссис Харт, вы должны послушать:

Основанием для деятельности HELP-US является очевидная связь между высоким уровнем рождаемости и подчиненным положением женщин. Особенно наглядно это проявляется в Индии, где женщины испытывают сильное давление общества и семьи, вынуждающее их рожать больше детей, что, в свою очередь, ограничивает их автономию в качестве субъекта, принимающего решение. Женщины, ограниченные, а по сути дела, скованные частым де-

торождением и вскармливанием детей, поглощающим все их время, утрачивают свободу и возможность активной деятельности, а это, в свою очередь, ограничивает их возможности использовать свой жизненный потенциал. Главной целевой группой проекта должны стать молодые женщины, так как повышение их сознательности поможет изменить отношение к проблеме как их семей, так и общества в целом. Женщины, отказывающиеся от частого деторождения, будут пользоваться бóльшим авторитетом в своих семьях, что, в свою очередь, снизит уровень рождаемости и таким образом будет содействовать снижению нагрузки на ограниченные экономические и природные ресурсы развивающейся страны, каковой является Индия.

– Вот видите, миссис Харт, какие перспективы раскрывала ваша дочь! Какие перспективы!

Рам Чаран Гупта – Рэнди Диггзу

(перевод с хинди)

12 октября 1989 г.

Вы довольно вежливо слушаете меня, но я вижу, что не убедил вас. Вы, без сомнения, начитались так называемых секуляристов из Дели, которые утверждают, будто нет доказательств, что храм Рам Джанмабхуми стоял на месте нынешней мечети – так называемой Бабри масджид. Что они знают о доказательствах, они, знающие только то, что вычитали в западных книгах? Тысячелетиями известно, что Рам Джанмабхуми – место, где родился наш бог Рама. Это знание, мистер Диггз, устно передавалось из поколения в поколение. Мы – народ устных традиций, а наши предания гласят, что именно там родился Рама. В любом случае, не кажется ли вам странным, что Айодхья полна храмов, но самое завидное, самое благословенное место на холме занимает мечеть? Неужели секуляристы думают, что это простая случайность? Или, может быть, все-таки могольский захватчик Бабур разрушил самый большой, самый важный храм индусов и возвел на его месте мечеть, чтобы ткнуть побежденных носом в руины их веры?

Это не досужие домыслы, мистер Диггз. Существует множество исторических свидетельств в подтверждение наших притязаний. Йозеф Тиффенталер, австрийский священник-иезуит, живший в Авадхе между 1776 и 1781 годами, писал, что 250 лет назад был разрушен знаменитый храм на месте рождения Рамы, а из камней была построена мечеть. В 1886 году британский суд даже вынес решение, которое я могу вам процитировать: "Достойно сожаления, что мечеть была построена на земле, особо почитаемой индусами... Однако, поскольку событие имело место 356 лет назад, то сейчас поздно исправлять совершенное святотатство. Все, что можно сделать, это сохранить статус-кво... Любое новое действие может скорее причинить вред и нарушить порядок, нежели принести пользу". Я спрашиваю, мистер Диггз, – что это значит? Не означает ли это, что англичане признали – мечеть была построена на месте храма, но не сочли возможным принять меры, опасаясь проблем?

У меня нет сомнений в том, где истина. Еще важнее то, что сомнений нет и у миллионов благочестивых индусов. Они уверены, что проклятая мечеть занимает самое священное для индуизма место, наш Рам Джанмабхуми. Кому нужны доказательства, которых требуют леваки-историки, когда миллионы верят, что знают правду? Наша вера — вот единственное доказательство. Какой индиец предпочтет здание, построенное чужеземцем Бабуром, храму величайшего из индийцев, бога в человеческом обличье, бога Рамы?

И Рам Джанмабхуми не единственный храм, разрушенный бесчинствующими оккупантами, место которого заняла мерзкая мечеть. Это повторялось десятки раз по всей стране! Вам известна история храма Каши Вишванатх или — как они предпочитают говорить — мечети Гьян Вапи? Нет? Тогда послушайте.

Произошло это триста с чем-то лет назад. Храм Каши Вишванатх был одним из красивейших в Варанаси — вы называете его Бенарес, — в городе храмов на берегу священной Ганги, по-вашему Ганга. Началось с того, что одной принцессе приснился вещий сон, и было ей велено воздвигнуть храм в честь Шивы... Храм был построен и привлекал к себе миллионы паломников со всей Индии. Внутри знаменитого храма был установлен великолепный *шивалингам*, высеченный из бесценного изумруда, сверкающий фаллический символ мощи божества. Аурангзеб, богомерзкий мусульманский фанатик, Великий Могол на троне в Дели, всем известный своей ненавистью к тому, что он звал идолопоклонством, жаждал заполучить наше сокровище. В 1669 году он отдал приказ одному из своих свирепейших генералов разрушить великий храм, где, по его словам, вершились грязные дела, и доставить ему изумрудный *лингам*.

Генерал был абиссинцем и имел прозвище Черная Гора: был он огромного роста, широк в плечах, черен как ночь, носил черное и разъезжал на вороном жеребце. Он выступил в Варанаси с тысячами солдат и с оружием, какого не видывали защитники города, — с десятками пушек. Но как же отбивались жители Варанаси, мистер Диггз, какая яростная завязалась битва! Индусы защищали свой храм от превосходившего их врага. Сотни индусских воинов и горожан пали в этой битве, но защитники святыни не смогли устоять против мощи захватчиков.

Когда стало понятно, что мусульмане вот-вот ворвутся в храм, *пурохит*, главный жрец храма, решился на великое жертвоприношение: он схватил изумрудный *лингам*, который, вероятно, весил больше, чем он сам, и потащил его к храмовому колодцу, который носил название Гьян Вапи, Колодец Знания. Солдаты Черной Горы не успели схватить *пурохита*, и он бросился в колодец, прижимая к сердцу *лингам*. Тяжесть изумруда сразу увлекла его на дно. Тело вскоре всплыло на поверхность, и солдаты вытащили его, но изумруд исчез без следа. Черная Гора в ярости приказал осушить колодец — но все было напрасно. Мусульмане говорили, что *лингам* мог упасть в эстуарий и уйти в Гангу. Но, мы, индусы, знаем, что изумруд вернулся к Шиве, сам Шива вырвал его из лап грабителей, которые в бешенстве разнесли весь храм. Наступит день, и *лингам* снова появится в Варанаси — но, только когда на месте поганой мечети, выстроенной на месте легендарного храма, появится новый и снова сбудется сон принцессы.

Так вы не знали про храм Каши Вишванатх, а, мистер Диггз? Но вы не услышите рассуждений о том, что нет доказательств его существова-

ния, доказательство — само здание мечети: ее задняя стена и есть стена разрушенного храма с хорошо сохранившимися индусскими изображениями. Хотите еще доказательств? В 1937 году английские власти сами изучили факты — и составили официальное заключение, что мечеть Гьян Вапи стоит на месте древнего индусского храма. Почему то же самое не может быть справедливо в отношении Рам Джанмабхуми? Видите ли, мистер Диггз, все очень просто: разрушение индусских храмов и строительство мечетей на их месте проводилось намеренно, это было частью имперской политики мусульманских правителей. Нам словно говорили: смотрите, ваши индусские боги не так уж и сильны, им пришлось склониться перед мощью Аллаха, и вам тоже придется подчиниться воле новых мусульманских владык. Вот о чем должны были поведать мечеть Гьян Вапи и так называемая Бабурова мечеть.

А теперь скажите мне, мистер Диггз, не пришло ли время вернуть местному населению право гордиться своими традициями, своими богами и собой, отстроив храм Рам Джанмабхуми?

Эти франтоватые начальники, с которыми вы будете встречаться, Лакшман и Гуриндер Сингх, хотят, чтобы мы отменили шествие, — беспорядков опасаются. Отменить? Ни за что, мистер Диггз! Никогда! Потому что, если мы пойдем на это, мусульмане тут же объявят, что одержали победу, начнут каркать о нашем унижении, а кончится тем, поверьте мне, что они придут и перережут нас прямо в наших постелях.

Есть такая старая притча о часовом, который стоит на посту с двумя обнаженными мечами. По одному в каждой руке. Подходит вражеский солдат и бьет его по лицу. Ударил и пошел себе, ухмыляясь. Случайный прохожий спрашивает: что же ты стерпел, когда он тебя ударил? Часовой отвечает: а что я мог сделать, у меня руки заняты!

Индусская Индия, мистер Диггз, и есть тот часовой. Мечи у нас в руках, но в ход мы их не пускаем, хотя нас постоянно бьют по лицу. Но так было раньше. Теперь мы знаем, как отбиваться: тем, что у нас в руках.

Гуру Голвалкар, старейший индусский лидер нынешнего века, давно и ясно сказал: "Не-индусские народы в Индостане должны принимать культуру и язык индусов, должны учиться уважать и чтить религию индусов, то есть должны не только отказаться от нетерпимости и неблагодарности по отношению к этой земле и ее древней традиции, но развивать в себе любовь и преданность к ней — одним словом, они должны перестать быть иностранцами или оставаться в полном подчинении индусской нации, не требуя и не заслуживая привилегий, уже не говоря о режиме благоприятствования или правах гражданства". Это и есть послание треклятым мусульманам.

Можете не сомневаться, храм Рам Джанмабхуми будет отстроен, сколькими бы жизнями ни пришлось для этого пожертвовать. Наша кровь оросит пыльную землю, наш пот вместо воды смешается с цементом, но мы выстроим храм, мистер Диггз. Запомните мои слова. Я видел свет в глазах молодых ребят в наших процессиях, даже в глазах раненых. Не только религиозное рвение заставляет блестеть их глаза, мистер Диггз. Это свет победы — будто снова вспыхнула искра, которую погасили сорок лет назад. Теперь погасить ее будет трудно. Она разгорится и своим светом озарит всю Индию.

14 октября 1989 г.

Гуриндер Сингх — крутой коп. Тюрбан, устрашающая борода. Сикх. Толковый. Честный? Говорит, что думает. Матерится (сильно). Пьет (много). "Я все-таки сикх, вы в курсе, что нам ни курить, ни пить не разрешает вера? В курсе. Ну вот, курить я не курю, но все-таки я пенджабец, а потому пью, как "амбассадор". Не как мастер дипломатического запоя, нет. Я пью, как тот стальной ублюдок, "амбассадор", автомобильчик отечественного производства".

Г. С. и Лакшман — странноватая парочка для руководителей областного масштаба, но, судя по всему, спевшаяся. Давнишние кореши, вроде как.

Дальше из интервью (минус непечатное): "Мы в колледже особо не дружили. Сами видите, мы с ним разные. Лакшман интеллектуал, тонкая штучка. А я — от земли, человек действия. Он в свободное время книги читает, я — бегаю. В колледже он учил английский, я — историю. Он был в дискуссионном клубе и редактировал студенческий журнал. Я в хоккей играл. Он вегетарианец, а я сторонкой обходил столовую, когда раз в неделю там мясное не готовили. Он спиртного в рот не берет, а у меня всегда была под кроватью бутылка. Но он мне нравился — потому что умный и честный. Поэтому, когда он баллотировался в президенты Студенческого союза, а соперником у него был парень из нашей команды, дубина дубиной, я поддержал Лаки, что не добавило мне среди хоккеистов популярности. Но Лаки был лучше как кандидат и как человек. Я рад, что работаю с ним в этом вонючем Залилгархе".

Парочка, похоже, нажила себе одних и тех же врагов. Отсюда вывод, что они сработались.

Из беседы Рэнди Диггза с Гуриндером Сингхом

14 октября 1989 г.

Р. Д. Значит, ни вы, ни губернатор так и не запретили марш, даже после ночного нападения?

Г. С. Верно. Сами понимаете, мы из кожи вон лезли, но так никого и не схватили. Хотя я за ночь пересажал всех мусульманских смутьянов, какие мне только на ум пришли. Есть мотоцикл и нет крайней плоти? — всё, за решетку. Мы с Лаки...

Р. Д. С кем?

Г. С. С Лакшманом. Привык звать его Лаки, его так в колледже звали. А он меня Гуру зовет. Так я вот о чем: рано утром, чуть свет, мы с Лаки собрали всех индусских лидеров. Явились заспанные, глаза трут. Глаза от этого только кровью наливаются, вид у сукиных котов злобный. Сообщили им, что произвели аресты, призвали к спокойствию и потребовали, чтобы они отменили это свое шествие. Что началось! — можно подумать, мы потребовали, чтоб они своих дочерей нам продали. Один

из них, толстомясый карлик по имени Шарма, в такой раж вошел, что я думал, у него глаза из орбит выскочат. Куда там, они твердо решили стоять на своем.

Р. Д. И вы не могли помешать им?

Г. С. Нет. Лаки еще раньше запросил разрешения на запрет марша. Задолго до этого убийства, будь оно проклято. Но получил отказ от Лакхнау. А без согласия правительства штата Лаки ничего не мог сделать. Да в любом случае, в Залилгархе уже собралось тысяч тридцать добровольцев-индусов, заряженных яростью не меньше, чем батарейки их мегафонов. И Лаки, и я отдавали себе отчет в том, что попытка помешать маршу на этой стадии обречена на провал. Никакого на хрен сомнения, что полицейская акция приведет к массовым погромам и кровопролитию. И учтите численное превосходство: под моим началом несколько сот полицейских против тридцати тысяч долбаных фанатиков. Так что пришлось прибегнуть к убеждению.

Р. Д. А оно не сработало.

Г. С. Верно. Не сработало. Упертая банда святош, лбы пеплом натерты... Подлить еще?

Р. Д. Спасибо, я — все. А себе подлейте. И вы сдались?

Г. С. Черта с два мы сдались! Стали давить на них, чтоб изменили маршрут, не лезли в мусульманские кварталы, а главное — обходили стороной мечети. Так они даже на это не соглашались. Долго ругались, но в конце концов мы поняли, что выбора у нас нет. Пусть идут, но под интенсивным контролем и регулированием.

Р. Д. Это что значит?

Г. С. Проклятая содовая, мать ее, начисто выдохлась. Разве это содовая? Все равно что мочу собачью пить! Джасвиндер, *сода хэ*? Нормальная содовая! Да, так о чем я? Вы что-то спросили.

Р. Д. Что такое этот ваш интенсивный контроль и регулирование?

Г. С. Стандартные меры. Выставили им достаточно жесткие условия. Лаки в то утро проявил и твердость, и неуступчивость. Пусть себе маршируют, но никаких барабанов или цимбал у мечетей. Хотят нести свои плакаты — чёрт с ними, но никакого оружия. И никаких мечей или трезубцев-*тришулами*, которыми вечно размахивают эти чёртовы монахи в шафрановых тряпках. И чтоб не скандировали оскорбительные антимусульманские лозунги, не выкрикивали речевки, способные спровоцировать тех бесноватых на ответные действия.

Р. Д. А что за лозунги?

Г. С. Довольно агрессивные. Собственно говоря, за пару недель до погрома началась непрерывная, планомерная кампания: слова в очередной раз распалили страсти. Пока шла подготовка к маршу, каждый день вблизи мусульманских кварталов собирались сотни молодых индусов, они выкрикивали антимусульманские лозунги, всячески подначивая и открыто провоцируя тамошних жителей. Или носились на мотоциклах и вопили: *Муссальман ка до хи стхан / Пакистан я кабристан! – Два пути у мусульман: на кладбище и в Пакистан!* Или того хлеще: *Джо кахта хэ Али-Али, / уски ма ко чоддо гали-гали! – Кто кричит Али-Али, матерей их мы е....!* Ясное дело, скоты устраивали это безобразие днем, когда почти все мужчины были на работе, а женщины и дети от ужаса прятáлись по домам.

Ну и неизменное: "Храм отстроим, где он был..." — понимайте: "...Разрушив эту вашу мечеть". Когда такие слова орет сотня глоток под аккомпанемент мотоциклетного рева, это нагоняет страху. Тот, кто сказал: "Палки и камни кости ломают, а слова меня не задевают" — тот не знает, что такое орущая, вопящая, скандирующая лозунги индийская толпа. Нет, приятель, слова бьют больно. А эти крики и вопли наделали дел. Не сомневаюсь, что они-то и привели к нападению в ночь перед маршем.

Р. Д. Так что, мистер Лакшман пытался запретить лозунги?

Г. С. И лозунги в том числе. Он сказал: или вы принимаете наши условия, или марша не будет. Мой друг, безжалостный полицейский, отзовет разрешение на марш. Я кивнул и выдал им самую зловещую из моих усмешек. Конечно, это был блеф, но они-то рисковать не могли — а ну как не блеф? Согласились. Тут Лаки достает лист бумаги и требует, чтобы лидеры всех индусских партий письменно подтвердили свои обязательства. Поставили подписи, мать их, а что толку...

Р. Д. То есть слово они не сдержали?

Г. С. Это Лаки считал, что их подписи могут что-то значить. Честно говоря, я знал, что им подписаться, как два пальца... Когда человек не собирается держать слово, подпись не делает его надежней. Так что я решил выставить полицейские кордоны. По всему маршруту чёртова марша. Полиция на каждом углу и перекрестке; усиленные наряды перед мечетями и в кварталах повышенной возбудимости, плюс пикеты вызванного из соседней области подразделения, уже имеющего опыт воздействия на такое дерьмо. Мы действительно сделали все возможное, мистер Диггз, но оказалось, что подготовились недостаточно.

Р. Д. Расскажите, как все произошло.

Г. С. Марш начался в намеченное время. И сразу стало понятно, что будут проблемы. Я лично такого никогда в жизни не видел.

Р. Д. Вы имеете в виду численность?

Г. С. Численность, накал, агрессивность. Мы с Лаки, конечно, были там. Он не выпускал из рук бумагу с подписями этих ублюдков. Бхушана Шарма, Рама Чарана Гупта, вся халястра расписалась, все лицемеры, все до одного. И все их письменные заверения не стоили бумажонки, на которой красовались их подписи. Не стоили пота на руке Лаки, от которого намокла бумага, когда он, глазам своим не веря, перечитывал внаглую нарушавшиеся обязательства. Воздержаться от оскорбительных лозунгов? Не смешите меня — во всю глотку выкрикивались похабные, провокационные лозунги, часто под управлением тех самых подписантов! Оружие? В толпе так и мелькали трезубцы, ножи и кинжалы взлетали над головами, будто идет тренировка по метанию дротиков. А страсти как кипели! Привязать демонстрантов к генератору, так городу этому паскудному энергии на пару недель хватило бы. А тут еще лидеры вдруг решили направить толпу в самое сердце мусульманских *басти*, чтобы вызвать ответную реакцию. Причем мы их особо предостерегали именно против изменения маршрута, и они, сукины дети, обещали этого не делать. Но я-то их обещаниям не верил, так что мои люди оказались на месте и толпу не пропустили.

Р. Д. Иными словами, некоторое время вы держали ситуацию под контролем.

Г. С. Некоторое время. Но как, чёрт возьми, можно держать под контролем тридцать тысяч человек в жаркий сентябрьский день, если

они вышли на улицы, чтобы затеять бучу? Солнце поднималось все выше, и накал страстей все повышался. К полудню на мне рубашка намокла от пота, хоть выжимай. Давайте еще по одной. Я лично созрел.

Р. Д. Спасибо.

Г. С. Напряженность нарастала. Ощутимо. Нарисовать картинку? Процессия, которой, кажется, конца нет, медленно, мучительно, чертовски медленно ползет по узким улочкам. Из-под тяжело ступающих ног тучей поднимается пыль. Шовинистические выкрики рвут в клочья неподвижный воздух. Представляете? Жара. Крики. Неразбериха. Ненависть. Хлещет адреналин. Клинки сверкают на солнце. Люди взвинчены, измучены жаждой, охрипли. Но орут.

Р. Д. И что потом?

Г. С. Толпа поравнялась с мечетью и замерла, будто перед нападением. Ребятам Лаки и моим полицейским силой пришлось толкать вперед озверелых ублюдков, чтоб они не забыли, что пришли на демонстрацию, а не мечеть громить.

Р. Д. А мусульмане? Где же были мусульмане, когда такое творилось в их кварталах?

Г. С. Забаррикадировались в домах. На улицах — никого, даже обрезанного мышонка не видать!

Р. Д. А потом что?

Г. С. Часам к трем две трети демонстрантов миновали мусульманские *басти*. Нам с Лаки начало казаться, что пронесло. Без взрыва, которого мы так боялись. Нам бы знать, что у нас столько же шансов выпутаться, как у шлюхи на мальчишнике. А, наконец-то нормальная содовая!

На чем мы остановились? Стоим на перекрестке у мечети, не у главной, а у другой, поменьше. Но именно возле нее уже не раз бывали стычки индусов с мусульманами. Кажется, называется мечеть Мохаммед Али. Впрочем, это не важно. На самом деле, именно тут мы и ожидали кульминации. Поэтому и были там вдвоем: треклятый губернатор области и трижды треклятый суперинтендант полиции. Подгоняем толпу вперед. Готовимся отреагировать на любую неожиданность. И вот это, мистер Диггз, самое скверное, самый кошмар: мы ведь были начеку, были готовы к наихудшему. Ситуация не застала нас врасплох, мистер Диггз.

Р. Д. Зовите меня Рэнди.

Г. С. Гуляка-Рэнди? Рэнди-бренди? Бутылка и бабы. Посмотреть бы на вас в деле. А пока давайте еще по одной. Содовая есть. Не пить же мне одному!

Р. Д. Рэнди — от Рэндолфа. Это мое полное имя. Продолжайте.

Г. С. Ну вот. Мы были наготове. Нападения на главную мечеть мы не допустили. Думали, пронесет и здесь. И вдруг откуда-то выскакивают какие-то люди, несутся нам навстречу. В полной панике. Сначала было не разобрать, что они орут. Я даже подумал, уж не мусульмане ли это. Смотрю, нет, индусы. Рожи перекошены, вопят, мол, наших бьют, *бомб маар рахен хен*! Бомбы бросают! Кто бросает, спрашиваем. Ясное дело, в ответ дикий вой: как кто? Мусульмане! Мусульмане бросили бомбу в толпу, убит индус. Мать твою, вот оно, то самое, чего мы боялись! Мы с Лаки — туда. Всего метрах в ста в луже крови лежит молодой парень, грудь разворочена самодельной бомбой, вокруг стеной разъяренная толпа. Парень умирает на глазах, толпа завывает от страха и ярости. Ситуа-

ция — хуже не придумаешь. Лаки поднимает раненого с земли, несет в свою машину — она рядом, — приказывает шоферу мчаться в больницу. До больницы малого не довезли, умер по дороге.

Р. Д. Первая жертва.

Г. С. Именно. Первая жертва. Мы с Лаки понимаем: надо действовать. Надо справиться с озверелой толпой, которая жаждет крови и мщения. Мы знали: если сию же минуту не овладеем положением, начнется линчевание. Обезумевшая толпа понесется по мусульманским переулкам, убивая направо и налево. Мы должны были остановить толпу, пока она не вышла из-под контроля.

Р. Д. Вроде как уже вышла.

Г. С. Пока у нас была только одна жертва. Мы боялись, что будут сотни. Из первых же расспросов я примерно сообразил, откуда бросили бомбу. В очень узком тупике находился маленький двухэтажный домик. Кривом, как лапа побитой собаки, тупичке. Отходил он от главной улицы, по которой двигалась процессия. Кретины, швырнувшие бомбу, явно прикинули своими куцыми умишками, что там легко спрятаться. По их кретинскому расчету, первая бомба должна остановить шествие, потом взбешенная толпа кинется громить дом, и тут-то недоумки обрушат на погромщиков свою коллекцию самодельных взрывных устройств. У них одна идея — перебить побольше народу. Если "идея" не слишком сильное слово для их вонючей стратегии. Должен признать — некоторое количество индусских фанатиков они бы несомненно положили.

Р. Д. Но и сами бы погибли. И дом был бы уничтожен.

Г. С. Верно. Хотя дом принадлежал не им. Но не ищите рационального подхода, когда дело касается религиозных погромов. А эти молодцы терпели поношения, оскорбления и обидные выкрики в течение многих дней до чёртова шествия с кирпичами. Их довели до белого каления, до состояния цепных псов, которых долго дразнили и забрасывали камнями. Естественно, несчастные ублюдки решили, что самое время дать сдачи.

Р. Д. Но ведь мусульмане уже начали действовать? Я имею в виду инцидент с мотоциклами. Была тут какая-то связь?

Г. С. Разные группировки. Конечно, мотивация та же, что подтолкнула мусульманских мотоциклистов к поножовщине в ночь перед маршем. Никто же не думает, что будет дальше.

Р. Д. Толпа была в доме, когда вы туда прибыли?

Г. С. Мы с Лаки сразу туда помчались. Все были еще в шоке, в центре внимания — пострадавший. Когда мы отправили его в больницу, нам уже было ясно, что толпа вот-вот превратится в звериную стаю, почуявшую кровь. И кроме крови ей не нужно будет ничего.

Из дневника Лакшмана

2 июня 1989 г.

Мы, естественно, разговаривали о сочинительстве. Однажды я без спросу взял Присциллину тетрадь с записями, но она с криком выхватила ее у меня из рук. Ох уж эти американцы с их помешательством на неприкос-

новенности частной жизни. Я перефразировал Уайльда: "Каждому нужен дневник — предпочтительно чужой". Она стояла на своем. Но мне все же удалось уговорить ее показать. Не самое интимное — возможно, касающееся меня? — а размышления, стихи, наброски. Стихи у нее недурны. Одно стихотворение о Залилгархе, написанное в минувшее Рождество, вполне можно было бы опубликовать. Она вспыхнула, когда я сказал ей об этом. Ответила, что пишет исключительно для себя. И вообще, все в тетради предназначено только для нее самой, ни для кого больше.

— Какой же тогда в этом смысл? — спросил я. — Со студенческих лет я пытался выкроить время, чтобы писать, так как мне есть что сказать миру, а у тебя есть время писать, но ты не хочешь никому показывать написанное.

Так разговор перешел на мои литературные занятия — сумбурные, нерегулярные: "пишу, когда есть время и настроение", "пишу, чтобы избежать общения с Гитой" и т. д. Я не принимаю всерьез свои стихи, мне даже как-то за них неловко; о дневнике и вообще речи нет.

— Я хотел бы написать роман, — говорю я ей, — но чтобы читался он не как роман. Романы вещь нехитрая — сюжет в линейном изложении, от начала к концу. Такие сочиняют уже десятки лет. Даже не десятки, а сотни. Я бы хотел писать по-другому.

Она приподнимается на локте.

— Ты имеешь в виду нечто эпическое?

— Нет, — отмахиваюсь я, — это уже сделано. Я читал про одного сочинителя: он взял и переписал "Махабхарату". Перенес действие в двадцатый век — эпический стиль, в духе устной традиции, со множеством отступлений. Нет, я о другом: почему бы не написать роман, который читался бы... как энциклопедия?

— Энциклопедия? — в ее голосе слышится сомнение.

— Краткая. Я имею в виду произведение, которое можно читать с любого места. Выбираешь главу 23 и знакомишься с одной сюжетной линией; идешь дальше к главе 37 или обратно, к главе 16, и знакомишься с другой. Все они взаимосвязаны, но ты видишь эту взаимосвязь по-разному, в зависимости от того, в каком порядке читаешь. Каждый прочитанный отрывок, как статья энциклопедии, вносит что-то в общий объем знаний читающего. Но в каждый такой отрывок он добавляет то, что прочитал ранее, — таким образом каждая глава несет в себе больший или меньший смысл, в зависимости от того, сколько он уже прочел.

— А если она, — Присцилла подчеркивает женский род местоимения, — начнет читать с начала?

— Не имеет значения, начало подсказывает концовку. Долой всеведущего повествователя! Пришло время всеведущего читателя. Пускай читательница конструирует собственный роман всякий раз, когда читает мой.

Присцилла прикусывает губу, как всегда, когда собирается сказать нечто не слишком для меня приятное.

— Не знаю, получится ли, — медленно произносит она.

— Может, и не получится, — не сдаюсь я. — Но ты ведь знаешь, что говорит Уайльд о форме, которая важнее содержания. Я, конечно, сохраню все классические компоненты романа. В "Натьяшастре", санскритском трактате по театральному искусству, названы девять эмоций,

которые обязательно должны присутствовать в художественном произведении. Это — любовь, ненависть, радость, скорбь, жалость, отвращение, отвага, гордость и сострадание. Все они у меня будут. Включу все девять догматов древних мудрецов. Но почему я должен делать это шаблонным образом? Разве нельзя написать роман, скажем, о религии без описания храмов или мечетей? К чему отягощать читателя молитвословием жрецов, проповедями мулл, удушливой атмосферой богопочитания. Пускай читатель вложит в книгу собственный опыт, свои воспоминания о любви и ненависти, свои ощущения радости и скорби, жалость и отвращение, свои представления о смелости, гордости или сострадании. И если это получится, какое значение имеет форма? Пускай романная форма меняется при каждом чтении — и содержание тоже.

— Но как читатель поймет истину?

— Истина! Об истине мы знаем одно: говорить о ней можно только во множественном числе. Разве понимание истины не зависит от твоего подхода к ней? Или от уровня знаний?

Она опять покусывает губу.

— Что-то или истинно, или нет, — говорит она наконец.

— Отнюдь, моя дорогая. Истина неуловима, трудноразличима и многогранна. Знаешь, Присцилла, есть у индусов такая притча об истине. В давние времена молодой воин, сорвиголова, хотел жениться на прекрасной принцессе. Но ее отец, король, посчитал юношу слишком уж самоуверенным и неопытным. И сказал, что только тогда выдаст за него принцессу, когда он найдет Истину. И воин отправился на поиски. Он побывал в храмах и монастырях, поднимался на горные вершины, где медитировали мудрецы, бродил по лесным чащам, где бичевали себя аскеты, но Истину так обнаружить и не смог. Юноша отчаялся, но однажды, ища укрытия от бури, он забрался в затхлую пещеру. И там натолкнулся на дряхлую старуху: волосы ее были всклокочены, лицо усеяно бородавками, кожа на тощих руках обвисла, изо рта, в котором осталось лишь несколько пожелтевших и обломанных зубов, воняло. Юноша заговорил с ней и по ее ответам понял, что его искания завершены — перед ним была Истина. Всю ночь они разговаривали, а наутро, когда буря улеглась, воин спросил:

— Я отыскал тебя, Истина, как рассказать о тебе во дворце?

Старуха улыбнулась:

— Скажи всем, что я молода и прекрасна.

Из дневника Присциллы Харт

22 июня 1989 г.

Сегодня он вручил мне еще одно стихотворение.

"Ты так мало обо мне знаешь, — сказал он. — Эти стихи дадут тебе представление о моих школьных годах, когда мы жили в Калькутте, о родительском доме. Они какие-то сумбурные, но таким уж я был в то время".

Короткая, робкая записочка. Надо думать, стихотворение много для него значит.

Минто-парк, Калькутта. 1969–71

По-прежнему дорога моей памяти ведет
К зубчатым стенам, вроде крепостных.
На самом деле, они прячут жилье прислуги.
Туда вернутся на ночь повара, садовники и судомойки,
После того, как съеден ужин и вымыта последняя тарелка.

Поодаль, за крепостными стенами, — мой дом,
Одна из двух многоэтажек, важных, серых.
Роскошь сада, где франгипани и бугенвиллеи,
И бадминтонная площадка с порханием воланов,
А рядом играют в крикет, еще неловкой битой
Посылая мяч за изгородь, на кладбище.

Ища мячи среди заросших надгробий, я как-то
Натолкнулся на могилу английского мальчишки.
В девять лет его убила малярия столетие назад.
По ночам оттуда доносился вой шакалов, как эхо
Демонстраций на Майдане, извергавших страхи
И политические страсти в знойный воздух.
Крепостные стены нас отделяли от них.
Когда настали времена "снижения нагрузок" —
Любимый эвфемизм для отключения энергии, —
Весь город задыхался в смоге, но мы не знали горя:
Были подключены к Алипурской тюрьме, больнице
Шамбхунатх Пандит и сумасшедшему дому — местам,
Нуждающимся в свете. Надежда лампой освещала
Наше жилье. Удача (и хорошие связи) предвещали нам
Доброе будущее.

Холостой сосед по дому спал с женой владельца магазина,
Тот много разъезжал, а неуклюжий сын его мечтал
Об эмиграции в Австралию. Грудастая нимфетка с верхнего
Этажа поцеловала меня в губы в лифте, но после завела
Роман с выпускником коммерческого колледжа.
Теперь они женаты. Прямо над нами жил управленец,
Похожий на голливудскую кинозвезду.

Мамины подруги просто обмирали, оказавшись в лифте
С ним. Седой и тихий мистер Лютхра с последнего этажа
Перебрался еще выше, напоследок шепнув жене: "Как умирать
Не хочется".
Мне чудится, что он остался в доме, и борется за жизнь.

За поворотом мулла скликает правоверных на молитву.
Сходясь к мечети, они проходят мимо храма Ганеши,
Где звоном колокольчиков индусы возносят свои молебствия богам,
А из динамика гурдвары рокочут строфы Гуру Грантха,
Священной книги сикхов.
Иезуит-священник на велосипеде в тюрьму несется, где он врачует

Души заключенных.
Сын пивовара-миллионера в открытом "форде" проезжает мимо
Коровы безмятежной, которая пасется на углу.
И как белье под ветром колышется покой.

Мы жили в мире двух миров и говорили на языках обоих.
По ночам нам снились сны о школе, о контрольных, о жизни.
Дни медленно пылали, как жаровня на базаре, примешивая копоть
К воздуху, которым мы дышали.
За крепостными стенами мы спали, жили и учились,
Шафрановые зори текли сквозь наши пальцы
И оставляли пятна света на сердцах.

Лакшман – Присцилле

1 июля 1989 г.

Как же здесь хорошо! Сидеть с тобой, смотреть на небо за рекой, пока солнце не закатится совсем и темнота плащом не ляжет на наши плечи... Забыть про все, и прежде всего про ненависть, которая медленно разгорается в городе, даже сейчас, пока мы с тобой...

Мне хочется молиться.

Почему я вообще молюсь? Как я молюсь и кому? Сколько вопросов. Ну да, я индус, родился индусом, и другая вера никогда не привлекала меня. Сейчас я скажу тебе почему. Как я молюсь? Не ритуально, нет. Я иногда бываю в храмах со своей семьей, но ничего при этом не испытываю. Я думаю о молитве, как о чем-то глубоко личном, произношу *мантры*, которым меня научили в детстве. Божественный санскрит, язык, который жив лишь на небесах и которому не дают умереть на земле, чтобы боги понимали нас, когда мы обращаемся к ним. Я сопровождаю *мантры* собственными молитвами на родном, тамильском, языке или по-английски. Прошу бога наставить меня и оборонить тех, кого люблю. Теперь я часто молюсь за тебя.

Естественно, я молюсь индусским богам. Не то чтобы я верил, что где-то на небе живут боги – разноцветные, как на аляповатых бомбейских календарях. Молитва – просто признание высшей силы за пределами человеческого опыта, а поскольку ни один человек непосредственно бога не видел, то любые визуальные изображения божественного – всего лишь костыли, помогающие нам, существам несовершенным и ограниченным, вообразить невообразимое. Пусть это будет корпулентный слоноголовый бог со сломанным бивнем, почему нет? Разве этот образ менее реален, менее пригоден для богопочитания, чем человек на кресте? И я молюсь Ганапати, или Вишну и Шиве, или воспоминанию о поблекшем календаре с изображением Рамы и Ситы в молитвенной комнате родителей. Это все символы Бога, и я молюсь, чтобы коснуться сил и источников жизни превыше человеческих. Я бы сравнил людей с электроприборами, требующими регулярной подзарядки, а молитву – с подключением к источнику питания.

Поэтому мне ничто не мешает утверждать, что я верующий индус. Но у меня нет ничего общего с так называемыми индусскими фундаменталистами. Вообще-то, говорить об "индусском фундаментализме" нелепо, потому что индуизм — это религия без фундаментальных основ: у нас нет организованной церкви, нет предписанных всем индусам верований или ритуалов богопочитания, нет единого священного писания.

Первоначально индусами называли племена, живущие за рекой Синдху, или Инд. Но сейчас Инд оказался в исламском Пакистане. Мало того, слова "индус" не было ни в одном индийском языке, пока его не дали нам иностранцы.

Милая Присцилла, "индуизм" это название, которое дали европейцы религии аборигенов Индии, а сами индийцы именуют ее *санатана дхарма* - извечная вера. *Санатана дхарма* объемлет эклектичный набор ритуалов и доктрин — от пантеизма до агностицизма, от веры в перевоплощение душ до кастовой системы. Но обязательного для индуса кредо просто не существует.

Ты ведь знаешь, я вырос в индусской семье. В нашем доме — а мой отец за годы работы раз десять менял местожительство — всегда была молитвенная комната, где изображения разнообразных богов соперничали за место на полках и стенах с выцветшими фотографиями покойных предков. На все это оседал пепел от благовоний, каждый день курившихся в комнате. По утрам, после омовения, отец, обмотавшись полотенцем, с влажными, еще не расчесанными волосами читал нараспев *мантры* перед изображениями богов. Однако меня никогда не заставляли следовать его примеру — и в этом я вижу отношение индуса к религии как к сугубо личной идее: молитва есть связь между тобой и любым образом творца, который ты сам выбираешь для почитания. Будучи индусом, я должен найти истину сам.

Думаю, что я нашел ее. Повторяю, я верую — несмотря на краткий период школьнического атеизма, — я из тех, кто, открыв для себя рационализм и поняв его ограниченность, пошел дальше. Наверное, еще и осознал, что мир полон загадок, для которых у науки нет объяснений. Я рад, что могу называть себя верующим индусом, не только потому, что был рожден в этой вере, но и по целому ряду других резонов, хотя вера ни в каких резонах не нуждается. Скажем так: как индус я исповедую религию, в которой воплощен древний гений моего народа. И еще одно — то, что за неимением лучшей формулировки я называю интеллектуальным "комфортом": мне комфортней в индусской структуре верований, чем было бы в структуре любой другой известной мне религии. Я исповедую религию без организованной церкви, церковной иерархии и папства. Религию, ритуалы и установления которой я волен принимать или отвергать, которая не обязывает меня демонстрировать мою веру никакими наглядными действиями: не важно, какие дни и часы я выбираю для богопочитания или сколь регулярно это делаю. Не существует ни индусского папы, Присцилла, ни воскресенья.

Это единственная мировая религия, которая не объявляет себя единственно истинной верой. Мне чрезвычайно просто общаться с людьми других вероисповеданий, так как я не обременен уверенностью, что я иду по "верному пути", а они блуждают в потемках. В основе христианства, ислама и иудаизма лежит догма. Возьми твою веру: "Я есмь путь и

истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня", говорится в Библии, Книга Иоанна, глава 14, стих 6. Можешь проверить. Или ислам: "Нет Бога, кроме Аллаха, и Мохаммед посланец Его", декларирует Коран, отказывая иноверцам в возможности искупления, уже не говоря о спасении или рае. Индуизм же утверждает, что все пути к Богу одинаково правомерны, индусы с готовностью почитают и святых, и священные реликвии других религий. Индуизм не знает, что такое ересь.

Как же может такая религия породить "фундаментализм"? Мне стыдно и больно видеть, что последователи этой толерантной религии рвутся осквернить чужой храм, что во имя этой религии они нападают на мусульман. Индия пережила ариев, мусульман и англичан, у всех что-то переняла — язык, искусство, кулинарию, знания — и все это ее обогатило.

Мусульманские завоеватели действительно разрушали индусские храмы и строили на их месте мечети, но на индийскую мечту они не покушались. Безмерный, эклектичный, многогранный индуизм, который исповедую я, признает, что вера живет в сердце и уме человека, а не в кирпиче и камне.

"Посели Раму в сердце твоем", предписано индусу, и, если Рама у тебя в сердце, все остальное значения не имеет.

Почему сегодня мусульманин должен расплачиваться за то, что делали его единоверцы четыре с половиной сотни лет назад? Это политика в чистом виде, Присцилла. Индусский шовинизм вырос из конкуренции политиков за электорат — источник силы нашей весьма дискуссионной демократии. Политиканы всех вероисповеданий по всей Индии борются за голоса, объединяя избирателей по религиозной, кастовой и региональной принадлежности. Таким образом они заставляют людей самоопределяться в первую очередь по этим признакам. В результате индийцы воспринимают то, что нас разделяет, острее, чем когда бы то ни было прежде.

Фанатики в том же Залилгархе хотят снести Бабри масджид и выстроить на ее месте храм Рамы. Мне хочется им втолковать — этим вы заденете чувства сегодняшних мусульман, никоим образом не повинных в былых несправедливостях, и не только спровоцируете ответные акты насилия против себя, но и запятнаете имя нашего народа в глазах всего мира. Так стоит ли игра свеч?

Именно это и старался я внушить таким, как Рам Чаран Гупта, Бхушан Шарма и прочим фанатикам. Но они не желают слушать. Они видят во мне инопланетянина без земных корней, не способного мыслить по-человечески. И, должен признаться, я их понимаю. Мусульмане гордятся тем, что они мусульмане, сикхи, что они сикхи, христиане, что они христиане, а чем прикажете гордиться индусам? Своим секуляризмом? Вполне естественно, что некоторые из них скандируют: *Гарв сэ кахен хам хинду хэн — С гордостью заявим: мы индусы!*

Гупта с Шармой не упускают случая уколоть меня этим лозунгом.

А я горжусь индуизмом, горжусь его многообразием, его открытостью, его интеллектуальной свободой. Свами Вивекананда в 1893 году потряс Всемирный парламент религий в Чикаго, сказав, что он гордится индуизмом, ибо индуизм приемлет все религии как истинные, недаром среди индусов нашли укрытие от преследований и иудеи, и зороастрийцы. И процитировал древний гимн: "Как разные потоки, берущие начало в различных

источниках, сливают воедино свои воды в океане, так, Господи, и все молитвы, кем бы они ни произносились, всегда обращены к Тебе".

Но не этим гордится мистер Гупта. Для него индуизм — это опознавательная бирка, а не комплекс гуманных верований, он гордится индуизмом, как британский болельщик своей командой. Никогда не допущу, чтобы такие гупты определяли, что значит быть индусом.

Махатма Ганди был истовым почитателем Рамы — он умер от пули фанатичного индуса со словами *Хае Рам* на устах, — но он всегда говорил, что для него Рам и Рахим — имена одного бога. И еще Ганди утверждал, что, стань индуизм религией ненависти к мусульманам или другим не-индусам, и он был бы "обречен на гибель". Ярость индусских толп, накал которой поддерживают фанатики, это ярость тех, кто боится проиграть в конкурентной борьбе религий, кто думает, что возвращает себе власть в стране, в давние времена отнятую у них узурпаторами. Они хотят отомстить истории, не понимая, что история сама мстит за себя.

Из интервью Рэнди Диггза с Гуриндером Сингхом

14 октября 1989 г.

Р. Д. Я, пожалуй, выпью, спасибо. Так что было дальше?

Г. С. Мы с Лаки быстро сообразили, что единственный способ не дать взбесившейся толпе осадить дом, откуда бросили бомбу, — оказаться там раньше.

Р. Д. Они же могли забросать вас своими бомбами.

Г. С. Был такой риск, не скрою. Но риск оправданный. Чтоб не допустить беду куда большую.

Р. Д. И толпа пропустила вас?

Г. С. Расталкивать пришлось сукиных детей. Требовать, чтоб расступились, обещать, что разберемся и накажем кого надо. На наше счастье, самых бесноватых — Рамы Чарана Гупты или Бхушана Шармы — там не было. Они остались у мечети — возглавлять долбаную демонстрацию, вести своих засранцев к славе, — и до них пока не дошло, что случилось и где находимся мы. В общем, толпа нас пропустила. Хотя, конечно, нашлись недоумки с мозгами раздавленного таракана, которые поперли за нами к дому.

Р. Д. У меня была встреча с Рамой Чараном Гуптой.

Г. С. Следующий член парламента от Залилгарха. По крайней мере, так говорят наши мокрохвостые ублюдки-политики. Просто курам на смех: он потом публично расхваливал мои действия во время погрома, и это при том, что мы друг о друге думаем.

Р. Д. И что же ты такого сделал?

Г. С. Открыл огонь.

Р. Д. Что?!

Г. С. Слушай, до тебя что, не дошло? Мы не просто должны были совладать с вышедшей из-под контроля ситуацией, но и показать почуявшей кровь толпе, что шутить не намерены! А, по-твоему, как? Вежливо постучаться в дверь и попросить чайку с бомбами? Раз уж мы добрались

до гребаного дома, выбор был один: либо мы, либо они. Я отдал приказ стрелять по дому и сам разрядил парочку обойм. Толпа уразумела, что полиция настроена серьезно, так что им незачем рваться к дому. Залп охладил самые горячие головы. Милое это дело, залп из хорошего полицейского револьвера — даже самых тупых заставляет задуматься. Мы должны были удостовериться, что толпа не приблизится к дому и не станет для бомбистов легкой мишенью. Да, пули и бомбистов сдерживают, а это, сам понимаешь, дело не последнее. Они же дилетанты, Рэнди, а первое побуждение вонючего дилетанта: как только запахло жареным, все побросать и уносить ноги. Одно дело швырять бомбы в завывающую толпу с ножами и трезубцами, и совсем другое — пойти против вооруженной полиции.

Р. Д. И что, помогло?

Г. С. Конечно. Жизнь-то дороже. Так перепугались, что полные штаны наложили, пока из дома выбирались. Я послал за дом парочку своих ребят. Отловили одного молодого придурка. Привели в участок. Не стану рассказывать тебе подробности, но очень скоро он рассказал все, что знал и чего не знал. Не криви рожу, Рэнди. Я достаточно насмотрелся ваших полицейских боевиков. Что бы с ним ни делали в участке, чтобы добыть показания, — это орешки по сравнению с тем, что сделала бы толпа индусов. Так что, можешь считать, закон был соблюден. Благодаря его показаниям мы смогли быстренько закрыть дело.

Р. Д. И что же он рассказал?

Г. С. Что рассказал? Простенькую историю. Группка молодых мусульман — мелкие государственные служащие, еще шофер из муниципалитета и *патвари* — сборщик налогов, решили, что должны отомстить индусским экстремистам за все оскорбления и унижения. Мразь безмозглая. Они, видите ли, чувствовали себя отчужденными от системы — ни один не был допущен к работе в этих наших паскудных комитетах примирения. "Что у нас, нет гордости?" — спросил меня один на допросе. "А мозги у вас есть?" — поинтересовался я. Нет, ты только подумай, какой блестящий план! Насобирали денег, где могли, не очень-то и много, всего несколько сот рупий. Потом один поехал закупать порох в соседнюю область, там в деревнях кустарным способом изготовляют петарды. Даже не с фабрикой связались: заведение, куда они толкнулись, такая же фабрика, как Залилгарх — город. Половина их паршивых *пхатак* даже не загораются. Накануне демонстрации, в пятницу ночью, они отправились к заброшенным развалинам у реки, которые мы называем Котли. Там смешали порох с битым стеклом и ржавыми гвоздями, разложили по кулькам из старых газет, перевязали бечевками. Смастерили семнадцать самоделок. Рассчитывали перебить десяток-другой индусов и в суматохе улизнуть. Умишка не хватило подумать, что будет с домом, откуда бомбы бросят, с кварталом, со всей округой. Идиоты недоделанные.

Р. Д. Но твоя тактика сработала. Поздравляю.

Г. С. Сработала? Минут на пять. Мы нейтрализовали группу придурков, но помешать погрому не сумели. Скоро по городу понеслись озверелые толпы, особенно свирепствовали они в мусульманских кварталах. Побереги свои поздравления. А я бы выпил.

16 июля 1989 г.

Я гляжу в ее немыслимо голубые глаза, такие голубые, каких я никогда раньше не встречал, и отчетливо сознаю, что понять меня она не способна.

Как мог я, такой начитанный, сверхобразованный, свободно ориентирующийся в ее западной культуре, как мог я жениться по сватовству? Мы рассуждаем об Апдайке и Беллоу, о списке бестселлеров журнала "Тайм", я ставлю для нее мои записи Боба Дилана, и Леонарда Коэна, и "Грейтфул дэд", она говорит о "Смерти коммивояжера", я цитирую "Кто боится Вирджинии Вулф?" — и все выглядит так, будто мы с ней уютно обитаем в одном мире. Но даже когда я держу ее белую руку в своих смуглых пальцах, я не забываю о том, что у нее эти культурные вехи связаны с другими вещами: с воскресными свиданиями в огромных "шевроле", со студенческими балами, с романами и сексом до замужества. В Индии об этом и речи быть не может. Сначала одни родители через сложнейшую систему посредников устанавливают контакт с другими родителями и выясняют соответствие гороскопов предполагаемых жениха и невесты. Потом следует краткий визит на чопорное чаепитие, к гостям выводят разряженную девицу, происходит обмен ничего не значащими фразами, и это становится основой пожизненного союза, скрепленного драгоценными украшениями и домом в Мадрасе, подарком от благодарного тестя, который гордится зятем из Административной службы.

— Но как же ты мог? — следует неизбежный вопрос Присциллы, уговорившей-таки меня рассказать историю моей женитьбы на Гите.

Мы в любимом нашем Котли, в закатной комнате, как ее прозвала Присцилла, она лежит на мне, нежная грудь на моем теле, ее лицо уткнулось в мое плечо. Только что утихла страсть, и я готов на все — даже отвечать на ее вопросы.

— У нас так принято, — объясняю я. — Так было всегда. Так женились и мои родители.

— Но ты-то другой! — она шутливо бьет меня кулачком в грудь. — Ты получил другое образование, ты... ты человек Запада!

Я держу ее кулачки, мои руки молитвенно сложены, словно она — мое приношение богам.

— Я индиец, — возражаю я. — Я люблю битлов и классический танец *бхарат-натьям*. Играю в пьесах Оскара Уайльда и ем руками. Читаю Маркса и женюсь по сватовству.

Она приподнимается:

— Тебе что, было все равно? Она ведь не та женщина, с которой ты хотел бы жить до конца дней.

Я снова привлекаю ее к себе, мне хочется ощущать ее тело на своем и не хочется смотреть ей в глаза.

— Мы иначе подходим к браку, — тихо говорю я. — Для меня женитьба — выполнение долга перед родителями, обязанность хорошего сына. В Америке брак — это союз людей, которые любят друг друга и хотят

быть вместе. В Индии брак рассматривается как договоренность между семьями, способ увековечения социального порядка.

— Разве в Индии мужчины и женщины не любят друг друга?

Ее губы так близко к моей груди, что голос звучит глухо, ее длинный, тонкий палец бесцельно бродит по моим ребрам.

— Конечно любят, но у нас считается, что любовь приходит в браке. Как можно полюбить человека, не узнав его, — а как его можно по-настоящему узнать прежде, чем начнешь жить с ним вместе?

Она молчит, теперь ее палец бродит по моему боку.

— Щекотно, — говорю я.

— Ч-шш, это я пишу.

Палец выписывает замысловатые завитки и петли и замирает, очертив круг.

— Что я написала?

— Не знаю. Последнее, по-моему, было "О".

— Глупый, — хихикает она. — Это я точку поставила. Сейчас напишу снова, а ты следи.

— Я люблю тебя! — улыбаясь, прочитываю я.

— Я уж думала, ты мне это никогда не скажешь!

Я притягиваю ее к себе, целую в губы, целую сильно, и мы снова одно тело, одно существо, одно дыхание.

— Стоп! Я тебе отвечу...

Я опрокидываю ее на спину, свет придает перламутровый оттенок белизне ее кожи, ее пальцы сплетаются у меня на затылке.

— ...но не рукой...

Я целую поочередно ее соски, потом медленно, нежно, смакуя каждое движение, пишу о своей любви языком по ее атласной коже. Я начинаю "Л" на правой груди и заканчиваю у косточки над левым бедром...Последнее "Ю" приводит меня к золотому треугольнику, я больше не в силах сдерживаться, я вхожу в нее.

Я уже не ощущаю жесткость матраса на каменном ложе, мы двигаемся в нашем собственном ритме, жена, работа, мир — все забыто...

Не хочу ни о чем думать, пока обнимаю ее, пока одна рука ласкает ее шелковые волосы, а другая впадинку над бедром, мое любимое место на ее теле. Не хочу думать о Гите, моей жене вот уже девять безлюбых лет, матери дорогой моей Рекхи, о работе, о заброшенных бумагах на моем столе, о шофере, который вышагивает взад-вперед у ворот, недоумевая, что *сахиб* так долго делает в Котли. И о том, что труднее всего выбросить из головы: о нарастающей напряженности в глухом городишке. Присцилла — утешение, Присцилла — уход от тягот, фантазия, ставшая явью, возможность другой жизни, будто чужая планета приоткрыла передо мною дверь.

Какой великодушный бог послал ее мне сюда, в забытый богом Залилгарх? Я бы не смог придумать Присциллу, если бы она не существовала: ее светлая красота, ее ум, ее искренность, совершенная открытость, готовность полностью отдаться мне. И это редкостное сочетание невинности и сексуальной раскованности — черта исключительно американская, как я теперь понимаю. Она приехала делать добро, просвещать бедных женщин, приобщить этот глухой уголок Индии к тому образу жизни, который считает правильным, и нашла меня.

А я нашел ее. В моей жизни нет ничего важнее наших свиданий. Два раза в неделю, по вторникам и субботам перед закатом, когда сумерки словно шаль окутывают Котли, мы встречаемся в потайной комнатке, куда она впервые вошла со мной (и где я впервые вошел в нее). Нам пришлось продумать дни и часы наших встреч, чтобы как можно меньше общаться прилюдно, не обмениваться записками через нарочных и не вести натянутые разговоры по телефону, которые неизбежно слышат другие. Я с возбуждением ожидаю встреч с Присциллой. Именно с возбуждением: должен признаться, что между ног это ощущение не менее сильно, чем в душе. Нас связывает любовь, вот только одинаковый ли смысл вкладываем мы в это слово?

До Присциллы я не знал настоящего наслаждения сексом. Гита просто лежит без движения, пока я делаю то, что ей кажется сугубо моим делом. Она никогда меня не ласкает, не радуется моим ласкам, ясно давая понять, что видит свою роль в том, чтобы терпеть, а не получать удовольствие. Она не из тех, кто ценит прелюдию любви, и часто остается сухой, когда я вхожу в нее — при этом глаза у нее плотно зажмурены, а лицо напряжено. После я сразу отодвигаюсь от нее, так и не испытав особого удовлетворения. Она отворачивается — ее долг исполнен. Ничего удивительного, что происходит это все реже и реже. Я только раз спал с Гитой после того, как в мою жизнь вошла Присцилла.

Секс с Присциллой — это радость, это праздник плоти, она дает столько же, сколько берет, ее тело движется с той же размеренной энергией, что и мое. Взаимные открытия доставляют бесконечное наслаждение, она готова испробовать все, и я обнаруживаю, что мы с ней делаем то, о чем раньше я только читал или воображал во время подростковых мастурбаций. Потом мы разговариваем, безмятежно рассуждаем об отдаленном будущем, вспоминаем стихи, но влечение не оставляет нас и в эти тихие вечерние часы. Я думаю о ней на работе, за обеденным столом, я содрогаюсь от воспоминаний, я хочу ее.

Как хороший индус я должен бы помнить о силе и коварстве сексуального влечения. В Ведах, Пуранах и других священных книгах моей веры много рассуждений о *каме*, плотском желании: это первичная потребность жизни, первое семя человеческих мотиваций, прародитель мысли, первейшее из четырех главных назначений человека — до богатства, религии и спасения. *Кама* — даже один из богов индусского пантеона, ибо влечение есть своего рода сакральная энергия. Но именно потому, что индуизм признает мощь *камы*, он учит своих приверженцев подавлению желания, накапливанию энергии путем сбережения семени, усмирению вожделения при помощи воздержания, медитации и добрых дел. Мудрецы древности знали, что сексуальное желание приятно, но мимолетно; желание мешает, а не помогает великому стремлению человека разорвать вечный круг рождений и смертей.

Но я ничего не могу с собой поделать, не могу представить себе и недели без Присциллы, не могу жить без нее. Меня охватывает неописуемая паника от мысли об октябре, когда она должна уехать на свою недосягаемую родину, от мысли о моем возвращении к прежнему существованию. С другой стороны, забыть о долге перед женой, родителями, дочерью, родней, кастой? Убежать с любовницей? С американкой! И куда мы отправимся? Что будем делать?

Поздравительная открытка ко дню рождения

22 июля 1989 г.

ПАЗДРАВЛЯЮ ПАПОЧКУ САМОВО-САМОВО
ЛУЧЧЕВО НАСВЕТЕЯ ТИБЯ ЛЮБЛЮ ХХХ РЕКХА

Письмо Присциллы Харт Синди Валериани

25 июля 1989 г.

Син, не хочу тебя волновать и т. д., но сегодня со мной приключилась неприятная история. Помнишь, я тебе писала про одну мусульманку, Фатиму Би, к которой меня водила сотрудница нашего Центра? У нее семеро детей, мал-мала, все недокормленные и худющие, а муж не разрешает ей предохраняться? Наша сотрудница Кадамбари повела меня к ней, чтобы я воочию увидела, с кем приходится иметь дело Центру. Женщина изнурена частыми родами и уходом за детьми, живет в лачуге, в мусульманской *басти* — чуть не написала "гетто" — и, по сути, жизни у нее нет никакой. Заперта в душной клетушке, где вечно закрытые ставнями окна выходят в переулок, похожий на сточную канаву. Син, я думала, что знаю Индию, потому что жила в Дели, но теперь понимаю — надо побывать и в таком городке, как Залилгарх, чтобы узнать ее по-настоящему. Эта женщина носит традиционную одежду до пят, так что только лицо и видно, и вдобавок шарф на голове. Не сомневаюсь, она еще и в *бурка* закутывается, когда выходит из дома — если выходит вообще. Фатима Би маленькая, худенькая, с торчащими вперед зубами и заметной родинкой на лице, с которого не сходит выражение озабоченности. Они с мужем и семерыми детьми занимают две комнатки, стряпает она там же на открытой плите, пользуется общим с соседями отхожим местом, стирает около уличной колонки. Судя по ссадине под глазом, терпит домогательства и побои мужа.

Муж у нее на государственной службе — вот так! — работает шофером в одном из муниципальных учреждений Залилгарха. Зовут его Али. Он чрезвычайно гордится тем, что у него семеро детей, говорит, что они — доказательство его мужских качеств. Когда несчастная Фатима осмелилась сказать, что больше детей им не поднять, муж воспринял это как оскорбление и избил ее. Женщина утверждает, что денег, которые Али приносит домой, едва хватило бы на троих детей, а их семеро. По моему настоянию, Кадамбари оставила ей на прошлой неделе несколько презервативов из демонстрационных запасов Центра.

Неудачная мысль. Конечно, он не будет ими пользоваться — когда Фатима протянула ему пакетики, он так разъярился, что снова избил ее, обозвав грязной шлюхой за то, что она знает о существовании таких вещей. Спросил, естественно, где она их взяла, она сказала, и тогда он запретил ей иметь дело с Центром. Муж, чтобы подкрепить свой запрет,

ввалился в Центр и потребовал встречи с Кадамбари и со мной. Было "весьма-весьма неприятно", по словам бедного мистера Даса. Али орал на нас так, что у него жилы выступили на шее, и потребовал, чтобы мы впредь близко к его дому не подходили. Кадамбари струхнула, а я начала говорить, что его жена имеет право на информацию, чтобы самой решать, как вести себя в жизни. Боже, какая же я дура! Али чуть потолок головой не прошиб!

— Я решаю, как ей жить! — вопил он. — Я, а не она! И конечно не эта... (он перешел на урду, и мистер Дас попросил Кадамбари не переводить).

Али швырнул презервативы мне в лицо и выскочил за дверь.

Это было до крайности неприятно, Син, хотя мистер Дас, Кадамбари и остальные всячески меня утешали.

В женщинах типа Фатимы весь смысл программы по ограничению рождаемости, смысл того, что делаю я! Но теперь я все время представляю себе, как муж избивает эту замученную, несчастную женщину из-за того, что я осмелилась дать ей совет. Ничем я ей не помогла, только еще больше осложнила жизнь. Да и мне это не принесло ничего хорошего. Честно говоря, меня напугала ненависть, с которой Али глянул на меня, когда швырнул эти презервативы. Не сомневаюсь — мог бы бросить в меня камень или пырнуть ножом, будь они под рукой.

Ладно, Синди, не надо волноваться, наверное, я драматизирую ситуацию — эдакая истеричная иностранка, одна из череды литературных героинь, открывающихся Аделой Куэстед у Э. М. Форстера. Я хотела было поговорить об этом инциденте с Лаки, с которым сегодня встречалась, но он сразу потянул меня в постель (что было восхитительно и помогло мне прийти в себя...)

Из интервью Рэнди Диггза с Лакшманом

13 октября 1989 г.

Произошло именно то, чего мы боялись. Толпа рассыпалась, растеклась в разных направлениях, большая часть — прямиком в мусульманские *басти*. Я немедленно объявил комендантский час. Передал по рации полиции и муниципальным властям приказ: немедленно ввести круглосуточный комендантский час и действовать решительно.

— Включая силовые методы? — уточнил один.

— Любые, какие сочтете нужными, — твердо сказал я. — При необходимости открывайте огонь.

Последнюю фразу я повторил и остальным.

Мы с Гуриндером — суперинтендантом — рванули в полицейском джипе прямо в мусульманские кварталы, которые были заранее помечены как "районы повышенного риска". Обстановка накалилась. Полиции пришлось применять оружие. В конце дня, когда у меня собрались сведения по городу, я узнал, что стреляли еще в трех районах. Силовые методы подействовали. Комендантский час был введен достаточно быстро — не прошло и двадцати минут.

Однако и эти двадцать минут стоили нам семи жизней, десятков пострадавших, поджогов сотни мусульманских домов и коммерческих

предприятий. Были осквернены три мечети. Шесть человек погибли от ранений, нанесенных кинжалами и прочим холодным оружием, один демонстрант схватился за охотничье ружье. Шестеро убитых были мусульмане. Среди них оказался и мальчишка из чайной по соседству, который приносил нам чай. Вечно переслащенный. Сколько я ни ругал его, чай все равно оказывался слишком сладким, а мальчишка только улыбался от уха до уха. Его и прозвали, Митха Мохаммед, Сладкий Мохаммед.

Постоянно улыбался от уха до уха. И горло ему перерезали от уха до уха, я видел труп.

Погиб один индус — при взрыве бомбы, брошенной мусульманскими экстремистами. Они пытались удрать, но были задержаны буквально в считаные минуты — большинство из них. В больницы были доставлены десятки раненых.

Итого, семь смертей. В другом месте жертв могло быть больше, Залилгарх еще сравнительно легко отделался. Я понимал, что меня будут поздравлять за то, что я успешно справился с ситуацией. Однако у нас сорок семь пострадавших, город понес ущерб в сотни тысяч рупий. О Присцилле я тогда еще не знал. Но в конце того дня облегчения не испытывал никакого.

Были, конечно, драматические моменты. Гуриндер вдруг заметил какого-то бесноватого с дробовиком двенадцатого калибра. Понятия не имею, индус он был или мусульманин. Тогда нам было плевать, с чьей стороны насилие, его нужно было прекратить. Суперинтендант выскочил из джипа и кинулся к парню. Тот направил дуло на Гуриндера и завопил, что будет стрелять. Гуриндера это не остановило, он только замедлил шаг. Парень дико озирался, дробовик так и плясал у него в руках, но он не стрелял. Гуриндер приближался. По лицу парня катились слезы ярости и страха, его трясло. Гуриндер выхватил винтовку, скрутил парня, затолкал в первую попавшуюся дверь и запер. Я так и не выяснил, кто он был, этот стрелок, и что его на это толкнуло. Причин спятить от ужаса было предостаточно. Мы его не преследовали.

Скоро, благодаря введению комендантского часа, в городе установилась неспокойная тишина. Из соседних областей были вызваны дополнительные силы, в точках повышенного риска выставлены пикеты. Я распорядился о ночных дежурствах моих подчиненных, а сам провел ночь, разъезжая по городу в патрульных машинах вместе с полицией.

Гуриндер был героем. Он сквернословил, он острил, устраивал разносы, щерил зубы, но повсюду был рядом со мной. Мы вместе провели превентивные аресты и обыски — только в первую ночь было арестовано сто двадцать шесть человек, обыскано сорок домов. Я так хорошо помню эти цифры и факты, потому что от них многое зависело. Возможно, мы перестарались. Но, как говорил Гуриндер, лучше перестараться, чем дать погромщикам волю.

Нельзя было забывать о жертвах, о зафиксированных жертвах. Я сейчас не говорю о Присцилле. Мы отправились по адресам, заходили в дома, старались успокоить людей. Горе и гнев ищут выхода в мести. Похороны — отличный повод для новых актов насилия. Поэтому мы беседовали с родственниками погибших, организовывали тихие похороны, на которых присутствовали только члены семьи, представители городских властей и полиция. Семьи пытались противиться, но мы,

пользуясь своими преимуществами, надавили на убитых горем и растерянных людей и не оставили им выбора.

Я принял решение продлить комендантский час еще на трое суток. В целом мы взяли ситуацию под контроль, если не считать осквернённых той ночью еще четырех мечетей. Лидеры мусульманской общины утверждали, что это не могло бы произойти без соучастия полиции. Даже у Гуриндера не было полной уверенности, что кое-кто из его людей не потворствовал разгрому мечетей.

Вероятно, мечети подверглись нападению, когда мы с Гуриндером позволили себе короткую передышку. Мне казалось, что это моя вина: возможно, бесчинства удалось бы остановить, если бы я не заснул, а продолжал мотаться по городу. Но я валился с ног, и мы с Гуриндером прикорнули прямо в полицейском участке, одетые и готовые к действию по первому сигналу. Проспали часа два и опять отправились патрулировать. Обитатели Залилгарха, должно быть, успели привыкнуть к нашему белому джипу с красной мигалкой, бесконечно курсирующему по темным и пустым улицам и переулкам.

Город, похоже, не спал, да и как тут было заснуть? Оперативный штаб, созданный нами, захлестывал поток жалоб и сообщений о налетах. Все это требовало немедленной реакции. Тревога часто оказывалась ложной, но город так и бурлил слухами. Мы созвали представителей прессы и провели брифинг. Чтобы хоть как-то умерить обвал слухов и дезинформации, организовали начиная с утра наступающего дня бесплатное распространение газет по всему городу. Мы встретились с представителями комитетов мира и ответственными лидерами обеих общин и потребовали от них незамедлительных действий, и они, действительно, в последующие дни помогали поддерживать в городе спокойствие.

Я не стараюсь избежать разговора о Присцилле Харт. Я только хочу, мистер Диггз, представить вам полную картину, чтобы вы понимали, с чем нам пришлось столкнуться. Разгромленные мечети несомненно должны были вызвать новые беспорядки сразу же после отмены комендантского часа. Я добился, чтобы Департамент общественных работ за сутки привел их в надлежащий вид. За одни сутки! Я заручился поддержкой умеренных мусульманских лидеров, которые должны были следить за ходом работ, дабы не произошло какого-нибудь святотатства. Когда все было закончено, я ослабил режим комендантского часа. Мусульмане сразу отправились в мечети, где свежая краска и побелка говорили сами за себя. Кварталы, где буйствовали индусские фанатики, по-прежнему выглядели как после бомбежки. В период ослабления режима произошло только одно правонарушение — взрыв, от которого никто не пострадал.

Еще одна деталь, которая должна дать вам представление о происходившем. На второй день после введения комендантского часа я получил срочное сообщение по рации: в одном из мусульманских кварталов на улицы высыпала толпа женщин с детьми. Я связался с Гуриндером, и мы выехали на место. Сотни две женщин, большинство с закрытыми лицами, крик стоит, дети плачут. Ничего не поймешь. В конце концов, нашлась женщина, которая объяснила:

— В домах не осталось ни зернышка риса, ни капли молока. Наших мужчин нет, кого держат в полиции, кто убежал и прячется. Мы бедные

люди, у нас нет запасов, что заработали, то и поели. Вам-то что, вы можете пережить комендантский час, а нам как быть, у нас дети голодные.

Я не нашелся, что ответить, только пообещал, что приму меры. Про себя же решил, что в первую очередь должен помочь женщинам, хотя бы ради Присциллы, которая так много делала для залилгархских мусульманок. Я созвал все руководство области.

— Вы справились с задачей и навели порядок в городе. Теперь перед вами новая задача: организовать общественные склады продовольствия. Потребуйте, чтобы оптовики предоставили вам свои запасы. Организуйте транспорт, грузовики, для доставки в каждый квартал основных продуктов питания. Люди должны быть обеспечены продовольствием.

— А как же комендантский час? — задали мне вопрос. — Если для доставки и распределения продовольствия его отменить, скоро все начнется сначала.

— Нет, — ответил я, — комендантский час не отменяется, но необходимо сделать исключение для женщин и только на время выдачи продуктов в каждом квартале. Любое появление на улице в другое время будет рассматриваться как правонарушение.

— А как быть с теми, у кого нет денег? В бедных районах и в кварталах неприкасаемых народ живет на поденный заработок. Едят, когда есть работа. У кого там найдется наличность платить за продукты?

Резонное соображение. Я распорядился безвозмездно выдавать по десять килограммов зерна неимущим семьям. Администрация области обязалась позднее оплатить из благотворительных средств счета зерноторговцев.

Прошу прощения? Конечно, конечно. Виноват. Я увлекся подробностями. Вы ведь собираетесь писать не о том, как мы справились с беспорядками. Вы собираетесь писать о Присцилле. Простите.

Разумеется, мне следовало сказать, что жертв было не семь, а восемь, так? Была восьмая жертва — не индусская, не мусульманская.

Погибла Присцилла.

Письмо Присциллы Харт Синди Валериани

1 августа 1989 г.

Знаешь, что вчера сказал мне Гуру, главный местный коп, друг Лаки? Мы обедали у Лаки, за столом сидели человек шесть, Гуру, конечно, крепко выпил. Зашел разговор о колониализме, и вдруг он говорит: "Англичане пришли эксплуатировать нас, взяли, что хотели, и отчалили, однако по ходу дела изменили нас, — смотрит прямо на меня и продолжает: — А вы явились изменять нас, но по ходу дела берете, что хотите. Разве это не эксплуатация в другой форме?"

Я была настолько изумлена, что не знала, как реагировать. К счастью, Лаки ловко представил слова Гуру как общую оценку иностранных внеправительственных программ помощи. Но меня он не обманул. Я почувствовала, что Гуру имеет в виду что-то касающееся именно меня, и чуть не умерла со стыда при мысли, что он знает про нас с Лаки.

Но, Син, этого не может быть. Невозможно представить себе, чтобы Лаки разгласил нашу тайну. Наверняка дело в моей работе. Гуру, как многие индийцы, с недоверием относится к тому, как и что я делаю.

Чего я хочу? Хочу изменить жизнь этих женщин, показать им, что у них есть выбор. Хочу, чтобы пришло время, когда женщины в Залилгархе или в тысяче таких же городишек и деревень Индии, собравшись у колодца, будут рассуждать о жизни, о своих надеждах и мечтах, вместо того, чтобы жаловаться на придирки свекрови. Хочу, чтобы они перестали говорить с гордостью и смирением: "Муж хочет много детей", а сказали бы: "Я сама решу, когда рожать", чтобы дочь не замуж отдавали, а в школу. Я хочу этого ради них и потому я здесь. Это эксплуатация? Разве это эксплуатация — помогать женщинам осознать, кем они могут быть?

Эта формулировка — "сознательное отношение к ограничению рождаемости" — вызывает у меня все больше сомнений. Я-то стараюсь не только внушить женщинам, что у них есть право регулировать рождаемость, — я хочу дать им представление об их — женских — правах в целом. Когда женщин принуждают рожать детей, это тоже форма их угнетения, их порабощения. Я лично скорей умру, чем сделаю аборт, но этим женщинам хочу помочь понять, что контроль над собственным телом — это правовой вопрос, вопрос здоровья, и если они смогут укрепить свое здоровье и утвердиться в своих правах, то добьются пристойного будущего для себя и своих дочерей. Разве это так трудно понять, Синди?

И в то же время — имел Гуру в виду это или нет — я не могу не отдавать себе отчет в страшном парадоксе: меня волнует положение индийских женщин в целом, но я не разрешаю себе думать об одной конкретной женщине — о жене Лаки. Я сижу за ее столом и ем ее рис с пряностями, прекрасно зная, что веду себя по отношению к ней подло, что мои желания могут исполниться только ценой ее страданий и наша с Лаки великая любовь в конечном счете должна причинить ей боль. И ты права, Син, когда напоминаешь мне об этом. И все же — она не любит Лаки, и он не любит ее. Его держит только чувство долга, особенно перед ребенком. Иногда я задумываюсь: а что, если бы у нас с Лаки была дочь, смуглая малышка с Америкой в глазах? Она была бы красавицей, Син. И Лаки бы видел в нас свою семью...

Но, если подвести итог, так ли уж я непоследовательна? Ведь суть моей работы и моей жизни направлена во благо женщины, которая должна иметь право распоряжаться собственным телом, по своему усмотрению рожать или пользоваться противозачаточными средствами, наконец, спать с мужчиной, которого любит. Я действительно хочу, чтобы каждая женщина имела такое право.

В том числе и я.

Из интервью Рэнди Диггза с Гуриндером Сингхом

14 октября 1989 г.

Р. Д. Я слишком часто перебивал тебя. Расскажи сам всю историю. Своими словами. Не торопись.

Г. С. Какого черта, конечно я буду говорить своими словами! А чьими же еще? Ты пойми, в те дни нам катастрофически не хватало людей, и относительный порядок вот-вот мог лопнуть, как "ниродх", презерватив, которые у нас бесплатно раздают государственные службы. С момента объявления программы "Рам Шила Пуджан", то есть за две недели до погрома, полицейские силы соседних с Залилгархом областей были приведены в полную боевую готовность. Вести о беспорядках в Залилгархе означали, что полицию быстро посадят в грузовики и автобусы и перебросят сюда. По прибытии их немедленно направили пикетировать районы наибольшей опасности. Вид у новоприбывших, я тебе скажу, был не парадный: налитые кровью глаза и трехдневная щетина на усталых рожах. Это еще чудо, что они сами не взбунтовались.

Лаки классно держался. Мы с ним решили в ходе ночного патрулирования обязательно посетить каждый опорный пункт, рассказать бойцам о том, какая трудная и важная на них возложена миссия. И, может быть, выпить с ними горячего чая. Наши полицейские не избалованы посещениями таких персон, как губернатор области. При виде Лаки они вскакивали, вытягивались по стойке смирно и замирали. Когда он подходил к ним, заговаривал на своем хинди с тамильским акцентом, их измученные лица светлели, а глаза загорались прямо как светильники на Празднике Огней. И знаешь, когда на прошлой неделе этих ребят отправляли в другую взрывоопасную точку, наш Лаки договорился с богатыми горожанами, и те устроили им шикарные проводы. Ребята сидели и ели, а городские старейшины подавали угощение. Даю тебе слово, раньше такого никогда не бывало!

Не хочу делать вид, будто мои полицейские, все как один, безупречные служаки. Чёрта с два. Но когда они зарываются, мы с ними быстро разбираемся. Губернатор получил уйму жалоб на злоупотребления полиции во время обысков в мусульманских кварталах. Мы съездили по нескольким адресам. Чистая правда. Дома выглядели так, будто по ним циклон прошел. Все перебито, переломано или сожжено: радиоприемники, телевизоры, матрасы, мебель, посуда — все. В одном доме старуха-мусульманка, лет семидесяти, не меньше, стащила с себя шальвары и камиз, чтобы показать рубцы от палочных ударов: от плеч до щиколоток. Глядеть страшно. Губернатор распорядился строго наказывать полицейских, повинных в бесчинствах. Я заверил его, что так и будет. Пока я здесь работаю, такие дела не пройдут.

Во время погромов много разного происходит. Сначала наносится удар, потом задаются вопросы. Когда в городе погром, копу не позавидуешь.

Ты уже, конечно, понял, что я фанат Лакшмана. Наше партнерство было естественно и необходимо. Правоохранительные проблемы тесно сплетаются с административными. Интимнейшим образом, как в эротической скульптуре храма в Кхаджурахо. Вот тебе пример. На другой день после взрыва бомбы Лакшману позвонили. Один из пострадавших при погроме, совсем молодой мусульманин по кличке Сладкий Мохаммад, умер по дороге в больницу. Ему перерезали горло, и он истек кровью в машине "скорой помощи". В городе комендантский час, а эта долбаная больница требует, чтобы администрация незамедлительно ор-

ганизовала вывоз трупа! Лаки послал за отцом покойного и за *садром*, то есть лидером мусульманской общины, добрейшим, милейшим стариканом, которого все звали Рауф-бхаи. Брат Рауф. Ну вот, пришел этот брат Рауф и молча сел — очки с толстенными линзами, пожелтевшая седая борода, как щитом, закрывает грудь, на голове круглая белая шапочка. И что ты думаешь? Одно его чёртово присутствие приводит в чувство обезумевшего от горя отца, и тот дает согласие на тихие ночные похороны. После полуночи. Единственный способ избежать новой вспышки насилия. Если бы хоронили днем, не миновать нового погрома. Я договорился, чтобы катафалк из морга задержался до полуночи у полицейского участка на окраине Залилгарха. Мы с Лаки туда поехали. По дороге он больше молчал — то ли был подавлен, то ли задумчив, а может, и то и другое. Я не докучал ему своими шуточками. А на месте, Рэнди, нас ожидала душераздирающая картина. Мать Мохаммада безутешно рыдает над телом сына. Отец и брат Рауф скорбно сидят рядом. Лаки подошел к ним и тихо сказал:

— Мы не можем вернуть вам сына. Но скажите, кто повинен в вашей утрате, и мы сделаем все, чтобы свершилось правосудие.

Ответила мать — с гневом и горечью:

— Что толку называть имена убийц. Каждый раз, когда в Залилгархе начинается такое, одни и те же люди собирают и ведут толпы, грабят, убивают, поджигают, и никто их пальцем не тронет. В прошлый раз мы было понадеялись, потому как полиция даже записала наши жалобы. Четыре дня ждали — и ничего. Наконец явилась полиция, но только арестовали наших. Так что ничего мы говорить не будем.

Губернатор повернулся ко мне, потом опять обратился к ним.

— Я вам обещаю, — сказал он этим своим спокойным тоном, — что на этот раз правосудие свершится. В прошлый раз меня здесь не было. Теперь я здесь. Прошу вас, назовите имена...

И они в конце концов назвали эти паскудные имена — кое-кого из самых влиятельных и известных людей этой занюханной области.

— Я бы хотел, чтобы все названные лица были задержаны, прежде чем тело мальчика смешается с прахом земным, — холодно сказал мне Лакшман.

— Да, сэр, — ответил я.

Не "Лаки", даже не "Лакшман". Это был приказ вышестоящего лица. Я сразу же покинул участок, сел в джип и помчался со скоростью газов из буйволиной задницы. В ту ночь я перекрыл все собственные рекорды превышения скорости. После полуночи я приехал на кладбище. Лакшман был на месте. Могила для мальчика была уже вырыта. Я направил луч фонарика в холодный, безлунный мрак. Тело еще не опустили в могилу, оно еще не смешалось с землей.

Я подошел к Лакшману, который стоял рядом с осиротевшей семьей.

— Сэр, все арестованы, — доложил я.

Видел бы ты выражение на лицах родных усопшего — чёрт, они не знали, плакать или ликовать.

Было часа три ночи, когда мы с Лаки добрались до наших коек в полиции, легли, не раздеваясь, и заснули. Часа через два, только-только светать начало, мы проснулись от грохота и криков у ворот.

— Что за чёрт, что там происходит? — рявкнул я на дежурного офицера.

Шум стоит такой, будто там пара бегемотов совокупляется.

Лаки еще протирал глаза, а я уже увидел — действительно бегемот в женском обличье. Местная партийная шишка, депутат Законодательного собрания штата от правящей партии, пышно одаренная природой и абсолютно отвратная баба по имени Махешвари Деви стояла у ворот во главе группы своих сторонников, лупивших по горшкам и сковородкам, скандируя свои гребаные лозунги.

— Произвол, произвол, — кричала она в сопровождении подобострастного хора своих евнухов. — Мы не будем мириться с беззаконием! Не допустим ареста невинных людей!

Лаки мгновенно проснулся и сообразил, что за кино крутят. В жизни не видел его в такой ярости.

— Вы что, считаете, что представляете только одну общину, а не весь город? Последние несколько дней, когда сотни мусульман были арестованы, когда их избивали, таскали за бороды, а потом засадили за решетку, многих просто по подозрению, при том что это были люди, ранее не судимые и обвинений им никто не предъявлял, — я не слышал от вас ни слова протеста. А этой ночью, когда полиция задержала десять человек на основании заявлений, в которых они прямо обвиняются в убийствах, вы уже через два часа являетесь сюда и кричите о произволе? Да как вы смеете!

Бегемотиха была так обескуражена этой отповедью, что дар речи потеряла. Никогда ни один государственный чиновник не посмел отчитать ее подобным образом!

— Вон отсюда, — распорядился губернатор.

Полагаю, он бы, описывая этот эпизод, сказал, что "попросил ее немедленно покинуть помещение полицейского участка и отказался от дальнейшего обсуждения вопроса".

Я выпроводил ее.

Не бросай меня, Рэнди! Давай еще по одной! История-то на этом не кончается. Явление делегации во главе с депутатшей было только началом, так сказать, политической прелюдией. Лакшман потом признался, что за все время его службы на него ни разу не оказывали такого давления. Началось с телефонного звонка Главного министра штата, пожелавшего узнать, чем вызвано подобное нарушение закона. Лакшман ответил, что затронуты сами основы правосудия и он свое решение пересмотреть не может. Его несколько успокоило, что Главный министр больше не звонил. Но давление, начавшись со столицы штата, продолжало усиливаться и на других уровнях. Во второй половине дня оно вдруг ощутимо ослабело. И опять мы подумали, что все обошлось.

Поздно вечером — в соответствии с расписанием, которое мы для себя установили с началом беспорядков, — мы сидели в полицейском управлении и проверяли списки арестованных и освобожденных за день. Подсчет очков, как мы говорили. У Лаки не сошлись цифры, он позвал дежурного офицера и спросил, в чем дело.

Тот сначала вел себя, как героиня индийского фильма, когда от нее требуют, чтоб она поцеловала злодея. Но в конце концов сказал, что де-

сять арестованных прошлой ночью были освобождены во второй половине дня.

Лаки уставился на него, как корова, которую треснули трезубцем меж рогов.

— Освобождены? — недоверчиво переспросил он. — На каком основании?

И тут выяснилось, что полиция — мои собственные ребята, будь они прокляты, составляя протоколы задержания, не упомянули ни убийства, ни поджога или насилия, а написали только про нарушение комендантского часа. Судьи и освободили арестантов со штрафом в пятьдесят рупий с рыла. Меньше трех долларов по сегодняшнему курсу, Рэнди. Не удивительно, что визгливые демонстранты больше нас не донимали.

Я уже говорил, что никогда не видел Лаки в такой ярости, как тем утром, но тут он превзошел себя. Лаки, ты знаешь, — спокойный, вдумчивый, сдержанный. Народ в управлении просто обомлел от взрыва его ярости. Какая там самодельная бомба!

— Вы не полицейские, вы жулье! Лживые узколобые фанатики. Нашлись защитники правопорядка — да вы не достойны полицейскую форму носить! — Он был в бешенстве. — Немедленно отыскать убийц, которых вы освободили! Идите! Я лично загоню вас за решетку, если преступники не будут в течение часа снова арестованы!

— Ну, Лаки, — пробормотал я, — ну ты даешь!

Я отобрал лучших офицеров, и мы помчались в город. Ну и рожи были у этих голубчиков, когда мы снова их забрали! На сей раз мы с Лаки лично контролировали составление протоколов и подготовку документов для передачи в суд.

Понятно, что суд есть суд. Но тебе будет интересно узнать, что в течение одной недели все проклятые индусы были выпущены под залог. А мусульмане, арестованные по делу о бомбе, до сих пор сидят, и под залог ни одного не выпустили.

Лакшман встречался с этим прохиндеем, окружным судьей, и сказал ему:

— Я никогда не позволял себе вмешиваться в процесс судопроизводства. Но я не могу молчать, когда совершенно открыто применяется двойной стандарт в отношении обвиняемых из двух разных религиозных общин, когда дело касается одних и тех же беспорядков, одних и тех же правонарушений, одних и тех же статей уголовного кодекса. И речь идет не об ординарном судебном деле, — добавил он. — Это вопрос доверия целой общины к системе правосудия в нашей стране.

Но сукин сын окружной судья отказался даже обсуждать этот вопрос. Мы делаем свою работу, Рэнди. Хотелось бы, чтоб и другие делали ее не хуже.

Скажу тебе одну вещь, Рэнди, насчет этих погромов — нашего и других, по всей Северной Индии. Это как бурное наводнение. А когда вода спадет, видишь, что остались только трупы и руины. Трупы, Рэнди, и долбаные руины.

Присцилла Харт. Я знаю, ты хотел поговорить насчет Присциллы. Я все стараюсь тебе объяснить, почему мы не знаем, что именно с ней

случилось. На нас в те дни столько всего навалилось. Но я расскажу тебе, что знаю. Только давай вперед выпьем.

Из интервью Рэнди Диггза с Мохаммедом Сарваром

12 октября 1989 г.

Я историк, а не политический деятель. Хотя если вы спросите, что для меня важнее — моя религиозная принадлежность или история, — то я отвечу, что все зависит от контекста.

Индусские шовинисты поразительным образом берут историю в свои союзницы. Серьезного ученого, такого, как я, неточность и неаккуратность их методов датирования могут буквально свести с ума. Мы работаем годами, стараясь установить достоверность события, даты, надписи, а у таких, как Рам Чаран Гупта, нет ни малейших сомнений в том, что их бог Рама родился в Рам Джанмабхуми, более того, в совершенно определенном месте — не в десяти ярдах или даже в десяти футах в сторону, а именно там. Они уверены, что по индусскому летоисчислению Рама жил в трета-югу, эдак около миллиона лет назад — вот вам и историческая точность! Что прикажете делать обыкновенному историку с таким умопомрачительным утверждением?

Несчастные профессора, увы, даже не сумели сколь-либо достоверно установить, родился ли Рама вообще, или он лишь плод вдохновения премудрого Вальмики, предполагаемого автора "Рамаяны", нашего великого религиозного эпоса. Но если, как повествует эпос, Рама действительно появился на свет в Айодхье, то нет никакой уверенности, что произошло это в том самом месте, которое сегодня известно, как Айодхья в штате Уттар-Прадеш. Точно так же мы не можем с уверенностью сказать, что остров Ланка, куда добрался Рама, чтобы вызволить свою похищенную жену Ситу, есть современная Шри-Ланка, а не какое-то место в Центральной Индии. В Ведах Рама упоминается как правитель Варанаси, или Бенареса, а не Айодхьи. В одном из буддийских сказаний, в "Дашаратха джатаке" тоже говорится, что Дашаратха и Рама были царями Варанаси. И это еще не все. В "Рамаяне" встречается упоминание о Будде, который жил примерно за пятьсот лет до нашей эры, но тогда столицей Кошалы, царства Рамы, была Шравасти, а отнюдь не Айодхья. Айодхья, описываемая в "Рамаяне", никак не могла существовать до четвертого века нашей эры. Есть и другие несообразности, но думаю, вы уже и так все поняли.

Теперь дата его рождения. Простой факт: древний индусский календарь до четвертого века нашей эры не знал ни семидневной недели, ни деления года на тридцатидневные месяцы. Следовательно, если Рама — фигура историческая, а не мифологическая, то, чтобы установить эту дату, придется долго ломать голову. Из "Рамаяны" можно заключить, что Рама жил в двапара-юге, то есть около пяти тысяч лет назад, а не в трета-юге, как принято считать. Есть такой ученый человек, хотя, насколько мне известно, без университетского образования, некто Ситанатх Прадхан, который даже объявил, что великая битва за Ланку произошла в тысяча четыреста пятидесятом году до нашей эры, когда

Раме было ровно сорок два года. С другой стороны, историки, работающие над датировкой дошедших до нас списков "Рамаяны", в целом сходятся на том, что этот эпос сложился где-то между четырехсотым годом до нашей эры и двухсотым годом нашей эры, то есть в тот же период, когда складывался и другой наш великий эпос, "Махабхарата", — плюс-минус парочка столетий. Достаточно я вас запутал? Эти ваши ревнители хиндутвы полагают, что им точно известно место рождения человека, дата рождения которого исторически неустановима.

Я знаю, есть люди, которые скажут: стоит ли обращать внимание на этих мелочных придир-историков? Какое все это имеет значение? Значение имеет только то, во что верит народ. Но и в этом случае беспокойный ум исследователя задается вопросом: а когда, собственно, народ начал в это верить? "Рамаяна" в качестве текста просуществовала около тысячи лет, прежде чем стала считаться священной. Не существует и доказательств тому, что в Индии до десятого века был построен хоть один храм в честь Рамы. Это просто ирония судьбы — сегодня страсти вокруг имени Рамы кипят в Северной Индии, тогда как впервые Рама был признан богом на юге. Тамильские поэты-мистики начали идеализировать бога-царя примерно с девятисотого года нашей эры. А первая община раманандинов, то есть поклоняющихся Раме, возникла в Кашмире между четырнадцатым и шестнадцатым веками. И тогда великий поэт того региона Тулсидас сочинил свою блистательную поэму "Рамачаритаманаса", в которой облагородил деяния Рамы, устранил подробности его не совсем божественных поступков и возвысил Раму до его нынешнего положения в индусском пантеоне. Культ Рамы и связанное с ним движение *бхакти* развивались в период мусульманского завоевания Северной Индии и Делийского султаната, когда индуизму приходилось обороняться, когда положение женщин, пользовавшихся до этого большой свободой, изменилось к худшему. Женщин стали прятать от жадных глаз завоевателей-мусульман. Со временем исламский взгляд и мужское превосходство — типичная черта кочевого, воинствующего общества — оказал прямое влияние на более мягкое, более либеральное и терпимое, но ослабевшее индусское общество. Надо бы кому-нибудь написать диссертацию о роли ислама в причислении Рамы к пантеону, хотя по нынешним временам я бы этому человеку страховой полис не выдал.

Ревнители *хиндутвы* утверждают, что индусские храмы Айодхьи строились до Бабура, а самый большой из них он разрушил потому, что польстился на его местоположение. Но и тут есть проблема: масса документов свидетельствуют о другом — о строительстве храмов в Айодхье при мусульманском правлении значительно позже, чем была возведена Бабурова мечеть. Не хочу утомлять вас подробностями, но на самом деле мусульманские правители, скажем, Сафдар Джанг, содействовали строительству храмов, беспошлинно предоставляя под них земельные участки. Многие историки — не один я — считают, что обилие храмов в Айодхье есть прямой результат покровительства местных навабов и что именно расширению их владений в восемнадцатом и девятнадцатом веках Айодхья обязана усилением своего значения как важного центра паломничества.

Отвечаю на ваш вопрос как историк — доказательств, подтверждающих претензии ревнителей Рам Джанмабхуми, не существует. Но если

вы спросите, имеет ли это значение, я скажу: не знаю. Ведь это вопрос веры, а не исторической достоверности. По сути, весь тарарам вокруг Рам Джанмабхуми глубоко антиисторичен. Фанатики, возглавляющие движение, хотят переиначить прошлое. Если мы позволим сделать это сейчас, то они обратятся к чему-нибудь еще и вся оргия ненависти и насилия начнется снова. Если сегодня им сойдет с рук поношение мусульман, то завтра они набросятся на христиан. Нетерпимость — вот что страшно.

Как сказал немецкий богослов пастор Мартин Нимеллер: "Сначала пришли за евреями, и я промолчал, потому что я не еврей. Потом пришли за коммунистами, и я опять промолчал, потому что я не коммунист. Когда пришли за мной, то оказалось, что уже некому за меня заступиться".

Сейчас приходят за мусульманами, и я не стану отмалчиваться. Но не потому, что я мусульманин, а потому что я индиец и не хочу, чтобы потом пришли за другими индийцами. Ни одной группе индийцев нельзя позволять выступать против другой группы индийцев только потому, что они из других мест родом, другому богу молятся и на другом языке говорят.

Вот по этой причине вашего Раму Чарана Гупту необходимо остановить. Здесь. Сейчас. Прежде чем они всю Индию превратят в костер.

Из дневника Лакшмана

10 августа 1989 г.

Гуриндер все не унимался:

— Так ты и на работу готов положить? — Он замысловато выругался. — Да не может быть, чтобы ты это всерьез! Ты занят настоящим делом, позволяющим влиять на реальную жизнь реальных людей. Ты сделаешь блестящую карьеру, у тебя большое будущее. Поверить не могу, что тебе в голову приходит такой бред! Знаешь, в чем твоя проблема? Ты членом своим думаешь! — Я было запротестовал, но он не слушал. — Распробовал вкус сексуального рая — все, как в цветном кино, и обычная жизнь сразу показалась черно-белой. Ты действительно считаешь, что ради нее стоит пожертвовать всем — женой, ребенком, работой, родиной? — Он был просто в бешенстве. — Слушай, как бы хорошо тебе с ней ни было, ты не должен кое о чем забывать. О том, к примеру, что она американка, янки проклятая! А они не такие, как мы. Это другая страна с другой культурой — это другая планета, друг! Ты всю жизнь жил в определенной системе ценностей. И знаешь, что жил правильно, потому что так было правильно всегда. Я знаю, у тебя не все ладится с Гитой, это уже давно не секрет, но скажи сам — разве она плохая жена? Прекрасно ведет хозяйство, может накрыть отличный стол, прислугу держит в строгости — что с того, что иной раз накричит на слуг? — много времени проводит с дочерью. Ты в любую минуту можешь привести в дом гостей, она всех примет, накормит, слова тебе не скажет! Твоя работа требует неожиданных отлучек, неизвестно, когда ты вернешься, но Гита не жалуется.

Она не жалуется, хотел я сказать, потому что ей безразлично, где я. Дома или нет. Но Гуриндер не давал мне слова вставить, продолжая безжалостно рисовать картину индийского семейного счастья.

— Когда ты дома, жена следит, чтобы тебе первому подали самый лучший кусок, и только потом начнет есть сама. И ты можешь не беспокоиться, что жена засмотрится на другого мужчину. А если ты умрешь первым, она будет чтить твою память, каждый день вешать свежую гирлянду цветов на твою паршивую фотографию и молиться перед ней. И это немало. — Он ударил кулаком по раскрытой ладони, чтобы подчеркнуть, как это много. — Это дорогого стоит, поверь... Хорошо, когда знаешь, что тебе есть на что положиться. — Я кивнул. — Что у тебя общего с Присциллой? Секс. Долбаный секс — извини за тавтологию. Кто б спорил, что это важно? Но ты прекрасно знаешь, что одного секса недостаточно. — Он посмотрел мне прямо в глаза, будто прикидывая, можно ли пойти дальше. — А тебя не гложет мысль, что ты не единственный, кто побывал в ее постели? — И, заметив что-то в моих глазах, с изяществом кувалды довел свою мысль до моего сознания: — Эти американцы относятся к сексу не так, как мы. Слушай, что я тебе расскажу. Помнишь, как Присцилла сообщила в полицию, что у нее стащили сумочку? Мы вора нашли. Сумочка попала к нам в руки, и мы, как положено, сделали опись содержимого. Воришка что мог потратил или продал, но одна вещица все-таки в сумке осталась. Ее вор не тронул. Полицейский, который делал опись, не мог понять, что это за вещь, и пришел спросить. Это был вибратор, старик. Обыкновенный гребаный вибратор. Я его включил и чуть не помер со смеху от выражения лица моего парня. Он спросил, для чего эта штука, я сказал, что в Америке этим пользуются для завивки волос, машинка для завивки. На батарейках, на полном серьезе объяснил я. Когда Присцилле дали подписать опись, она чуть задержалась на этом пункте, нахмурилась, потом усмехнулась и подписалась. Про себя, наверное, подумала — ну индийцы, ну идиоты невежественные, ничего себе машинка для завивки! Ей и в голову не пришло, что я спас ее от позора, да еще какого! Если бы я объяснил полицейскому, что это на самом деле, об этом узнало бы все мужское население Залилгарха, которое, соответственно, ее бы запрезирало. Или того хуже, мог бы найтись молодчик, который предложил бы ей себя вместо вибратора и вряд ли посчитался бы с ее желаниями на этот счет. Тебе я это рассказываю, просто чтоб ты знал. Я-то хотел ее оградить от позора, Лаки. Но не забывай — она привыкла удовлетворять свои физические потребности, а ты оказался человеком очень для этого подходящим. И батарейки тебе не требуются.

— Заткнись, Гуру. Ты же ничего о ней не знаешь!

— Может, нет, а может, да. Я просто хочу сказать — трахай ее сколько влезет, но ради чего жизнь-то себе ломать?

— Ты и впрямь думаешь, что я этого не понимаю, Гуру? — Мне не хотелось, чтобы он заметил, как потрясла меня его откровенность. — Конечно, я знаю, что несу ответственность за Гиту, за дочку, за свою работу, за свою карьеру, за эту проклятую область, наконец. Но штука в том, что Присцилла так много значит для меня, что в сравнении с этим все прочее блекнет.

— Не должно блекнуть, чёрт побери! — рявкнул Гуриндер.

— Спасибо за советы, Гуру, — устало отозвался я. — Не сомневаюсь, они идут из самой глубины черной дыры, которую ты зовешь сердцем. А теперь оставь меня и иди допрашивать своих правонарушителей. Мне надо подумать.

Разговор Гуриндера с Рэнди Диггзом за выпивкой

Субботний вечер, 14 октября 1989 г.

Хочешь знать, почему я полицейский? Я тебе скажу, почему я проклятый полицейский.

Не почему я вообще пошел в полицию — это было решение не мое, а родителей. Сам-то я хотел стать фермером, современным фермером. Но родители убедили меня, что я должен сдать экзамен в ИАС. Я недобрал баллов для ИАС, и мне вместо этого предложили ИПС — полицейскую службу. Я согласился. Работа хорошая, платят прилично, плюс льготы всякие, подчиненные стоят перед тобой по стойке смирно. Опять же положение в обществе, отец может важничать, приводя меня в клуб, когда я приезжаю на уик-энд. Поэтому я стал полицейским, но почему остаюсь в полиции — это другой разговор.

Ты сколько лет работаешь в этой чертовой стране? Два года? Выходит, тебя здесь не было, когда убили Индиру Ганди.

Девятьсот восемьдесят четвертый. Оруэлловский год. Для остального мира он прошел достаточно гладко, так? Ни особых ужасов, ни Большого Брата, ни долбаной Третьей мировой. Чертова прорва самодовольных статей насчет того, как чёртова реальность опровергла жуткие оруэлловские предсказания. Но не у нас. Наш 1984-й был самым чудовищным после обретения независимости. Вполне сравним с 1947-м, когда страна была разодрана на части, и с 1962-м, когда китайцы в Гималаях с дерьмом нас смешали.

Все началось с Пенджаба, где, как сказала чандигархская шлюха утонченному поэту, и было-то худо, а стало еще хуже.

Виноваты были мои единоверцы — сикхи, болван на болване. Чокнутый проповедник Джарнайл Сингх Бхиндранвале заперся в святом месте, в Золотом храме сикхов в Амритсаре, в окружении целой банды недоумков с винтовками, калашниковыми и бомбами, требуя создания отдельного сикхского государства под названием Халистан. Бред собачий! Хушвант Сингх, блестящий сикхский журналист, писал, что, будь Халистан создан, это было бы "фуферное государство". На самом деле, Бхиндранвале был творением Индиры Ганди и ее советничков — они хотели ослабить влияние умеренной сикхской партии "Акали дал". Наскоро сляпали соперничающую организацию, а та вышла из-под контроля. Казалось бы — ну и что?

Бхиндранвале и его головорезы гонялись за всеми, кто им не нравился, убивали направо и налево, прежде всего сикхов, которые — еретики проклятые! — стригли волосы, курили сигареты или просто не соглашались с планами сепаратистов. Убивали редакторов газет, государственных чиновников, полицейских — кого придется, никто не

чувствовал себя в безопасности, а до убийц, поскольку они прятались в святом месте, длинная рука закона не дотягивалась.

Сам я из тех сикхов, кто и волоска из ноздри не выщипнет — вера запрещает нам касаться волос металлом, — сто раз молился в Золотом храме, но даже я понимал, что нельзя терпеть такой разгул насилия. Чтоб в моем родном штате, чёрт его дери, закон и правопорядок выбросили на помойку! Чтоб люди на моей родине, в основном сикхи и индусы, не могли спокойно жить — да, чёрт возьми, необходимо принимать меры!

На протяжении двух лет Индира Ганди — хотя ей стоило только пальчиком шевельнуть, чтобы сикхи из полиции и армии добровольцами отправились в Пенджаб и переарестовали всю шайку, — ни хрена не делала. С головой ушла в политические игры, а Бхиндранвале и его бандюганы продолжали бесчинствовать. Наконец, в 1984-м, Индира Ганди, оказавшаяся единственным мужиком в правительстве, послáла войска в Золотой храм. Она могла бы отдать приказ об осаде храма, перекрыть водоснабжение и доставку пищи террористам и вынудить их сдаться — так нет же, послала гребаную армию с приказом... какое словечко там было употреблено? Да, с приказом "выдворить" террористов из храма. Высокое искусство слова. Поразительно, как английский язык способен бюрократизировать дикость и кровавое насилие! Армия выдворила террористов — но какой ценой! Можно что угодно говорить об этом маньяке Бхиндранвале, я и сам высказывался на его счет, но он был гордый сикх и не собирался капитулировать при первом шрапнельном залпе. Пришлось шарахнуть по храму артиллерией. Сотни ни в чем не повинных сикхов, паломников, просто богомольцев, находившихся в храме, расстались с жизнью. Бхиндранвале и его люди отбивались до последнего и погибли, как того требует традиция сикхов. Золотой храм после штурма стоял израненный и окровавленный, многие бесценные реликвии погибли или были повреждены. Гордость сикхов в руинах.

Да, старина, наша гордость. Армейская операция, которой они дали имя "Голубая звезда", разрушила не только Золотой храм. Боль была нестерпима даже для сикхов, которые с презрением относились к Бхиндранвале и его делам. Если бы мафия укрылась в Ватикане, можно ли вообразить, чтобы гаубицы ударили по куполу собора Святого Петра? Тот же Хушвант Сингх, который так поносил халистанцев, что они приговорили его к смерти, в знак протеста возвратил правительству все свои награды. Если так поступил он, можно представить себе настроение сикхской общины.

Нет, мне не пришло в голову немедленно уйти в отставку. Тогда — нет. Я сказал себе: я на стороне тех, кто охраняет закон. А правительство хотело как лучше, но допустило ошибку. Сделало шаг в верном направлении, да не так. Был положен конец террору Бхиндранвале, однако в процессе наведения порядка наломали дров. Оправдания этому нет, но понять можно. Такой была моя точка зрения, и ее разделяли многие образованные сикхи.

А сикхская община в целом бурлила, хотя президентом Индии тогда был сикх — Гьяни Зайл Сингх. Напыщенный ублюдок сам приложил руку к превращению чёртова Бхиндранвале в чудовище Франкенштейна, но это другая история.

Как бы там ни было, но конец Бхиндранвале не положил конец терроризму — только его усилил. После трагедии Золотого храма ряды террористов пополнились сотнями обозленных сикхов. И многие сикхи поклялись отомстить тем, кто так поступил с их святыней. Первой в этом списке была Индира Ганди, премьер-министр Индии, будь она неладна.

По чести говоря, я никогда не был большим поклонником миссис Ганди. Но в одном нужно отдать ей должное — чего в ней начисто не было, так это религиозной узколобости. Вышла замуж за парса, огнепоклонника, из двух невесток одна — итальянская католичка, другая — нашей веры, сикхиня. Поэтому, когда ей посоветовали устранить сикхов из личной охраны, она так глянула, что ответ был ясен. Кашмирская патрицианка, она умела так обжечь взглядом, что у тебя яйца съеживались. "Удалить моих сикхских охранников? Чушь". Она верила в профессионализм своей охраны, к тому же считала, что действовала не против сикхов, а против террористов, и ей нечего опасаться. На ее беду иные сикхи смотрели на это по-другому. Холодным утром, когда она шла через сад, торопясь на ТВ-интервью с Питером Устиновым, двое сикхов из ее личной охраны открыли по ней огонь. Говорили, каждый выпустил по целой обойме в шестидесятисемилетнюю женщину, которую присягали защищать. Она скончалась на месте. Один нападавший был застрелен другими охранниками, второго скрутили. Но они отомстили. Сикхская честь была восстановлена.

Хм-м. Что знают о чести те, кто ради ее восстановления убивают старуху-вдову?

К сожалению, месть — это игра, в которую может включиться всякий. Началось в тот самый день — будь он проклят! Как только разнеслась весть о покушении на миссис Ганди, у редакций газет, где вывешивают сводки новостей, собрались толпы. Так вот, в толпе оказался сикх. Несчастному идиоту в голову не приходило, что он чем-то отличается от других. Его избили, изорвали на нем рубашку — только за то, что он сикх. Он стал первой жертвой, но отделался одними синяками. Волна нападений на сикхов понеслась по всему Дели. Ярость людей обращалась против любого сикха, тем более что наши тюрбаны и бороды делают нас заметными. Но поначалу дальше драк дело не шло. Пока не вмешалась настоящая мразь.

А таких полным-полно, старик. Головорезы, подонки, шестерки политиков из Конгрессистской партии, долбаные прихлебатели Индиры Ганди, ублюдки, организующие народные волеизъявления с речевками типа "Индия это Индира, Индира это Индия". Обычно действуют по команде, но тут вырвались на волю. Их тоже обуяла жажда мести. И утолить ее могла только сикхская кровь.

Даже я не могу описать весь этот кошмар, Рэнди. Я обучен справляться с уличными беспорядками, но в столице государства шла массовая резня. Ублюдки организовали толпы озверелых люмпенов и натравили их на сикхов. Это была оргия убийств, поджогов, грабежей; громили сикхские кварталы, вырезали целые семьи, сжигали дома. У лидеров на руках были списки с адресами, можешь ты себе это представить? Сикхов хватали на улицах, и, если сикх оказывался не в том месте и не в то время, его убивали самым безжалостным образом.

Я расскажу тебе одну историю. Много лет никому не рассказывал.

У моей сестры был десятилетний сын, Навджот. Они с отцом возвращались с крикетного матча.

Возвращались в семейном "амбассадоре", чёртовом символе респектабельности среднего класса. И нарвались на толпу кровожадных мстителей.

С воплями "кровь за кровь!" сукины дети окружили машину. Муж сестры быстро поднял стекла и запер дверцы. Что он еще мог сделать? На улице ни единого гребаного полицейского, полиция будто устроила себе выходной, когда была всего необходимей. Извини, я знаю, что ору, Рэнди. Я стараюсь не думать о еще не остывшем от увиденного на крикетном поле мальчишке, неожиданно оказавшемся в кольце разъяренных взрослых, которые колотят кулаками по машине...

Откуда-то появилась канистра бензина. Или две канистры. Меня там не было, Рэнди, не было меня там, но я тысячу раз переживал эту чудовищную сцену, и в моем воображении она живее многих ужасов, свидетелем которых я был. Так и вижу перекошенную от ненависти и предвкушения удовольствия харю погромщика, глаза налиты кровью, он размахивает канистрой, бесцветная жидкость хлещет на металл, на стекло, на дворники, на резину покрышек. Кто-то визжит "спички, спички" — и зажигает спичку.

Пламя взметнулось мгновенно, и эти трижды проклятые нелюди радостно взвыли при виде мужчины и ребенка, заживо сгорающих в машине. Они наверняка пытались выскочить, мой зять предпочел бы погибнуть от рук убийц, чем сгореть заживо, но замки заклинило от жара, двери не открывались и отец с сыном остались в огненной ловушке.

С того дня меня не покидает мысль о маленьком Навджоте — волосы, собранные на макушке под синенькой повязкой, веселый мальчуган, мечтающий в будущем выступать за Индию на чемпионате по крикету. Меня там не было, Рэнди, меня там не было, но я представляю себе, как округляются его глаза от ужаса при виде толпы, как отец пытается успокоить его, как его личико прижимается к стеклу, еще не веря, что его поглотит огонь.

Узнав о трагедии, его мать, моя сестра, в прямом смысле лишилась разума.

Я был вне себя от горя и ярости. Вот тогда я хотел подать в отставку: не мог я служить системе, которая это допустила. Делийская полиция утверждала, что не хватает людей, чтобы остановить погромы. Сраному правительству потребовалось трое суток на введение войск и подавление бесчинств, а тем временем сотни сикхов лишились жизни и всего своего имущества. Раджив Ганди, новый премьер-министр, даже нашел объяснение насилию. "Когда валится могучее дерево, содрогается земля", — сказал он. Земля Дели пропиталась кровью сикхов, а души сикхских вдов содрогались от горя и отчаяния. Но нет, я не подал в отставку. Мой отец, убитый горем дед Навджота, человек, который гордился моей службой в полиции, не дал мне это сделать.

— Не валяй дурака, Гуриндер, — сказал он, тряся меня за плечи, будто стараясь вколотить в меня здравый смысл, — сикхи и так много потеряли в этом году — хватит уже потерь. Оставайся в полиции и помогай предотвращать другие трагедии.

Я плакал, я бесновался, спорил с отцом, рассказал о взбунтовавшихся сикхских солдатах, о Симранджите Сингхе Манне, образцовом полицейском в больших чинах, который ушел из долбаной полиции и примкнул к халистанцам, что намеревался сделать и я. Но отец спросил:

— Ну и куда, по-твоему, это их заведет? Чего-нибудь они добьются для своей общины или для своей страны, кроме новых разрушений и новых страданий? Хочешь отказаться от будущего? Хочешь отказаться от будущего Индии?

— Мне все равно, — ответил я, а он в ответ так на меня глянул, будто я в него выстрелил.

— Тебе не должно быть все равно, — отчеканил отец. — Ты должен заботиться об этой стране, как заботишься о маме и обо мне.

— Не знаю, — пробормотал я. — Не знаю, смогу ли я думать об Индии, как о своей стране, после того, что случилось.

И повторил отцу случайно услышанные слова офицера-индуса: "Давно пора проучить проклятых сикхов".

Мой старик и глазом не моргнул.

— Такие люди всегда найдутся. — Тут я впервые понял, как много у нас с ним разного: возраст, жизненный опыт и уроки, которые каждый из него извлек. — Если я воспитал тебя в уверенности, что в жизни все будет легко и просто, что мир живет по законам прямодушия, честности, порядочности и справедливости, то я сильно тебя подвел. Нужно быть верным только себе, земле, на которой родился, и клятве, которую дал.

Он посмотрел на меня — нет, посмотрел в меня. Тридцать семь лет назад кровавый Раздел отнял у него все: родной дом, родовое имение — все осталось там, где от небрежного росчерка британского пера возник Пакистан, чужая страна. Заново, тяжким трудом отстроил он жизнь, которой теперь живет: дом с прислугой, машина, членство в клубе, сын в Полицейской службе Индии. Потом и кровью создал он свою Индию и не собирался позволить мне все это похерить к чёртовой матери.

— Говоришь, ты теперь не знаешь, твоя ли это страна? Не валяй дурака, Гуриндер. А чья это страна, если не твоя? Мы со времен Махатмы Ганди стараемся построить страну, которая принадлежит всем вместе и никому в отдельности. Индию, которая никого не исключает и где никто не смеет предъявлять исключительное право на нее. Это страна для всех, и здесь каждый обязан стараться сохранить ее. Бороться за нее. Я не для того вырастил тебя, Гуриндер, чтобы ты взял и от нее отказался. Ты принял присягу — для сикха присяга священна. Ты права не имеешь бросить свою страну.

— А Навджот? — спросил я, но без прежнего запала. Потому что отец уже перетянул меня на свою сторону. И потому что я понял, что сам этого хочу.

Он повернул меня лицом к фотографии на комоде. Ясное личико, приоткрытые губки, блестящие глаза, еще не видевшие ужаса, который закроет их навеки.

— Малыш всегда будет жить в моем сердце, — тихо сказал отец. — Но где-то в Индии живет другой дед, и тот дед все надежды на безопасность своего внука возлагает на тебя и полицейских под твоим командованием. Ты смотри, Гуриндер, смотри не подведи его.

И я остался. Я не подал в отставку, потому что печальный, тщательно одетый белобородый старик, мой достойный отец, верил в меня больше, чем я сам. И потому что при всей своей коррумпированности, продажности и недееспособности наша гребаная полиция остается последним бастионом порядка в нашем истерзанном, раздираемом противоречиями обществе. Я не хочу, чтобы другим семьям пришлось пережить то, что выпало на долю моей сестры.

Письмо Присциллы Харт Синди Валериани

15 августа 1989 г.

Дорогая Синди, сегодня праздник, День независимости. Сижу за столом в самой свободной из моих рубах, подставив лицо под струю горячего воздуха от скрипучего вентилятора, ерзающего на подставке. Август в Залилгархе просто убивает, хотя сейчас нет такой жары, как в мае или июне перед наступлением сезона дождей, когда выходишь на улицу, будто в духовку влезаешь. Прохлада наступает в октябре, но вместе с ней приходит и смог — дым от сотен жаровен на улицах, выхлопы тысяч автобусов, авторикш и автомобилей, копоть от бог знает скольких фабричных труб скапливается под одеялом холодного тумана с реки. Третьего дня Гуриндер заметил, что дышать залилгархским воздухом все равно что выкуривать по пачке "Чарминара" в день — и для ясности продемонстрировал сигарету без фильтра!

Я сегодня одна, офис закрыт по случаю праздника, Лаки с утра священнодействует в окружении самодовольных функционеров на очередной церемонии поднятия национального флага. Я представляю, как он в сафари-костюме салютует чужому флагу, флагу без звезд и полос, — чёрт, я ведь даже не знаю, салютуют ли флагу на этом действе, — и говорю себе: он иностранец. Но, Син, это слово в применении к нему ровно ничего не значит. Я его так хорошо знаю — силу его рук, когда они обнимают меня, два неровных передних зуба, открывающиеся при улыбке, чуть терпкий запах пота после любви, складочку в углу рта, видную мне, когда я лежу на его груди. Он никакой не иностранец. Он мне ближе, чем любой американец, которого я знала.

И вот, пожалуйста, в День независимости, я мечтаю отказаться от своей независимости ради него, зная, что сначала он должен сам получить независимость. Не могу поверить, что он сомневается — разорвать ли ненавистный брак без любви ради женщины, которую он, как утверждает, любит. Когда он начинает рассуждать о противоречивости своих чувств и своем долге, я вспоминаю, что он все-таки иностранец.

Кстати, об иностранцах. Только что мне снова напомнили, что иностранка здесь я. В прошлый уик-энд пошла на базар — хотелось купить подарки домой. Базары эти — чистое сумасшествие: лавки, из которых товары вываливают прямо на улицу, торговцы, не дающие проходу, тучи надоедливых мух, дикая жара и духота, и нестерпимое желание зайти в ближайшую болливудскую киношку, чтобы побыть под кондиционером. Ладно, проехали. Я высмотрела парочку вышитых наволочек на диванные подушки — подумала, что они придутся тебе по вкусу. Спрашиваю по-

чем. "Двести рупий штука, но вам отдам пару за триста", — отвечает сальный лавочник. Жизнь в Индии уже научила меня, что нужно торговаться, так что я сразу предложила ему двести за пару — и поразилась его поспешному согласию. Показываю покупку Кадамбари, та спрашивает, сколько я за них отдала, шестьдесят? Даже с поправкой на ее зловредность, мне стало ясно, что меня в очередной раз надули. Надо полагать, это плата за то, что ты в Индии иностранка. Но я-то почему должна за это расплачиваться? Я же не туристка из пятизвездочного отеля, я — это я!

Из дневника Лакшмана

19 августа 1989 г.

Не спится. Поднялся в три часа ночи и сел писать. Гита спит крепко, как всегда, на припухшем лице бездумное самодовольство. Всякий раз, проснувшись, я понимаю, что видеть не могу это лицо, а просыпаюсь я всегда раньше ее. Чёрт возьми, как оно могло мне настолько понравиться, что я согласился взять ее в жены?

Не удержался и зашел в комнату Рекхи. Свет я не включал, но луна ярко освещала ангельское личико на мягкой подушке. Я осторожно отвел прядку волос, упавшую на глаза. Девочка, не просыпаясь, улыбнулась.

Конечно, я сейчас все время думаю о Рекхе. До отъезда Присциллы остается меньше двух месяцев, и она считает, что за это время необходимо принять решение. Хочу ли я с ней уехать? Она должна вернуться в Штаты, по крайней мере на время, и перспектива уехать вместе с ней имеет свои соблазны. Она показала мне — не совсем в шутку — рекламу в американском журнале:

В Швейцарии меньше безработных. Приобрести дом легче в Австралии. Поступить в колледж проще в Канаде. В Дании более долгие отпуска. А уровень преступности ниже в Англии. Но мечты чаще сбываются в Америке.

Заманчивая перспектива, если знать, о чем мечтаешь. Так о чем же я мечтаю? Чего хочу — быть свободным или быть с Присциллой? Я знаю, ради меня она готова изменить все свои планы и остаться в Индии. Она сделает это — но при одном условии. Если я скажу, что ради нее готов расстаться с женой. Вот чего она хочет. И хочет, чтобы я сделал это сейчас. Я могу понять ее нетерпение, но не уверен, что готов к подобному... катаклизму. Как объяснить ей, что я не вполне уверен, что вправе бросить Гиту. Ведь не я решал, жениться ли мне, как же разрешить себе разорвать брак? Роль мужа и отца — основа моего "я", вопрос моей укорененности в мире, и это неразрывно связано с моим ощущением своего места в космосе. Я воспитан в уверенности, что такие вещи, как брак, семья, находятся вне пределов личной воли, что они важнее личной свободы. Присцилла никогда этого не поймет.

А маленькая Рекха? Она не просила родить ее, но она родилась, и ее мир сожмется от нашего с Гитой расставания. Как я могу объяснить Присцилле, что значит для меня Рекха?

Прошлым вечером Присцилла спросила: "Лаки, что с тобой?"

Любимая, ты спрашиваешь, что со мной,
И говоришь, что я кажусь издерганным и усталым.
А я действительно измучен и издерган.
Я, принявший твой щедрый дар любви,
Терзаюсь им, страшусь тебя любить.
Любя тебя, страшусь тебя утратить
И вновь остаться одному,
Лишившись жарких ласк,
Улыбчивого тела —
Немыслимо...
Часть сердца моего твоя навеки,
Но — только часть.
Оно на части рвется, ибо
На свете есть дитя,
Плоть от моей плоти,
Душа моей души...

Любимая, ты спрашиваешь, что со мной...
Вот это мне не даст покоя никогда.

Сильные чувства, бессонная ночь — и в результате бездарные стихи. К тому же неубедительные. Я так устал, что мысли путаются. И не дают заснуть.

Редьярд Харт – Мохаммеду Сарвару

14 октября 1989 г.

Утром я, знаете ли, остановился выпить чего-нибудь холодненького. И угадайте, что мне предложили? Пепси. Только здесь это называется "Лехар пепси". Соблюдают какой-то индийский закон о запрете на иностранные бренды.

Не утерпел — купил. Попробовал. И ощутил вкус поражения. Когда я последний раз был в Индии, пепси на рынке не было. Теперь пепси есть, а вот нас нет. Мы бы на десять лет опередили их, если бы правильно разыграли карты. Понимаете, когда мы видим население без кока-колы, мы видим рынок, открытый для лучшего напитка, изобретенного человечеством. Наше отсутствие в Индии — проигрыш для всех. Индийцы лишены первоклассного продукта, а мы — возможности быть лидерами в этой стране, как в других странах.

Мы должны вернуться в Индию. И вернемся. Это мировая тенденция. Вы будете потреблять американские продукты, американские идеи, американскую систему ценностей, и все это распространится по всему миру. И кока-кола тоже.

Я вам скажу, в чем проблема Индии. У вас слишком много истории. Гораздо больше, чем вы можете безболезненно переварить. Поэтому вы и размахиваете историей как боевым топором. А нам в компании

"Кока-кола" история ни к чему. Мы будем продавать вам наш напиток без оглядки на вашу историю. Нас не очень волнует прошлое. Мы хотим быть частью вашего будущего.

Моя дочь тоже верила в ваше будущее. Понимаете, я с ума сходил, спрашивая Бога, почему она должна была лишиться жизни в сваре, к которой не имела отношения. А теперь я понял — это был ее выбор. Она хотела изменить Индию к лучшему. Трудилась ради будущего, а ее убило прошлое.

Я много размышлял об этом. Хоть лучше мне от этого не стало, но, думаю, я попрошу компанию опять отправить меня в Индию. Сделаю еще одну попытку. Присцилла, наверное, одобрила бы меня.

Записка Присциллы Лакшману

21 августа 1989 г.

Прочла стихотворение, которое принес мне на работу Сладкий Мохаммед. Не знаю, зачем ты прислал мне эти стихи — разве что хотел, чтобы я увидела наши отношения в другом свете. Может быть, и тебе нужно взглянуть на них по-другому, Лаки.

В наших отношениях ты ничем не рисковал. Совсем ничем. Это я пошла на риск, влюбившись в женатого человека. Вся ответственность на мне. Извини за кляксы — у меня слезы текут. Но я не хочу, чтобы ты жалел меня. Мне нужна твоя любовь, а не жалость.

Твое стихотворение низводит меня до "улыбчивого тела", до "жарких ласк". Мне-то казалось, что я для тебя — нечто большее. Когда затрагиваешь жизнь другого человека, надо быть осмотрительней со словами.

Я люблю тебя всем сердцем и душой, но я не хочу быть с человеком, который относится ко мне не так, как я к нему. Я хочу быть уверена, что человек, которого я люблю, любит меня. Не мое тело, не мои объятия. МЕНЯ.

Не сомневаюсь, что дочка нуждается в твоем присутствии. Я тоже нуждаюсь в твоем присутствии, Лаки. Но этого ты предпочитаешь не замечать, верно?

Ты прекрасно понимаешь свой долг перед всем на свете — семьей, дочкой, работой. А что же я — я вообще не могу ни на что претендовать? Я просто удобный сток для твоей страсти, твое укрытие от будничной реальности, да?

В субботу вечером мне было так больно видеть твое измученное лицо. Я не знаю, что делать. Я не требую от тебя ничего из того, что ты не хочешь дать мне сам. И не могу раскрыть тебе мои желания, если ты не знаешь, как на них откликнуться.

Твое стихотворение напугало меня. После шести месяцев наших отношений мне надо наконец понять, какое место я занимаю в твоей жизни, Лаки, и чего я могу ожидать от тебя. Я люблю тебя всей душой, но мне очень больно. Я буду завтра в Котли, как всегда по четвергам и субботам, когда это тебе удобно, потому что твоя жена в храме. Но я не уве-

рена, что это по-прежнему устраивает меня. Надеюсь, что завтра мы откровенно обо всем поговорим.

Присцилла Харт – Синди Валериани

22 августа 1989 г.

Син, дорогая Син, как бы я хотела, чтобы ты была здесь, в Залилгархе! Не знаю, как мне справиться без тебя с тем, что происходит. Будь ты здесь, мы бы обсудили ситуацию, ты обняла бы меня и успокоила. Вечером я встречаюсь с Лаки и боюсь этой встречи. Я потребовала от него то, что он вряд ли сможет сделать. А я не хочу терять его, Син! Он – то, что я всегда хотела видеть в мужчине. Глупо звучит, да? Но это правда, и я по-настоящему люблю его, Син. Люблю до боли. И не знаю, любит ли он меня настолько, чтобы поставить на кон все ради жизни со мной...

Да еще вдобавок ко всему – будто мало мне других проблем – сегодня утром произошло новое событие. Ты не поверишь. В Центр заявился парнишка по прозвищу Сладкий Мохаммад – который разносит жутко сладкий чай, – и через него мы с Лаки обмениваемся записочками. Выясняется, что он то ли сосед, то ли племянник или еще кто-то той мусульманки, про которую я тебе писала. Фатима Би, у нее семеро детей, помнишь? Сладкий Мохаммад живет рядом с ней, по его словам, она прибежала к нему с важной просьбой: ей необходимо срочно повидать меня. И это просьба той самой женщины, которую избил муж, строго-настрого запретив ей контакты с Центром. Кадамбари занервничала – ей не хочется снова появляться в этой мусульманской *басти* (она, между прочим, индуска, что в нынешней напряженной обстановке нельзя сбрасывать со счетов), а я, само собой, повсюду обращаю на себя внимание, так что и речи нет, чтобы незаметно пробраться к Фатиме Би. Кадамбари стала говорить, что мы все равно ничего не сделаем, и я рассердилась. "Разве мы здесь не для этого? Если этой женщине хватило смелости просить у нас помощи, то как мы можем не откликнуться? Надо идти", – заявила я.

Мы пошли – и что мы узнаем? Несчастная Фатима Би, мать семерых детей, при том, что справиться она может от силы с одним, только что узнала, что опять беременна. Восьмой раз.

Она была вне себя и на сей раз преисполнена решимости. Спросила, что можно сделать. Мы с Кадамбари объяснили. Сказали, что государственная больница оказывает услуги по прерыванию беременности.

– Это как? Ребенка достанут? Убьют его? – дрогнувшим голосом спросила она.

Услышав утвердительный ответ, она закрыла глаза и чуть ли не минуту не открывала их. Однако потом задала практический вопрос: спросят ли в больнице согласие мужа на аборт?

Мы сказали – нет, она взрослый человек, свободный и ответственный. По закону это ее тело и ее решение. Ничье разрешение ей не требуется.

— В таком случае, — сказала она, — я сделаю аборт.

Она посмотрела на нас, и я увидела перед собой новую женщину. Уже не перепуганную и забитую Фатиму наших прошлых встреч. Она спросила, можем ли мы ей помочь.

Кадамбари открыла было рот, чтобы ответить: единственное, что мы можем, это дать адрес и номер телефона клиники, но я опередила ее. Я отлично понимала, что Фатима никогда не сумеет добраться до телефона, уже не говоря о том, чтобы съездить в клинику и договориться.

— Мы вас запишем, — сказала я.

Подобное обещание было некоторым превышением наших полномочий, но я сочувствовала Фатиме. Она потратила столько сил, чтобы стать хозяйкой своего тела, своей жизни, что мы обязаны были оказать ей дополнительную поддержку.

Это не понравилось Кадамбари. В ней нет этой искры служения делу, она просто выполняет свои обязанности, а во мне видит назойливую иностранку, которая суется не в свое дело и портит ей жизнь.

Конечно же, я спросила Фатиму, не боится ли она мужа и его реакции на наш приход. Без сомнения, соседи ему доложат. А когда она отправится в клинику, это будет невозможно от него скрыть. Мне не хотелось, чтобы Фатима действовала необдуманно.

Оказалось Али, ее муж, на трое суток уехал из города. Фатима хотела, чтобы все было сделано до его возвращения.

— А что потом? — спросила я. — Он не разозлится?

— Он разозлится, — ответила Фатима ровным голосом, — но будет поздно.

Лакшман и Присцилла

22 августа 1989 г.

— Я люблю тебя. (*Молчание.*) Я сказал: я люблю тебя.

— Я слышу. Это все, что ты можешь сказать? Что это значит?

— Что значит: "что это значит"?

— Я знаю, что это значит, когда говорю, что люблю тебя. Я не часто произношу эти слова. И не произношу их с легкостью. А что это значит, когда их говоришь ты?

— Это значит — я люблю тебя. Люблю твой голос. Люблю твои волосы, когда они свешиваются тебе на лоб. Люблю смотреть, как ты двигаешься, как сидишь, лежишь или стоишь. Люблю твою манеру делать заметки и прятать тетрадь. Люблю тебя в постели. Люблю выражение твоего лица, когда я в тебе, звуки, которые ты издаешь на нашей подстилке в закатной комнате. Люблю быть любимым тобой.

— Я знаю, что ты меня любишь. Только не знаю насколько сильно.

— Я люблю тебя! Разве этого недостаточно? Невозможно любить сильней!

— Это слова. Слова остаются словами, пока нет поступков.

— Я поступаю, как говорю. Разве я сейчас не с тобой?

— Со мной, но только сейчас. Через час-другой тебя здесь не будет. Вернешься к своей жене, к дочке. Вернешься в свой дом, где мне места нет.

— Ты знаешь мое положение. Я тебя никогда не обманывал.

— Я знаю, в каком ты положении, но мне от этого не легче.

— Я понимаю, что тебе нелегко. Мне тоже нелегко.

— Но и не так уж трудно. К твоим услугам женщина, когда тебе удобно, два раза в неделю. Тебе ни в чем не приходится ущемлять себя. В работе, в общении с близкими людьми, в семье. Всё при тебе, в том числе и я.

— У тебя все получается просто. Тебе не было места в моей жизни, Присцилла. Я не нуждался в тебе. Я научился жить без любви. Я тебе говорил об этом при нашей первой встрече. Это безумие. Для тебя. Для меня. Помнишь, что я сказал тебе, когда мы вторично встретились в Котли, когда ты прислала мне ту записочку и я приехал? Я сказал: "У меня невпроворот дел, избыточный вес и я женат". А ты ответила: "Ну и пусть, мне все равно".

— Мне и теперь все равно.

— Не все равно. Тебе совсем не все равно. И сегодня ты снова напомнила мне об этом.

— А как я могу не напоминать? Я живу с этим. Живу, зная, что человек, которого я люблю, находит для меня место в своей жизни только в четверг или в субботу. Что после свидания он ужинает с женой. Что со мной он проводит час, от силы два, а потом исчезает, оставляя меня наедине с моим одиночеством.

— А ты не была бы еще более одинокой без меня? Послушай, я и так чувствую себя кругом виноватым.

— Я знаю. Но чем тебе пришлось пожертвовать ради меня?

— Душевным покоем.

— Если ты хотел сохранить душевный покой, не надо было влюбляться.

— Я и не собирался влюбляться. Моя жизнь — сплошной кошмар. Я постоянно терзаюсь из-за того, что мало занимаюсь дочерью, или не успеваю разобраться с бумагами на работе, или провожу время с тобой в постели, а не с женой в храме, или боюсь, что меня начнут искать по срочной надобности, а я не смогу объяснить, где был. Когда я пытаюсь разобраться в том, во что превратилась моя жизнь, мне кажется, что ничего более безответственного, чем влюбиться, я сделать не мог.

— Любопытное слово — если мы говорим о любви. Безответственность! Значит, ты винишь себя за безответственность. Не очень-то это похоже на жертвенность. Некоторые мужчины готовы пожертвовать всем миром ради любимой. Ты же ничем не хочешь поступиться.

— А почему нужно обязательно чем-то поступаться? (*Молчание.*) Ну... я поступился своими убеждениями.

— Своими убеждениями?

— Да. Я поступился тщательно организованным порядком своей жизни — со взятыми на себя обязательствами, предсказуемостью. Любовь к тебе бросила меня на волю волн. Все вокруг меня бурлит, я не знаю, поплыву ли с тобой в новый солнечный рай или разобьюсь о скалы. Для меня, в моем нынешнем положении, это значит поступиться многим.

— Я тоже поступилась кое-чем. Ты знаешь, каково это — быть с человеком, с которым в трудную минуту не можешь поговорить? Нуждаться в тебе до боли и знать, что ты недосягаем? На людях делать вид, будто мы едва знакомы, не иметь возможности даже переглянуться в гостях?

— А ты думаешь, меня это не тяготит? Ты не понимаешь, что мне больше всего хочется крикнуть миру: она моя, я люблю ее!

— Тебе бы это обошлось слишком дорого.

— Да.

— Или, может быть, ты не настолько любишь меня?

— Глупости. Ты знаешь, что я люблю тебя.

— Французы говорят: любви нет, есть только доказательства любви.

— Ты получила достаточно доказательств.

— Каких доказательств? В постели? В постели не меньшую пылкость проявляли мужчины, и вовсе меня не любившие.

— Не напоминай мне о них.

— Лаки, ты не сможешь убедить меня в твоей любви, пока не откажешься ради меня от своей комфортной другой жизни. Пока не скажешь: будь моей навеки. В глазах всего света.

— Ты и так моя навеки. В моих глазах. В моем сердце. И ты это прекрасно знаешь.

— Не уверена. Иногда мне кажется, что я всего лишь твоя романтическая фантазия. Ты говоришь, я в твоем сердце. На самом деле, ты понятия не имеешь, что это такое. Твое сердце — водонепроницаемый отсек твоего ума. Я занимаю в нем место за переборкой, отгороженная от твоей работы, твоих занятий, твоей семьи. Когда ты со мной, ты живешь в этом пространстве. За его пределами я перестаю быть реальной.

— Это несправедливо. Я постоянно думаю о тебе, люблю тебя, дышу тобой. Ты сопровождаешь меня на совещаниях, на официальных обедах. На встречах с министрами. Ты принимаешь участие в спорах, которые даже не слышишь. Ты ни в каком не отсеке. Вся моя жизнь пропитана тобой.

— Я уже сказала. Я — фантазия.

— Клянусь, это не так!

— Не надо никаких клятв, Лаки. Наши отношения строятся на том, что я люблю тебя без вопросов, а ты мне не даешь ничего.

— Ничего?

— Я не это имела в виду. Ты даешь мне свою привязанность, свои стихи, делаешь мелкие подарки, приглашаешь обедать, всячески помогаешь. Но уверенности в будущем ты мне не дал. Иногда ты заговариваешь о нашей совместной жизни в Америке, в Индии, но это фантазии, не более того. Вот только я не сразу это осознала.

— Ты несправедлива. Всякий раз, когда речь заходила о будущем, я говорил серьезно. Представлял себе, как переверну вверх дном всю жизнь. Сходил с ума от мыслей о боли, которую причиню семье, дочери, о работе, о потере своего места в мире. И в то же время говорил себе, что готов на все, потому что ты любишь меня, потому что я люблю тебя и начнется новая жизнь взаимной любви, о которой я уже и мечтать перестал. И тут я вспоминал о дочери, самой ранимой и ни в чем не повинной жертве моего грядущего счастья, и понимал, что не могу...

— Не можешь. Но продолжаешь говорить, что любишь меня.

— Конечно люблю! И буду любить, пока живу.

— Но без надежды на наше общее будущее.

— Не хочу лгать тебе. Я уверен в своей любви, но не уверен, что могу рисковать дочерью ради своей любви. Неужели ты не понимаешь?

— А потерять меня ты не боишься?

— Боюсь больше всего на свете, но и дочь потерять боюсь тоже.

— Но ведь тебе не надо выбирать. Твоя дочь останется твоей дочерью, Лаки. И меня ты тоже не потеряешь. Тебе очень просто сохранить меня — нужно только принять окончательное решение. Сейчас.

— Не могу. Не сейчас.

— Я понимаю, что ты боишься. Из-за дочери.

— Я боюсь. Но дело не только в дочери. В тебе тоже.

— Во мне? Почему?

— Пойми, об этом трудно говорить, не задевая тебя, а я бы не хотел тебя обидеть.

— Объясни.

— Это непросто. Ты из другого мира, Присцилла. Мне придется ко многому приспособиться, чтобы стать частью этого мира.

— Но это не так уж трудно, Лаки. В тебе больше западного, чем ты сам думаешь. И ты с легкостью войдешь в этот мир.

— Я говорю о другом. Я имею в виду внутреннюю коррекцию. Хорошо, попробую объяснить. Мне это с самого начала мешало, но я старался отстраниться, говорил себе, что это не важно. В моей культуре ни один уважающий себя мужчина не дает свою *мангал-сутру*, – или обручальное кольцо, как у вас, — не дает свое имя женщине, у которой до него были другие мужчины. Мне и в голову не приходило, что я окажусь в положении, когда какой-то мужчина сможет подумать: "Я спал с его женой. Я видел его жену голой. Его жена удовлетворяла меня".

— Ты чокнутый.

— Я индиец. И, насколько мне известно, так думает большая часть человечества. Женщина, на которой женишься, — хранительница твоей чести.

— Ушам своим не верю — и это говорит образованный мужчина в 1989 году!

— В этом все дело. Я научился. В 1989 году я стал образованным человеком. Приучил себя не придавать этому значения. Научился любить тебя, не разрешая теням других мужчин падать между моей любовью и твоим телом. Да, я допускаю, что безотчетно следовал старому клише, — есть женщины, с которыми спят, и есть женщины, на которых женятся. Я начал спать с тобой, даже не помышляя ни о чем постоянном. Уже не говоря о женитьбе. Но потом я полюбил тебя. И оказалось, что я хочу жениться на женщине, с которой спал.

— Очень удобно.

— Не надо иронизировать. Твое прошлое мучило меня куда сильнее, чем ты думаешь. Но я говорил себе, что ты воспитана в иной культуре. Что важно только то, что ты меня любишь.

— Да.

— Я сказал себе: какое значение это имеет — с кем она раньше была. Важно только одно — теперь она со мной. А не с теми.

— Вот именно.

— Разве ты не видишь, как я хочу, чтобы это не имело значения? Но мне страшно, и ты должна это понять. Где гарантия, что женщина, спавшая с шестью мужчинами, не вздумает переспать с седьмым? Как я могу позволить себе отдаться любви, которой завтра могу лишиться? Другие

же ее лишались! Или я должен сказать себе: люби ее, пока она любит тебя, люби, сколько сможешь, а там будь что будет!

— О чем ты? Если чего-то хочешь, надо к этому стремиться!

— Я просто пытаюсь объяснить тебе, как мне тяжело. У меня есть работа, и я стараюсь работать на благо людей, на благо моей страны. Есть дочь, и я хочу, чтобы она нашла свое место в мире. И у меня есть ты. По крайней мере, я думаю, что ты у меня есть, но мне страшно.

— Я у тебя есть, Лаки, но только до тех пор, пока ты хочешь, чтобы я была. Если ты меня любишь, Лаки.

— Я люблю тебя. Но...

— Но?

— Все слишком запутанно. Я уже думаю, достанет ли мне сил примириться с тем, что моей любви должно хватить на то, чтобы отпустить тебя.

— Ты что? Бред какой-то: как ты можешь любить меня — и отпустить?

— Не знаю. Знаю только, что это было бы больнее, чем руку себе отрубить. Это значило бы жить потом с неотвязными мыслями о том, какой могла бы быть наша жизнь. И все же, никто не сказал лучше старины Оскара: любовь всегда начинается с самообмана и всегда кончается обманом других. И чем больше я об этом размышляю, тем больше мне кажется, что это было бы правильно.

— Для кого правильно? Только не для меня!

— Правильно для моей семьи, для Рекхи, для тебя. Тебя ждет замечательное будущее в Америке. Я не должен на него посягать. Я люблю тебя, но я рвусь на части. Тебя я не хочу терзать, можешь считать себя свободной — если б я так сказал, что бы ты сделала? Что лучше для тебя? Подумай. Но только не ставь под сомнение мою любовь к тебе. Все, что я сказал, продиктовано любовью к тебе. Даже готовность отпустить тебя.

— Я собственным ушам не верю! Значит, ты говоришь, что хочешь, чтобы я оставалась с тобой, но не можешь расстаться с женой и дочерью? Говоришь, что мог бы оставить их ради меня, если бы я не знала других мужчин? Говоришь, что любишь меня, но не настолько, чтобы ломать из-за меня жизнь? По-моему, ты вконец запутался!

— Запутался. Я думал, ничто не имеет значения, кроме нашей любви, — ни жена, ни работа, ни ребенок, ни твое прошлое. Но оказывается, это не так. Оказывается, я не могу повернуться и уйти, бросив все.

— Но от меня уйти ты можешь.

— Не могу! Ты разве не видишь, что со мной делается?

— А ты не понимаешь, что я не могу вечно ждать твоего решения?

— Понимаю.

— Ты занял в моей жизни такое место, какое никто другой не занимал. Я думала, у нас есть общее будущее.

— Умоляю тебя, не плачь! Вот, возьми мой платок.

— Я не прошу тебя губить дочь. Ты что, не можешь забрать ее у этой твоей ужасной жены?

— Сильно сомневаюсь, что суд отдаст ее мне. А при новой жизни и новой работе, как мне растить ее?

— Я помогу.

— Но ты не мать ей, Присцилла. Гита, при всех ее недостатках, мать Рекхи.

– Убери руку, Лаки, я ухожу.

– Я не хочу, чтобы ты уходила.

– Нет.Ты хочешь, чтобы я осталась и ты трахал меня, а потом отправлялся домой к жене. Спасибо, этим сценарием я по горло сыта.

– Присцилла, прошу тебя! (*Тишина.*) Присцилла, я люблю тебя.

(*Тишина. Долгая тишина, прерываемая скрипом двери, всхлипываниями на лестнице, звяканьем велосипедной цепи, затихающим похрустыванием веток под шинами.*)

Письмо Лакшмана Присцилле

25 августа 1989 г.

Дорогая Присцилла,

прошу тебя, постарайся понять мое состояние. Три дня после нашей встречи были самыми страшными в моей жизни. Я совсем не спал и чувствую, что болен. Физически болен. Я же говорил, что потерять тебя – все равно что руку себе отрубить. После ампутации человек испытывает фантомные боли: боли в том месте, где раньше было то, чего больше нет. В моем случае, это мое сердце.

Я чувствую, что чудовищно изувечил себя признанием, что не могу дать тебе обещание, которого ты ждешь. Смотреть в прошлый вторник, как ты на своем велосипеде растворяешься во тьме, – не было в моей жизни более тяжелого переживания.

К тому же я сам все это сделал, мне и мучиться. Мне отчаянно тоскливо, и от сознания, что я сам навлек на себя эти муки, легче не становится. Не мог я ничего другого сделать, моя любимая. Это был самый трудный выбор в моей жизни, и на самом деле я до сих пор не могу поверить, что сделал его.

Не могу вынести мысль о том, что больше не увижу тебя в Котли. Все равно приеду туда завтра, как обычно. Я пойму, если ты больше не захочешь появиться, но мне невыносимо больно не быть там в субботу, поэтому я приеду, хотя бы для того, чтобы побыть наедине с воспоминаниями.

Пусть Божественное провидение, в которое мы оба верим, даст тебе силу и счастье и пусть совсем немножко передастся и мне.

Твой навеки.

Из дневника Лакшмана

26 августа 1989 г.

Она, конечно, приходит к нему в субботу. Оставляет велосипед в кустах и тихонько поднимается по древним каменным ступеням в их прибежище. Он сидит на подоконнике, ветер теребит его волосы, а он задумчиво смотрит на реку и на далекий горизонт, медленно тающий в сумер-

ках. Она видит его, сердце дает сбой, будто зацепившись за нерв, как шарф за дверную ручку, — она спотыкается о порог и едва удерживается на ногах. Он оглядывается, он бросается к ней, она трепещет в его руках, как бабочка, бьющая на сильном ветру крылышками. Он целует ее так крепко, что у нее перехватывает дыхание. Она сдается, его руки скользят вниз и вверх по ее телу, будто проверяя, вся ли она здесь. Его сердце ликует, глаза счастливо блестят. Она гладит его по лицу, он останавливает ее пальцы поцелуем, как-то внезапно оказывается на ней, и в ней, и кажется, будто он играет мелодию, которую она всегда слышала, а он никогда не переставал играть. Потом они молчат, каждый страшится того, что может сказать другой.

И правильно, что молчат, ибо ни один не может объяснить, что произошло. Он стаскивает с нее одежду, мягкую хлопковую юбку с замысловатым рисунком, удобную свободную рубашку, легкую и легко воспламеняющуюся, как ее владелица. Крючки лифчика на сей раз не противятся его пальцам, трусики соскальзывают, и вот она нагая в его нетерпеливых руках, послушно отдающаяся им. Он продолжает ее целовать, теперь она стоит на коленях. Он сзади рывком растегивает пояс. Он видит их отражения в зеркале, в длинном зеркале, в котором они так часто видели закат, но сейчас туманное стекло отражает ее белизну. Лица не видно, груди колышутся, когда он берет ее сзади. Он упоен своей победой, он наблюдает в зеркале, как ее спина выгибается навстречу ему, как его ладони охватывают нежные ягодицы, и он вонзает в нее свое победное вожделение. Он помнит, что это не дозволено, это единственное, на что она не соглашается, но сегодня он не спрашивает, а она не противится. Его глаза открыты, он моргнул лишь в момент кульминации, но от упоения не видит — или воображает, будто не видит, — слезинку на ее опечаленном любовью лице.

Гита Лакшман в храме Шивы

2 сентября 1989 г.

— Свами-джи, я каждую субботу прихожу молиться с дочерью. Теперь я нуждаюсь в вашем совете и благословении. Помните, вы мне сказали, что богобоязненная женщина, такая, как я, может без колебаний прийти к вам с любой проблемой?

Вчера Гуриндер, друг моего мужа, сказал, что ему нужно поговорить со мной. Сказал, что долго не решался, но теперь у него нет выбора. Взял с меня слово ничего не говорить мужу. И рассказал, что мой муж любит другую женщину и хочет меня бросить. Это, конечно, та желтоволосая американка. Мой муж собирается бросить нас с дочкой и убежать с ней в Америку.

Гуриндер сказал, что говорит это мне, чтобы я сделала все возможное и удержала Лаки. Сказал, что хочет спасти мужа от него же самого. Что муж не желает слушать его советы, а он, как друг, считает себя обязанным ему помочь.

Я заплакала и спросила: что же мне делать? Гуриндер сказал: это тебе решать. Отговаривай его. Люби его. Заставь его почувствовать, что

он обязан остаться с тобой. Ты должна бороться за своего мужа, Гита, иначе ты его потеряешь.

Свами-джи, у меня сердце оборвалось. Когда Гуриндер ушел, я сразу побежала в кабинет мужа. Он проводит там много времени, даже ночью, и все пишет, пишет. Встанет ночью и уходит писать, а я делаю вид, что сплю, потому что понимаю — он не хочет, чтобы я знала, чем он занимается. Иногда раньше, когда он уходил на работу, я читала, что он написал. Но это были очень трудные английские стихи, которые мне было не понять. Поэтому я перестала этим интересоваться. А теперь поняла, что напрасно. Свами-джи, у меня душа разрывается. Что Гуриндер говорил, все правда. У мужа роман с этой женщиной. И он описывает такие вещи — ужас! — что они с ней делают. И написал, что меня он не любит и думает оставить меня и нашу дочку. Что мне делать, Свами-джи? Говорить с ним об этом я не могу. Я могу обратиться только к Богу, Свами-джи, и к вам. Пожалуйста, отслужите особую пуджу, которая поможет мне удержать мужа.

Конечно, Свами-джи. Все, что скажете. Нет-нет, мне незачем просить деньги у мужа. Отец пришлет мне денег. Помогите, Свами-джи! Используйте, что хотите и кого хотите, только не дайте этой иностранной дьяволице убежать с моим мужем!

Рам Чаран Гупта – Рэнди Диггзу

(перевод с хинди)

12 октября 1989 г.

Буду с вами откровенен, мистер Диггз: думаю, обращаясь к вам, я зря теряю время. Все вы, иностранные журналисты и фотографы, интересуетесь только той Индией, которую хотите видеть. Жуткой, темной Индией с убийствами и погромами, вроде того, насчет которого пришли поговорить, и, конечно же, с нищетой, болезнями, вдовами в Бенаресе, кастовой системой, бедняками, продающими свою кровь или почки, трущобами Калькутты или Бомбея, сожжением молодых жен, за которых недодали приданое, и тому подобное. Вот вы сами, мистер Диггз, сколько вы опубликовали подобных историй для ваших читателей в Америке? Понятное дело, еще лучше, если с индийскими ужасами справляются добрые белые христиане — не сомневаюсь, что мать Тереза всегда была вашей любимицей, особенно когда получила Нобелевскую премию. Не стану отрицать, мистер Диггз, все это в Индии существует, но составляет лишь часть индийской реальности, и не самую большую. Но вас и легион подобных вам, к сожалению, интересуют только теневые стороны жизни этой страны.

Вы не согласны, мистер Диггз? Если я говорю с вами на хинди, это не значит, что я не могу читать английские и американские газеты. И мне нетрудно расширить этот перечень — я говорил только о теневых сторонах, но вы публикуете и не столь негативные материалы. И что же в них? Экзотика и местный колорит. Махараджи и их дворцы, конное поло, неслыханные богатства и роскошная жизнь. Они завораживают

вас, западных людей, даже спустя много лет после того, как утратили свое былое значение в моей стране. Да. Вы пишете и про Раджастан с его красочными празднествами, с Верблюжьей ярмаркой в Пушкаре, про курорты Гоа, про эротическую скульптуру Кхаджурахо. Я рад — это привлекает туристов, а те тратят в моей стране американские доллары, но только не думайте, мистер Диггз, что вы — или туристы — видите настоящую Индию.

Что же мы получаем, читая новостные материалы, мистер Диггз? Стандартный набор. Индо-мусульманские столкновения, "индусский фундаментализм", секулярный Национальный конгресс, прозападный пилот Раджив Ганди. Сколько десятков иностранных корреспондентов работает в Дели, мистер Диггз? И сколько из них выходят за рамки этого дежурного меню? Многие ли воздают должное великой культуре и цивилизации Индии, ее истории, философским глубинам индуизма? Мне известны очень немногие, мистер Диггз. И у меня нет оснований полагать, что вы составляете исключение.

Я прекрасно понимаю, что вы берете у меня интервью относительно этого погрома только потому, что во время погрома погибла молодая американка. Трагически погибла, согласен. Но одновременно были убиты и ранены десятки молодых индусов, но они вас не волнуют. Вы и все ваше племя готовы писать о нападениях на представителей меньшинств в Индии, особенно на христиан, но при этом умалчиваете о том, что эти меньшинства — евреи, парсы, христиане и даже мусульмане — на протяжении тысячелетий находили приют в этой стране и исповедовали свои верования без всяких помех со стороны индусских правителей. Когда же, мистер Диггз, вы и ваши друзья, иностранные корреспонденты, предоставите своим читателям статью о богатстве и величии этой древней страны, о ее многообразной цивилизации?

Не утруждайте себя ответом. Вам мешают пристрастия и стереотипы, выработанные еще до приезда в Дели, которые вы не меняете по мере накопления опыта. Впрочем, у вас есть и романтические клише: Джон Мастерс, водонос Ганга Дин, бенгальские уланы, киплинговский невинный белый мальчик джунглей, окруженный грозными хищниками индусского царства, — сами знаете. Вы пишете западные статьи для западного читателя и говорите ему, что такова Индия.

Предвзятый характер некоторых ваших тем очевиден: бедность, кастовая система, неприкасаемые, религиозные распри. Нормален для вас мир, где всего этого нет — процветающий, опрятный, спокойный. Но разве у вас нет Гарлема, мистер Диггз? Или Аппалачей? Вы полагаете, что я ничего не знаю об американской нищете? Или о дискриминации негров, которых вы зовете афроамериканцами? И разве нет у вас Христианской коалиции? Чем она отличается от нашего "Сангх Паривара"? Или включенность в политику позволительна только христианской религии, а индуизму — нет?

Сколько мы должны глотать западную ложь об Индии, мистер Диггз? Англичане разделили нашу страну, а вы свалили вину на нас. В склоке за имущество убили христианина, а вы пишете, что убили потому, что он христианин. Политик говорит о восстановлении самого почитаемого храма своей веры, а вы обзываете его нетерпимым фанатиком.

Вы даже не делаете попытки понять индусов! Все ваше знание из вторых рук. Вы изображаете нас беспомощными жертвами тысячелетних вторжений начиная с арийского завоевания три с половиной тысячи лет назад — базовый миф британского империализма, призванный изобразить бессильный, темный субконтинент, подконтрольный власти сильной белой расы. Но когда индусские историки и археологи говорят, что никакого вторжения не было и арийцы — те же индийцы, жившие по берегам реки Сарасвати, впоследствии пересохшей, то это воспринимается как не заслуживающие внимания измышления шовинистов и фанатиков. Вы всегда готовы превозносить великие достижения Моголов, их искусство, их архитектуру, на самом деле просто украденные ими у индусов, — вам известно, что Тадж-Махал был когда-то индусским дворцом? Вы поносите хиндутву как фундаменталистское движение, но ни слова не говорите о тринадцати веках исламского фундаментализма и угнетения. Индия отстаивает себя, но вы, мистер Диггз, не сообщаете читателям о возрождающейся гордости индийцев своей страной, своей собственной культурой и историей. Вы только и видите, что угрозу секуляризму, будто он и есть бесценное индийское наследие. Это догма, импортированная с Запада, почему я должен безоговорочно ее принять? Можно отыскать в Ведах слово "секуляризм"?

Вам этого не понять. Ни вам, ни другим американцам. Индия огромная и сложная страна со своими противоречиями, парадоксами, несообразностями — но все это наше. Где еще существует такая смесь этносов и каст, такое обилие разных языков и наречий, такое географическое и климатическое многообразие, такое многоуровневое экономическое развитие? Как понять страну, пятьдесят процентов населения которой неграмотно, но которая лидирует в мире по числу научных работников и технарей? Как вы опишете нищету и убожество страны, которая подвигла могольского императора на знаменитые строки: "если есть рай на земле, то он здесь, здесь, здесь". Вас, мистер Диггз, сформировала страна, в которой все делится на черное и белое: есть хорошие парни, есть плохие парни, есть ковбои, а есть индейцы. Вы способны все понимать только в собственных категориях и не понимаете, что эти категории к Индии неприложимы.

Я еще не закончил. Не возражайте. Я прекрасно понимаю, что в своих материалах вы руководствуетесь не только собственными предубеждениями — если бы вы это делали, вас бы выгнали с работы, разве не так? Поэтому вы разукрашиваете свои предрассудки тем, что слышите от индийцев. Не от таких, как я, — должен воздать вам должное за то, что вы потрудились меня разыскать. Нет, вы беседуете с индийцами, подобными вам, — с индийцами, образованными на английский лад, которые не умеют повязать *дхоти* и гордятся тем, что едят не руками. Типа нашего губернатора Лакшмана, с которым вы, несомненно, еще встретитесь. С теми, кто жаждет объяснить вам Индию, но кому вы не должны бы доверять, мистер Диггз. Они чересчур похожи на вас, и поэтому от них нет толку. Они считают себя современными, утонченными, космополитами, секуляристами, презирают "индусских фанатиков", высмеивают нашу веру и убеждения, насмехаются над нашими традициями. Им неловко за настоящую Индию, потому что ужасно хо-

чется быть гражданами мира. *Вашего* мира. И это к ним вы обращаетесь за объяснениями и советами относительно *моей* страны?

Все, что вы услышите от тех индийцев, это точка зрения Дели — даже здесь, в Залилгархе. Вы, иностранные корреспонденты, не понимаете, что Нью-Дели — не Индия. Во всяком случае тот Нью-Дели, который известен вам по дипломатическим приемам и бизнес-коктейлям. Индия *здесь*, мистер Диггз. Я индиец. Меня слушайте.

Письмо Присциллы Харт Синди Валериани

3 сентября 1989 г.

Син, дорогая моя Син, я не знаю, что делать. Я вернулась к нему, хотя ничего не решено, — просто потому, что не могла иначе. Снова отправилась в Котли. И прильнула к нему, и он обнял меня, и мы оказались в постели. Не совсем так, как всегда. Что-то произошло в тот день, о чем я не хочу писать, но я поняла, как сильно его люблю, как сильно хочу отдать ему себя и как твердо уверена, что именно он мне нужен. Я хочу прожить с ним всю жизнь, Син, и это сводит меня с ума. После я хотела сказать ему все это, но не находила слов, да и он явно не хотел ни о чем говорить. Он только прижимал меня к груди с такой силой, что я просто не могла шевельнуть губами, даже если б хотела.

Итак, я не знаю его намерений: то ли я должна планировать будущее с ним, то ли готовиться к возвращению в Нью-Йорк без него. Боже мой, Син, мне так нужен твой совет.

Синди, есть еще одна проблема: история с Фатимой Би — я тебе писала о ней — приняла неприятный оборот. Али, ее муж, вернулся домой, узнал, что она сделала, и избил ее до полусмерти. Что неудивительно. Затем он бросился в Центр, чтобы найти Кадамбари или меня. Кадамбари он не застал — она ушла по делам, — и вся его ярость обрушилась на меня. Он был в неистовстве, налитые кровью глаза буквально вылезали из орбит. Он метнулся ко мне с воплем: сказал тебе не трогать ее! Мужчины в офисе насилу удержали его, поволокли вон, а он орал, что убьет чужеземную шлюху.

Бедный мистер Шанкар Дас стал успокаивать меня, спросил, не вызвать ли полицию. Я сказала, что не надо. У меня из головы не шла несчастная Фатима Би и новые мучения, которые выпадут на ее долю, если ее мужа потащат в полицию из-за меня. Это же я поддержала ее решимость пойти в клинику. Я знаю, что поступила правильно, и всерьез угрозы Али не принимаю.

Но меня угнетает общая ситуация. Работа Центра иногда кажется мне довольно бессмысленной. Хотя мистер Шанкар Дас очень хвалит бумаги, которые я для него пишу, сказать по чести, я не очень понимаю, какой от них толк. Мои исследования почти закончены, но нужно провести еще несколько встреч вместе с Кадамбари, от чего я не в восторге. Кадамбари — странная женщина, и работать с ней мне не нравится. С самого начала этой истории с Фатимой, Кадамбари дистанцировалась от меня. Она всячески старается дать понять окружающим, что кругом виновата одна я, а она тут ни при чем. Чёрт возьми,

ведь это ее работа, разъяснять женщинам их права, связанные с деторождением!

Потом Кадамбари затеяла странный разговор в этой своей уклончивой манере. Сказала, что меня приметили во время велосипедных поездок в Котли и что мне надо быть осторожней, потому что в Котли никто не ходит. Почему, спросила я, и она ответила, что это место считается нехорошим. Я сказала, что не верю в привидения, но она возразила, что там "не только привидения бывают". Что она имела в виду? Я сказала, что ездила в Котли несколько раз и ничего не замечала. А она ответила: конечно, все знают, что губернатор (то есть Лаки) часто туда ездит, и, пока его машина стоит у ворот, туда никто не сунется, но, когда его там нет, в Котли крутятся всякие *бадмаши*, плохие ребята. Я глянула на нее и сказала, что частенько заезжала в Котли, но ни разу не видела губернатора. Кадамбари бросает на меня игривый взгляд – представляешь! И уходит, бурча себе под нос: дело не мое, но не говорите потом, что я вас не предупреждала!

Синди, ты должна дать мне слово, о'кей? Все это между нами, и ты не покажешь мои письма НИКОМУ, даже Мэтту. И ни слова моим родителям. Они только разволновались бы, а помочь мне все равно никто в Америке не может. Я тебе пишу, чтобы поделиться с единственным человеком, который меня понимает. Считай, что это телефонные звонки, которыми бы мы обменивались, будь я в Нью-Йорке, о'кей? Прочла – порви, как будто положила трубку после разговора.

Что же все-таки хотела сказать Кадамбари этим своим предупреждением? Намекала на Лаки? Мне бы, конечно, следовало сообразить, что в таком маленьком городишке разговоры рано или поздно обязательно пойдут. Лаки совершенно незачем, чтобы о нем сплетничали всякие Кадамбари. И я не уверена, насколько серьезно должна отнестись к ее совету быть осторожней. Что она имела в виду: что в Котли небезопасно или что меня могут выследить? Не хочу говорить об этом с Лаки, чтобы не тревожить его. И еще потому, что не хочу делать ничего, что могло бы поставить под угрозу наши встречи в Котли. Это единственное место, которое я люблю в Залилгархе. Лучше умереть, чем отказаться от него...

Рэнди Диггз: запись беседы губернатора области В. Лакшмана с родителями Присциллы Харт

13 октября 1989 г.

Они уже здесь? Ну что ж, почти вовремя. Это родители Присциллы, мистер Диггз, пришли со мной поговорить... А вы с ними знакомы? Не возражаете, если я приглашу их к нам присоединиться? Полагаю, они хотят задать мне те же вопросы, что и вы, так что я мог бы сразу двух зайцев убить... Что? Разумеется, можете включить диктофон – если, конечно, они не будут возражать.

Входите, пожалуйста. Миссис Харт, мистер Харт, рад с вами познакомиться (*скрип стула*). Лакшман, губернатор области. Вы, вероятно,

знакомы с мистером Диггзом из "Нью-Йорк джорнэл"? Он хотел поговорить со мной о недавних событиях – трагических событиях. Вы не возражаете, если он будет присутствовать при нашей беседе и запишет мои ответы?

Вы совершенно правы, мистер Харт, и он, и вы хотите знать правду. Вот именно, правду. Вам известен официальный девиз моего правительства: *Сатьямева джаяте*, только правда побеждает. Эти слова напечатаны на всех наших официальных бланках – и на визитной карточке, которую я вам вручил. Только правда побеждает. Но иной раз мне хочется спросить – чья правда? Не всегда легко дать ответ.

Присаживайтесь, миссис Харт, мистер Харт. Чаю? Нет? Что-нибудь прохладительное? Боюсь, кока-колы у нас нет. Может быть, вас устроит кампа-кола? Нет?

Надеюсь, вас хорошо устроили в Залилгархе? Да, конечно, я понимаю, проблемы комфорта беспокоят вас меньше всего. Простите.

Вы побывали в Центре, где работала Присцилла? И говорили с руководителем проекта? Отлично. Были в ее квартире? Я слышал, что у нее там очень скромно. Нет, у нее я не бывал, миссис Харт.

Да, я был хорошо знаком с Присциллой. Собственно, мы с женой хорошо ее знали. Присцилла довольно часто у нас обедала... Нам было так славно с ней. Мы с Гитой помогали ей чувствовать себя в нашем городишке желанной гостьей. Мне кажется, она здесь не чувствовала себя одинокой.

Нет, к сожалению, не имею ни малейшего представления, почему она оказалась там, где была... убита. Простите. Я на самом деле чувствую свою ответственность, не просто потому, что отвечаю за законность и правопорядок в городе, но меня не оставляет мысль, что, возможно... видите ли, мне кажется, она впервые услышала о Котли от меня. Мы говорили о городе, и я упомянул Котли как единственное место, которое стоит посмотреть из туристических, так сказать, соображений. Я сам иногда заезжаю туда, закат над рекой – поразительное зрелище. Боюсь, она последовала моему совету.

Ну конечно, я могу организовать вам поездку в Котли. Прямо сейчас отдам распоряжение. И вам, мистер Диггз, если хотите.

Боюсь, что мы... никто из нас не может с уверенностью сказать, что произошло. Похоже, группа мусульманских смутьянов за день до беспорядков устроила в заброшенных развалинах что-то вроде мастерской для самодельных бомб. Видимо, в день погрома то ли она наткнулась на них, то ли они на нее – никто не знает. Как вам известно, она погибла от удара ножом. Поверьте, я вам искренне соболезную.

Нет, не было ни ограбления, ни физического насилия. Скорее всего, в тот злополучный день Присцилла просто оказалась в Котли, когда там орудовали бандиты. Они, вероятно, испугались, что она сообщит в полицию, и решили от нее избавиться.

Нет, нам стало известно только спустя двадцать четыре часа. Котли такое отдаленное и заброшенное место, что о нем никто в тот день не думал. Наши силы были сосредоточены в городе, главным образом в мусульманских кварталах. Именно там происходили самые страшные погромы. Я рассказывал мистеру Диггзу, что там творилось.

Эти негодяи пронесли в город бомбы и начали их бросать. Мы довольно быстро положили этому конец и захватили одного из бомбистов. В своих показаниях он не упоминал о Присцилле, хотя признался, что бомбы делались в Котли. Полиция поехала туда — такова практика расследования — и обнаружила... труп.

Никто не взял на себя это убийство. Бомбисты утверждают, что не видели ее. Во время погромов погибло восемь человек, мистер Харт. В том числе мальчик, который обслуживал мой офис. Убийцу опознать ни в одном случае не удалось. Так часто бывает во время уличных беспорядков — кипящий водоворот ненависти и насилия, когда люди хватаются за оружие. А потом оказывается, что никто не виноват, или виновата вся община. Люди пускают в ход бомбы или ножи и исчезают во тьме. Нам остаются трупы, сожженные или разграбленные дома, ненависть и взаимная подозрительность. И все продолжается.

Извините, но, думаю, больше мне нечего вам сказать. Может быть, вам стоит повидаться с суперинтендантом. Я попрошу, чтобы он вас принял. Боюсь, правила не позволят ему показать вам полицейский протокол, но я уверен, что он перескажет вам его содержание. Я ему позвоню с просьбой оказывать вам всестороннюю помощь. Мы знаем, вы проделали долгий путь с этой чрезвычайно печальной целью.

Вас воскресенье устроит? Отлично. Я постараюсь организовать эту встречу и сообщу вам. Да нет, не беспокойтесь, в последнее время мы работаем семь дней в неделю. И, разумеется, мы организуем посещение Котли.

Ваша дочь была замечательным человеком, миссис Харт, мистер Харт. Ее в Залилгархе не забудут.

Письмо Лакшмана Присцилле

18 сентября 1989 г.

Дорогая моя, бесценная Присцилла, впервые в жизни я действительно не знаю, как сказать то, что я сказать должен. И не могу заставить себя сказать это прямо тебе в лицо, поэтому пишу. Мы должны были встретиться во вторник. Но я не приду.

Присцилла, прости меня, но я вынужден прекратить наши отношения. Я люблю тебя, но я не могу оставить жену, дочь, мою работу, мою страну ради любви. Я не в силах и дальше внушать тебе надежду на наше совместное будущее и возвращаться домой к реальности моего настоящего. Думаю, будет честнее сказать тебе, что у нас нет и не может быть будущего.

Непереносима мысль, что этими словами я причиняю боль той, что всегда дарила мне добро и любовь. Пишу это письмо и сознаю — я теряю то, что мне посчастливилось обрести: добрую, красивую и любящую женщину, шанс начать другую жизнь, мало кому выпадающий второй шанс.

Так зачем же я это делаю? В последние недели я десять раз принимал решение уйти из семьи. Вчера я сказал себе, что принял окончательное решение, потому что не могу без тебя жить. Заснуть после этого я не смог: все представлял, что будет значить для Рекхи мой уход. Я знал, как будет реагировать Гита, не сомневался, что горе и непонимание сразят ее. Но самую ужасающую травму я нанесу Рекхе. С моим уходом исчезнет сотня мелочей, из которых складывается связь отца с дочерью. Я понял, что не смогу, обездолив ее, по-прежнему ощущать себя достойным человеком. Я породил ее на свет, и мой долг быть с ней рядом, сохранить семью. А если я откажусь от своего долга в погоне за собственным счастьем, то счастлив никогда не буду.

Наступит день, она вырастет и уйдет, и тогда все это не будет иметь никакого значения. Но это будет потом.

В эту мучительную ночь я осознал, что могу сделать несчастной и тебя, потому что чувство вины по отношению к семье начнет разъедать мои чувства к той, ради которой я это сделал.

Я сделал выбор и должен жить с ним. Я понимал, что выбор не будет легким, но этот убивает меня.

Я знаю, ты сочтешь это доказательством того, что я никогда не любил тебя по-настоящему. В худшем случае подумаешь, что была для меня сексуальной утехой, в лучшем — отдохновением от безлюбого брака. Но когда-нибудь, Присцилла, ты все поймешь. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я на все готов ради тебя — кроме разрушения моей семьи.

С болью и любовью, *Лаки.*

Письмо Присциллы Харт Синди Валериани

19 сентября 1989 г.

Дорогая Син, что мне делать? Все кончено, он написал мне ужасное письмо, и я проплакала всю ночь. Наверное, мама была права, когда говорила, что я вижу в людях то, чего они сами в себе не видят. Я многое видела в Лаки: хороший человек, неудачный брак, до встречи со мной не осознавал, насколько он несчастен. Мне кажется, только со мной он впервые понял, что никогда в жизни не любил по-настоящему. И понял, какое это счастье — любить и быть любимым. Но счастье дорого стоит, что верно, то верно. А он — с его воспитанием, чувством долга и неспособностью отрешиться от индийского мироощущения — платить не готов.

С одной стороны, я в ярости. У меня такое ощущение, будто мной попользовались. Не могу поверить, что человек его ума может быть так слеп и консервативен. И труслив. Мои ночные рыдания перемежались вспышками бешенства. Лживое ничтожество! Бросить меня таким образом!

И все равно я не могу заставить себя ненавидеть его, Син. Что-то во мне желает этого, но нет, не могу. Я и сейчас люблю его. Мне нестерпимо больно, но я не жалею ни об одной минуте из тех семи месяцев, что мы были вместе. "Были вместе" — я даже не знаю, можно ли так назвать встречи два раза в неделю, да еще изредка обеды у него дома, где я с каж-

дым разом все более неловко себя чувствовала. Однако да — "вместе". Потому что мне так нравилось быть с ним, Синди. Я видела в нем все то, что мне хотелось бы видеть в мужчине, я имею в виду не только его наружность или голос, но его серьезное отношение к миру, уверенность в собственных силах, желание добиться перемен в своей любимой Индии. В той Индии, которую я заново открыла взрослой, в той Индии, которая так радикально изменила мою жизнь десять лет назад. Любовь к Лакшману заполнила все поры моего существа и дала мне ощущение привязанности не только к мужчине, но и к этой земле. Тебе кажется, я несу ахинею, Син? Постарайся вникнуть, потому что лучше объяснить у меня не получается.

Видимо, поначалу он видел во мне просто доступную девицу. На первых порах наши отношения были для него лишь сексуальным приключением. Но обыкновенная, как ему вначале казалось, интрижка преобразилась в любовь, а любовь в смятение, неуверенность и страх. Я же полюбила его буквально с первой минуты и была совершенно уверена в нем. Секс был просто способом выражения моей любви, желанием отдаться любимому человеку. Не уверена, что он понимал разницу между любовью и сексом.

Он часто повторял слова Уайльда насчет лицемерия как способа множить свою индивидуальность. В этом проблема Лаки — он человек множества индивидуальностей, не сочетающихся друг с другом. Губернатор области, пылкий любовник, консервативный муж и отец, литератор, пишущий в стол, мечтающий о шедевре, который он когда-нибудь создаст, — все это он. Я не сумела равно приноровиться ко всем его ипостасям. И потеряла его.

Как-то я взяла у него "Портрет Дориана Грея" и наткнулась на одну цитату. Угадай, что на самом деле писал Уайльд? Он писал отнюдь не о лицемерии, а о неискренности! Может, Лаки давал мне понять, что его любовь неискренна? Все эти мысли сводят меня с ума!

Смотри, как странно, Син, — начиная с Дарилла отношения с мужчинами прерывала я. Бедный Уинстон никак не мог понять, почему я не хочу за него выйти. Как, впрочем, и моя мама. Зато я втюрилась по уши в человека, абсолютно неподходящего по маминым понятиям: женат, иностранец, живет другой жизнью — и позволила ему бросить меня.

Именно поэтому я не могла написать маме про Лаки. Она бы ничего не поняла.

Помнишь, Син, когда мы были маленькие, ты высмеивала меня за нежную любовь к кукле Барби? Я часами расчесывала нейлоновой щеточкой ее золотые кудри, а ты говорила: ну хватит, Присси, она же кукла, ей все равно, три раза ты ее причесала или только два! Я ужасалась: как ты можешь? У нее никого нет, кроме меня, кто же ее причешет? Что, конечно, не было ответом на твое замечание. Но так уж я была устроена! А теперь я думаю — не делала ли я то же самое с Лакшманом? Гладила и гладила его, не обращая внимания на реакцию с его стороны? Говоря себе: у него же никого нет, кроме меня, единственной настоящей любви его жизни! Не выдумывала ли я ему чувства, которых у него не было? Ох, Синди, неужели я была такой дурой?

Но я должна еще раз увидеться с ним. Я должна кое-что сказать ему, глядя в глаза. Только тогда я пойму, любил ли он меня на самом деле.

Кадамбари – Шанкару Дасу

20 сентября 1989 г.

Сэр, мне так страшно, так тяжело. Я не знаю, что делать, сэр. Да, сэр, я сейчас возьму себя в руки. Я только хотела рассказать, что этот Али, шофер, муж Фатимы Би, остановил меня на улице, когда я шла навестить одну из женщин, которым мы помогли с внутриматочной спиралью. Он угрожал мне, сэр. Сказал, что отрежет... что груди мне отрежет за то, что я посоветовала его жене сделать аборт. Сэр, я так испугалась, я сказала, что это не я, а та американка, что это была ее идея, она скоро уедет из Индии, а меня пусть он оставит в покое. Тогда он сказал, передай этой американской шлюхе: если я доберусь до нее, ей уже самолет не понадобится. Сэр, я не знаю, что делать: если ей сказать, она только испугается, а он всерьез что-то задумал. Что мне делать?

Да, конечно, сэр. Вы правы, сэр. Он на государственной службе, у него есть работа, есть семья, он ничего подобного не сделает, просто грозит. Да, сэр, вы правы, я постараюсь забыть об этом, сэр. Пожалуйста, сэр, дайте мне другие поручения, пока он не успокоится. Благодарю вас, сэр, спасибо, вы мне как мать и отец, сэр. Я так вам благодарна, так благодарна...

Из дневника Катарины Харт

11 октября 1989 г.

Кадамбари, которой мистер Дас, видимо, поручил сопровождать нас, сегодня повела меня в женскую палату залилгархской больницы. Очень хорошо, что Редьярд не пошел – ему сказали, что визит мужчины был бы неуместен, не думаю, что он бы выдержал то, что видела я.

Больница помещается в большом запущенном здании, постройка начала века, хотя, возможно, и более поздняя – в этом климате строения быстро стареют.

Везде разруха и загнивание. Выщербленный кирпич при входе, облупившаяся желтая краска на стенах, ржавые тележки, на которых неопрятные служители в грязных халатах развозят медицинские инструменты допотопного вида, сильный запах испражнений и аммиака. Государственная больница в индийском захолустье мало похожа на частную делийскую клинику, в которой Лэнсу удаляли аппендикс, единственное, что в них общего, это многолюдность – люди, ожидающие приема, люди, бесцельно слоняющиеся по коридорам или подпирающие стенку, люди в очередях в бесплатную аптеку и лаборатории.

Мне было известно, что мы в больнице для бедных, более состоятельные посещают две недавно появившиеся в городке частные лечебницы, а богатые вообще ездят в Дели. Но к кошмару женской палаты я никак не была готова. Мы вошли в нее из коридора, еле освещенного мигающей трубкой дневного света. Палата представляла собой большую длинную комнату, вид которой заставил меня остановиться на пороге. Узкие железные койки заняты, на полу тоже лежат женщины, кто на тощенькой

подстилке, кто завернувшись в хлопчатобумажное сари. Мусорные баки переполнены, окровавленные тряпки валяются прямо на полу рядом с лежащими на нем больными. Вентилятора в палате нет, я вспотела так, что с меня капало, вонь от десятков немытых тел смешивалась с запахом лекарств и вызывала тошноту. Многие стонали от боли, некоторые тупо смотрели в потолок, по которому стремительно пробегали ящерицы.

Меня привели сюда, потому что мистер Дас счел, что мне будет интересно посмотреть на женщин, которым старалась помочь Присцилла. После нескольких минут разговора с измученными женщинами, безразлично отвечавшими на мои невнятные вопросы, Кадамбари подвела меня к больной, не имевшей никакого отношения к Присцилле.

В самом темном углу палаты на кровати лежала нелепая мумия в бинтах, издававшая стоны при каждом вздохе.

— Сундари, — с горечью сказала Кадамбари, — моя сестра. Ожоги, затронуты семьдесят пять процентов кожного покрова. Ей нет еще девятнадцати. — Услышав свое имя, Сундари чуть приоткрыла глаза и даже попробовала улыбнуться. — Сундари значит "красивая". Моя сестра и вправду очень красивая. — Действительно, прелестный носик и губы, на Кадамбари не похожа. — Расскажи ей про себя, Сундари, — распорядилась Кадамбари.

— Не надо, не беспокойте ее, — попросила я, но Кадамбари стояла на своем.

Сундари посмотрела на меня взглядом, полным безнадежности и мольбы, будто я могла протянуть руку и вытащить ее из зыбучего песка, в который она уходила.

Синеватые губы зашевелились:

— В прошлом году меня выдали замуж. Кадамбари помогла. Отцу пришлось взять ссуду на свадьбу. Жениху он купил мотороллер. Рупешу. Так его зовут. Он работает... работал рассыльным в офисе. Через несколько месяцев после женитьбы он потерял работу.

Мы жили с его родителями. Отец у него старый и больной. Всем занимается мать. Я делала все, что она говорила. Помогала на кухне, чистила овощи, убирала, выносила мусор. Ноги растирала старику, мыла его — он сам не мог до уборной дойти. Очень противно было.

Раньше я никогда ничем таким не занималась. Рупеш как будто хорошо ко мне относился. Ночью говорил, что я красивая. Поэтому я спросила, нельзя ли нам отселиться и жить вдвоем? Он был потрясен. Сказал, что у него есть долг перед родителями и у меня тоже, раз я его жена. Свекровь подслушала и побила меня. Я думала, Рупеш за меня заступится. Но он отвернулся.

Меня били все чаще. Как я ни старалась, свекровь была недовольна. Кричала, что полы не вымыты, еда невкусная, постель не так застлана — за все били. А Рупеш только отводил глаза.

Когда он остался без работы, стало еще хуже. Они говорили, что это я навлекла беду на мужа и его семью. Говорили, что я рождена под несчастливой звездой, а мои родители подкупили *джьотиши*, астролога, и он изменил мой гороскоп, чтобы он соответствовал гороскопу Рупеша. Потом стали жаловаться на мое приданое, мол, очень мало за мной дали. Меньше, чем обещал мой отец, когда договаривались о браке. Все неправда, но, если я говорила это, меня ругали за дерзость и опять били.

Я начала искать глазами воду, чтобы напоить бедняжку, у которой пересохли губы, но не нашла.

А Сундари продолжала свой рассказ:

— Я все время плакала, по ночам не могла спать. Рупеш больше не говорил мне, что я красивая, и не гладил меня по лицу как раньше. Брал меня очень грубо и очень быстро, а потом сразу засыпал.

Однажды утром меня вырвало, и за это я тоже получила взбучку. Но через несколько дней выяснилось, что я не больна, а беременна. На некоторое время меня перестали бить. Мать Рупеша даже стала всем рассказывать, что у ее сына скоро будет сын. Но тут начался новый кошмар.

Родственник матери Рупеша работал в клинике, где делают проверки. Он устроил меня туда бесплатно. Доктор вставил мне большую иглу — было очень больно. А через несколько дней Рупеш пришел домой, как побитая собака, — сказали, что у меня родится девочка.

И снова начались побои. Рупеш становился все мрачнее и мрачнее. А свекровь стала говорить: что толку в доме от этой женщины, если она даже сына родить не может?

И вот на прошлой неделе я месила на кухне тесто для лепешек, а мать Рупеша возилась у плиты. Помню, что Рупеш вошел с канистрой керосина для плиты, а свекровь взяла в руки спички. Я наклонилась над тестом, и вдруг на меня чем-то плеснули, и я почувствовала, что горю. Я с криком выбежала из кухни, из дома. На улице ко мне бросились люди. Если бы я побежала в другую сторону, в дом, сегодня меня бы здесь не было. — Пересохшие губы Сундари сложились в горькую и скорбную гримасу. — Может, так было бы лучше. — Она обвела взглядом палату, больных, Кадамбари и меня. — Зачем соседи бросились меня спасать? Чего ради спасли?

Я повернулась к Кадамбари:

— А что Рупеш и его мать? Их арестовали? Что предпринимает полиция?

— Полиция считает, что произошел несчастный случай на кухне, — ответила Кадамбари. — Таких "несчастных случаев" каждый год в Залилгархе десятки. Что полиция может доказать? Чего стоит ее слово против их?

Я печально посмотрела на молоденькую женщину, понимая, что она останется изуродованной на всю жизнь и, что еще хуже, ей или придется вернуться и жить парией в той самой семье, которая пыталась ее убить, или возвратиться в родительский дом. Родители будут считать себя опозоренными неудачным браком дочери, и им еще придется оплачивать горы счетов — и за свадьбу, и за больницу.

— А ребенок? — спросила я.

Сундари только закрыла глаза.

— У нее был выкидыш. На следующий день, — ответила Кадамбари.

Я промолчала. Говорила Кадамбари.

— Она хорошо училась, хотела поступать в колледж. Но наши родители считали, что ее надо выдать замуж, пока она молода и может рассчитывать на удачное замужество.

— Удачное замужество, — прошептала Сундари с кровати.

Когда мы покинули палату, Кадамбари неожиданно стала гораздо общительней, чем была раньше.

— Видите ли, миссис Харт, вот это настоящая проблема для женщин в Индии. Не регулирование рождаемости, а насилие. Насилие в соб-

ственной семье. Что толку во всех наших стараниях, пока мужчины обладают такой властью над нами? Ваша дочь так этого и не поняла.

Тут я резко повернулась к ней.

— Вы ошибаетесь, мисс, — я говорила, будто урок вела. — Присцилла отлично все понимала. Сам ее подход к вопросу был основан на убежденности в том, что женщинам следует самим отстаивать свои права. Меня удивляет, как вы могли, работая с ней, не понять, во что она верит.

Она не стала объясняться, и обратный путь мы проделали в тяжелом молчании. Я поблагодарила ее за знакомство с Сундари.

Тут к нам вышел Редьярд и пригласил Кадамбари на чашку чаю. Он всегда был глух к моим сигналам. Но делать было нечего. Я уселась в одно из плетеных кресел, расставленных на веранде, и в ожидании чая стала рассказывать ему про Сундари.

— Боже, какой ужас, — откликнулся он и спросил Кадамбари: — Что говорят врачи, она поправится?

— Ожоги заживают медленно, — вздохнула Кадамбари, — но доктора уверены, что жить она будет.

— Что за жизнь ее ожидает, Редьярд, — начала я. — Ее...

— Это понятно, — оборвал он меня. — У меня к вам вопрос, мисс Кадамбари: она сможет пойти в колледж?

— У моих родителей нет средств на колледж. Они живут на мои заработки в Центре.

— Я не об этом спрашиваю, — Редьярд говорил нетерпеливым тоном, который управленцы ошибочно считают признаком деловитости. — Она захочет учиться, если у нее появится такая возможность? Сумеет поступить? Справится с учебой?

— Среднюю школу она закончила первой ученицей.

— Отлично, — сказал Редьярд. — Тогда мы вот что сделаем: завтра я вручу вам тысячу с чем-то долларов в дорожных чеках. Этого более чем достаточно для оплаты расходов вашей семьи на время ее пребывания в больнице. А на каждый год ее учебы в колледже я назначу стипендию — плата за обучение, приобретение учебников, проживание. — Кадамбари остолбенела, но не настолько, насколько я. Я и помыслить не могла, что Редьярд способен на такой жест. — Для вашей сестры открывается будущее, — возгласил Редьярд, должно быть думая про себя: "в отличие от моей дочери".

— Редьярд, это замечательный поступок, — сказала я, снова почувствовав к нему уважение.

— Присцилла хотела бы этого, Кати, — отозвался он.

Впервые за много лет он назвал меня Кати.

Записка Присциллы Харт Лакшману

29 сентября 1989 г.

Ты знаешь, что я покидаю город во вторник утром. В четверг мой рейс из Дели на родину. Видимо, я больше никогда тебя не увижу.

Мне было так тяжело, Лаки. Мне хотелось сказать тебе сотню вещей, задать тебе сотню вопросов. Но ты не дал мне такой возможности, а теперь ее уже не будет.

Завтра я в самый последний раз поеду в Котли. Сколько субботних вечеров я провела там с тобой! Помнишь, месяц назад ты написал мне, что придешь, хоть я и хлопнула дверью — я пришла на свидание с тобой просто потому, что не прийти не могла. Теперь кажется, будто это было сто лет назад. Ты придешь завтра — в память о том, что было? Я только хочу в последний раз увидеть заход солнца вместе с тобой и проститься, как подобает. Я не хочу покинуть Залилгарх с ощущением, что то страшное письмо было твоим последним словом.

Я не сомневаюсь, ты сумеешь прийти, если захочешь. Я ведь немного прошу, Лаки?

Не хочу давить на тебя. Если ты чувствуешь, что для тебя это слишком больно, или что это вероломство по отношению к семье, или еще что-то — не приходи. Обдумай все и решай сам. Я буду ждать.

Ты хороший и достойный человек, Лаки. Как ты ни поступишь, я знаю, что это будет правильно.

По-прежнему твоя, *П.*

Разговор Катарины Харт с Лакшманом

14 октября 1989 г.

К. Х. Мне очень неловко снова беспокоить вас, но мне обязательно надо поговорить с вами с глазу на глаз. Без... посторонних.

В. Л. Разумеется. Чем могу служить?

К. Х. В здешней жизни Присциллы есть кое-что не совсем для меня ясное. И мне это не дает покоя.

В. Л. Да?

К. Х. Буду откровенна. В одном из писем Присцилла пишет, что встретила человека, которым она... сильно увлеклась. Человека с положением.

В. Л. И?

К. Х. Мне пришло в голову, что она, возможно, имела в виду вас.

В. Л. Помилуйте, миссис Харт! Очень лестно для меня, но я слишком занят, слишком толст и к тому же женат. Увы, ко мне это никак относиться не может.

К. Х. Простите, если я была чересчур прямолинейна. Редьярд — отец Присциллы — ничего об этом не знает. Как и журналист, мистер Диггз. Я не хочу поставить вас в неловкое положение, мистер Лакшман. Я только хочу узнать все, что удастся, о смерти моей дочери.

В. Л. Я бы хотел помочь вам, миссис Харт, но между нами ничего не было. Если позволите, я сказал бы, что не стоит думать, будто мы можем докопаться до мельчайших подробностей чужой жизни. Ваша дочь была хорошим и достойным человеком. Она трудилась на благо других. Ее любили и уважали. Она погибла трагической, нелепой смертью. Знаете, как говорили древние греки: любимцы богов умирают молодыми. И к этому нечего добавить.

К. Х. Но я чувствую, что было что-то еще. Я хочу понять, почему она так держалась за этот глухой городок.

В. Л. Возможно. Но имеет ли значение то, что нам неизвестно? Ее погубила не привязанность, которую она могла испытывать к кому-то. Она погибла из-за религиозных распрей, не имевших к ней никакого отношения.

К. Х. Наверное, вы правы.

В. Л. Я прав, миссис Харт. А теперь, прошу прощения, меня ждет работа. Желаю вам благополучного возвращения на родину.

Гуриндер – Лакшману

17 октября 1989 г.

Какого чёрта ты их ко мне отправил? Настырные американцы. То им надо, это им надо, покажи им то самое место, где ее нашли, расскажи подробности полицейского протокола, объясни, почему в протоколе вскрытия чего-то там не указано. Я и так уже потратил чёртову уйму времени на этого журналиста Диггза. Теперь еще с гребаными Хартами возиться – это уже перебор!

Одна мамаша чего стоит! Привязалась ко мне – куда девался дневник ее дочери! Мол, мне известно, что он существует, – общая тетрадь такая. Поймите, мэм, говорю я ей, может, тетрадка и была, но не в жопу же я ее себе засунул. Ну, конечно, не так я это сказал. Но в конце концов мне все-таки пришлось показать ей полную опись изъятого на месте преступления. Никакой тетради нет. Успокоилась.

Мы уже и так потратили на этих Хартов больше времени, чем на остальных жертв погрома. Что мы за народ такой, почему мы раболепствуем перед иностранцами? Прямо скажу тебе: я рад, что они завтра уберутся.

Харт этот проклятый, с его снисходительной манерой, будто он все знает про Индию, раз он пытался продавать нам свою кока-колу хреновую. Что он вообще сделал для Индии или хоть для одного индийца? Я чуть не сказал ему – да на чёрта нам ваши безалкогольные напитки. У нас были наши собственные *ласси* и *нимбу-пани* за тысячу лет до того, как кто-то изобрел эту пакость. Очень хорошо, что закрыли вашу лавочку. Гребаная Ост-Индская компания тоже заявилась сюда якобы торговать, а потом стала управлять, вот мы и не хотим, чтобы история повторилась – теперь уже с кока-колой. Не нужен ты нам, мистер. Сами обойдемся, большое вам мерси.

И Диггз хорош. Роется в головешках прямо как комиссия по расследованию. И все ради статейки в тысячу слов, где он использует две фразы из того, что я два часа ему втолковывал. Сначала-то он мне понравился, даже домой его пригласил, рассказал какие-то вещи, которые раньше журналистам никогда не говорил. Конечно, не для печати. Сейчас даже стыдно, что разболтался. В чем все-таки дело, Лаки, почему нам так хочется угождать этим задрипанным иностранцам? Дефект национального сознания? Индийскому журналисту я бы не сказал и малой доли того, что выложил Диггзу, а ведь он вряд ли этим воспользуется. Тебе должно быть любопытно, чего я им наговорил. Сказал, что, на наш взгляд, мусульманские бомбометатели, удрав из дома, где я их

обстрелял, кинулись в свое укрытие в Котли. Все, кроме того сукина сына, которого мы задержали. Там они обнаружили Присциллу — или она их обнаружила, этого теперь уж не выяснишь, — и они, испугавшись, убили ее.

Понятное дело, что никто из них в этом не признается. Клянутся и божатся, что наткнулись уже на труп. А мы же их там не застукали, так что доказать обратное не можем. Когда тот сукин сын на допросе сказал, что они мастерили свои бомбы в Котли, мы наутро отправились туда за уликами и нашли Присциллу. Других бомбистов в Котли не было — их мы переарестовали по домам, по адресам, которые их сотоварищ назвал нам. По крайней мере один из них, шофер по имени Али, похож на человека, способного на все.

Ну чтобы ты знал — никаких догадок по поводу того, почему она могла оказаться в Котли, я не высказал.

Я понимаю, тебе не хочется это обсуждать, но я все-таки скажу, я рад, что ты меня послушался и закруглился со всей этой бодягой. Для твоей карьеры, уж не говоря о семье, тебе меньше всего нужна статья в "Нью-Йорк джорнэл" насчет того, что убитая американка крутила роман с областным губернатором. Вот тогда дерьмо аж в потолок бы шибануло, и ты, Лаки, мог бы спокойно распроститься со своим будущим.

Ладно, ладно, Лаки, извини. Я этого не могу понять, но знаю, как много она для тебя значила. Но Индия значит для тебя не меньше. Тебе есть что здесь делать. Погром закончился. Она ушла, что в любом случае должно было произойти. Пора перевернуть страницу.

Рам Чаран Гупта и Кадамбари

25 сентября 1989 г.

Интересно, очень интересно, леди.

Значит, наш правильный администратор области развлекается на стороне, не так ли? И с этой белой женщиной, да? Информация может оказаться весьма полезной. По вторникам и субботам? Да ты наблюдательна! И очень исполнительна.

Ты хорошая девушка, Кадамбари. Хорошая индусская девушка.

Вот кое-что для тебя, за хлопоты. Нет-нет. Все в порядке, дорогая. Я настаиваю.

Мохаммед Сарвар – Лакшману

14 октября 1989 г.

Что ж, я получил от этой поездки больше, чем ожидал. Полноценный погром. Двоих убили на моей улице. И еще получил из первых рук доказательства полицейского произвола во время тотальных обысков в мусульманских кварталах. Мой дядя Рауф-бхаи — *садр* мусульманской общины. Он помогал вам справиться с погромом, успокоить людей. Но даже его не пощадили, Лакшман. К нему в дом вломилась полиция и все перевернула вверх дном. Унесли телевизор и радиоприемник, вспороли ма-

трасы, переломали мебель. Я живу с дядей: так мои бумаги разбросали по полу, затоптали ногами. Со мной хотел поговорить Рэнди Диггз из "Нью-Йорк джорнэл", с которым я встречался в Дели, так я даже не мог позвать его домой. Позор.

Конечно, вы примете меры, Лакшман. Не сомневаюсь. Но как вы могли вообще это допустить? Что за страну мы строим, если в ответ на погром полиция сеет семена нового погрома?

Как всегда, лучше всего сказал об этом Икбал: "О индийцы, не поймете, так пропадете и даже повесть о вас не сохранится в грядущей истории".

Из дневника Катарины Харт

16 октября 1989 г.

Я снова сижу в самолете рядом с Редьярдом — в последний раз. Наше путешествие в Индию явно смягчило его, сделало добрее. Конечно, он не перестает чувствовать себя униженным при воспоминании о своем прежнем провале, и вместе с тем он стал способен на искреннее сострадание. Мне было жаль его, когда он мыкался, пытаясь справиться со своим горем и несостоятельностью, и я вдруг осознала, что раньше он не вызывал во мне жалости. Я испытываю странное чувство освобожденности.

Мне было необходимо встретиться с Лакшманом. Это был, конечно, он. Я получила подтверждение из его собственных уст. Эта фраза из письма Присциллы: "По его словам, он слишком занят, слишком толст и женат". Он не удержался, чтобы не повторить ее. Но я сумела увидеть то, что, должно быть, видела в нем Присцилла. Кстати, он отнюдь не толст.

Думаю, что понимаю, отчего ему кажется, что он не может позволить себе признаться. Хотела бы я знать, что она значила для него. Или он для нее, поскольку она все же собиралась уехать из Индии. Последняя любовь ее жизни... Нет сил об этом думать.

Я никогда не узнаю, что случилось с моей бедной девочкой. Возможно, как утверждают официальные лица, преступники натолкнулись на нее случайно. Или она застала их врасплох. И они подумали: либо ей жить, либо нам. Но что она там делала? Непонятно.

Разве что, как сказали бы индусы: Судьба, Рок, Карма.

Может быть, Божья воля, которую нам остается только принять. Она умерла там, где хотела бы жить.

Гуриндер с Али в полицейском участке

Октябрь 1989 г.

Давай, недоносок, давай, шлюхин сын, говори правду! Что было в Котли?

И без этой хрени — не я, не знаю! Ты там был, значит, знаешь. Ты и дружки твои недоделанные со своими идиотскими самопальными бомбами. Выкладывай правду, дерьмоед! Значит, смастерили вы бомбы, притащили их в город и попробовали было в дело пустить, но тут я от-

крыл огонь. Так? Вы наложили в штаны и дали деру. Молодого педика мы схватили, а ты успел смыться, ты и твоя банда. *Где, в случае чего*, заныкаться, вы, мудилы, заранее не придумали и дернули в Котли. Думали затихариться там на ночь со своей взрывчаткой домодельной. И на кого ж вы там напоролись? На американку эту чёртову, вот на кого.

И была это не просто чёртова американка, да, Али? А была это баба, на которую ты зуб имел, да еще какой зуб! Ты же сколько раз грозился ее урыть! И вот она перед тобой, ты напуган до усеру, адреналин в тебе так и бурлит, она тебя узнала, ты понимаешь, что влип, и бросаешься на нее. Так, Али? Говори, а то хуже будет! Так что ты сделал, ножом ударил?

Брось его, *хавильдар*! Ублюдок не заговорит. Кому я приказал, сержант!

Чёрт его знает, может, и вправду не он. Но он и без этого достаточно всего натворил, чтобы надолго его упрятать. Хоть бабу свою задрипанную бить не будет.

Рам Чаран Гупта – Макхану Сингху

30 сентября 1989 г.

Мерзавец этот Лакшман. Так с нами поступить, и это после того, что мусульмане учинили прошлой ночью? Макхан, мне очень больно за твоего сына Арупа. Такой красивый мальчик, и, главное, накануне свадьбы! Но ты не думай, Макхан, мы за все отомстим. И мусульманам, и этому ублюдку, который так распустил их.

Да, Лакшману мы тоже отомстим. Мне понятен твой гнев. Такие покровители мусульман как раз и ответственны за то, что они нападают на наших сыновей.

Но ты не горячись и не делай глупостей. Он все же губернатор области. Ты хочешь, чтоб возмущение правительства обрушилось на твою голову? Зачем, ведь есть более простой путь. Его можно схватить со спущенными штанами. В буквальном смысле.

Похоже, каждый вторник и субботу у него бывают тайные свидания. В Котли. С женщиной. С американкой, которая ездит по городу на велосипеде. Ее все видели. Он бывает один в этом заброшенном месте. Без охраны.

Место подходящее, Макхан, там и можно преподать ему урок. И его женщине тоже.

А ты помнишь, какой сегодня день? Суббота! Прими участие в демонстрации, проведай Арупа в больнице. Соверши омовение, помолись, а на закате отправляйся в Котли. Месть слаще, когда есть время ей насладиться.

Редьярд Харт – Катарине Харт, в гостевом доме

15 октября 1989 г.

Катарина, Кати, спокойной ночи. Нет, подожди. Не знаю, как тебе это сказать, но сказать я должен. Когда мы были в Котли, в этой комнате,

где убили нашу дочь, я думал, у меня сердце разорвется. А потом произошло какое-то чудо. Я увидел тебя. Я увидел твою силу и тот внутренний покой, которыми ты всегда обладала. Когда ты опустилась на колени, чтобы прикоснуться к засохшей крови на двери алькова, замолк крик в моем сердце. И на меня снизошел покой.

Подожди, я еще не кончил. Не знаю, чего именно я ожидал, когда решил приехать сюда и уговорил тебя ехать со мной. Завершения, что ли? Окончательного знания? Примирения с мыслью, что Присциллы больше нет? Не знаю, обрел ли я это, но я нашел нечто другое. Путь к пониманию себя.

Возвращение в Индию объяснило мне многое из того, что случилось со мной здесь в прошлый раз. В прошлый раз, Кати, я видел рынок — не людей. И в работе я видел цель — не потребность. А в Нандини я видел шанс — не возлюбленную. Я брал, что мог, и шел дальше. И тогда Индия отняла у меня дочь, и теперь уже слишком поздно...

Слишком поздно для многого. Но одно я все-таки сделать могу, могу сказать тебе то, что должен был сказать давным-давно. Совсем простую вещь. Я виноват.

Ведь никогда не поздно признаться в своей вине, правда, Кати?

Гита в храме Шивы

7 октября 1989 г.

Я прихожу сюда по субботам молиться вместе с дочкой. Я испрашивала совет и благословение и у вас, пурохит-джи, и у Свами-джи.

Сегодня вечером я пришла сказать, что мои молитвы были услышаны.

Вот мое приношение для благодарственного молебствия. Да, именно так — за здоровье, счастье и долгую жизнь моего мужа.

Из дневника Лакшмана

4 октября 1989 г.

Я листаю ее дневник, еле разбирая от горя строчки. Стараюсь не представлять, как она умирала, но не получается.

Котли на закате, угасающий свет пробивается сквозь листву, воздух недвижен. Она идет к нашему месту — в последний раз. За ее спиной горит Залилгарх, а она не замечает, забывает обо всем на свете в желании видеть меня. Она ждет, а тьма петлей обвивает ее.

Суета на лестнице, укол страха в сердце. Ночь ножом падает на нее.

Ее убийца — убийцы? — не могли сразу прикончить ее. Она должна была яростно сопротивляться. У нее была веская причина стремиться жить.

Теперь я знаю, почему ей было так важно еще раз увидеться со мной. Ей нужно было что-то сказать мне. Известить о том, что могло бы изменить мое решение.

Подробность, которую Гуриндер изъял из протокола вскрытия.

Она носила моего ребенка.

The New York Journal

Понедельник, 16 октября 1989

СМЕРТЬ АМЕРИКАНКИ В ИНДИИ

Начало на с. 8.

...опасно накалило ситуацию.

"Мы были бессильны оказать сопротивление бурному потоку межобщинной ненависти", — признал губернатор области В. Лакшман.

Пока кажущаяся бесконечной процессия медленно продвигалась по узким улочкам города, Лакшман и его суперинтендант полиции, общительный сикх по имени Гуриндер Сингх, со своими офицерами следили за порядком в толпе, надеясь предотвратить взрыв насилия. Оба потом одинаково описывали произошедшее: топот ног, выкрики и лозунги, исполненные злобы и ненависти, сверкание ножей под палящим солнцем. Дважды толпа пыталась напасть на главную мечеть города и дважды была остановлена. Но когда уже казалось, что демонстрация пройдет без серьезных инцидентов, в толпу были брошены бомбы. Последовала перестрелка, толпа вышла из-под контроля, и скоро весь Залилгарх был охвачен погромом.

Во время уличных беспорядков восемь человек было убито, сорок семь ранено, имущественные потери составили сотни тысяч долларов. По сравнению с масштабами беспорядков, прокатившихся по Северной Индии в результате кампании Рам Джанмабхуми, погром в Залилгархе носил умеренный характер. Особый трагизм этому прискорбному событию придала смерть американки, Присциллы Харт, которая не была ни индуской, ни мусульманкой.

У мисс Харт были друзья в обеих общинах, и они едины в выражении возмущения и горя по поводу ее убийства. "Она была необыкновенным человеком, — сказала мисс Кадамбари, сотрудница проекта, работавшая в тесном контакте с мисс Харт. — Никто не мог желать ей зла". Директор проекта, мистер Шанкар Дас, вспоминал ее как "милейшего человека", который "очень легко заводил себе друзей". Никто в Залилгархе не мог объяснить, кому понадобилось убивать Присциллу Харт.

"При погромах все бывает, — сказал полицейский Гуриндер Сингх. — Люди сначала наносят удар, а потом задают вопросы".

Для родителей Присциллы, Редьярда и Катарины Харт, приехавших в Залилгарх, чтобы понять причину гибели дочери, вопросы никогда не кончатся. Залилгархская полиция арестовала ряд мусульманских погромщиков, кое-кто из них подозревается в причастности к убийству мисс Харт. Но у полиции нет ни улик, ни признательных показаний. Как это часто случается при гибели людей во время погрома, настоящих убийц Присциллы Харт могут никогда не обнаружить.

"Трудно не прийти к заключению, — сказал представитель посольства США, — что она просто

Шаши Тхарур. Погром

оказалась в неудачном месте в неудачное время".

Мистер Лакшман, однако, не уверен в том, что существуют такие вещи, как не то место и не то время. "Мы оказываемся там, где мы есть, в то единственное время, которое нам дано, – сказал он, – возможно, именно там нам и назначено быть".

Рэнди Диггз

Айодхья — город, где религия стала политикой, политика — религией

Айодхья — город, расположенный в северо-индийском штате Уттар-Прадеш. Это один из наиболее населенных и бедных штатов Индии. Он занимает первое место по численности проживающих в нем мусульман: 31 млн. чел. (18 % от населения штата, где большинство — индусы). С 1947 года, когда Индия освободилась от колониальной зависимости, и вплоть до 1980-х ситуация в Уттар-Прадеше отличалась относительной стабильностью, крупные индусско-мусульманские межобщинные конфликты, как правило, происходили в штатах, граничащих с Пакистаном. В тот период общее количество беспорядков на религиозной почве исчислялось десятками (в 1950-е годы) и сотнями (в 1960—1980-е годы).

Согласно религиозным индусским представлениям в Айодхье родился Рама, воплощение бога Вишну. На легендарном месте его рождения издревле стоял индусский храм. В XVI веке Айодхья была включена в состав империи Великих Моголов. В соответствии с распространенной тогда практикой храм был разрушен, а на его месте построена мечеть, получившая название в честь Бабура, первого Великого Могола, — Бабри масджид (по другой версии, мечеть существовала еще до Бабура, который ее только восстановил).

В XIX—XX веках, когда в Южной Азии происходило становление и развитие национальных идеологий, различные религиозные символы использовались для мобилизации масс под знамена той или иной политической силы. В XX в. наиболее драматичным конфликтом Южной Азии стал раздел бывшей английской колонии на два государства: секулярную Индию с индусским большинством населения и исламский Пакистан с мусульманским большинством. Влияние этого события на развитие всего субконтинента было настолько значительным, что до настоящего времени живое внимание избирателей привлекают символы, связанные с проблемами индусско-мусульманских отношений, в частности Бабри масджид, олицетворяющая угрозу индуизму со стороны ислама.

Пока в государстве оставались сильны идеи секуляризма, у которых было много сторонников в первом поколении индийских политиков, индусско-мусульманский спор о праве на место, где стояла мечеть, велся на судебных разбирательствах и заседаниях комиссий. В 1980-е гг., когда партия Индийский национальный конгресс уже подрастеряла былое влияние в Индии и, в частности, в штате Уттар-Прадеш, этот спор стал использоваться в политической агитации организациями индусских националистов, входящими в объединение партий

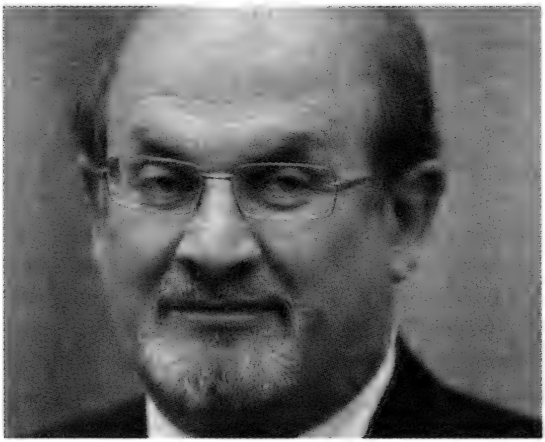
"Сангх Паривар" ("Семья Союза служителей нации"). Именно это объединение в начале 1990-х и организовало национальную кампанию за возвращение индусам легендарного места рождения Рамы, закончившуюся разрушением Бабри масджид, осуществленным многотысячной толпой 6 декабря 1992 года.

Как следствие этого события по стране прокатилась волна погромов, в результате которых погибло около 3 тысяч человек и было ранено около 17 тысяч. После подавления беспорядков межобщинная напряженность несколько ослабла. Но в начале 2002 года произошел новый всплеск насилия в штате Гуджарат, поводом к которому стало нападение мусульманских экстремистов на поезд из Айодхьи. По официальным данным, за четыре дня погибли более 850 человек, по неофициальным — около двух тысяч. Эскалация индусо-мусульманского насилия способствовала успеху партии "Бхаратия джаната парти" (Индийская народная партия), входящей в "Сангх паривар". Эта партия победила на национальных выборах 1998—1999 годов и на выборах в законодательное собрание штата Гуджарат — в 2002 году.

До настоящего времени спор об Айодхье так и не решен. Идут судебные разбирательства. Главные организаторы разрушения, включая Лала Кришну Адвани, вице-премьера в 1999—2004 годах, так и не были привлечены к ответственности. Место, где стояла Бабри масджид, находится под усиленной охраной. В 2005 году на охрану было совершено террористическое нападение, за которым, скорее всего, стояли исламские радикалы. Очевидно, что решение о передаче спорной территории либо индусской, либо мусульманской общинам — всецело политическое. Но ни тот ни другой варианты не будут означать мир или хотя бы примирение между индусами и мусульманами, поскольку в любом случае одна из сторон останется обделенной. Компромиссный же вариант совместного пользования землей кажется труднодостижимым, ибо в борьбе за спорную землю уже пролито слишком много крови.

Петр Топычканов

Салман Рушди



Прибежище мира

Перевод А. Суворовой

На рассвете призрачные дворцы нового Города Победы, города Акбара Великого, казались сотканными из красного тумана. Большинство городов уже с момента основания выглядят так, словно существовали вечно, — только Фатехпур-Сикри напоминает мираж. Когда солнце достигает зенита, на камни мостовой обрушивается тяжелая полуденная жара, оглушая людей, заставляя воздух дрожать, как испуганный олень, и стирая грань между вменяемостью и делириумом, между галлюцинациями и реальностью.

Даже император поддался этому мороку. Его жены — раджпутские царицы и тюркские султанши — проплывали в густом воздухе дворца, словно играющие в прятки привидения. Одной из этих царственных особ вообще не существовало в природе. Она была воображаемой супругой, вымечтанной Акбаром, — так одинокие дети придумывают себе друзей. И, несмотря на наличие многих живых, пусть и плавающих в воздухе, жен, император был убежден, что именно женщины из плоти и крови являются фантомами, а реальна лишь несуществующая любимая супруга. Он дал ей имя Джодха, и ни один человек не посмел этого оспорить. В уединении женских покоев, в шелковых дворцовых коридорах Джодха постепенно набирала влияние и силу. Великий музыкант Тансен сочинял для нее песни, и сам Мастер Абдус Самад, художник-перс, создал ее портрет одной силой своего воображения.

THE ENCHANTRESS OF FLORENCE © 2008, Salman Rushdie.
Reproduced by permission of The Wylie Agency (UK) Ltd.
All rights reserved.
© А. Суворова. Перевод, 2009

Когда императору представили его работу, тот захлопал в ладоши в восторге от сияющего красотой лица, глядящего на него с листа бумаги.

— Ты ухватил ее как живую! — вскричал император, и Абдус Самад, издав вздох облегчения, перестал ощущать, как непрочно сидит его голова на шее. И после того как этот плод воображения придворного художника был представлен зрителям, все придворные признали, что Джодха действительно существует. А самые влиятельные и приближенные — их называли "девять драгоценных камней" — засвидетельствовали не только существование Джодхи, но и ее красоту, мудрость, изящество движений и нежность голоса. Акбар и Джодхабаи! Ах, ах! Это был роман века!

Наконец, город был достроен, как раз к сороковому дню рождения императора. Строительство длилось двенадцать долгих трудных лет, но, казалось, что город рос сам по себе, безо всяких усилий, словно по волшебству. Министр общественных работ не разрешал вести строительство во время пребывания императора в новой столице. Когда император находился в городе, инструменты каменщиков затихали, плотники прекращали вбивать гвозди, а художники, инкрустаторы, декораторы и резчики по дереву на время исчезали. Тогда все, как говорится, источало покой. Дозволены были только звуки развлечений. Нежно позвякивали ножные колокольчики танцовщиц, журчали фонтаны, и легкий ветерок доносил мелодии гениального Тансена. В ушах императора тихо звучали стихи, а по четвергам во дворе разыгрывались долгие шахматные партии, где невольницы, передвигающиеся по огромным клеткам пола, служили живыми шахматными фигурами. После полудня — за занавесями, под скользящими опахалами — наступало время любовных утех.

Но город — это не только дворец. Настоящий город, построенный из дерева, глины и навоза, кирпича и камня, громоздился внизу, у подножия мощных стен из красного песчаника, за которыми стояли императорские дворцы. Городские кварталы складывались в зависимости от происхождения и ремесла их обитателей. На одной улице жили серебряных дел мастера, на другой — лязгали раскаленным железом оружейники, а в глубине проулка изготовляли браслеты и ткани. На востоке расстилался индусский квартал, за ним, изгибаясь вдоль городской стены, тянулся квартал иранский, еще дальше — туранский, а вблизи гигантских ворот соборной мечети находились дома мусульман, уроженцев Индии. В пригородах расположились особняки знати, художественные и каллиграфические мастерские, слава которых уже распространилась по всей земле, музыкальные павильоны и беседки для танцевальных представлений.

У большинства обитателей нижних кварталов Сикри не было времени для праздности, и, когда император возвращался домой с войны и вступал в силу приказ соблюдать тишину, Глиняный Город потихоньку начинал сходить с ума. Цыплятам, перед тем как их зарезать, завязывали клювы, чтобы они своим писком не потревожили покой Царя Царей. За скрип колеса возчика могли выпороть, а если он громко орал под хлыстом, его ждало еще более суровое наказание. Роженицы сдерживали крики во время схваток, и немые сцены на базарной площади сводили торговцев с ума. "Когда падишах в городе, мы все как помешанные, — говорили люди и поспешно добавляли: — От радости". — Поскольку шпионов и соглядатаев хватало повсюду.

Глиняный Город любил своего императора, он действительно любил его, но проявлял свою любовь молча, ибо слова были скроены из запретной материи — звуков. Когда же император выступал в очередной военный поход — эти нескончаемые (хотя и всегда победоносные) кампании против армий Гуджарата и Раджастана, Кабула и Кашмира, — тогда темница молчания отпиралась, и трубы трубили, и звучали приветствия, и людям наконец удавалось сказать друг другу все, что оставалось невысказанным на протяжении многих месяцев: *Я люблю тебя. Моя мать умерла. Суп очень вкусный. Если не вернешь мне долг, я тебе руки переломаю. Мой дорогой, я тоже тебя люблю.*

К счастью для обитателей Глиняного Города, военные нужды постоянно призывали Акбара в дорогу. По сути дела, он почти всегда отсутствовал, и в его отсутствие назойливый гвалт толпящихся на улицах нищих и крики сорвавшихся с цепи строительных рабочих целый день досаждали изнеженным царицам. Царицы совместно возлежали на ложах и испускали стоны, и здесь не место описывать, что они делали, дабы отвлечься, и какие удовольствия находили в обществе друг друга в своих занавешенных покоях.

Лишь одна воображаемая царица оставалась безупречной, и именно она поведала Акбару о лишениях, которые испытывают люди из-за того, что чиновники чересчур рьяно заботятся о его покое. Как только император узнал об этом, он отозвал приказ о соблюдении тишины, заменил министра общественных работ человеком менее суровым и послал к своим притесняемым подданным конных глашатаев, которые объезжали улицы и выкрикивали: "Люди, шумите сколько угодно! Шум есть жизнь, и, если шума много, значит, жизнь идет хорошо. Придет время — и мы все замолкнем, благополучно скончавшись". И город взорвался от радостных криков!

В тот день стало очевидно, что на троне сидит повелитель, каких еще не бывало ранее, и ничто в мире больше не останется таким, как было.

В стране наконец воцарился мир, но дух падишаха не ведал покоя. Он только что вернулся из последнего похода, расправившись с одним выскочкой в Сурате. Но во время долгой кампании и в пылу сражений ум его был занят не только военными операциями, но и философской и языковой головоломкой. Император Абул Фатх Джалалуддин Мухаммад, Царь Царей, с детства был известен как Акбар, что означает великий, а позднее, несмотря на тавтологию, — как Акбар Великий, т. е. великий из великих, великий в своем величии, дважды великий, столь великий, что повторение его титула было не только уместно, но и необходимо, дабы подчеркнуть его величие.

Он, Великий Могол, запыленный в походах и усталый от войн, победоносный, задумчивый, начинающий толстеть, лишенный иллюзий, длинноусый, любящий поэзию, сладострастный, — абсолютный властитель, который одновременно был слишком могущественным и чересчур земным, — короче, слишком *много* всего для одного живого человека. Этот правитель, все сметающий на своем пути, как поток; этот пожиратель миров, этот многоголовый монстр, который всегда говорил о себе во множественном числе, во время утомительного обратного пути, в котором его сопровождали отрубленные головы поверженных врагов, постукивающие в запечатанных глиняных кувшинах, задумался о противоречивых возможностях местоимения первого лица единственного числа — "я".

Акбар никогда не говорил о себе "я" — ни наедине с самим собой, ни в гневе, ни в мечтах. Он был — а кем еще он мог быть? — "мы". Он был самим определением, воплощением Мы. Он уже родился во множественном числе. Когда он говорил "мы", он естественно и искренне имел в виду себя как воплощение всех своих подданных, всех своих городов и земель, рек, гор и озер, а также зверей, растений и деревьев, растущих в границах его державы, а еще птиц, что летали над головой; москитов, жалящих в сумерках; и безымянных чудовищ, которые в подземных логовах медленно подтачивают корни всего живого. Он имел в виду себя как общую сумму всех своих побед, как совокупность всех характеров, качеств, историй, вероятно, даже душ обезглавленных или просто усмиренных врагов. И, сверх того, он считал себя властителем прошлого, настоящего и будущего своих подданных.

В его представлении "мы" и означало быть повелителем. Но простые люди — сейчас он позволил себе подумать о них в интересах справедливости и в качестве предмета для размышления, — несомненно, тоже иногда думают о себе во множественном числе.

Заблуждаются ли они? Или (предательская мысль!) ошибается он? Возможно, представление о себе как о неком сообществе означает необходимость быть живым существом в этом мире, любым существом, существующим существом, в конце концов существом среди многих других существ, частью существования всего сущего. Но, возможно, множественность не является исключительной прерогативой царственных особ, и, может быть, это вовсе не право, дарованное ему свыше. Эту мысль можно развивать дальше: поскольку размышления монарха, несомненно, находят отражение — пусть не в такой возвышенной и рафинированной форме — в сознании его подданных, соответственно, каждый из мужчин и женщин, которыми он правит, неизбежно думает о себе как о "мы".

Вероятно, они представляют себя множественными существами, состоящими из них самих плюс их дети, матери, тетки, слуги, единоверцы, сотрудники, родственники и друзья. Они также видят себя как множество — то отцом своих детей, то сыном своих родителей. Они осознают, сколь они различны в обществе своих хозяев и дома, с собственной женой. Короче, все они похожи на мешки, набитые разными сущностями и лопающиеся от множественности, — как и он сам.

Означает ли это, что между правителем и подданным нет существенной разницы? И тут волновавший его вопрос предстал перед ним в новой и потрясающей формулировке: если его многоликие подданные ухитряются думать о себе в единственном числе, смог ли бы и он тоже стать "я"? И есть ли такое Я, которое равно ему самому? Быть может, его одинокое Я погребено под завалами "мы"? Этот вопрос преследовал его, пока он ехал домой на белом коне, — бесстрашный, непобедимый и, следует признать, начинающий полнеть. И ночью, когда этот вопрос снова пришел ему в голову, он не смог уснуть. Что он скажет Джодхе, когда снова увидит ее? И если он просто скажет: "Я вернулся" — или: "Это я", — осмелится ли она в ответ обратиться к нему во втором лице единственного числа, на "ты", которое всегда предназначалось для детей, возлюбленных и богов? И какой в этом будет смысл? Что он стал для нее ребенком, божеством или просто любовником, о котором она долго мечтала и которого вообразила вживе с той же готовностью, с которой он вымечтал ее? Может ли коротенькое

"ты" превратиться в самое волнующее слово в лексиконе? "Я", — повторял он шепотом, словно репетируя. *Это "я". "Я" люблю тебя. Иди ко "мне".*

События последней военной кампании отвлекли его от размышлений, занимавших его в пути. Еще один князек, которого требовалось окоротить. Отвлекающий маневр на полуострове Катхиавар с целью уничтожить раджу Пустоголопура — упрямого юнца с большим болтливым ртом и еще бо́льшими усами (император гордился своими усами и не терпел здесь соперников), мелкого правителя с глупой привычкой рассуждать о свободе. "Свобода для кого и от чего?" — хмыкнул про себя император. Свобода — это детская выдумка, игрушка для женщин.

Человек никогда не бывает свободен. Армия императора продвигалась между белыми деревьями лесов Гира, как беззвучно приближающаяся чума, и обитатели жалкой маленькой крепости Пустоголопур, видя за шелестящими древесными кронами наступающую на них смерть, сами разрушили свои башни, подняли белый флаг и униженно взмолились о пощаде. Зачастую вместо того, чтобы казнить поверженного противника, император брал в жены одну из его дочерей и жаловал побежденному тестю какой-нибудь пост: лучше новый член семьи, чем разлагающийся труп. Однако на сей раз, будучи чрезвычайно раздражен, он сначала сорвал усы со смазливого лица наглого раджи, а затем изрубил несчастного фантазера на куски — он сделал это собственноручно, своей собственной саблей, как, бывало, поступал его дед, — а потом, дрожа и сокрушаясь, удалился к себе в шатер.

У императора были большие раскосые глаза, пристально глядящие в вечность, — так смотрит мечтательная юная девушка или моряк, высматривающий сушу. У него были полные, слегка выпяченные губы, — так недовольно надувают губы женщины. Но, несмотря на некоторую женственность черт, он был истинным мужчиной, крупным и сильным. Будучи подростком, он голыми руками убил тигрицу, а затем, придя в отчаяние от своего поступка, навсегда зарекся есть мясо и стал вегетарианцем. Мусульманин-вегетарианец; воин, мечтавший о мире; падишах-философ — сплошное противоречие. Таков был величайший из правителей, которого когда-либо знал мир.

После боя, когда на мертвые тела и остатки разрушенной крепости, тающие в крови невдалеке от маленького водопада, журчавшего, как соловьиная трель — *буль-буль, буль-буль*, — спустились сумерки, впавший в меланхолию император сидел в парчовом шатре и, прихлебывая вино, разведенное водой, удрученно размышлял о своей генеалогии. Он не хотел походить на своих кровожадных предков, хотя бы они и были величайшими историческими личностями. Он тяготился именами былых завоевателей, с которыми его собственное имя соединялось каскадами человеческой крови: вот его прадед Бабур, военачальник из Ферганы, который завоевал — хотя и ненавидел эту свою новую державу — Индию, где было слишком много богатств и богов; Бабур — боевая машина, обладавшая неожиданным даром поэтического слова.

И до Бабура в его роду были жестокие правители Трансоксании и Монголии, прежде всего могущественный Темучин — Чингиз, или Чингисхан, из-за которого он, Акбар, был вынужден принять титул *Могол*, что значит *Монгол*, каковым он не был и не считал себя. Он ощущал себя... *Хиндустани*, индийцем. Его армия не была ни Золотой, ни Синей, ни Белой Ордой. Самое слово "орда" оскорбляло его тонкий слух как уродливое, грубое и руга-

тельное. Он не нуждался в ордах. Он не желал вливать расплавленное серебро в глазницы побежденных врагов и давить их насмерть тяжелой плитой, на которой он бы в это время вкушал трапезу. Он устал от войны.

Он вспомнил, как в детстве учитель-перс говорил ему: чтобы быть в мире с самим собой, нужно быть в мире с другими. *Сулх-и-кул* — всеобщий мир. Ни одному хану не понять подобной идеи. Но он и не хотел ханства. Ему была нужна страна.

Раджа Пустоголопура, молодой, стройный и темнокожий, упал на колени к ногам Акбара. Его безусое лицо истекало кровью, ожидая последнего удара:

— История повторяется, — сказал он. — Ваш дед убил моего деда семьдесят лет назад.

— Наш дед, — ответил император, используя множественное число в соответствии с императорским обычаем, ибо сейчас было некстати экспериментировать с единственным числом, слишком много чести для подобной твари, — наш дед был варваром с языком поэта. Мы же, напротив, являемся поэтом с варварским прошлым и варварской военной доблестью, что нам ненавистно. Это доказывает, что история не повторяется, а движется вперед, и что человек способен меняться.

— Странное замечание в устах палача, — тихо прошептал молодой раджа. — Но бессмысленно спорить со смертью.

— Твой час настал, — подтвердил император. — Итак, прежде чем ты уйдешь навсегда, поведай нам честно, какой рай ты ожидаешь обрести, когда пройдешь сквозь завесу?

Раджа поднял изуродованное лицо и посмотрел в глаза императору:

— В раю слова "поклонение" и "суждение" означают одно и то же, — сказал он. — Всевышний — не тиран. В доме Бога все свободно выражают свои суждения, и в этом и состоит их поклонение Богу.

Вне всякого сомнения, этот юнец был неприятный тип — корчил из себя святого, но, несмотря на досаду, Акбар растрогался:

— Мы обещаем тебе, что построим этот дом поклонения здесь, на земле, — произнес император.

И затем с криком *Аллаху Акбар*, что значит "Бог велик!", или, возможно, "Акбар есть бог", он снес дерзкую, поучающую и потому ставшую ненужной голову с плеч этого напыщенного маленького наглеца.

Через некоторое время после убийства раджи императором овладел знакомый демон одиночества. Когда кто-то пытался говорить с ним на равных, это приводило его в бешенство, что было ошибкой, — он это понимал. Гнев повелителя — всегда ошибка; разъяренный владыка — все равно что ошибающийся бог. И здесь таилось еще одно противоречие. Он был не только философствующим варваром, плачущим убийцей, но также эгоцентристом, пристрастившимся к подобострастию и лести, что, однако, не мешало ему мечтать об ином мире, где он смог бы встретить человека во всем равного себе, встретить как брата, с которым он будет свободно говорить, учить и учиться, дарить и получать удовольствие. В этом ином мире он бы отказался от злорадного упоения победами ради более тонких, хотя и требующих напряжения, радостей беседы.

Существует ли такой мир? Какие дороги ведут туда? Есть ли подобный человек на земле, или он только что казнил его? Что, если усатый раджа был один такой? Неужели он убил единственного человека в ми-

ре, которого мог бы полюбить? Захмелевшего императора одолели сентиментальные мысли, и глаза его налились пьяными слезами.

Как ему стать человеком, которым он хотел бы стать? *Акбаром*, великим? Как?

Разговаривать было не с кем. Он знаками приказал глухому телохранителю, Бхакти Рам Джайну, выйти из шатра. Телохранитель, который не может слышать бессвязные речи своего хозяина, был даром небесным, но Бхакти Рам Джайн научился читать по губам, что сильно снижало его ценность, превращая в очередного соглядатая. *Падишах безумен.* Так они говорят, все говорят. Его солдаты, слуги, их жены. Возможно, и Бхакти Рам Джайн так говорит. Они не могут сказать ему это в лицо, ибо он — великий человек и могучий воин, как герой древних сказаний, к тому же он — Царь Царей, и, если такой человек, как он, желает иметь небольшие странности, кто посмеет с этим спорить? Тем не менее падишах не безумен. Падишах просто не удовлетворен бытием, но старается это преодолеть.

Очень хорошо. Он сдержит обещание, данное мертвому князьку из Катхиавара. В самом сердце своего Города Победы он построит дом поклонения, место для диспутов, где каждый сможет сказать другому все, что угодно, по любому поводу, даже что бога нет, а царскую власть следует упразднить. В этом доме он научится смирению. Нет, сейчас он несправедлив к себе. Не "научится". Скорее, он вспомнит, восстановит, воскресит то смирение, которое уже поселилось в глубинах его сердца. Этот смиренный Акбар, возможно, был лучшей частью его личности, сложившейся в условиях ссылки, где прошло его детство; ныне облаченной в величие зрелости, но существующей, несмотря ни на что, — частью личности, рожденной не в победах, а в поражениях. Теперь его сопровождали одни победы, но о поражениях император знал все. Поражение было его отцом, и имя ему было Хумаюн.

Он не любил вспоминать об отце. Отец курил слишком много опиума, потерял свою империю, вернулся в Индию после того, как притворился шиитом (и, вдобавок, отдал алмаз Кохинор), чтобы только Шах Персидский послал ему войско, а затем, как только отвоевал себе престол, глупо погиб, упав с лестницы. Акбар не знал своего отца. Сам он родился в Синде после того, как Хумаюн потерпел поражение при Чаусе и бежал в Персию, бросив сына на произвол судьбы. *Сына, которому было только четырнадцать месяцев от роду.* Его нашел и вырастил брат и враг отца, дядя Аскари из Кандагара. Дикий и жестокий человек, дядя Аскари убил бы Акбара, если бы смог подобраться к нему поближе. Но он не смог, поскольку его жена, тетка Акбара, всегда стояла у него на пути.

Акбар остался жить, потому что этого хотела его тетка. В Кандагаре его научили выживать, сражаться, убивать и охотиться, а также многому другому, чему не учат, — следить за собой, держать язык на привязи и не говорить лишнего, за что можно поплатиться жизнью. Он узнал о том, что потери придают достоинство; о том, как терять; о том, как очищает душу признание поражения; о том, как избежать западни слишком крепкой привязанности к желаниям. Он узнал, что означает быть брошенным, в частности, быть брошенным отцом; о ничтожности отцов, о ничтожестве безотцовщины, о способах защиты меньших от бóльших: о

внутренней силе, осторожности, хитрости, смирении и хорошем боковом зрении. Много уроков умаления. Умаления, дающего начало росту.

Были, однако, предметы, которым его никто не собирался учить, — и он им так и не научился.

— Мы — император Индии, Бхакти Рам Джайн, но мы не умеем написать наше проклятое имя! — кричал он телохранителю на рассвете, когда тот помогал ему совершать омовение.

— Да, благословеннейший из живущих, отец множества сыновей, супруг множества жен, повелитель мира, покоритель вселенной, — говорил Бхакти Рам Джайн, подавая полотенце.

Час императорского одевания был также часом славословия. Бхакти Рам Джайн с гордостью носил титул Императорского Льстеца Первой Категории и был мастером вычурного старомодного стиля, известного как "раболепный кумулятивный". Только человек с блестящей памятью на изощренные формулы цветистых панегириков мог раболепствовать с усиливающимся эффектом благодаря нарастающим повторам и правильному порядку их следования. Память Бхакти Рам Джайна была безупречна. Он был способен славословить часами.

Император смотрел на свое отражение, хмуро глядящее на него из сосуда с теплой водой, как на предвестие несчастья.

— Мы — Царь Царей, Бхакти Рам Джайн, но мы не умеем читать наши собственные законы. Что ты скажешь на это?

— Да, справедливейший из судей, отец множества сыновей, супруг множества жен, повелитель мира, покоритель вселенной, правитель всего сущего, соединитель всех тварей, — продолжал Бхакти Рам Джайн, все более воодушевляясь.

— Мы — Высшее Сияние, Звезда Индии и Солнце Славы, — проговорил император, который тоже кое-что знал о панегириках. — Но мы выросли в грязном вонючем городе, где мужчины сношаются с женщинами, чтобы делать детей, и насилуют мальчиков, чтобы делать из них мужчин, — выросли, наблюдая, как насильник тайно нападает сзади, а воин — открыто, спереди.

— Да, о ослепительный свет, отец множества сыновей, супруг множества жен, повелитель мира, покоритель вселенной, правитель всего сущего, соединитель всех тварей, Высшее Сияние, Звезда Индии, Солнце Славы, — возвестил Бхакти Рам Джайн, который, хотя и был глух, но намеки понимал.

— Разве так следует растить падишаха? — заревел император, в гневе опрокинув кувшин с водой. — Неграмотный, вечно боящийся за свою задницу, дикий — разве таким должен быть будущий правитель?

— Да, мудрейший из мудрых, отец множества сыновей, супруг множества жен, повелитель мира, покоритель вселенной, правитель всего сущего, соединитель всех тварей, Высшее Сияние, Звезда Индии, Солнце Славы, наставник людских душ, кузнец людских судеб, — ответил Бхакти Рам Джайн.

— Ты притворяешься, будто не можешь читать по моим губам? — заорал император.

— Да, о более проницательный, чем пророки, отец множества...

— Ты, как коза, которой перерезали горло, чтобы мы могли съесть ее мясо на обед.

— Да, о более милосердный, чем боги, отец...

— Твоя мать зачала тебя от свиньи...

— Да, о самый красноречивый из всех красноречивых...

— Ну хватит, — сказал император. — Мы уже чувствуем себя лучше. Убирайся. Можешь жить.

И вот опять в ярких шелках, развевающихся, как знамена, из окон красных дворцов явился Сикри, сияющий на солнце, словно видение курильщика опиума. Это был его дом, с важно выступающими павлинами и танцующими невольницами. Если мир, разрываемый войнами, был суровой правдой, то Сикри был красивой ложью. Император возвращался домой, как курильщик возвращается к своей трубке. Здесь он был Чародеем. Здесь он, как по волшебству, создавал новый мир вне всяких различий — религий, местностей, рангов и племен. Здесь находились самые прекрасные в мире женщины, и все они были его женами. Здесь были собраны самые яркие таланты земли, и среди них "девять драгоценных камней", девять блистательных умов, с чьей помощью он мог достичь чего угодно. И, наконец, здесь был Бирбал, лучший из девяти, самый лучший из лучших. Его первый министр и первый друг.

Первый министр и главный острослов своего времени приветствовал императора в Хиран-минаре, башне из слоновой кости. Император был в озорном настроении.

— Бирбал, ответь нам на один вопрос, — сказал он спешиваясь. — Мы давно хотели задать его.

Первый министр, человек легендарного остроумия и мудрости, низко поклонился:

— Как прикажет *Джаханпанах* — Прибежище Мира.

— Тогда скажи, что было в начале — курица или яйцо?

— Курица.

— Как ты можешь это утверждать? — удивился Акбар.

— Повелитель, — отозвался Бирбал, — я обещал ответить только на один вопрос.

Император и первый министр стояли на крепостном валу, глядя на кружащих в небе ворон.

— Бирбал, — задумчиво спросил Акбар, — как ты думаешь, сколько ворон в моей державе?

— Прибежище Мира, — ответил Бирбал, — их ровно девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять.

Акбар был озадачен:

— Представь, что мы их сосчитаем и их окажется больше. Что тогда?

— Это будет означать, что их приятели из соседних стран прилетели в гости, — объяснил Бирбал.

— А если их окажется меньше?

— Значит, кто-то из наших улетел за границу посмотреть мир.

Во дворце Акбара ждал гость из далекой западной страны, португальский священник-иезуит, свободно владевший дюжиной языков. Он предложил императору угадать, какой язык является для него родным. Пока император бился над этой задачей, Бирбал ходил кругами вокруг священника и вдруг изо всех сил пнул его в зад. Иезуит разразился проклятиями — но не по-португальски, а по-итальянски.

— Заметьте, Прибежище Мира, когда человеку надо хорошенько выругаться, он всегда переходит на свой родной язык, — заключил Бирбал.

— Если бы ты был атеистом, Бирбал, — император иногда любил подшутить над своим министром, — что бы ты сказал истинно верующим, исповедующим разные религии?

На самом деле Бирбал был благочестивым брахманом из Тривикрампура, но он ответил не задумываясь:

— Я бы сказал им, что, по моему мнению, все они — атеисты, я же просто признаю на одного бога меньше, чем каждый из них.

— Как так? — удивился император.

— Все истинно верующие убеждены, что нет иного бога, кроме их бога. Именно это дает мне основание не верить ни в одного.

Первый министр и император стояли около Хвабгаха — здания Ночных Покоев, глядя на гладкую поверхность личного водоема падишаха — Ануп-Талао, Несравненного Водоема, лучшего изо всех когда-либо известных, к тому же поговаривали, что, когда государству грозит опасность, воды водоема предупреждают об этом.

— Бирбал, — сказал Акбар, — как ты знаешь, наша любимая царица имеет несчастье быть несуществующей. Хотя я люблю ее сильнее всех, восхищаюсь ею больше, чем другими, и ценю ее выше потерянного алмаза Кохинор, она все равно безутешна. "Самая уродливая, самая сварливая из твоих жен — женщина из плоти и крови, — говорит она. — В конце концов я не смогу соперничать даже с ней".

Первый министр посоветовал императору:

— Прибежище Мира, вам следует сказать царице, что именно она *в конце концов* победит всех, ибо *в конце концов* все царицы станут не более существующими, чем она, в то время как она будет вечно наслаждаться вашей любовью и слава ее пребудет в веках. Итак, если правда, что ее не существует в реальности, то также справедливо будет сказать, что она вечно живая. Если бы было иначе, тогда вон там, за тем высоким окном, никто бы не ждал вашего возвращения.

Остальные жены падишаха негодовали. Как может могущественный император предпочитать им общество женщины, которой нет в природе? По крайней мере, когда падишах бывал в отъезде, она также должна отсутствовать — нечего ей слоняться среди тех, кто существует на самом деле. Ей следует исчезать, как призраку, каковым она и является, проскользнуть в зеркало, слиться с тенью и пропасть. То, что она поступает иначе, живые царицы расценивали как нарушение приличий, которого и следовало ожидать от воображаемого существа. Да и откуда она могла получить представление о приличиях, когда ее вообще никто не воспитывал? Она так и осталась грубым плодом воображения и заслуживала, чтобы ее просто игнорировали.

Император сложил ее образ по кусочкам, украденным у каждой из них, — возмущались царицы. Он говорил, что Джодха — дочь раджи Джодхпура. А она ею не была! Ею являлась совсем другая царица, и то не дочерью, а сес рой. Император верил, что вымышленная возлюбленная — мать его первенца, долгожданного наследника, зачатого по благословению с того, того самого, рядом с чьей кельей на вершине холма был построен Город Победы. Но она вовсе не была матерью царевича Салима, о чем его настоящая мать — Раджкумар Хира Кунвари,

более известная, как Мариам-аз-Замани, дочь Раджи Бихар Мала из Амбера, из клана Качхваха, — горестно рассказывала каждому, кто готов был слушать.

Итак, несуществующая царица позаимствовала свою несравненную красоту у одной жены, индуистскую веру — у другой, а несчетное богатство — у третьей. Только ее характер был создан лично Акбаром. Ни одна живая женщина не могла быть столь безупречно заботливой, кроткой и всегда доступной.

Она была недостижимым совершенством. Царицы боялись ее, поскольку знали, что, будучи недостижима, она — неотразима, и поэтому император любит ее больше всех. Они ненавидели ее за то, что она украла частицу их жизней. Они бы убили ее, если бы посмели, но пока император не пресытился ей и не умер, она оставалась бессмертной. Мысль о смерти императора не исключалась, но до поры до времени царицы так далеко в своих размышлениях не заходили. До сих пор они хранили недовольное молчание. "Император сошел с ума", — бормотали они про себя, но благоразумно воздерживались произносить это вслух.

И, пока он мчался галопом, убивая людей на скаку, они предоставили воображаемую супругу самой себе. Они никогда не упоминали ее имя — *Джодха, Джодхабаи.* Она бродила по дворцовым покоям — одинокая тень, выглядывавшая из-за резных каменных решеток; ткань, трепещущая на ветру. По ночам она стояла под маленьким куполом на верхнем этаже Панч-Махала, вглядываясь в горизонт в ожидании создавшего ее императора.

Джодха знала, что у ее блистательного супруга колдовство в крови. Все слышали о том, что Чингисхан занимался чародейством, приносил в жертву животных, использовал волшебные травы и с помощью черной магии сумел произвести на свет восемьсот тысяч потомков. Все слышали, что Хромец Тимур, завоевав землю, пытался подняться к звездам, дабы покорить и небеса. Все знали историю о том, как Бабур спас жизнь умирающего Хумаюна, — он очертил кругом его смертное ложе и отогнал Смерть от сына, приманив ее к себе, то есть пожертвовал собой ради того, чтобы сын выжил. Акбар унаследовал эти темные тайны и состоял в сговоре со Смертью и Сатаной — само существование Джодхи доказывало, насколько крепко укоренилась в императоре магия.

Воссоздание реальной жизни из мечты — акт сверхчеловеческий, узурпация божественной прерогативы. В те дни Сикри был полон поэтов и художников, самовлюбленных эгоцентриков, претендовавших на то, что они способны создать силою слова и образа — прекрасное нечто из пустого ничто. Но ни один поэт, живописец, музыкант или скульптор не приблизился к тому, что удалось императору, Совершенному Человеку.

При дворе также толпились иноземцы — напомаженные искатели приключений, купцы, высушенные ветром странствий, узколицые священники с Запада, и все они на неблагозвучных языках хвастались величием своих стран, богов и правителей. Когда император показывал Джодхе картины гор и долин, которые те привозили с собой, она вспоминала Гималаи и Кашмир и смеялась над приблизительностью и ничтожностью представлений иностранцев о красоте природы, над всяки-

ми *вээльсами* и *аальпами* — корявые слова для описания корявых вещей. Их правители были жестокими дикарями — они пригвоздили своего бога к дереву. Что можно ожидать от таких нелепых людишек?

Они пришли в поисках — чего, собственно? Ничего полезного. Если бы они хоть сколько-то обладали мудростью, бессмысленность их путешествий стала бы для них очевидной. Путешествие бесцельно. Оно срывает вас с места, где вы что-то значите и которому вы, в свою очередь, придаете значимость, посвящая ему свою жизнь, и гонит вас в волшебные края, где вы ощущаете себя чужими и выглядите совершенно абсурдно.

Сикри казался им сказочным городом, так же как их Англия и Португалия, Голландия и Франция находились за пределами понимания Джодхи. Мир не был единым целым. "Мы — это их сны, — сказала она императору, — а они — наши". Она любила его за то, что он никогда не пренебрегал ее словами, не отгонял их своей могучей рукой. "Только представь, Джодха, если бы мы могли проснуться в чужих снах и изменить их, или если бы мы осмелились пустить других людей в наши сны, — сказал он как-то вечером, во время игры в карты. — Что, если бы весь мир стал одним реализованным сном?" Она не решилась назвать его фантазером, когда он говорил о реализованных снах, — разве она сама не была таким сном?

Она никогда не покидала дворца, где родилась десять лет назад, — родилась уже взрослой, от мужчины, который не только был ее создателем, но и любовником. И правда — она была его женой и его ребенком одновременно. Она всегда подозревала, что, если бы ей взбрело в голову покинуть дворец, чары бы рассеялись и она просто перестала бы существовать. Возможно, ей удалось бы выйти из дворца, если бы император оставался рядом и поддерживал ее силой своей веры, но, окажись она одна, у нее не осталось бы шансов.

К счастью, ей не хотелось никуда выходить. Лабиринт замкнутых занавешенных коридоров, которыми соединялись между собой разные здания дворцового комплекса, предоставлял ей возможность путешествовать, сколько угодно. Это была ее маленькая вселенная. Ей было неинтересно завоевывать новые пространства. Пусть внешний мир остается другим. Но этот квадрат укрепленной каменной крепости принадлежал ей.

Она была женщиной без прошлого, лишенной истории, или скорее обладающей такой историей, которую ей пожелал даровать падишах, а остальные царицы яростно оспаривали. Вопрос ее независимого существования настойчиво вставал снова и снова, хотела она того или нет. Если Бог отвернется от своего создания — Человека, неужели Человек просто прекратит свое существование?

Это был главный вопрос, беспокоивший ее, но кроме него существовали еще и мелкие насущные вопросы. Обладала ли она свободой воли по отношению к человеку, чья воля вызвала ее к жизни? Будет ли она существовать лишь до тех пор, пока он не определился окончательно: верить или не верить в ее существование? И если он умрет, будет ли она продолжать жить?

Ее пульс участился. Что-то должно произойти. Она почувствовала себя более сильной, твердой. Сомнения ушли прочь. *Он идет.*

Император уже вступил во дворец, и она чуяла силу его приближающегося желания. Да, что-то должно вот-вот случиться. Ее кровь стучала в такт его шагам, и, пока он подходил ближе, она следила, как он увеличивается в размерах у нее внутри. Она ведь была его зеркалом — так он ее создал, — но при этом оставалась сама собой. Да, акт творения завершился, и она, став наконец такой, какой он ее задумал, свободна; свободна, как всякий другой человек, свободна существовать и поступать соответственно своей натуре. Какой сильной вдруг она стала, полнокровной и гневной! Его власть над ней перестала быть абсолютной. Все, чем ей было положено быть, связалось воедино. Она никогда не ощущала себя столь цельной. Ее собственная природа нахлынула на нее, как поток. Она не подчинялась никому — император не любил раболепия в женщинах.

Сначала она его побранит. Как он мог так долго отсутствовать? Пока его не было, ей пришлось сражаться на всех направлениях. Здесь никому и ничему нельзя доверять. Даже стены пропитаны шепотами. Она должна была сохранить дворец в безопасности до его возвращения, одержать победу над мелкими интригами прислуги, распугать висящих на стенах и шпионящих ящериц, утихомирить заговорщицкую возню мышей. И все это в то время, как она чувствовала, что исчезает, что борьба за выживание требует от нее напряжения всей силы воли. А другие царицы... нет, она не будет упоминать о них. Других цариц нет. Есть только она. Она тоже колдунья, и ее колдовство — она сама.

Ей нужно было очаровать лишь одного человека, и он стоял здесь, перед ней. Он не пошел к другим царицам. Он пришел к той, кого желал. Она была полна им, его желанием, тем, что вот-вот произойдет. Она знала все о его желаниях. Она вообще знала все.

Она существует. Она бессмертна, ибо порождена любовью.

Отворилась дверь. На нем были высокий золотистый тюрбан и кафтан из золотого шитья. Пыль завоеванных земель украшала его, как воинский знак почета. Он смущенно усмехнулся:

— *Я* хотел поскорее добраться до дома. *Я* задержался.

В его словах была какая-то неловкость, напряженность. Что с ним еще такое?

Она решила не обращать внимания на не свойственное ему смущение и продолжать, как было задумано.

— Ах, вы 'хотели'! — она стояла, выпрямившись, в своей повседневной одежде, прикрывая низ лица шелковым шарфом. — Мужчина сам не знает, чего хочет. Мужчина не хочет того, что говорит, будто хочет. Мужчина хочет лишь того, что ему нужно.

Он был озадачен тем, что она отказалась замечать его переход на "я". Ему казалось, что это должно польстить ей, заставить ее замереть от счастья и понять новое выражение его любви. Он был озадачен и слегка раздражен.

— Скольких же мужчин ты знала, если стала такой осведомленной? — сказал он, нахмурившись. — Или ты придумала себе мужчин, пока *я* отсутствовал, или нашла непридуманных мужчин для развлечений? Это мужчины, которых *я* должен убить?

Наверняка сейчас она заметит все переворачивающую, эротическую новизну местоимения "я". Наверняка сейчас она поймет, что он пытается сказать.

Но она не поняла. Она была уверена, что все о нем знает, и думала только о словах, которые ей нужно сказать, чтобы подчинить его себе:

— Женщины меньше думают о мужчинах в целом, чем представляет себе большинство мужчин. Женщины реже думают о своих мужчинах, чем их мужчинам хотелось бы думать. Женщины вообще нуждаются в мужчинах меньше, чем мужчины — в женщинах. Вот почему так важно держать женщину в подчинении. Если не подавлять ее, она может и уйти.

Она даже не переоделась для его встречи.

— Если вам нужны куклы, — сказала она, — ступайте в кукольный дом, где они ждут вас, прихорашиваются, визжат и выдирают волосы друг у друга.

Это было ошибкой. Она упомянула о других царицах. Брови его еще больше нахмурились, глаза погасли. Она повела себя неправильно. Чары почти разрушились. Но она излила на него всю силу своих глаз, и он вернулся к ней. Магия восстановилась. Она продолжала, повысив голос. Она не льстила ему:

— Вы уже выглядите стариком, — сказал она. — Ваши сыновья могут принять вас за своего деда.

Она даже не поздравила его с победой.

— Если бы история пошла иным путем, — продолжала она, — старые боги продолжали бы править. Боги, которым вы нанесли поражение, многорукие и многоголовые боги, у которых есть мифы и подвиги вместо наказаний и законов. Боги созерцательного бытия, стоящие рядом с богинями действия; танцующие боги, смеющиеся боги, боги с молниями и флейтами — такое множество богов, — возможно, с ними было бы лучше.

Она знала, как прекрасна в этот момент, и, откинув тонкий шелковый шарф, явила ему свою красоту, и он сдался.

— Когда мальчик мечтает о женщине, он придумывает ей большие груди и маленькие мозги, — прошептала она. — Когда повелитель мечтает о жене, он воображает меня.

Она в совершенстве владела семью видами царапанья, искусства пользоваться ногтями для усиления любовного влечения. Перед его отбытием в долгий поход она обычно помечала его "тремя глубокими отметинами" — царапинами, нанесенными тремя ногтями правой руки на его спину, шею и мошонку, — нечто в память о себе. Теперь, когда он был дома, она могла заставить его дрожать, заставить волоски на его теле встать дыбом, просто коснувшись своими ногтями его щек, нижней губы и груди, не оставляя никаких следов. Или она могла нанести ему знак "полумесяца" на шею. Она медленно вонзала ногти в его лицо. Она изображала "прыжок зайца", оставляя следы пяти сложенных вместе ногтей вокруг его сосков, не касаясь других частей тела.

И ни одна живая женщина не была столь искусна в самой тонкой ласке, "лапке павлина": она прижимала его левый сосок своим большим пальцем, а ногтями остальных "блуждала" по его груди, глубоко вонзая свои длинные, изогнутые, заостренные ногти — она холила и подтачи-

вала их в предвкушении этого момента — в тело императора, пока на его коже не оставались отметины, напоминающие следы павлина, ступающего по мокрой глине. Она знала, какие слова он произнесет, пока она будет ласкать его. Он расскажет, как в одиночестве походного шатра он закрывал глаза и повторял движения ее рук, воображая, что это ее ногти движутся по его телу, и приходил в возбуждение.

Она хотела, чтобы он сказал это, но он молчал. Что-то изменилось. Теперь в нем было какое-то нетерпение, почти раздражение и досада, которую она не понимала. Казалось, тонкости искусства любви потеряли для него свое обаяние, и он просто хотел обладать ею — и все. Ей стало ясно, что он изменился. И теперь все остальное тоже изменится.

Что касается императора, он никогда больше не говорил о себе в единственном числе в чьем-либо присутствии. В глазах всего мира он существовал во множественном числе, даже во мнении женщины, которая его любила, — таким он и останется. Он получил хороший урок.

Аравинд Адига

Батарея Султана

Рассказ

Перевод Т. Бердиковой

Батарея Султана, мимо которой проходишь, направляясь в Солт-Маркет-Виллидж, — важнейший туристический объект Киттура.

Он быстро приближался к белому куполу даргаха, обхватив одной рукой складной табурет, в другой держа красную сумку, где лежал альбом с фотографиями и семь баночек, до краев наполненных белыми таблетками. Поравнявшись с даргахом, он пошел вдоль стены, не обращая ни малейшего внимания на протянувшийся вдоль нее длинный ряд нищих: прокаженные на ковриках, калеки с изуродованными конечностями, инвалиды в колясках, увечные с повязками на глазах и одно существо с коричневыми обрубками, наподобие тюленьих плавников, вместо рук, нормальной левой ногой и мягкой коричневой культей вместо правой, лежа на левом боку, то и дело подергивалось, словно от электрошока, и, глядя пустыми, как у загипнотизированного, глазами, тянуло нараспев:

— Ал-лах! Ал-лаааах! Ал-лах! Ал-лаааах!

Миновав этот скорбный парад человечества, он обогнул даргах.

Теперь он шагал между длинными, протянувшимися почти на полмили, рядами сидевших на корточках торговцев. Позади оставались ряды детской обуви, лифчиков, маек с надписью "Нью-Йорк проклятый город",

© Aravind Adiga, 2009
© Т. Бердикова. Перевод, 2009

солнечных очков якобы от "Рэй-Бэна", поддельных кроссовок "Найк" и поддельных кроссовок "Адидас", стопок журналов на урду и на малаяме. Приметив небольшое пространство между обманщиком, торговавшим обувью, и обманщиком, торговавшим лифчиками, он разложил табурет и расстелил на нем черный глянцевый лист бумаги с золотыми буквами.

Золотая надпись гласила:

РАТНАКАРА ШЕТТИ, СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОСТЬ ПАНАЗИАТСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО СЕКСОЛОГИИ, ОТЕЛЬ НЬЮ-ХИЛТОН-ПЭЛЭС, НЬЮ-ДЕЛИ

АПРЕЛЬ 12–14 1987

Парни, которые пришли помолиться в даргах, или поесть кебаб в одном из мусульманских ресторанчиков, или просто поглазеть на море, постепенно выстроились в полукруг напротив Ратны, наблюдая за тем, как он выкладывает на табурет фотоальбом и расставляет семь баночек с белыми таблетками. Затем, словно священнодействуя, он расставил баночки по-другому, будто мог начать работу, если они стояли именно так. На самом деле, он выжидал, пока соберется побольше зевак.

И они пришли. Стоя парами или по одному, юноши, сбившись в кучу, образовали людской Стонхендж: кто-то опирался на плечо приятеля, кто-то стоял сам по себе, а кто-то сгорбился у земли, точно упавший булыжник.

Ратна внезапно заговорил. Парни стали подходить быстрее, и толпа до того уплотнилась, что ме́ста, где они не стояли бы по двое-трое в ряд, не осталось, и тем, кто оказался сзади, приходилось вставать на цыпочки, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на сексолога.

Открыв альбом, Ратна позволил молодым людям посмотреть фотоснимки в пластиковых карманах. У зевак перехватило дыхание.

Показывая на фотографии, Ратна говорил о мерзости и извращениях. Он описывал последствия греха: демонстрируя, как возбудители венерических болезней проникают в организм, он касался своих сосков, глаз, затем ноздрей и после закрывал глаза. Солнце на небе уже поднялось высоко, и купол даргаха засиял ярче. Парни, образовавшие полукруг, теснили друг друга, стремясь подобраться поближе к фотографиям. И тут Ратна вдруг замолчал, он захлопнул альбом и взял по баночке с белыми таблетками в каждую руку. Он принялся встряхивать таблетки.

— Вместе с каждым пузырьком таблеток вы получите сертификат от Хакима Бхагвандаса из Дарьяганжа в Дели. Этот человек — опытный старый доктор, обрел мудрость в Египте и с помощью научных приборов создал чудодейственные таблетки, которые вылечат все ваши недуги. Каждая баночка стоит всего четыре рупии пятьдесят пайсов!

Вечером, до смерти устав от жары, он сел в автобус 34 Б со своей красной сумкой и складным табуретом. В этот час автобус был переполнен, ухватившись за свисавший с потолка ремешок, Ратна медленно вдыхал и выдыхал воздух. Выжидая, пока силы вернутся к нему, он досчитал до десяти, затем сунул руку в красную сумку и достал четыре зеленые бро-

шюры — на обложке каждой красовались по три большие крысы. Высоко подняв руку с брошюрами, наподобие игрока, который показывает свою карту, он заговорил так громко, как только мог:

— Дамы и господа! Все вы знаете, наша жизнь — погоня за удачей, потому что работы мало, а работа нужна каждому. Как выжить вашим детям, как им получить ту работу, которая есть у вас? Ведь жизнь в наши дни — поистине погоня за удачей. Только в этой книге вы найдете тысячи полезных сведений, изложенных в форме вопросов и ответов, которые необходимы вашим детям, чтобы выдержать вступительные испытания и стать государственными служащими, пройти собеседование в банке, в полиции и еще много чего, чтоб ухватить удачу за хвост. Например, — он перевел дух, — у империи Моголов было две столицы. Одна из них Дели. Как называлась вторая? Четыре европейских столицы стоят на берегах одной реки. Назовите эту реку. Кто был первым правителем Германии? Какая денежная единица в Анголе? Один и тот же город в Европе был столицей разных империй. Какой именно город? Два человека были замешаны в убийстве Махатмы Ганди. Один из них Натхурам Гадсе. Назовите второго.

Какова высота Эйфелевой башни в метрах? Высоко держа книжки в правой руке, Ратна подался вперед, стараясь удержаться на ногах, когда автобус подбрасывало на рытвинах. Один пассажир попросил буклет и протянул ему одну рупию. Ратна пробрался поближе к выходу и, когда автобус остановился, поблагодарил кондуктора молчаливым кивком и вышел.

Войдя в дом, он повесил рубашку на крючок возле двери, распахнул ее, толкнув ногой, и вошел внутрь, почесывая подмышки и волосатую грудь. Усевшись на стул, он сделал выдох и произнес "О Кришна. О Кришна" — и вытянул ноги; дочери Ратны, хотя и были на кухне, сразу узнали, что он вернулся, — резкий запах пота пронесся по дому со скоростью пушечного ядра. Отложив в сторону женские журналы, девушки мигом взялись за работу. Жена гремела мисками и кастрюлями.

После того как Ратна выкурил вторую биди и заметно расслабился, она осмелилась подойти к нему:

— Астролог сказал, что придет в девять.

— Ага.

Радио работало, поставив его на одно бедро, Ратна похлопывал ладонью по второму в такт музыке, напевая мелодию большей частью без слов и со словами, где знал их.

— Он здесь, — прошептала жена. Ратна выключил радио, поскольку в комнату, молитвенно сложив ладони, вошел астролог.

Усевшись на стул, гость снял рубашку, и жена Ратны повесила ее на крючок рядом с рубашкой хозяина. Пока женщины ждали на кухне, астролог показывал Ратне свою коллекцию мальчиков.

Ратна открыл альбом с черно-белыми фотографиями; он рассматривал лица мальчиков одно за другим, а они смотрели на него со строгих неулыбчивых портретов. Ратна поскреб по одному большим пальцем. Астролог вытащил портрет из альбома.

— Парень что надо, — произнес Ратна после мгновенного раздумья. — А чем зарабатывает отец?

— У него магазин фейерверков на Кар-стрит. Отличный бизнес. Парень будет наследником.

— Собственный бизнес! — искренне восхитился Ратна. — Таков единственно правильный путь в погоне за удачей, быть продавцом — гиблое дело.

Жена что-то уронила на кухне, затем закашлялась, затем уронила что-то еще.

— В чем дело? — крикнул он.

Тоненький голос пропищал что-то про "гороскопы".

— Замолчи! — прикрикнул на нее Ратна. Он махнул фотографией в сторону кухни. — У меня три дочки на выданье, а эта дура думает, я могу выбирать? — И он снова бросил фотографию на колени астрологу.

Астролог поставил крестик на задней стороне снимка.

— Родители парня будут на что-то рассчитывать, — сказал он. — На жест.

— На приданое, — тихо произнес Ратна, решившись назвать вещи своими именами. Он сделал выдох. — А где мне взять приданое для двух других, только Бог ведает.

Он стиснул зубы от ярости, повернулся к кухне и закричал.

В понедельник явились родители жениха. Младшим девочкам было велено обносить гостей лимонным соком, а Ратна с женой сидели в гостиной. Лицо Рукмини побелело от толстого слоя джонсоновской детской присыпки, по волосам струйками сбегал жасмин, она перебирала пальцами струны вины, исполняя религиозную песню и глядя сквозь окно куда-то далеко.

Будущий отец жениха, продавец фейерверков, расположился на матрасе прямо напротив Рукмини; это был крупный мужчина в белой рубашке и белом хлопковом саронге; густые пучки серебристых волос торчали у него из ушей. Он покачивал головой в ритм песни, которую играла Рукмини, и Ратна подумал, что это добрый знак. Будущая свекровь — еще одна крупная белолицая особь рассматривала потолок и углы комнаты. Будущий жених был светлокожий, в отца, и похож на него, но сильно мельче и отца и матери, и напоминал скорее домашнего любимца, а не наследника.

Продавец кивнул. Парень поднялся и вышел. Отец оттопырил мизинец и показал его всем, кто находился в комнате.

Все захихикали.

Парень вернулся и втиснулся между толстым папой и толстой мамой. Две младшие девочки внесли второй поднос с лимонным соком, и толстый продавец фейерверков и его жена взяли по стакану; парень, словно желая сделать то же, что родители, взял стакан и отхлебнул из него. Не успела жидкость коснуться его губ, он слегка толкнул отца и снова что-то зашептал тому в ухо. На этот раз старик недовольно скривился, но парень убежал.

Возможно, чтоб отвлечь внимание от сына, продавец фейерверков спросил вибрирующим голосом:

— Не найдется ли у вас биди, дорогой друг?

Разыскивая на кухне пакет с биди, Ратна увидел сквозь сетку на окне, как будущий жених яростно мочится на ствол дерева Ашоки, росшего на заднем дворе.

"Нервный паренек, — подумал Ратна, усмехнувшись. — Но это вполне понятно, — сказал он себе, ощущая нечто вроде теплоты по отношению к тому, кто должен был вскоре стать членом его семьи. — Все мужчины перед свадьбой волнуются". Парень, судя по всему, покончил со своим делом, стряхнул последнюю каплю и отошел от дерева. Но вместо того чтобы вернуться, он застыл как вкопанный. Спустя мгновение он запрокинул голову и хлебнул воздуха, будто тонущий.

Сват зашел вечером доложить, что продавцу фейерверков понравилась песня Рукмини.

— Скоро назначим день, — сказал он Ратне. — Через месяц цены на свадебные залы полезут... — Его рука плавно заскользила вверх.

Ратна кивнул, но как-то рассеянно.

Наутро он доехал на автобусе до Амбрелла-стрит и, пройдя мимо мебельных магазинов и магазинов вееров, отыскал магазин фейерверков. Толстый мужчина с волосатыми ушами сидел на высоком табурете напротив стены, целиком заполненной петардами и ракетами, — один к одному посланец бога огня и войны. Без пяти минут жених тоже был в магазине, сидя на полу, он слюнявил кончики пальцев и листал книгу учета.

— Этот человек намерен стать твоим тестем, ты не хочешь с ним поздороваться? — он улыбнулся Ратне. — Мальчик стеснительный.

Прихлебывая чай, Ратна болтал с толстым мужчиной, ни на минуту не отрывая взгляда от мальчика.

— Пойдем со мной, сынок, — сказал он. — Мне надо поговорить с тобой с глазу на глаз.

Они зашагали по дороге и не произнесли ни единого слова, пока не оказались у баньяна, росшего возле стены храма Ханумана. Ратна дал понять, что им следует сесть в тени дерева. Он хотел, чтобы парень сел спиной к дороге, чтобы оба они видели храм. Он позволил юноше немного поговорить, а сам только рассматривал его глаза, нос, рот и шею. Внезапно он сжал его запястье.

— Где ты с ней был? У дороги, в гостинице или позади здания?

Он усилил давление.

— У дороги, — выпалил парень; он повернулся к Ратне лицом, готовый вот-вот расплакаться. — Откуда вы знаете?

Ратна закрыл глаза, выдохнул, отпустил руку парня.

— Шлюха дальнобойщиков. — Он дал парню подзатыльник. Тот заплакал.

— Я был с ней всего-то один раз, — сказал он, стараясь не всхлипывать.

— Одного раза достаточно. Жжет, когда мочишься?

— Жжет.

— Тошнит?

Мальчик спросил, что означает это английское слово, и сказал "да", когда понял.

— А еще что?

— Все время кажется, что между ног что-то тяжелое, какой-то плотный резиновый мяч. А еще иногда рвет.

— А эрекция?

— Да. Нет.

— Расскажи, что там у тебя с членом? Потемнел? Покраснел? Распух?

Прошло полчаса, но двое мужчин все еще сидели под баньяном лицом к храму.

— Прошу вас... — парень сложил кисти рук вместе. — Прошу вас. — Ратна покачал головой.

— Свадьбу придется отменить, а что остается? Я же не могу допустить, чтобы моя дочка тоже заболела.

Парень уставился в землю. Капля на кончике его носа отливала серебром.

— Я вас разорю, — тихо сказал он.

Ратна вытер руки о спину своего саронга.

— Как?

— Скажу, что девчонка с кем-то спала. Скажу, что она не девушка. И поэтому вам пришлось отменить свадьбу.

Ратна мгновенно схватил парня за голову, закинул ее назад, с минуту подержал в таком положении, а потом стукнул о дерево. Поднявшись, он плюнул в парня.

— Клянусь богом, который сидит напротив нас в храме, что я убью тебя, если ты это сделаешь.

Прошло месяца три или около того. Как-то утром, когда Ратна, заняв свой пятачок позади белого купола, кричал в сторону Стонхенджа, состоявшего из взволнованных юношей, он заметил лицо, заставившее замереть его сердце.

Когда его беседа подошла к концу, он снова увидел это лицо, прямо напротив своего.

— Чего тебе? — прошипел он. — Поздно. Дочка вышла замуж. Зачем ты пришел сюда?

Ратна подхватил табурет, смел свое снадобье в красную сумку и поспешил убраться прочь.

Дробь шагов сопровождала его. Парень — сын продавца фейерверков — заговорил, тяжело дыша:

— Мне с каждым днем все хуже. Каждый раз, когда мочусь, ужасно жжет. Вы должны мне помочь. Дайте мне ваших таблеток.

Ратна сжал зубы.

— Ты согрешил, ты — ублюдок. С проституткой. Теперь расплачивайся!

Ратна шел все быстрее и быстрее, а потом шаги затихли, и он остался один.

Однако на следующий вечер он снова увидел лицо, а затем торопливые шаги сопровождали его до самой остановки, и голос все повторял и повторял "Помогите мне", но Ратна не обернулся.

Он сел в автобус. Когда в отдалении стали заметны темные очертания форта, автобус притормозил и остановился. Ратна вышел. Кто-то вышел вместе с ним. Он пошел. Кто-то пошел следом за ним.

Ратна оглянулся и схватил преследователя за воротник.

— Разве я не говорил тебе, отстань от меня? Что ты придумал?

Сбросив руки Ратны, парень поправил воротник и прошептал:

— Помогите мне. Мне кажется, я умираю. Помогите мне.

— Послушай, я не могу. Ни одному из этих парней не поможет то, чем я торгую. До тебя что, не доходит?

Тишина длилась с минуту, а затем парень прошептал:

— Но вы были на конференции сексологов... так на плакате написано по-английски...

Ратна воздел руки к небу.

— Я подобрал этот плакат с земли.

— А как же Хаким Бхагвандас из Дели...

— Хаким Бхагвандас, черт побери! Эти таблетки из сахара я покупаю оптом у химика в Карваре, а потом дома дочки насыпают их в баночки и лепят наклейки.

В подтверждение своих слов Ратна открыл кожаную сумку, снял крышку с баночки и сыпанул из нее таблеток на землю, словно засевал пашню.

— От них никакого толку. Мне нечего дать тебе, сынок.

Парень сел, поднял с земли белую таблетку и проглотил ее. Встав на четвереньки, он стал выковыривать из земли белые кружочки и судорожно проглатывал их вместе с налипшей грязью.

— Ты рехнулся?

Опустившись на колени, Ратна принялся изо всех сил трясти парня, повторяя эти слова снова и снова.

А потом он наконец увидел его глаза. Они изменились со времени их последней встречи и напоминали сейчас какие-то консервированные овощи. Сосуды покраснели и набухли.

В ту ночь Ратна пролежал без сна несколько часов, ворочаясь с боку на бок и мешая жене, он вел разговор с парнем, который, как ему казалось, находился где-то рядом с его кроватью.

Назавтра, ближе к вечеру, он сел в автобус, который шел в город, на Амбрелла-стрит.

Подойдя к магазину фейерверков, он встал чуть поодаль, сложив перед собой руки, и не уходил, пока парень не заметил его. Вдвоем они молча дошли до прилавка, где готовили сок из сахарного тростника. Пока машины вертели и рубили сырой тростник, Ратна сказал:

— Сходи в больницу. Там тебе помогут.

— Не могу. Меня там знают. Скажут отцу.

Ратна представил себе громадного дядьку, сидящего напротив арсенала фейерверков и хлопушек.

На следующий день, раскладывая свой деревянный прилавок и разбирая сумку, Ратна заметил рядом на земле тень. Он зашел за даргах, он обогнул длинный ряд паломников, которые пришли помолиться у гробницы, он миновал ряды прокаженных, одноногого, который, подергиваясь, тянул: "Ал-лах! Ал-лах...Ал-лах!"

Подняв глаза на белый купол, Ратна с минуту глядел на него. Он стал спускаться к морю, и тень последовала за ним. Низкая каменная стена огибала кромку земли, поставив на нее ногу, Ратна посмотрел на море. Волны, стремительно набегая одна на другую, разбивались о каменную стену, и густая белая пена взмывала ввысь и разлеталась по сторонам, будто из воды выныривал павлиний хвост. Ратна огляделся по сторонам.

— А что мне остается? Если я не буду продавать эти белые таблетки, как я выдам дочек замуж?

Парень, уставясь в землю, чтобы не встречаться с ним взглядом, неловко переминался с ноги на ногу.

Вдвоем они сели в 5-й автобус, который шел в центр, и доехали до кинотеатра Энджел-Токиз.

Парень тащил деревянный табурет, а Ратна ходил туда и обратно по главной улице, пока не нашел большой щит, на котором стояли рука об руку молодожены в свадебной одежде.

КЛИНИКА СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Консультации специалистов:

Доктор М. Б. Каматах МББС (Майсор), Б. Мек (Аллахабад), ДББС (Майсор), М. Чх (Калькутта), Г. Ком (Варанаси). Выздоровление гарантировано.

— Видишь эти буквы после фамилии? — прошептал Ратна на ухо парню. — Тот, кто тебе нужен. Настоящий сексолог.

В приемной они увидели полдюжины худых, нервных мужчин, которые сидели на черных стульях, и одну супружескую чету в углу. Ратна и парень уселись между мужчинами и четой.

Ратна с любопытством поглядывал на мужчин, а те, все как один, избегали его взгляда. Это была та же публика, что приходила к нему, только постарше и погрустнее; мужчины с запущенными венерическими болезнями, глотавшие белые таблетки, не принесшие облегчения, банку за банкой, теперь ступили на путь отчаяния, который вел от его прилавка за даргахом мимо других шарлатанов к докторам этой клиники, где им наконец предстояло узнать правду.

Худые мужчины по очереди заходили в кабинет, и дверь закрывалась за ними. Ратна посмотрел на женатую пару — они по крайней мере не одиноки в этом... Они есть друг у друга.

Затем к доктору зашел муж, а жена осталась. Она зашла позже, когда муж вышел. "Конечно они не муж и жена", — подумал Ратна. Заразившись такой болезнью, половой болезнью, человек остается один во всем мироздании.

— Кем вы приходитесь пациенту? — спросил доктор. Они наконец-то заняли места у его стола. За спиной у доктора висела гигантская схема мочевыводящей системы и репродуктивных органов мужчины, Ратна с минуту разглядывал ее, а потом ответил:

— Дядей.

Осмотрев половые органы юноши, доктор подошел к умывальнику под зеркалом, дернул за шнур, и под зеркалом замигала люминесцентная лампа.

Пустив воду, доктор прополоскал рот, сплюнул и выключил свет над умывальником.

Он занялся наведением порядка в своем кабинете, протер ладонью край умывальника, затем опустил штору на окне, бросил взгляд на зеленую мусорную корзину, исследуя ее содержимое. Завершив дела, он вернулся к столу и немного отдышался.

— Почки задеты.

— Задеты?

— Задеты, — подтвердил доктор.

Он повернулся к парню, который дрожал так, что сиденье под ним подпрыгивало.

— Гомосексуалист?

Парень закрыл лицо руками. Ратна ответил за него:

— Послушайте, парень заразился от проститутки, не такой уж это и грех. Он не извращенец. Он просто мало знает о нашем мире.

Доктор кивнул. Повернувшись к схеме репродуктивной системы мужчины, он дотронулся пальцем до почек и повторил:

— Затронуты.

На следующий день Ратна и парень вместе подошли к остановке в шесть утра, чтобы не пропустить автобус до Манипала и там узнать, есть ли в Медицинском колледже хороший специалист, который сможет им помочь. Мужчина в голубом саронге, сидевший на скамейке возле остановки, сказал им, что автобус до Манипала всегда немного опаздывает: минут на пятнадцать, может, на тридцать, а то и больше.

— Все в этой стране разваливается после убийства господина Ганди, — посетовал мужчина, весело болтая ногами. — Автобусы опаздывают. Поезда опаздывают. Кругом разруха. Нам придется снова отдать ее британцам, мусульманам, русским или кому-нибудь еще. Я знаю, что говорю.

Возвращались они поздно. Больше часа простояли в плотной толпе людей, которые ехали назад в Киттур, пока рядом с ними не освободились два места. Скользнув к окну, Ратна указал парню на место рядом с собой.

— Повезло нам, в автобусе плюнуть негде, — произнес Ратна с улыбкой.

Он аккуратно отобрал свою руку у парня.

Тот понял, кивнул и кинул на колени Ратне несколько бумажек по пять рупий, одну за другой.

— За что?

— Вы сказали, я должен заплатить вам за помощь.

Ратна сунул бумажки в нагрудный карман парня.

— Нечего выпендриваться. Пока я тебе помогаю. И что мне за это причитается? С моей стороны это чистая благотворительность. Запомни. Мы не родственники. Нас не связывают кровные узы.

Парень ничего ему не ответил.

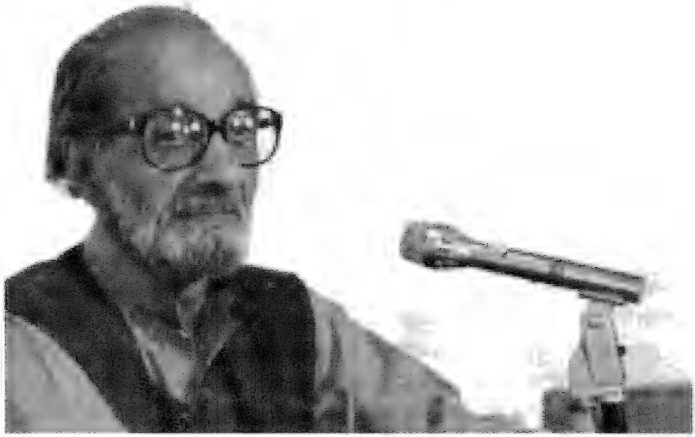
— Послушай, я не могу таскаться с тобой по врачам. У меня дочери на выданье, и я понятия не имею, где мне взять для них приданое...

Парень повернулся, ткнулся лицом в ключицу Ратны и разрыдался. Пассажиры глазели на них, но Ратна был до того потрясен, что не сумел выдавить из себя ни слова.

Прошел еще час, прежде чем темный форт замаячил на горизонте. Мужчина и парень вместе вышли из автобуса. На фоне черного прямоугольника форта перед Ратной на мгновение вспыхнуло видение: белый купол и голоса убогих, звучащие в унисон. Он сунул в рот биди, чиркнул спичкой и глубоко вздохнул.

— Идем, — сказал он парню, — до моего дома еще далеко.

Амин Камил



Петушиный бой

Рассказ

Перевод Н. Поваляевой

Когда Гулам Хан появился во дворе с петухом в руках, Шахмаль уже проснулась и с нетерпением поджидала мужа. Даже пхеран, запачканный их шестимесячным малышом, почистить забыла. Когда она, наконец, увидела мужа, обрадовалась, словно клад нашла, и закричала:

— Принёс-таки! А я уж боялась, что и сегодня ты с пустыми руками явишься!

Шахмаль буквально вырвала петуха из рук мужа и принялась поглаживать его перышки и гребешок.

— Четыре с половиной рупии отдал, — Гулам Хан подчеркнул слово "рупии", как будто желал уверить жену, что этот петух — не какая-нибудь дохлятина.

Но Шахмаль, казалось, совсем не интересовала цена; она не могла отвести глаз от петушка, чей вид наполнял ее бурлящей радостью. Шахмаль опустила птицу на землю и, выразительно подняв брови, бросила взгляд на окно соседнего дома. Затем, взяв тон повыше, вновь обратилась к мужу:

— Как раз такого петуха я и хотела. На рынках-то, понятное дело, полным-полно недокормышей, которыми наводнили всю округу, но этот им не чета.

Гулам Хан оставил это сообщение без комментариев и вошел в дом.

© Sahitya Akademi, 2006
© Н. Поваляева. Перевод, 2009
Редакция выражает благодарность Литературной академии Индии (Sahitya Akademi) за любезно предоставленную возможность безвозмездной публикации рассказа.

Петушиные лапы были связаны обрывком веревки, поэтому петушок передвигался неровными прыжками. Он пытался расклевать свои путы и оглядывался по сторонам, оценивая обстановку.

У Шахмаль уже были две курицы. Они как раз сновали по двору и в поисках пропитания рылись в куче отбросов. Когда петушиный крик достиг их слуха, курицы застыли и с подозрением уставились на новичка, словно пытались угадать его повадки и натуру. Одна курица, грациозно покачиваясь, направилась к петуху, выказывая при этом нарочитое равнодушие, как будто она просто прогуливается для собственного удовольствия. Вторая курица, копошащаяся в куче отбросов, подняла облако пыли и принялась купаться в ней: "Ха! Я думала, это кто-то стоящий. Но мне-то что? Пусть себе живет, какой ни есть!"

Шахмаль набрала пригоршню риса и рассыпала ее перед петухом. Он жадно набросился на еду, набивая зоб гигантскими порциями, словно его несколько дней кряду морили голодом.

Когда курицы увидели, какие почести оказываются петуху, они подбежали поближе и принялись спешно склевывать рассыпавшиеся зернышки риса.

Шахмаль вновь бросила взгляд на окно соседнего дома. Увидев, что там никого нет, она громко закричала на куриц:

— Кыш! Кыш! Шиш вам! Дайте бедняге спокойно поесть! Можно подумать, вас несколько дней не кормили!

Курицы с громким кудахтаньем кинулись прочь. Они поняли, кому адресован этот упрек. Иначе с чего бы им кидаться врассыпную, словно от верной погибели? Однако, отбежав на безопасное расстояние, они продолжили нервно клевать зернышки, разбросанные по земле.

— Поздравляю! — из окна высунулась Джани Кожа-да-Кости. — Когда это у тебя петух появился?

Именно этого и ждала Шахмаль с того самого момента, как муж принес петуха; она приосанилась, подняла голову, разгладила несуществующие складки на своем пхеране и, выставив напоказ серебряные серьги, сказала:

— Мой муж только что принес его. Четыре с половиной рупии заплатил!

Шахмаль подчеркнула слово "рупии" гораздо старательнее, чем ее муж некоторое время назад.

— Он, небось, из деревни, — сказала Джани Кожа-да-Кости нарочито невинным тоном. — Да, похоже на то. Ладный петушок.

— И представь, ему всего семь месяцев, — наугад определила возраст петуха Шахмаль. — Это особая порода, в городе такую нечасто встретишь. И какой дорогой! Кто еще купил бы такого? — Сделав паузу, Шахмаль добавила презрительным тоном: — Местные-то берут только петушков-недокормышей!

От этого замечания сердце Джани зажглось гневом. Она отлично знала, что является мишенью этих презрительных слов. Залившись краской, она исчезла из окна, крикнув:

— У меня тут сковорода на огне... А ты смотри, корми его как следует.

Шахмаль довольно улыбнулась пустому окну и, поджав губы, вновь накинулась на куриц: "Пошли! Пошли! Чтоб вас вши заели!" И опять

взглянула на петуха с гордостью и радостью. По правде сказать, Шахмаль так хотела заиметь петуха именно для того, чтобы досадить соседке. В то время как у Джани было пять куриц и петух, у Шахмаль было всего две курицы. Ну, вообще-то — три, но одна сдохла от какой-то болезни вместе с пятью цыплятами.

Петух Джани Кожа-да-Кости имел обыкновение запрыгивать на стену, отделяющую друг от друга соседние дома, а оттуда спрыгивать во двор Шахмаль. Поскольку своего петуха у последней не было, она из практических соображений поощряла эти визиты, но только не тогда, когда во дворе был разложен рис или иные зерна для просушки. Тогда этот тунеядец прокрадывался во двор, словно воришка. И как ни гони его — все равно являлся снова, чтобы клевать и разбрасывать зерна. Шахмаль уже стала бояться оставлять что бы то ни было во дворе сушиться. Когда же ее терпению пришел конец, долго сдерживаемый гнев вышел наружу и на голову петуха посыпался град оскорблений. Джани Кожа-да-Кости слушала, высунувшись из окна, и насмешливо комментировала:

— Не мешало бы тебе обзавестись собственным петухом, слышишь меня? А то сама зазываешь его, когда надо — скажешь, нет? А потом не можешь оторвать от сердца несколько зернышек риса!

Эти слова сразили Шахмаль наповал, и с тех пор она неустанно просила мужа купить петуха. Джани Кожа-да-Кости со своей стороны приняла все возможные меры для того, чтобы ее петух больше не мог перебраться через стену.

В течение двух недель Гулам Хан изворачивался, придумывая то одну отговорку, то другую; но настал момент, когда изворачиваться дальше стало невозможно. Тогда он за три рупии купил петуха у торговца на рынке Майсумы, но прибавил к цене еще полторы рупии, чтобы произвести впечатление на жену, имевшую привычку всякий раз заявлять: "Фу, ну что за гадость ты приволок! Неужто нельзя было найти что-нибудь поприличнее?"

Петух Джани Кожа-да-Кости был рыжим в черную крапинку; новоприобретенный петух Шахмаль был снежно-белый и ослепительно чистый. Походкой он тоже превосходил соседского петушка. Но зато последний был крупнее и поэтому выглядел более сильным. Это было единственное отличие; в остальном же оба петуха были одной породы и стоили почти одинаково.

Настала ночь. Все отправились спать. Шахмаль уперлась локтем в подушку, подперла ладонью подбородок и, пока кормила грудью ребенка, всё думала о своем петушке: "Как, должно быть, вид этого петуха завел Кожу-да-Кости! Никогда не забуду ее колкостей и ядовитых замечаний. Пусть теперь ее петух только попробует сунуться на эту сторону стены. Если я не сломаю ему лапу, не зовите меня больше Шахмаль".

Приняв такое решение, она робко взглянула на лицо мужа. Он был неописуемо хорош собой, и от этой мысли краска залила лицо Шахмаль. Она убрала руку и положила голову на подушку, и тут из птичника раздался крик "Ку-ка-ре-ку-у-у!". Шахмаль оцепенела. Затем подняла голову и хорошенько прислушалась, надеясь, что это воображение сыграло с ней злую шутку. Но вот снова крик, который ни с чем не спутаешь: "Ку-ка-ре-ку-у-у!" Шахмаль почувствовала себя так, словно ей самой свернули шею. Она села в постели и запричитала, обращаясь к мужу:

— Ты только послушай! Ну, слышишь? Давай, просыпайся!

— А? Что? Что случилось? — спросил, вздрогнув от неожиданности, Гулам Хан. — Ты звала меня?

— Ты что, не слышал? Петух. Он только что прокукарекал. На пороге ночи! — голос Шахмаль сорвался на рыдание. — Это дурной знак! И надо ж было притащить его в дом!

— Прокукарекал? — Гулам Хан поморщился. — Ну и что с того? Что случится? Что, петух кукарекнул в ночи — и мы в Рамадан будем есть калачи?

— Только послушайте, какую чушь он несет! — яростно парировала Шахмаль. — Ну-ка поднимайся быстро! Иди, убей его! Разве ты не знаешь, что петуха, который прокукарекал на пороге ночи, нужно немедленно зарезать? Это дурной знак!

— Да наплюй ты на дурные знаки! Ложись спать и забудь эти старушечьи бредни! — И Гулам Хан натянул на голову одеяло. Шахмаль еще некоторое время не унималась, но больше не добилась от мужа ни слова. Он заснул крепким, безмятежным сном и проснулся в семь утра, как обычно.

На самом деле Шахмаль была напугана не столько самим кукареканьем, сколько тем, что его, должно быть, услышала Джани Кожа-да-Кости. Она уж точно даст волю своему ядовитому языку. Ее саркастические замечания пойдут язвами по коже Шахмаль: "Так вот для чего ты завела этого замечательного петушка? Во всем мире петухи возвещают рассвет, а этот прокаженный что делает? Не иначе, сам сатана забирается к нему в клюв на закате."

Шахмаль выпустила птиц, но сама во двор не вышла, опасаясь злобных выпадов Джани Кожа-да-Кости, адресованных, как обычно, окнам и стенам, но косвенно направленных на дорогую соседку.

Она чувствовала себя подавленно и сидела дома, пока куры резвились с петухом во дворе. При одном взгляде на петуха сердце Шахмаль, казалось, переворачивалось от отвращения. А тот, в счастливом неведении, расправил крылья и выплясывал то вокруг одной, то вокруг другой курицы, легонько наскакивая на них. Курицы спасались бегством, будто говоря: — "И что это на тебя нашло? Разве так можно? Хоть бы по сторонам смотрел иногда".

Затем они уставились на дверь, ведущую на кухню, как бы удивляясь: "Что-то хозяйки не видать нигде сегодня. А ей бы не мешало бросить нам пару зернышек поклевать!" Куры побежали к кухне. Петух, угадав их мысли, увязался следом.

Шахмаль рискнула задержать свой взор на петушиных лапах. От самых когтей до бедра они показались ей самыми уродливыми лапами на свете. Ее отвращение усилилось. Однако Шахмаль не решилась прогнать куриц, потому что не хотела, чтобы Джани Кожа-да-Кости, услышав шум, выглянула в окно. Быстро набрав пригоршню риса, Шахмаль издалека бросила его птицам. Петуха она ни за что не стала бы кормить, но как быть с курицами? Они, бедняги, не могут голодать весь день.

Когда соседский петух услышал незнакомое кудахтанье по ту сторону стены, он выпрямил шею и раздул грудь; все его тело напряглось, нервы натянулись струной.

— Ко-ко-ко-ко-ко, — закудахтал он что есть мочи, словно бы дразня своего противника. — Кого это там занесло на соседний двор?

Весь этот шум очень не понравился Шахмаль. Ей хотелось придушить своего петуха, хотелось, чтобы его разбил паралич — лишь бы Джани Кожа-да-Кости не услышала кудахтанье и не прилипла к окну. Вместо того чтобы кричать "кыш", Шахмаль взяла ком земли и в ярости швырнула его в петуха, целясь в голову. Тут же из окна высунулась Джани Кожа-да-Кости.

— Ты чего такая злая с утра пораньше? Что тебе бедная птица сделала? — спросила она.

Шахмаль почувствовала себя вором, застигнутым на месте преступления. Тело взмокло от пота. Все шаги, предпринятые ею, чтобы избежать стычки, оказались напрасными. Сказанное соседкой лишь подтвердило опасения Шахмаль: эта женщина слышала кукареканье в неурочный час и ее слова — замаскированная издевка. Шахмаль собрала все свое мужество и сказала:

— С чего это мне злиться? Просто петух не дает бедным курочкам подобраться к зерну. А я его отпугиваю.

— Это все оттого, что он новенький. Просто надо подождать, и завтра он уже будет сам их кормить, вот увидишь, — рассмеялась Джани Кожа-да-Кости.

— Может, оно и так, да только еще вопрос, оставим ли мы его. Мы ж его вообще-то на мясо купили, — Шахмаль хотела, чтобы последнее слово осталось за ней. — Мы его еще вчера хотели зарезать, но потом решили до утра подождать.

— Но зачем? Зачем его резать-то? — Видимо, Джани Кожа-да-Кости надеялась, что если у соседей будет свой петух, то ее собственного оставят, наконец, в покое. — Посмотри, какой он красивый. И голосит впечатляюще.

Шахмаль побледнела. Значит, все-таки слышала; иначе зачем бы ей нахваливать его голос? — подумала Шахмаль. Однако решила этот пункт в своем ответе проигнорировать:

— Ха, неужели ты думала, что я стану держать у себя этих грязных, вонючих петушков, от которых буквально ломится рынок? Мы пока не нашли породу, которая нас устроит. Но нам уже пообещали подобрать то, что надо.

Джани Кожа-да-Кости была в замешательстве. Ее удивила странная холодность Шахмаль — не она ли вчера превозносила своего нового петуха до небес? Но, возможно, это шпилька в ее адрес — мол, она держит у себя завалящего петушка. Она уже было приготовилась дать соответствующий отпор, но Шахмаль ушла в дом. Джани пришлось проглотить свой гнев.

Раздувая самовар, Шахмаль не могла отделаться от мыслей о петухе. Нужно заставить мужа зарезать его; а если муж заартачится, отнести петуха к Самаду, который режет кур для всей округи. Посмотрим, как он поспорит со мной, когда я поставлю перед ним тарелку с обедом.

Когда Гулам Хан вернулся из мечети, Шахмаль налила ему чашку чаю и строго сказала:

— Пей свой чай, а потом иди и прикончи этого петуха. Подумай, что скажут соседи? Мы разве не живем рядом с ними?

— А что соседям за дело до всего этого? — спросил Гулам Хан, жуя кусок хлеба. — Сейчас не месяц Рамадан на свете, чтобы спорить о рассвете.

— Ну да, ты только и умеешь, что спорить и языком молоть. — И через паузу: — Если не хочешь делать это сам — не делай. Я сама тогда по-

кончу с ним — отнесу к Самаду. Неужто ты думаешь, я стану откармливать такое чудовище?

— Делай, как хочешь, — Гулам Хан завершил дискуссию, — только больше не проси меня покупать петуха.

— И не буду. Как будто в городе петухов мало, — Шахмаль яростно дунула в самовар. — И потом, петух Джани Кожа-да-Кости все время отирается у нас во дворе, так на что нам еще один?

Шахмаль хотелось избавиться от петуха любым способом. Ее переполняло глубокое отвращение к нему. Ей все время мерещились белые зубы соседки, смеющейся над ней. Хлопанье петушиных крыльев звучало в ее ушах словно насмешки Джани. Ей казалось, что петух — главная причина всех ее несчастий и унижений.

Как только Гулам Хан ушел на работу, Шахмаль отправилась проверить, на месте ли Самаду. Он жил через два или три дома; резать соседских петухов было его профессией. Были еще двое, владеющие этим ремеслом, но Самаду был признанным экспертом по сворачиванию шей.

Самаду был дома. Он заметил Шахмаль в окно и, догадавшись, зачем она к нему пожаловала, сказал:

— Давай, приноси. Я прикончу его прямо сейчас. Но имей в виду, что я приду к вам на обед. Не думай, что весь праздник достанется только вам двоим!

— Приходи, пожалуйста! — сказала Шахмаль.

С легким сердцем и с улыбкой на устах шла Шахмаль домой. Она была счастлива, что снова может держать голову высоко; больше не придется ей выслушивать с утра до вечера язвительные насмешки Джани. Однако странная картина предстала перед ее глазами. Когда Шахмаль вошла во двор, она увидела куриц, забившихся в угол. Петух Джани и ее собственный отчаянно дрались друг с другом, поднимая вокруг себя облака пыли. Сама Джани Кожа-да-Кости с удовольствием наблюдала за петушиным боем из окна. Шахмаль углядела радостную улыбку на лице соседки. Та, видимо, была уверена в победе своего петуха — может быть, потому, что его гребешок был хоть и меньше, но толще, бородка прочно прижата к горлу, а крепкое телосложение придавало ему вид прирожденного бойца. К тому же он победил в бою всех окрестных петухов.

Краска сбежала с лица Шахмаль, сердце бешено заколотилось.

Перья на шеях у петухов вздыбились правильными кольцами. Головы дрожали и тряслись от ярости. От этого дрожания перья у птиц были наэлектризованы. Их тела напряженно вытянулись, хвосты распушились. Они испепеляли друг друга взглядами, вытягивали дрожащие шеи, посылая сигналы гнева и ярости. Петухи бесстрашно атаковали, нанося друг другу раны острыми клювами.

Когда Джани Кожа-да-Кости заметила Шахмаль, входящую во двор, она самоуверенно уселась у окна так, чтобы ее сразу было видно:

— Конечно, шансы моего тощего петушка невелики перед твоим красавцем за четыре с половиной рупии. Но поди отговори осла рисковать. Пустая затея.

Затем, умерив саркастический тон, она добавила:

— Но хочу предупредить тебя. Мой петух наверняка уделает твоего. Кстати сказать, он победил всех петухов в округе.

Сердце Шахмаль упало. Но что она могла ответить? События приняли ошеломляющий оборот. Она даже заподозрила, уж не подослала ли Кожа-да-Кости своего петуха во двор Шахмаль специально. Ее снедало непреодолимое желание схватить петуха Джани и свернуть ему шею. Но Шахмаль справилась с собой и принялась защищать свои позиции, пока ее не подняли на смех.

— Пришлый петух всегда гонит прочь местного. Не слыхала старой поговорки? Хотя мой петух не бойцовый. Он другой породы, как тебе известно. Поэтому-то он такой дорогой.

Тем временем драчуны устроили настоящее петушиное побоище. Они выдирали друг из друга перья, из ран сочилась кровь. Джани Кожа-да-Кости крепко ухватилась за подоконник, ее голова дергалась, а лицо вспыхивало при каждой новой атаке петухов.

Шахмаль тоже вся сжалась в тревожном ожидании. Она была ужасно раздосадована и опечалена тем, что происходило на ее глазах. Вид петуха Джани внушил ей такой ужас, что она неслышно насылала на него проклятья: "Чтоб твой клюв на кусочки развалился! Чтоб твои лапы паралич хватил!"

На петухе Джани кровь была не очень видна из-за того, что он был рыжий в черную крапинку. Но петух Шахмаль, белый без единого пятнышка, казалось, был просто залит кровью. Видя это, Шахмаль не могла уже больше сдерживаться и выдала:

— Пусть все беды свалятся на негодника! Пусть паралич скует его острый клюв!

— Полегче, Шахмаль, не принимай все так близко к сердцу, — сказала Джани Кожа-да-Кости, притворно улыбаясь. — Просто дождись, пока один из них даст деру, чтобы спастись. А чего ты, интересно, ожидала? — И добавила насмешливо: — Вонючие петушки — не такая уж и дешевка.

Отчаяние Шахмаль достигло предела. Все несчастья одно за другим свалились на ее голову, стоило появиться этому петуху. Она собралась было ответить Джани таким же язвительным тоном, который, как она знала, выведет из себя соседку, владевшую искусством острой пикировки ничуть не хуже Шахмаль. Это неминуемо привело бы к обмену резкими оскорблениями, к словесной баталии, если бы один из петухов внезапно не бросился в панике прочь. Это был петух Джани Кожа-да-Кости, а петух Шахмаль принялся гонять его кругами по двору.

Шахмаль подумала, что соседка, должно быть, вся взмокла от пота — ее лицо стало цвета той стороны сковороды, которая вымазана сажей. Было совершенно очевидно, что Джани изо всех сил старается сделать вид, что исход битвы ей совсем не интересен.

— Так ты собираешься зарезать этого петушка? — спросила Джани, подперев рукой подбородок. — Может, послушаешься совета и не станешь этого делать?

— Да ты что, поверила мне? — сказала Шахмаль и тряхнула головой, чтобы лучше стали видны ее серебряные серьги. — Мой петух может иметь тысячу недостатков, он может даже кукарекать на пороге ночи, но это все ничего для меня не значит, раз у него такой бойцовский характер. Именно такого петуха я и хотела. А на рынке одни вонючие недокормыши.

Ашок Ваджпейи

Приди

Приди!
Как тьма сливается с тьмою,
Как вода –
с солнечным светом,
слейся со мною!

Приди!
Укрой меня,
Как древо – корою;
Укрась, как тропинку
Зеленой травою.

Прими меня,
Как тьма земли принимает корни деревьев,
Как вода уловляет отраженье луны,
Как вечность вбирает в себя
Бренное время...

Перевод с хинди Равиля Бухараева

Гульзар

Книги

Они пялятся на нас
Из-за стекол запертых книжных шкафов;
Они тоскующе смотрят на нас
Месяцами, пока мы не видимся.
Вечера, посвященные им,
Отданы ныне компьютерному дисплею.
Они так тоскуют сейчас, эти книги,
Они взялись бродить и скитаться в своем летаргическом сне,
Пялясь на нас в своей горькой печали.

© National Book Trust, India
© Равиль Бухараев. Перевод, 2009
© Дмитрий Веденяпин. Перевод, 2009
© Лев Оборин. Перевод, 2009
Редакция благодарит Ашока Ваджпейи, Гульзара, Литературную академию Индии (Sahitya Akademi) за любезно предоставленную возможность безвозмездной публикации стихов на страницах журнала.

Тех ценностей, которые они отстаивали,
Тех ценностей, чьи батарейки никак не кончались,
Уже не сыскать в домах,
Людские узы, о которых они говорили,
Давно разорваны.
Переворачиваю страницу — и вздох раздается:
Значение многих слов навеки утрачено,
Они торчат, как срубленные голые пни,
Которые уже никогда не вырастят смысла,
Сотни традиций выброшены на свалку,
Как черепки глиняных чашек,
Замененных стаканами для коктейлей.

Каждая перевернутая страница
Дарила новый вкус языку.
Ныне щелчок пальца
Вызывает на экран образы, рой за роем,
Та связь с миром книг, что была, утрачена ныне.
Когда-то мы спали с книгами на груди,
Держали их в объятьях,
Устраивали их на коленях,
Склоняя над ними голову, как в молитве,
О конечно, мир знаний еще существует,
Но что приключилось
С засушенными цветами
И благоуханными посланьями,
Спрятанными промеж книжных страниц?
Как быть с той любовью,
Что возникала,
Когда обменивались книгами,
Когда встречались в библиотеках?
Увы, разве станется это когда-нибудь вновь?

Перевод с урду Равиля Бухараева

А. Джайяпрабха

Безмолвие

Иногда
Тишина,
Как музыка,
Чаще —
Как пустыня.

Печаль похожа
На беззвучную
Песчаную бурю.

Глаза у тишины
Грустные,
Как у коровы.
Непроизнесенное слово
Падает
В колодец безмолвия.
Порой тишина красива,
Однако, чаще она
Как непроходимые джунгли
Или пропасть
Без конца и края.

Ночи
Бывают безмолвны,
Как окутанные тьмой
Небеса.
Часы не бьют —
Жизнь каменеет.

Равнодушие —
Обратная сторона молчания,
Мало кто
Способен его вынести.

Хорошо, если безмолвие
Распускается тысячей лепестков
Или грохочет,
Как пушка.
Страшно,
Когда оно превращается
В засохший осенний лист,
Увядший цветок
В погребальном костре,
Пронзительную мелодию
Печали.

Одиночество

В полном одиночестве
Гоняться по морям
За призраками.
Не имея ни отдыха,
Ни награды.

Одиноко
Вглядываться вдаль,
Забрасывать сеть, в которую запутывается
Только ее собственное сознание.

Только пустота теребит крючок,
Только боль и безмолвие,
Мучительные
И безысходные.
Стоит вытащить леску,
И она превращается в сомнение.

Ночью слезы
Становятся морями,
Волны
Смывают
Воспоминания.
Жизнь набегает,
Как волна, и она
Рассекает ее, как лодка.

Вечно одна,
Вечно в плаванье,
Прилив — отлив,
Прилив — отлив.

Бездомная девочка

В мире,
Согревающемся
Вином
И страстными поцелуями,
Она спала,
Свернувшись клубочком
На ледяном полу,
В подвале
Среди стиральных машин.
Одна
На целом свете,
Не имея
Даже какого-нибудь жалкого пальто,
Чтобы укрыться.

Услышав сквозь сон
Наши шаги,
Она, должно быть, испытала неловкость
Оттого, что лежит вот так
У нас под ногами.
Возможно, она была сиротой,
Наверняка —
Нищей.
Жертва предательства
Или наркотиков,

Она пряталась от мира
В этом промозглом
Подвале.
Стараясь не шуметь,
Мы смущенно вышли,
Оставив ее лежать на полу
Как опавший листок.
Но весь день
В той далекой непонятной стране
Ее несчастное испуганное лицо
Кололо нас, как заноза.

Сукумаран

Очарованный музыкой

Посвящается Сафри Хан

Солнце едва просвечивало
сквозь облака.
Волны, набегая на песок,
смывали мои следы.
Музыка струилась,
чаруя.
Слух
наполнила Жизнь.
Боль трепетала,
обнимая
весь
мир.

Я поднял глаза:
в промытом воздухе
ослепительно
сияло солнце.

Летние заметки-5

Никуда не пойду сегодня.
Жара
просто невыносимая!
О, если бы можно было
выскользнуть из своего тела
и стать

любовными письмами того,
кто распивал чай с солнцем;
стихами того,
кто, покинув мать и возлюбленную,
поднялся на плато смерти;
лодкой,
уносимой вдаль
музыкой скрипки.

Растрескавшаяся от зноя
земля
замерла в ожидании дождя.

Я здесь

Спасибо, что интересуешься.
Представь себе змеиную кожу,
Которую волокут муравьи, –
вот моя жизнь.

Тому, у кого есть крылья,
тесно
Внутри яйца.
А стоит вылететь,
тут же врезаешься
в москитную сетку.

То и дело
выдергиваю
угодившие в меня стрелы.
Но сердце болит
и рвется на части.

Это любовь.
Не сочувствие,
ожидающее
блудного сына;
не муки того, кто,
голодный, бредет по земле,
мечтая
о горстке горчичных зерен;
не страх бедняка,
что не на что будет купить гроб
ребенку,
не знавшему колыбели.

Это любовь,
Острая, как лезвие бритвы.

Истина
вьется,
как стриптизерша
вокруг шеста.

И все же
я здесь,
как непрошеные слезы,
выкатившиеся из глаз, переполненных горем,
как томительное ожидание
поезда, который
все не приходит,
как неистовый звук ситара,
настроенного на самый высокий тон,
как ледяное спокойствие того,
кто так и не смог совершить самоубийство...

Гаган Гил

Памяти Канжики

Мы никогда не узнаем,

За сколько веков-минут
Звезды рассыпались по небу,

Почему одна из галактик
Оказалась за гранью творения,

Как — с ужасающим грохотом тонущих кораблей —
Возникали океаны,

А существа с еще не огрубевшей кожей
Появлялись из земли.

Мы никогда не узнаем,

Как птицы
Замерзали на лету,

Наши предки
Забывали дорогу домой,

Замирали кошачьи вопли,
Сухая древесина делалась волглой,

А волосы седели
Под черепами.

Мы никогда не узнаем,

Почему ты отложила карандаш,
Не доделав уроков.

"Мира, иди домой,
Мира, иди со мной!" —
Написала ты.

Твое платье
Осталось висеть на плечиках,

Твои туфли
Исчезли вместе с тобой.

Мы никогда не узнаем,

Что произошло, но когда
За твоим телом приползли муравьи,
Мы точно знали, что Время пришло.

Дни поминовения

Порой в дни поминовения с небес сходили наши матери. И мы вместе готовили подношения отцам. Возносили в небеса ароматы разных кушаний. Лишенные наших молитв матери блуждали на нижних небесных уровнях. Мы не заботились об их покое, полагая, что и сами они не слишком к нему стремятся.

Отцы не сразу являлись на пир. Чувствовалось, что им хорошо в заоблачных селениях. Насытившись, они оглядывали наши взволнованные лица с тем же равнодушием, что и при жизни... Мы не ухаживали за матерями, хотя они находились тут же, рядом с отцами.

Мы без устали носились туда-сюда, и наши матери вместе с нами. Однако воду для возлияний мы всегда подавали только нашим отцам.

Три сестры

Это всегда происходит в темноте. Не видно ни его лица, ни его страданий. Он запихивает вещи в чемодан. С грохотом распахивает дверь и сбегает по лестнице. Его самого уже нет —

но его глуховатый голос явственно осязаем во мраке. И отчаянное желание оказаться как можно дальше.
Три дочери наблюдают это из года в год. До самой старости. Папиного лица так и не видно. Три сестры съежились на одной кровати. Им навсегда восемь, шесть и два.

Туннель

Когда-то у туннелей было метафизическое и экзистенциальное значение. Те, кто прошли сквозь них, оказывались в другом, неземном мире. Там встречал их вестник, посланец богов. О чем именно они говорили, точно не известно, но, похоже, после этих бесед к здешней жизни они уже относились терпимее.
Туннели позволяли выговориться. В темноте можно было высказать то, чего нигде больше не скажешь.
Но и в те стародавние времена попасть в туннель удавалось совсем немногим. Найти свой туннель было порой ох как непросто. А жуткие сцены предательства иногда разворачивались и там.
Тайна, будь она метафизическая или экзистенциальная, небезопасна.

Перевод Дмитрия Веденяпина

Джой Госвами

Похоронный плач

Дорогая сестра, ты помнишь,
как на нас глядели соседи
в день, когда мы взяли
тело нашей матери,
плывшее по реке огня?

Старейшины приблизились — длинные клювы, мохнатые шеи
— Слушайте, суд выносит решение:
“Вам не дозволено кремировать тело”.
Так сказали.

Той ночью мы ушли из деревни
с телом матери на плечах.
Над нами горела Луна. Ядовитые топи
мы прошли; и прошли
известняковые и соляные пещеры.

Пальцы мои отломились.
Груди твои иссохли
от язвящих паров известняка.
Были мы гробоносцы, некормленые, немытые.

Пришли мы тогда в землю мертвых деревьев.
С ветвей свисали шкуры мертвых животных.
Положили мы ее скелет
на берегу реки,
последней реки земли.

Слушай, сестра дорогая, не станем жечь эти кости.
Лучше положим их
в дупло дерева.
Мы не смогли узнать, но те, кто придет за нами —
ужели они не узнают, что с ними делать?

Грибы на нас растут, по всему телу.
Теряем глаза, горят пустые глазницы.
Я не помню, был ли когда я мужчиной.
Ты не помнишь, когда у тебя было последнее очищение.

На востоке заря занимается, встает череп Солнца,
сзади вечер подкрадывается, как транс,
а мы, похитители тел,
сидим
на последнем земном
месте сожжения.

Юмлембам Ибомча Сингх

Следующее рождение

В следующем рождении
Я буду незаконнорожденным
И ты тоже
И тогда на базаре
Под ничьей крышей
Мы встретимся, ты и я,
Свободно.

В следующем рождении
Выйдя из тела матери
Я тяжело наступлю ей ногой на грудь
И улечу на крыльях
Не выпив ни капли ее молока

Вылечу через узкий дверной проем
Буду расти как уличная собака
Слоняться где захочу
Никем не кормимый
Один нелюдимый.

Ты тоже будешь расти без родителей
Пусть когда ты родишься
Твоя мать умрет
Не даст тебе ни капли своего молока
Тебя никто не будет любить
Ты никого не будешь любить
Не ешь ничего что тебе предложат
Ты будешь существовать так
Красть
Умыкать
Вырывать у других изо рта
А потом мы встретимся, ты и я.

Мы встретимся потому что
У жизни не будет цены
Хотя бы на этот миг
Мы сможем обнять друг друга без страха.

Перевод Льва Оборина

Баби Халдар
Не совсем простая история

Перевод Е. Скрылевой

ПОКА мне не стукнуло четыре, я вместе с родителями, братьями и сестрой жила в Джамму и Кашмире, где работал папа. Там было красиво: высокие-превысокие горы, много цветов. Потом мы жили в Муршидабаде. А когда папу перевели в Далхауси, снова пришлось переезжать. Далхауси похож на Джамму и Кашмир. Здесь тоже часто шел снег, снежинки кружили пчелиным роем, мягко падали на землю. А в дождь, когда на улицу ходить было нельзя, мы играли в доме или смотрели в окна. Нам нравился Далхауси, мы там жили долго. Каждый день ходили гулять. Просто смотрели на цветущие горные склоны и радовались. Во что мы только не играли на тех лугах, а когда над горами вставала радуга, сердце мое переполняла радость.

Мы плакали, когда папа снова повез нас в Муршидабад к моему старшему дяде, Джетхе. Папа снял там дом и отправил нас в школу. Скоро он уехал в другой город и каждый месяц присылал маме деньги. Сначала переводы приходили часто, потом все реже — раз в несколько месяцев. Мама еле-еле сводила концы с концами. Постепенно письма прекратились. Мама все писала и писала папе, но он молчал. Поехать к нему она не могла — это было слишком далеко. Несмотря на все трудности, мама не позволяла нам бросить учебу.

Папа приехал через несколько лет. Как мы ему обрадовались! Но через месяц или два он снова уехал. Поначалу деньги приходили исправно, но все повторилось сначала. Мама злилась, часто срывалась на нас. Жаловалась дяде Джетхе, но его семья тоже нуждалась, поэтому он не мог нам помочь. А тут еще диди, моя старшая сестра, стала взрослой, и маме прибавилось головной боли. Никто из папиных друзей, к которым обращалась мама, не в силах был взвалить себе на плечи еще одну семью. Мама хотела устроиться на работу, но все же не решилась. Тогда бы ей пришлось уходить из дому, а раньше она никогда не выходила надолго. Да и куда ее взяли бы? Что бы про нее подумали? Но мыслями о том, что скажут люди, сыт не будешь.

Папа приехал вдруг, без предупреждения. Мама стала плакать. И мы вместе с ней. Дядя Джетха и все соседи стали говорить, что нехорошо уезжать так надолго, но он не желал слушать. Взял и снова уехал. Мама прямо с ума сходила. Мне было все же лучше, чем ей: у меня были друзья, особенно Тутул и Долли, с которыми можно было поболтать, — они меня любили.

Bengali original copyright © Baby Halder 2004
Translation copyright © Urvashi Butalia 2006
© Е. Скрылева. Перевод, 2009

Вскоре после отъезда папа написал письмо: он выходит на пенсию и возвращается домой. Мы так радовались. Но к нам вернулся несчастный человек. Ни с нами, ни с мамой не разговаривал, из-за любой мелочи выходил из себя. Теперь мы его боялись, старались не попадаться ему на глаза, прятались.

Диди стала совсем взрослой, и мама очень волновалась за нее. Мой младший дядя из Каримпура написал, что нашел ей мужа. Прочитав это письмо от Чачи, папа быстро собрался и, не сказав никому ни слова, уехал с моей сестрой в Каримпур. Мама страшно расстроилась. Она твердила, что больше так не может, и взывала к небу: да когда же она наконец вздохнет спокойно? И вдруг взяла на руки младшего братика и ушла из дому навсегда — силы ее иссякли...

Школу я любила так же сильно, как ненавидела дом. Меня никогда не тянуло домой после уроков — там никто не замечал, как я хорошо учусь, — не то, что в школе. Дни, когда занятий не было, тянулись бесконечно. Я скучала по маме и диди и при любом удобном случае убегала к друзьям. Я так любила играть с ними! *Кит-кит, лукочури, румалчури*, мы веселились вовсю, и время текло незаметно.

Я не пропустила ни одного урока. В школе никто не знал, что у меня частенько во рту с утра ни крошки. Я никому не жаловалась. Боялась папы. Однажды за мной зашла подруга — мы вместе ходили в школу. Я тут же собралась. Она сказала, что я еще успею позавтракать, а я выпалила в ответ, что есть у нас нечего. Это услышал папа. Я не знала, что он дома, иначе ни за что бы не призналась. Когда я вернулась из школы, он избил меня так, что я три дня встать не могла и еще долго не ходила в школу. <...>

Однажды ночью, через несколько дней после отъезда дяди Джетхи, я встала в туалет. По дороге в темноте разглядела папу и тихо спросила: "Что случилось?" Он хотел ответить, но запнулся и сказал: "Ничего. Все хорошо" — и привлек меня к себе. Он плакал. Тьма скрыла эти слезы от моей мачехи[1], зато она прекрасно видела, кого обнимает отец. Зачем она молча подглядывала за нами, я так и не поняла. Но после той ночи ссоры между родителями не прекращались, я часто слышала, как они говорят, что чем быстрее меня выдадут замуж, тем лучше. Мы с папой отдалились друг от друга, и я стала его избегать. И как ей могли прийти в голову такие грязные мысли о двенадцатилетней девочке и ее отце? Просто уму непостижимо, но мачеха только об этом и думала. Жить с ними было невмоготу. От стыда я не могла глянуть в глаза соседям.

Из-за домашних ссор даже школа мне стала в тягость, а ведь еще совсем недавно я ее так любила. Порой мне, как и маме, хотелось сбежать из дому. Только куда, спрашивала я себя. Время шло, но эти мысли меня не оставляли. Отец сильно изменился. Я больше не была отрадой его души, а стала бельмом на глазу. Он взрывался из-за любой мелочи. Я даже засомневалась: а вдруг я правда плохая и раздражаю всех, не только родителей?

1. Отец Баби Халдар женился вторично. *(Здесь и далее – прим. перев.)*

Я перестала подслушивать разговоры, но бесконечные перепалки отца и мачехи измучили меня. Когда они говорили, что я снова все делаю не так и что от меня пора избавляться, я в слезах убегала из дому. Однажды я не выдержала и сказала папе, что хочу вернуться к *пиши-ме*[1].

– Ты же только оттуда, – удивился он. – Что о тебе подумают?

Они с мачехой были категорически против, но я уперлась, и им ничего не оставалось, кроме как согласиться. Папа, видимо, понял, что, если я не уеду, покоя в доме не будет. <...>

Так мы и жили, и не успела я оглянуться, как до моего тринадцатого дня рождения остался всего месяц. Однажды я увидела, что папа и мачеха возвращаются с базара с полными сумками овощей. Они отдали их мне, и я осторожно все вынула. Выйдя во двор, я увидела чемодан. На вопрос, что в нем, папа ответил: вещи на свадьбу. Мачеха открыла чемодан. Какая там была красота! А на следующий день папа принес еще одеяло, матрас и подушку. Я была так счастлива! Перед домом соорудили навес. По всей округе играла музыка. Сначала я не принимала участия в подготовке к свадьбе, играла с друзьями во дворе, но потом мачеха велела мне сесть на *пиди*[2]. Она натерла меня пастой из куркумы. Пришли еще женщины. Мне сказали, что сегодня я ничего не должна есть. Странно, подумала я, ведь посты держат во время религиозных праздников, а ни одного в те дни не было...

Баби до сих пор удивляется[3], как случилось, что в тот тяжелый день ей было так весело. Она и не подозревала, что с этого дня начнется горе и боль, не догадывалась, что ее ждет в будущем.

Я вышла замуж в среду. Но всю ночь я проболтала с местными девчонками и старухой-соседкой. На следующий день, в четверг, мачеха сказала, что не оставит меня одну в такой день, и он сразу стал похож на все остальные: я занялась работой по дому и забыла обо всем. То и дело прыгала, пела, играла. Ни в моих глазах, ни в глазах мачехи не было слез. Я была беззаботна и счастлива, и все время смеялась. Ближе к вечеру помылась и переоделась. Сначала достала платье, но тетя, увидев его, захохотала:

– Нет, не это. Вынь сари.

Я не умела надевать сари. Накануне, в день свадьбы, мне помогли одеться. Теперь пришлось просить тетю мне помочь.

В пятницу меня одевала соседка. Та, что помогала и в день свадьбы. Мы с мужем сели в такси. Следом – мама, *маси*[4] и брат. Куда мы едем и зачем, я не знала. Тетя на прощание протянула мне в *анчал*[5] горсть риса и чечевицы и прошептала, что я должна отдать его мачехе со словами: "Вот моя плата за то, что ты кормила меня, одевала и ухаживала". Я сделала, как было велено. Папа, услышав эти слова, заплакал. И я вместе с ним. Тогда он разрыдался еще громче. Он взял нас с мужем за руки и сказал:

– Сын, отдаю тебе свою дочь. Будь добр к ней. Она сирота.

1. Пиши-ма – тетушка (сестра отца).
2. Пиди – низкая деревянная скамеечка.
3. Рассказчица иногда говорит о себе в третьем лице.
4. Маси – тетка, сестра матери.
5. Анчал – край сари.

Машина тронулась. Муж жил рядом – на автобусе мы бы заплатили всего три рупии. Там нас уже встречала соседка. Она взяла меня за руку и ввела в мой новый дом. Собрался народ, мне предлагали конфеты, упрашивали поесть, но мне было так страшно, что я просто рта не могла раскрыть! Тетя и дядя даже заставляли меня – бесполезно. Я уставилась на собравшуюся толпу и все тут.

Вечером пришла женщина. Одела меня, покрасила мне *синдуром*[1] пробор на голове. Я сидела в углу не шевелясь. В комнату заходили люди, посмотреть на новобрачную, и я покрыла голову, как и сказала мне мачеха. Гости давали мне деньги, кухонную утварь и другие подарки. Затем все сели за стол – есть. После обеда на улице закричали, что пора выводить невесту. Одна женщина взяла меня за руку и повела к остальным гостям. Она дала мне поднос с конфетами и сказала:

– Вот, раздашь гостям, положишь по две штучки на каждый лист *паттала*[2].

Я нервничала, у меня так тряслись руки, что всякий раз, кладя конфеты, я не могла попасть, куда надо! И не знала, что делать: поправлять *паллу*[3], чтобы не сползала, или подавать конфеты...

И вот я осталась с мужем одна. Я смотрела на него и думала, что будет дальше. Но он не говорил ни слова. Я молча наблюдала за ним. Он ходил по комнате, прибирал что-то, потом постелил коврик на *чоки*[4] и велел мне лечь. Я тут же заснула. Посреди ночи проснулась и увидела, что он сидит рядом! От страха сразу села, потом положила коврик на пол и снова легла спать. <...>

Месяца через два я поехала от папы к старшему брату, и там мне стало плохо. Целую неделю тошнило, я не могла есть, все лезло обратно. Сандхья, невестка, спросила, когда в последний раз у меня были месячные. "С тех пор как вышла замуж, ни разу", – ответила я. "Веди ее к врачу", – сказала она моему мужу. Но он и не думал слушаться. Тогда Сандхья решила сама отвести меня в государственную больницу. Прибыв туда, мы не знали, куда податься, и спрашивали всех подряд, к кому нам идти. Выяснилось, что беременных осматривают только по вторникам и пятницам. Мы вернулись домой не солоно хлебавши, а в пятницу снова пошли в больницу. Там мне велели заполнить анкету и вызвали в кабинет. Докторша задавала мне вопросы, но, онемев от страха, я ничего не могла ответить. Тогда она спросила, с кем я пришла, и велела позвать мою диди. Пока она расспрашивала Сандхью, я сделала все, что мне сказали, и легла на кушетку. Докторша меня осмотрела, все внутри прощупала:

– Да, девочка беременна. – Я тут же села, онемев от ужаса, а Сандхья рассмеялась.

Дома я так и не смогла сообщить эту новость мужу. Это сделала Сандхья:

– Ну вот. Все, как я тебе и говорила.

1. Синдур – алая краска; нанесение синдура на пробор – часть свадебного ритуала, такой пробор – знак замужней женщины.
2. Паттал – листья банановой пальмы или салового дерева, на которые кладется еда.
3. Палла – свадебное покрывало.
4. Чоки – деревянный лежак, кровать.

— Что случилось?

— Перво-наперво раздай соседям конфеты, — ответила Сандхья.

Она рассказала все сначала моему мужу, потом своему. Это, наверное, хорошая новость, подумала я, раз они так радуются.

Через два дня приехали папа и мачеха, и Сандхья тут же им все рассказала.

— Ты слышал? — спросила мачеха у папы. — У нас скоро будет гость, — и засмеялась.

Но папа промолчал. А когда они уезжали, я подслушала их разговор:

— Рани, разве рожать в таком юном возрасте безопасно? — спросил папа у мачехи.

У мачехи своих детей не было, но за свою жизнь она видела много всего и сказала:

— Конечно. Баби справится.

Отец и мачеха уехали, а я пошла за водой. <...>

Халдар-да, говорили люди моему отцу, ваша дочь уже на седьмом месяце, пора устроить ей *садх*[1]. Я не знала, что это такое и как его едят, но так обрадовалась, когда папа и мачеха забрали нас к себе! Они сходили на рынок, купили овощей, мяса, рыбы и всяких вкусностей. А еще — подарили мне сари и блузку. По такому случаю приехала сестра мачехи, которую мы звали бади-ма, с тремя дочерьми. Она приготовила обед, а мачеха сделала *кхир*[2]. Пока гости разговаривали, мачеха положила *кхир* в миску, взяла корзину, высыпала овощи на пол, перевернула ее и накрыла кхир.

Мачеха сказала папе, что ему пора купаться, но он ответил:

— Давай сначала с Баби закончим.

Мачеха положила в *тхали*[3] кхир и семь разных овощей и отправила меня надевать сари. Я переоделась, пошла к гостям и наклонилась к ступням папы, чтобы дотронуться, но он их спрятал. Я в изумлении выпрямилась.

— Не могу принять ее почести, — сказал папа, глядя на мачеху. — А если у нее в утробе змея? Или лягушка? Или бог?

Тогда и бади-ма не позволила мне ее касаться.

— Садись и ешь первая, — велела она мне. — А мы потом.

Когда я села за стол, мачеха открыла кхир. Если он свернулся, значит, родится девочка, если нет — мальчик. Кхир не свернулся.

— У нас будет мальчик! Мальчик! — воскликнула мачеха.

Папа тоже обрадовался, и все соседи пришли к нам, узнав о том, что будет мальчик, и я слышала по их крикам и смеху, как они радуются....

На следующий день бади-ма и папа отвезли меня домой. Всю дорогу бади-ма рассказывала, что я не должна выходить из дому по вечерам одна — только в сопровождении мужа. Попрощавшись с ними, я вошла в дом. Там была такая грязь, что я тут же выбежала на улицу. Меня не было всего один день, а дом уже превратился в бог знает что. Муж у меня

1. Садх (*бенг.* "желание") — обычай кормить беременную женщину вкусной едой, которую ей хочется.
2. Кхир — сладкое сгущенное молоко.
3. Тхали — тарелка, блюдо.

вообще был неряха. Почти никогда не чистил зубы толком, да и умывался через раз. Я терпеть не могла доедать из его тарелки. Когда я говорила, что зубы нужно тереть щеткой, он не обращал внимания. Не знаю, как он умудрялся доводить наш крошечный домик до такого состояния. Он ни разу не взял в руки веник, а если я уезжала на пару дней, то по возвращении меня ждала гора протухшей грязной посуды. Я каждый раз через силу переступала порог дома, напоминая себе, что он мужчина, а значит, ему все можно. Объяснять ему что-либо было бесполезно, он будто не слышал меня вообще...

Иногда мне до того надоедало сидеть в четырех стенах, что я выбегала на улицу посмотреть, как играют дети. Мне так хотелось побегать вместе с ними! Однажды я засмотрелась, как они гоняют в *гулли данда*[1]. И вдруг гулли упал к моим ногам. Я бросила его обратно, но, стоило мне до него дотронуться, как, сама того не понимая, подхватила его и понеслась в поле, к ребятам. Я не заметила, как пролетело время, и вдруг один из мальчишек схватил меня за руку:

— Диди, тебя зовут.

Возле моего дома собрались женщины. Они все смотрели на меня. Одна из них махнула, чтобы я подошла. Я подошла, и она начала меня распекать:

— Ты что творишь? А если животом ударишься? Посмотри на себя! Еле ходишь! Куда тебе в поле мяч гонять? А ну, марш в дом!

Мне стало стыдно, и я убежала в дом. Соседки начали смеяться, а детвора громче всех:

— Посмотрите на *бауди*[2]! Еле ходит, а все равно играет в гулли данда!

Я сама чуть не расхохоталась. В такие минуты мне казалось, что жить с мужем не так уж плохо. В доме отца мне бывало тяжело из-за вечных ссор. А с мужем мы жили вдвоем, дома он почти не бывал. Сначала бил меня, потом шел на работу, а я, чтобы успокоиться, смотрела, как играют дети, или шла к Сандхье, которая всегда была на моей стороне. Сандхья как-то раз сказала моему мужу, что он должен кормить меня тем, чего мне хочется. Тогда ребенок в моем животе никогда не будет голодным. И я, дурочка, поверила, что муж ее послушает. Размечталась, что бы такое у него попросить. И придумала: *чоп мунди*[3]. От одной этой мысли я заулыбалась. Я была уверена, что он мне не откажет. И не могла дождаться вечера, чтобы улучить минутку и поговорить с ним. Я была настроена решительно, даже развеселилась. Тут я вспомнила, что по вечерам он уходит. Может, поговорить сейчас? Но как? Мы за день едва обменивались парой слов. Я сказала себе, что надо хотя бы попытаться, а там — посмотрим, что будет. Пошла на кухню. Он сидел на стуле. Я не знала, с чего начать. Он смотрел на меня, а я на него. Чоп мунди мне просто так никто не даст, сказала я себе, собралась с духом, улыбнулась и попросила денег. Пришлось повторить просьбу несколько раз, прежде чем он вытащил деньги из *лунги* и швырнул мне их в лицо. <...>

1. Гулли данда — популярная в Индии детская игра, похожая на комбинацию бейсбола с гольфом; гулли — заостренная щепка, используется для бросания.
2. Бауди — невестка, жена старшего брата.
3. Чоп мунди — сладость, шарики в сахарном сиропе.

У меня начались боли. Прошло пять дней, а боль не проходила. Иногда отпускало, но, когда начиналось снова, я не могла найти себе места. Днем со мной сидела Сандхья. Она ухаживала за мной, уговаривала поесть, заставляла пить горячее молоко, чай или хотя бы просто кипяток, свято веря, что если я не поем, то ребенок не сможет родиться. Ночью я оставалась одна и кричала, когда накатывал очередной приступ боли. А муж спал и не обращал на меня внимания. На шестой день снова пришла *дай-ма*[1]. Она осмотрела меня и сказала, что надо еще немного подождать. Боль усиливалась, я все чаще плакала и кричала. В тот день дайма была со мной до вечера. Я ничего не ела, почти не спала целую неделю и была уверена, что скоро умру. На исходе шестого дня Сандхья-ди забеспокоилась, что ничего не происходит.

— Что ты себе думаешь, Шанкар? — спросила она у моего мужа. — Сколько времени прошло, а у тебя ничего не готово. Вези ее в больницу!

Около девяти вечера Сандхья с мужем, Шанкаром и дай-ма собрались везти меня в больницу. Сандхья-ди подала мне руку, чтобы я поднялась на ноги. Я заплакала — я была так слаба, что почти не могла передвигаться. Все будет хорошо, повторяли мне люди и помогли забраться в приехавший за нами грузовик. Потом уселись остальные, и машина тронулась.

Я, Баби, еще совсем девчонка, подросток, которому не исполнилось и четырнадцати, лежала в полном одиночестве в больничной палате, кричала и плакала. Соседки стали жаловаться, и Баби перевели в другую палату, положили на стол и привязали за руки и за ноги. Пришли *айя*[2] и медсестра. Баби закричала что было сил, и айя позвала врача. Доктор поставил Баби капельницу и заявил, что пациентка очень плоха.

— Не отходите от нее, — приказал он медсестре.

В десять вечера Баби почувствовала, как из нее что-то хлынуло. Не родился ли ребенок, спросила она айю и медсестру, и те захохотали. И тут Баби схватило так, что она от боли чуть с ума не сошла. Не будь у нее руки привязаны, она бы разбила все, что попалось под руку.

— Бедняжка, — сказала айя. — Боль такая сильная, а роды даже не начались. Подумай о Господе. Помолись Маха Кали[3], и все будет хорошо.

Баби послушалась.

— О, Господи, джай[4] Ма Кали, — воскликнула она, — нестерпима для твоей Баби эта боль! Отведи от нее мучения или забери к себе, но не оставь меня.

Пока Баби молилась, ее снова схватило, да так сильно, что она только и сумела, что выкрикнуть:

— Мама!

Айя и медсестра стояли у ее ног.

— Вижу голову, — сказала сестра айе. — Но ребенок пока не выходит.

И отправилась за врачом. Баби потеряла сознание. Врач перевязал Баби живот ремнем, прощупал его и сообщил, что ребенок перевернул-

1. Дай-ма — повивальная бабка.
2. Айя — двоюродная бабушка, тетка матери.
3. Маха Кали — одна из ипостасей Деви, жены Шивы, олицетворение грозной, губительной стороны его божественной энергии.
4. Джай (букв.: слава, победа) — восклицание при обращении к божеству.

ся. Сестра побежала за другим врачом. Руки и ноги Баби тряслись от боли, она так сильно сжимала ремни, что они лопнули. Ее тут же привязали снова.

— Мама! Мамочка! — звала Баби. — Я умираю! Спаси меня! Где ты?

Врач ухватил ребенка и вытащил на свет божий. Баби тут же успокоилась. Она сильно порвалась, нужно было ее зашить. Сестра принесла какие-то огромные и страшные ножницы и дала их врачу.

— Что он собирается резать? — испугалась Баби. — Я уже хорошо себя чувствую.

— Ничего страшного он с тобой не сделает. Лежи.

Баби слушала, как хнычет ее ребенок.

— Твой сын выбрал хорошее время, — объясняла ей айя. — Он вышел в десять минут после десятого часа в канун Джанамаштами. Весит три килограмма десять граммов. Прекрасный вес. <...>

Как-то раз после обеда, когда моему сыну уже исполнилось три месяца, я мыла во дворе посуду. Вдруг муж поднял голову и сказал: "Отец идет". Отец? Чей, интересно? Сначала я решила, что мой, но муж показал на дорогу:

— Вон, смотри.

И я увидела старика в белом, который смотрел то на меня, то на мужа. Я сильно удивилась. Муж пригласил старика в дом, я быстро принесла воды, чтобы омыть ему ноги. Старик с порога заговорил с мужем, а я осталась во дворе и услышала обрывки их разговора:

— Ты женился и ничего нам не сказал. Почему? Мало того, что ты и словом не обмолвился о свадьбе, но вот уже три года как ты не появляешься дома. Мать все время про тебя спрашивает. Мы так хотели устроить твою свадьбу, хотели привести невестку в дом. Мы даже о ребенке не знали. Хоть бы о внуке написал! — Помолчав, он продолжал: — Только скажи, и мы больше не будем тебе надоедать, смиримся с тем, что у нас нет сына.

Муж что-то ответил, но что — я не разобрала. Я развела огонь, заварила гостю чаю, принесла печенье. Кажется, свекор на меня злился. Но что я такого сделала? Откуда мне было знать, что у мужа есть родители? Он ничего о них не рассказывал.

Они продолжали разговаривать, а мне так хотелось взять сынишку и положить деду на руки. Только как он к этому отнесется? А если откажется? Может, стоит попробовать? Я взяла малыша и сказала дедушке:

— Ваш сын поступил плохо, но не сердитесь на невинное дитя. Вот, подержите.

Свекор улыбнулся и взял ребенка. Я пошла готовить. Поставила рис на огонь и спросила мужа, чем будем обедать. Он ответил, что сходит за рыбой.

— Невестка, — обратился ко мне свекор, когда мы остались одни. — Скажи, разве твои родители не интересовались, кто родные твоего мужа? Или твой отец, увидев неженатого молодого человека, решил тебя побыстрее выдать замуж?

— Баба, я не знаю, что ответить.

— Где живет твой отец? — продолжал он меня расспрашивать. — Где его дом?

— Совсем недалеко. Можно съездить к нему завтра утром.

— Сколько моему внуку? Ты уже дала ему имя?

— Три месяца. Я пока не придумала, как его назвать.

— Назови Субалом. У меня самого шестеро. Женился только старший. Ему не везет — одни дочки. Средний пока холостой. Следующий — твой муж. Ты ведь даже не знаешь, чем занимается наша семья. Я — гончар. Как зовут твоего отца?

— Апендранатх Халдар.

— Значит, вы Халдары? — Я пробормотала "да", и свекор продолжал: — Твой отец приезжает к внуку?

— Приезжает, но очень редко.

Я разговаривала с ним, опустив голову и закрыв лицо краем сари. Пришел муж, мы поели, свекор похвалил мою стряпню, хоть она была для него островата. Я обрадовалась его похвале и поняла, что больше он на меня не сердится. <...>

Однажды я спросила Сандхью, почему моему мужу не нравится, когда я хожу к Шашти и ее сестрам.

— Ты все равно не поймешь, — ответила она. Но я настаивала.

— Неужели ты не видишь? — спросила она. — Они замужние, но с мужем никто из них не живет.

— И что с того, они что, плохие поэтому? — не поняла я.

— Слушай, что я тебе скажу. Когда старшая из сестер выходила замуж, она попросила мужа разрешить, чтобы мать жила с ними. Он согласился. Потом приехали погостить Шашти и младшая сестра — и тоже остались. Он называл тещу мамой, к сестрам жены относился как к родным. Выдал обеих замуж. Но младшая не стала жить в новом доме. Когда умер старший брат ее мужа, она не смогла делить все пополам с еще одной семьей, да и молча наблюдать за тем, как вдова свояка путается с его младшим братом, тоже не могла. Никто не стал ее слушать, и она навсегда вернулась к матери.

— А что касается самой Шашти, после того, как умерла первая жена ее мужа, — рассказывала Сандхья, — он стал искать себе другую, чтобы было кому смотреть за сыном. После свадьбы он сказал новой жене, что ему пора на работу и уехал. Шашти писала ему, и он даже отвечал. Однажды он приехал и жил дома целый год. А потом отвез Шашти к ее матери и сказал, что скоро заберет. Шашти была уже беременна. Он так и не вернулся.

Вот и вся история. В чем были виноваты сестры, я так и не поняла. Шанкару не нравилось, что я к ним хожу, и я бегала к ним, когда он был на работе. Почему мне было запрещено туда ходить? Сама я ничего страшного в этом не видела, все сестры хорошо относились ко мне и сыну. Шашти с матерью были очень набожные, и в Шашти часто входила Деви. Разве стала бы Деви вселяться в плохую женщину? Однажды я сидела у них дома, когда неожиданно вернулся Шанкар.

— Твой муж идет, — сказала мать Шашти. — Беги домой быстрее!

Я схватила ребенка и в страхе поспешила домой. Шанкар увидел меня, но не сказал ни слова. Просто схватил за волосы и начал избивать.

— Ах ты, сука! — обрушился на меня Шанкар. — Я запретил тебе к ним ходить! Почему не слушаешься?

Он все кричал на меня и клял на чем свет стоит, а по дороге шли люди, и никто за меня не вступился.

Соседи болтали про сестер всякое. Но я не совсем понимала, о чем это они. К этим женщинам ходят мужчины. Ну и что, думала я? А некоторые женщины ходят к мужчинам. Что плохого? В общем, не получалось у меня думать гадости про эту семью. Они ведь ничем от меня не отличаются. Да и разве может одна женщина относиться к другой плохо? Я во всяком случае никогда не могла — ни тогда, ни сейчас. <...>

Там, где мы жили, я все равно рано или поздно встретила бы такого человека, как Аджит. Он жил через дорогу от нас. Называл меня бауди. Был с нами приветлив, играл с моим сыном, покупал ему конфеты и игрушки. Но когда интерес его стал слишком явным, я догадалась, что у него на уме. Лучше держись от меня подальше, объясняла я Аджиту, иначе пойдут сплетни. Аджит говорил, что ему все равно и он будет поступать, как ему нравится. Чем старательней я его избегала, тем упрямей он меня преследовал. Я всерьез забеспокоилась, что Шанкар подумает бог знает что и сорвет злость на мне. Тогда я начала следить за Аджитом. Завидев, как он возвращается с работы, я шла к соседке в гости. Но Аджит был умнее, чем я думала. Он тоже начал за мной следить и появлялся передо мной в самый неожиданный момент. Вот так я, ни в чем не виновная, стала плохой, а Аджит был чист, как стеклышко.

Муж постоянно меня бил, а я никак не могла понять, за что он наказывает меня, а не того, кто мне проходу не дает. Уж если на то пошло, этот Аджит был другом Шанкара и сначала ходил в гости к нему. Потом мне надоело молчать, и я стала дерзить в ответ. Мы ссорились и скандалили каждый вечер. Я ненавидела грязные слова, которые говорил мне муж, ненавидела, когда он меня бил. Я мечтала только об одном: собрать свои вещи и бежать. Я часто объявляла Шанкару, как мечтаю об этом, и уезжала к папе. А папа через пару-тройку деньков привозил меня обратно.

Однажды отец увидел, что возле нашего дома слоняется Аджит.

— Чего ты хочешь, сынок? — обратился он к нему. — Зачем ты сюда ходишь? Неужели не понимаешь, что из-за тебя моя бедная девочка жестоко страдает?

— Почему вы говорите, что она страдает из-за меня? Муж бил ее и раньше.

— Знаю. Быть может, ни ты, ни она ни в чем не виноваты. Быть может, так распорядилась судьба. Я и не думал, что этот Шанкар окажется таким ублюдком. Когда мы только познакомились, я считал, что он человек прямой, открытый. Но оказалось по-другому. Тебя же прошу, пожалуйста, не подходи к Баби.

С этими словами папа ушел.

Соседи наши прямо заявили отцу Аджита, чтобы он не смел подпускать своего сына ко мне и моему ребенку. Пару дней все было спокойно, но потом Аджит снова взялся за старое. Я вздрагивала при появлении одной его тени. Заметив его, тут же возвращалась обратно. Но Аджит не упускал ни одного случая со мной встретиться. Стоило мне выйти, он уже ждал на дороге. Если, завидев его, я шла в противоположную сторону, он следовал за мной. Я сердилась, страшно ругала его и даже проклинала его родителей. Но и это его не останавливало.

Однажды Шашти и ее мать пошли к Аджиту и прямо спросили, зачем он меня преследует.

— Неужели ты не видишь, — спросили они, — как ей достается по твоей милости?

— Как вы не понимаете, — ответил он, — я люблю ее.

— Она замужем, у нее ребенок.

— И что с того? Я все равно ее люблю.

На следующий день Шашти мне все рассказала.

— Ясно, — сказала я. — Он меня любит. Вот что такое любить для него: видеть, как меня избивают, понимать, что это из-за него, и не обращать на мои мучения никакого внимания. Вот это любовь! Да он хотя бы имеет представление, что это такое? Ненавижу! Плевать на него хотела! Передай ему, Шашти, что я и тени его рядом с собой не потерплю!

Аджит не думал оставлять меня в покое. Его все пытались урезонить, но он гнул свое. Кто-то даже подрался с ним, все без толку. Слухи расползались, и об этой истории узнали и те, кто раньше о ней понятия не имел. Все теперь рассуждали, кто виноват: я или Аджит. Одни говорили, что женщина, другие — мужчина. В общем, началась настоящая *тамаша*[1]. <...>

Однажды местные мальчишки собрали с каждого двора по нескольку рупий и купили видеокассету. Я тоже захотела принять участие и дала немного денег. Я очень любила кино и в тот день постаралась как можно быстрее закончить дела по дому. Когда муж вернулся с работы, я спросила, можно ли подавать обед, но он ответил, что не голодный. Время шло, а он все отказывался есть. Я снова спросила, будет ли он обедать, и сказала, что хочу посмотреть фильм. Он ответил, что нечего мне туда ходить. Я спросила почему. Собираются все соседи, а я, если он захочет, вернусь пораньше. Что здесь плохого? Но он все не отпускал меня. Я так рассердилась, что начала на него кричать. А потом замолчала. И никуда не пошла. Утром соседки только и говорили, какой хороший вчера был фильм, и одна из них спросила, почему меня не было. Я разозлилась и расстроилась одновременно. За что мне все эти несчастья? Есть же семьи, где муж и жена ладят. Наверное, жизнь у них счастливая. А моя? Неужели так всегда будет и дальше — сплошные несчастья? Похоже, бог меня не слышал. <...>

Я взяла ребенка и пошла домой. И задала ему только один вопрос: за что он так сильно меня избил. Не успела я закончить фразу, как муж схватил здоровую палку и начал бить меня по спине. Острая боль пронзила мне живот. К вечеру боль стала невыносимой. Я легла, заплакала и начала звать родителей. Боль была такой сильной, что нельзя было ни встать, ни сесть, ни вообще шевельнуться. Я стонала всю ночь, а муж спал себе крепким сном. То ли не слышал меня, то ли ему и правда было все равно. Я закричала, что умираю, но он не обращал внимания. Я умоляла его сходить за помощью, говорила, что такой боли не испытывала, даже когда рожала, но он ответил:

1. Тамаша — веселье.

— Куда я пойду среди ночи?

И снова отвернулся.

В конце концов, держась за живот и плача от боли, я взяла сына за руку, дошла до дома напротив, разбудила хозяина, Махадева, попросила сходить к моему брату и сказать, что мне очень плохо. Умоляла помочь, говорила, что боль невыносима, что я умру, если он не пойдет к брату.

— Я даже не знаю, где дом твоего брата, — ответил он.

— Мой сын покажет дорогу.

Махадев с сыном пошли к брату и сообщили, что я мучаюсь от боли и что мне нужна его помощь.

— А Шанкар что же? — спросил у него брат.

— А ты как думаешь? — ответил Махадев. — Спит себе. — Брат посадил меня в *тхелу*[1] и повез искать помощь. Времени было два часа ночи. Все аптеки закрылись. В Дургапуре мы так и не смогли найти врача. Тогда брат привез меня к себе и уложил в кровать. Бауди растерла мне живот маслом, но это не помогло. Я готова была проклинать и ее, и всех вокруг — такая жуткая была боль. Бедная бауди обежала всех соседей среди ночи, и кто-то ей дал лекарство. Сказали, что должно помочь. Но оно не подействовало. Тогда брат привел своего друга Сачина. Он пощупал мне живот и вышел поговорить с братом. Потом позвал бауди. Она вернулась и спросила, когда у меня в последний раз были месячные. Четыре месяца назад, ответила я. Не падала ли я недавно? Нет. Она повторила вопрос. Может, я где-то сильно ударилась? И тогда я сказала, что ее свояк накануне ударил меня палкой по спине, и теперь я с ума схожу от боли.

— Ты беременна, но ребенок не выживет. Сачин-да даст тебе лекарство. Минут через пять подействует.

Но прошли все пятнадцать, а ничего не изменилось. Сачин заволновался. Он велел брату везти меня в больницу.

— Мы не сможем ей помочь, — сказал он. — Если ты ее не отвезешь к врачу, она умрет.

Брат запаниковал. Он быстро собрал меня в дорогу. Бауди помогла мне сесть. И вдруг я почувствовала, как из меня что-то выскальзывает. От страха закружилась голова. Брат смотрел на меня с ужасом, но я не могла сказать ни слова, только стонала. Я видела только, что бауди и брат стоят возле кровати, и слышала, как Сачин-да сказал:

— Что должно было случиться, то и случилось. Переложите ее на другую кровать.

Он попросил бауди сделать мне горячего чая. Спросил, как я себя чувствую. Трудно было говорить, но я попыталась: кое-как открыла глаза, хотела выдавить из себя хоть полслова, но так и не смогла. Меня переложили. Дада и Сачин вынесли то кровавое, что из меня выпало, и выбросили в заросли. С утра пораньше бауди отправилась на пруд. Надо было постирать испачканные простыни. Я была страшно слаба, но все равно пошла вместе с ней. Сил не было, но я понимала: мне надо это сделать самой. Она набрала для меня воды из колодца, и я кое-как постирала все.

1. Тхела — тележка, тачка.

Весь день прошел, как в тумане. Муж так и не появился. Около пяти вечера он послал сына справиться, как у меня дела. Увидев меня, сын сказал:

— Мамочка, идем домой.

Надо же: муж меня не искал, а маленький мальчик в поисках матери обошел один квартал и отыскал ее в другом. Все соседи говорили потом об этом. Все ругали мужа за то, что он так поздно отправил ко мне ребенка. Хорошо, что вообще послал. А если бы ночью я умерла? Бауди сказала, что к нам приехал свекор и что мне нужно домой. Свекор сообщил, что меня ждут на свадьбе в его семье и что он меня забирает с собой...

— Что ты собираешься делать? — спросила меня двоюродная сестра.

— Не вернусь к нему. Лучше буду одна. Возьму с собой сына и пойду искать работу.

Наш разговор услышала одна женщина. Ее дом стоял неподалеку, и жили они с мужем хорошо.

— Что поделаешь? — сказала она. — Судьба такая. Что было предначертано, то исполнилось: твоя свадьба, ребенок в таком юном возрасте...

Ее перебила пиши-ма. Если все дело только в судьбе, зачем тогда бог дал нам руки, уши и все остальное?...

Вскоре я опять забеременела. Ко всем моим заботам прибавилась еще одна: школа для старшего сына. Сможем ли мы себе ее позволить? С большим трудом устроила я сына в школу. Шанкар вообще не принимал в этом участия. Вместо этого давал деньги совсем еще маленькому мальчику, подкидывал ему то и дело по пятьдесят паизов. Ребенок тут же бежал в магазин. Он начал прогуливать школу, и мы с Шанкаром из-за этого постоянно ссорились. Ребенок стал причиной вечных ссор, и только я знаю, как я за него волновалась. <...>

У всех в нашем районе было по три-четыре ребенка. А раз так, значит, и у нас будет не меньше. Я готовилась к третьим родам и мечтала о дочери. Но решила после родов сделать такую операцию, чтобы больше не рожать. Я сказала себе, что не вернусь из больницы, пока мне ее не сделают. Только Шашти и брат Дулал знали о моем решении. Даже папа ни о чем не догадывался. Знал, в каком я состоянии, но даже не приехал навестить. В общем, я не хотела, чтобы моя семья и дальше увеличивалась. Муж почти не давал денег на хозяйство, дом, а за работу — я помогала соседским детям делать уроки — платили нерегулярно: в этом месяце могли дать деньги, а в следующем — нет.

Я только и думала, что об этой операции. Хотела приехать в больницу пораньше, потому что после родов собиралась на операцию, приготовила в дорогу узел с вещами. Попросила Дулала присмотреть за моими детьми, пока меня не будет. За два дня до отъезда начались боли. Сначала терпимые, и я никому ничего не говорила, но когда боли усилились, отправила старшего сына к другому брату — Ситараму. Дулал остался со мной. Я попросила мужа привезти мою свекровь, чтобы она ухаживала за детьми. Он так и сделал. Затем все трое, Ситарам-да, Дулал и Шанкар отвезли меня в больницу. Но меня почти сразу перевели в

другую палату. И на следующее утро, когда Дулал пришел в больницу справиться обо мне, ему сказали, что меня на месте нет. Он тут же сообщил родственникам новость: я исчезла! Все решили, что я сбежала. Так что ко мне два дня никто не ходил. На третий день, в Вишвакарма Пуджа, у меня родилась дочь. А наутро в больницу снова пришел Дулал — надеялся меня разыскать. Он нашел меня в другой палате, уже с ребенком на руках.

— Что случилось? — спросила я. — Почему ко мне не приходили? Все меня бросили!

— Просто я не мог тебя найти, — ответил Дулал.

А врачи, сказала я, видя, что меня никто не навещает, приняли меня за мать-одиночку. Вскоре Дулал ушел и сообщил соседям, что я родила дочку.

Через два дня я спросила у врача, когда он сделает операцию и зашьет мне трубы. Он ответил, что необходимо письменное согласие кого-нибудь из родственников, лучше всего — моего мужа. Пусть он придет в больницу, даст разрешение и распишется. Я ответила, что ждать никого не надо и что я сама распишусь. Врач согласился и велел мне готовиться: ничего не есть, потому что операцию делают на голодный желудок. Я волновалась, кто же присмотрит за моей дочкой, пока я буду приходить в себя. К счастью, я отложила немного денег и пригласила на эти три-четыре дня айю к ребенку. <...>

Вибхуда, наш сосед, хотел жениться на Нише, но она не хотела идти за него. Я спросила почему. Потому что они из разных каст, ответила Ниша. Если она примет его предложение, от ее отца все отвернутся. Вибхуда женился во второй раз (и всем казалось, что удачно), но по-прежнему встречался с Нишей. Случилось так, что дух первой покойной жены стал преследовать новобрачную. Вселялся в ее тело и мучил ее. К ней то и дело приглашали оджха — знахаря, чтобы тот изгонял дух первой жены Вибхуды. Оджха поливал ее водой, обдавал жаром пылающего факела, чтобы выгнать дух из тела, и спрашивал:

— Кто ты, дух, и откуда?

— Я его умершая жена.

— Зачем ты вселился в ее тело?

— Никого не подпущу к своему мужу. Не дам ей разрешиться от бремени.

Знахарь запугал дух, и тот согласилася уйти.

— Обещаешь не возвращаться?

— Да.

— Куда ты уходишь?

— Туда, откуда пришел. <...>

Я вернулась от родственников из Данбада через несколько дней, отдохнувшая и счастливая, но скоро наш район потрясла ужасная трагедия. Человек по имени Панна поджег собственную жену и спалил до смерти. Она была красивая, как куколка: темная кожа, волнистые волосы... А он взял да поджег ее! Случилось это в воскресенье. Она пошла к соседке посмотреть телевизор. Панна был пьян. Он часто выпивал и жестоко обращался с женой. Узнав, что та смотрит телевизор, он пришел в ярость

и поволок ее домой. Они поссорились. Панна облил жену кислотой и начал искать спички. Жена схватила коробок и швырнула ему.

— Если тебе станет легче, на, убивай! — с вызовом крикнула она.

Панна был пьян. И бросил в нее горящую спичку. Женщина вспыхнула, одежда сгорела, обнажилась тело, пламя перекинулось на вмиг побелевшую кожу... женщина со стоном стала биться о стену. Она была еще жива, когда ее увидела соседка Лата. Лата закричала, позвала народ. Мы все туда побежали. Я видела, как жена Панны оседала, держась за стену, как кожа пузырится от волдырей... несчастная все еще была жива... Панна хотел убежать, но соседи заперли его и вызвали полицию. Жену Панны срочно отвезли в больницу. Полицейские приехали через два часа, опросили соседей и забрали Панну. Его жене не суждено было вернуться домой. В больнице врачи и полицейские пытались расспрашивать ее, но она ни в чем не обвиняла мужа. До последнего вздоха во всем винила только себя!

Когда привезли тело, я захотела взглянуть на нее. Она была такая же бледная, *бинди* был, как всегда, на месте, а глаза открыты, будто она смотрела на нас. Мне казалось, еще чуть-чуть и она заговорит! Я вспомнила, какая она была жизнерадостная, каждое утро за ручку вела своих деток в школу — мальчика десяти лет и семилетнюю девочку. Если мы встречались на улице, то останавливались поболтать. Что же будет с детьми, кто будет за ними ухаживать? Через три месяца Панну выпустили, но толку не было: детей все равно забрал тесть.

Панна вернулся на работу, на газовый завод. Вел себя непредсказуемо, мог пойти на работу, а мог и прогулять. Дом продал, вырученные деньги пропивал. Однажды мы с Шашти заговорили о его жене. Шашти сказала, что часто видит ее в своих кошмарах. Будто бы та стоит за спиной и глаза ее по-прежнему открыты.

Когда я собралась уходить, Шашти напомнила, что устраивает у себя *пуджу*[1] и что я обещала прийти. Я подумала, что во время пуджи помолюсь за детей Панны. У Шашти как раз есть фигурка богини Ма Манса[2]. Я решила попоститься перед молитвой. На следующий день ничего не ела. Вечером народ отправился к пруду за водой для пуджи, а меня муж потащил в дом и обрушился с проклятьями. Я спросила, что с ним такое, и он начал меня избивать. Я ничего весь день не ела, купила на рынке фрукты для подношения, но не смогла положить их к ногам богини с молитвой и очень расстроилась. На следующее утро я нарвала цветов и пошла к Шашти. У нее собрались все соседки. Я стояла в толпе, сложив руки в молитве. И вдруг меня кто-то дернул за волосы. Сначала я не обратила внимания и продолжала молиться. Но меня снова схватили за волосы и так больно дернули, что я упала... Обернувшись, я увидела мужа.

— А ну иди сюда, сука! Быстро давай домой! — заорал он.

Как и все вокруг, я поняла, что, если не пойду с ним сейчас, он меня изобьет. Поэтому я кончила молиться и пошла домой. Но стала у дверей, не решаясь войти.

1. Пуджа — регулярный обряд почитания богов.
2. Манса (*разг.*, правильнее Манаса, *бенг.* Маноша) — богиня змей.

Через несколько минут к нашему дому прибежала Шашти с толпой женщин. Все они кричали и были страшно злы.

— Делай со своей женой, что хочешь! — кричала Шашти моему мужу. — Я в ваши дела не вмешиваюсь. Но и ты не смей приходить в мой дом и нарушать порядок! Ты сорвал нам пуджу! Как ты посмел? Ты не только меня оскорбил, ты прервал пуджу!

— А ты что натворила, раз он за волосы тащит тебя домой? — повернулась она ко мне. — Как ему могла пуджа не понравиться? Там же было столько женщин! Они тоже все плохие? Никто так себя не ведет, только твой муж! — Успокоившись, она добавила: — Только ты можешь жить с таким, как он. Как ты все это терпишь и не жалуешься? Я бы на твоем месте уже давно бы ему показала... — Продолжая кричать и ругаться, она ушла.

Я боялась, что всю злобу муж теперь выместит на мне, и стояла в тени у дверей, надеясь, что он уйдет и меня не заметит. Спустя какое-то время я увидела, что он уходит на работу. Я знала, что вернется он разъяренный, поэтому быстро накормила детей и уложила спать. Вечером я рассказала все Дулалу, и от него мне тоже досталось:

— Ты зачем пошла туда, если знала, что ему это не нравится?

— Но я же не одна туда ходила! Там было столько народу. А даже если бы я там была одна, что с того?

Так больше не могло продолжаться, надо было что-то делать. Мой старший сын окончил начальную школу и должен был перейти в среднюю, а младший только начал учиться. На мелкие расходы постоянно требовались деньги. Муж давал неохотно, каждый раз приходилось клянчить. Я решила, что пора искать работу. Начала спрашивать по соседям, говорила всем, что ищу работу. Но многие надо мной смеялись и не принимали мои слова всерьез: — Зачем это тебе? Твой муж достаточно зарабатывает, чтобы вас прокормить. Ты не сможешь работать, забудь об этом.

Но если мой муж зарабатывает достаточно, почему нам все время не хватает? <...>

Прошло несколько лет такой жизни, я продолжала бороться за себя и детей, и вот настал день, когда я сказала матери Шашти, что больше не могу.

— Детка, а ты сможешь делать то, что я? — спросила она мягко. — Работать у чужих людей, стирать, мыть посуду?

Я молчала. А что, если отец узнает? Что, если меня увидят его друзья? Что они скажут? Дочь Халдара совсем опустилась? Я поделилась этими мыслями с мамой Шашти, и она ответила:

— Если тебя волнует честь отца, готовься к тому, что будешь вечно мучиться и голодать.

Я подумала: она права. Почему меня волнует, что скажет отец? Ему-то все равно, что со мной. Он почти не бывает у нас.

Мы разговаривали, стоя у порога, и тут к нам подошел человек — пожилой, как мой отец.

— Диди, помоги найти помощницу по дому.

— Хорошо.

Шашти посмотрела на меня, велела ему подождать и позвала меня в дом.

— Может, у него поработаешь?

— Ладно, — ответила я. — А что надо делать?

Мать Шашти сказала старику, что я согласна. Мы отправились к его сыну. Я поняла, что делать надо все: убирать, подметать, мыть полы, стирать, готовить, резать овощи, молоть специи... Это была моя первая работа. Я согласилась на ту плату, которую мне назначил сын старика, Ашиш. Да я и не знала, сколько платят за такой труд. Кажется, им нравилось, как я работаю. Я попала в семью браминов, они проводили обряды очищения. Видно было, что они полностью полагаются на прислугу, и это было понятно: без помощников им бы пришлось туго. Только жена Ашиша следила, как я работаю. Но я не давала ей повода придраться, потому что приходила рано и старалась все сделать как можно быстрее, чтобы пораньше вернуться к детям, которых оставила дома. Обо мне заговорили как о хорошей работнице и стали приглашать в разные места. <...>

Однажды, правда ненадолго, все мои тревоги улетучились. Я узнала, что вернулась моя мать — моя родная мама.

В тот день не успела я развести огонь, чтобы готовить обед, как прибежала Сома, старшая дочь моего брата:

— *Пиши, пиши*, — кричала она. — Быстрей! Приехала *такур-ма*[1]!

— Твоя такур-ма? Что ты раскричалась? Она же еще вчера приехала.

— Не эта такур-ма!

— А которая?

— *Настоящая такур-ма*! Скорее! Баба ее везде искал, и вот она нашлась. Ну идем же!

Я была поражена. Как же так? Неужели и правда моя мама приехала? Я так хорошо все это время помнила ее лицо.

— Да, — сказала я Соме. — Идем скорей!

И мы побежали.

Старший брат сидел на веранде.

— Входи, — сказал он. — Увидишь, кого я привез. Папа столько лет не мог ее отыскать. А я нашел.

У дома брата собирались люди.

— Посмотрите, ваша мама приехала, — говорили одни.

— Вы с ней так похожи, — говорили другие.

— Бегите, расскажите отцу, что она тут, — советовали третьи.

Я вошла и увидела ее. У меня закружилась голова, и я упала в обморок. Свояченица окропила мне лоб водой с маслом и помогла сесть.

— Зачем ты привез ее, брат? — взвыла я. — Мы прекрасно без нее жили и говорили всем, что наша мама умерла. Зачем ты вернул ее в нашу жизнь?

Она очень изменилась и, казалось, не узнавала меня.

— Дочка твоя... — подсказала ей соседка.

— Дочка? Какая? Баби? Моя старшая нас бросила.

1. Такур-ма — бабушка.

Она с нами не останется, подумала я, глядя на нее, хоть люди и говорили, что раз ее привез старший сын, она будет жить с ним.

— Нет, — отвечала мама. — Я останусь с младшим. Он живет отдельно, мне у него лучше. К чему такие перемены? Я здесь в гостях, через пару дней поеду обратно.

— А к отцу ты не хочешь заглянуть? — спросил мой брат.

— У него теперь другая жена, зачем усложнять ему жизнь?

Гнев, грусть, счастье — что она испытывала спустя столько лет, глядя на собственных детей? Я не заметила у нее ни следа этих чувств. Если честно, я в глубине души тоже не испытывала ничего. Когда домой приезжают родные, эту встречу предвкушаешь, ощущаешь подъем. Но сейчас внутри было пусто. Я обрадовалась ей, как обрадовалась бы случайной знакомой, а не как родной матери. Нахлынули воспоминания, счастливые, грустные. Я вновь задумалась, как она могла бросить нас, совсем маленьких? Помнит ли она, как избавилась от своей Баби, как сунула ей в ладошку, уходя из дома, десять паизов? Помнит ли она, что даже не обернулась на прощанье? Баби провожала ее взглядом, пока она не превратилась в крохотную точку и не исчезла. Разве бы мать, оглянувшись и увидев дочку, не вернулась бы, не обняла, не приласкала бы?.. Наверное, она и не знает, что теперь ее дочка сама мать троих детей.

Выглядела мама больной. Почти все время молчала. В проборе на голове у нее до сих пор была полоска из киновари и большая *тика* на лбу. Для кого она ее рисует? Для того, кто даже не думает о ней, для того, кто столько лет прекрасно без нее прожил? Представляя нашу встречу, я мечтала, что она крепко меня обнимет. Но *эта* мама вообще меня не узнавала. Я спросила, стало ли ей легче жить после того, как она нас бросила, но она промолчала. А помнит ли, как сунула мне в руку десять паизов?

— Замолчи! Что за глупые вопросы?

Неужели она все забыла? Она так яростно отмахивалась от моих вопросов и рассказов, что я даже подумала, не тронулась ли она умом.

Она месяц прожила у старшего брата, а потом уехала. Ее так и не смогли уговорить остаться подольше. Мы возили ее повидаться с отцом. Он лишь взглянул на нее и спросил:

— Где ты была все это время? Ты испортила мне жизнь. Зачем вернулась?

— Я ненадолго. Меня сюда притащил старший сын. Сама бы я не приехала. — Потом добавила: — Мне хорошо там, с младшим сыном. Легко тебе говорить, что я ушла от тебя и испортила тебе жизнь. А сам-то ты что сделал? Зарабатывал много, а на детей у тебя никогда не оставалось. Нашу младшую дочь ты просто вышвырнул из дому — вытолкнул замуж. Все деньги тратишь на себя. А ей часто помогаешь? Такая мысль тебе и в голову не приходила. Кто останется рядом с тобой в старости? Да никто. Знаешь, где я живу в Калькутте? В двух шагах от твоей старой работы. Ты бы мигом меня нашел, если бы хотел. Но я не была тебе нужна. И мой старший сын не нашел бы меня, если бы не хотел.

У младшего брата, с которым жила мама, был только один ребенок. Быть может, поэтому она не хотела к нам сюда. Зачем ей еще внуки? Хватало ли ей любви на того, единственного?

Мама приходила и ко мне. Посмотреть на нее собирались все. Правда ли, что это моя родная мама, спрашивали соседские девочки.

— Да, — отвечала я, — и она приехала ко мне спустя двадцать лет.

Но попрощаться нам не удалось. Я была на работе, а когда пришла к старшему брату, она уже уехала. Оказалось, он даже не взял у нее точного адреса. Я сначала хотела к ней поехать, но меня никто не соглашался везти: слишком, говорили, трудная дорога, особенно, если брать детей, так что лучше забыть об этом. <...>

Поработав в больнице, я решила, что нехорошо по вечерам оставлять детей одних, и уволилась. Когда нам снова понадобились деньги, я приехала к папе. Мы с ним страшно рассорились из-за мужа.

— Если ты к нему не вернешься, убирайся из моего дома! — кричал он.

На следующий день я осторожно попросила:

— Папа, скажи мне адрес брата и невестки. Если ты дашь мне денег взаймы, я съезжу к ним.

Он согласился. И все же пожаловался на меня своему другу Патиту. Тот, как мог, меня отговаривал. Но я приняла решение и менять планы не собиралась.

Поезд уходил на следующий день в два часа дня. С утра я не находила себе места. Я не стала переодеваться, не переодела детей и отправилась на станцию с папой и мачехой. Дулал тоже пришел нас провожать. Отец дал мне билет. Я заплакала. Сама не знаю, что творилось со мной, какие страхи меня мучили, какие мысли терзали, но я не могла сдержать слез. Отец расстроился: вот и разъехались все его дети. Я думала о муже, обо всем, что хотела бы высказать ему на прощание. Тяжело было уезжать навсегда, так и не поговорив с ним.

Отец спросил:

— Ты почему плачешь, дочка? Еще не поздно к нему вернуться. Не страшно, если пропадет билет. Возвращайся.

Я не ответила. Объявили посадку. Отец написал адрес брата в Фаридабаде.

— Береги себя, — сказала я Дулалу.

Папа поднял внучку, прижал ее к себе. Мелькнула мысль: почему он не обнимет меня? Неужели он меня ни чуточки не любит? Я же знала, что ему тяжело со мной расставаться. Или он не хотел обнимать меня в присутствии мачехи?

Я смотрела, как медленно приближается поезд. Коснулась ступней родителей, пожала Дулалу руку и поднялась с детьми в вагон. Поезд тронулся, я со слезами на глазах помахала всем на прощанье. Я расставалась с ними навсегда.

В вагон набилось столько народу, что невозможно было стоять, не говоря уж о том, чтобы усадить троих малых детей. Старшему, Бабу, я велела держать младших за руки и ждать, а сама пошла искать им место. Вскоре мне удалось сложить на пол наши сумки, и мы уселись на них верхом. Дети радовались поездке, но у меня на душе было тяжело: вернемся ли мы когда-нибудь домой? Я бросила все и не представляла, что ждет меня в будущем. Управлюсь ли я с тремя детьми? Смогу ли воспитать их как следует? Размышляя о том сем, я не заметила, как спустилась

ночь. Дети положили головы мне на колени и затихли. Младшие уснули быстро, но старший все не мог закрыть глаза.

— Ма, почему ты не спишь?

— Не хочу, сынок. Волнуюсь. Затеяла все это ради вас, но что будет дальше, не знаю. Смогу ли вас прокормить?

— Я тоже буду работать, не волнуйся. И потом там твои братья — наши мамас...

— Да, но они не смогут помогать нам всю жизнь. Мы сами должны о себе заботиться. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

— Ма, малыши пойдут в школу. А за меня не волнуйся.

Как раз за тебя и надо волноваться, подумала я. Он хочет учиться дальше. Я сама мечтала, чтобы он учился. Но пока не получается. Что я могла изменить? Бабу, конечно, и сам хорош, но по-настоящему виноват его отец. Разве не он должен был заботиться о детях? Мало заработать деньги, нужно уметь ими распорядиться. Разве хорошо, когда я срываю голос, а ты стоишь рядом и смотришь? Я так хотела вырастить из нашего ребенка достойного человека, а ты что? Только портил его — подкидывал время от времени деньги на разные пустяки. Неудивительно, что сын вообще бросил учебу.

Я и не заметила, как наступило утро. Пришел кондуктор, я показала ему билет. А он:

— Что вы делаете в этом вагоне?

Написал что-то на листке бумаги и сказал:

— Доплатите еще сто семьдесят пять рупий.

Мы купили билеты в кассе, почему же он снова требует денег? Но я решила отдать деньги: неизвестно, что он иначе сделает, тем более со мной дети.

Спустя какое-то время по вагону пошел другой кондуктор — история повторилась сначала. Мне стало очень страшно. А если я так потрачу все деньги? Что мы будем есть? Я заплакала. Дети, увидев мои слезы, тоже заревели.

— Готовьте деньги. Я скоро вернусь, — сказал кондуктор.

Рядом с нами сидел бенгалец. Он спросил у моего старшего сына, что случилось, мальчик рассказал.

— Подождем, когда он вернется. Мы ему все объясним, и он не станет требовать денег, — сказал бенгалец.

Я перевела дыхание. К счастью, кондуктор так и не появился. Когда мы подъезжали к Дели, бенгалец спросил, куда мы едем дальше.

— Вас кто-нибудь встречает?

Сын начал подробно рассказывать всю нашу историю. Я испугалась, как бы бенгалец на нас не донес или не сделал что-нибудь дурное. Прижала к себе детей.

— Будьте осторожны, город незнакомый, — сказал этот господин, собирая вещи. — Не отпускайте их от себя никуда.

Наконец, поезд прибыл на железнодорожный вокзал в Дели. <...>

Я много дней искала работу, но везде получала отказ. Я только и думала, что с нами будет, и страшно боялась, что придется возвращаться к мужу.

Дада везде спрашивал насчет работы, но напрасно. Однажды он сказал:

— Может, поедешь привезешь Шанкара?

Я подумала, что с таким же успехом могла бы не уезжать. Стоило ли проделывать такой долгий, трудный путь, чтобы сейчас начинать все заново? Время от времени бауди с моим братом и его женой заводили разговор об этом. Снова и снова, как заученный урок, они твердили, что не нужно было уезжать от мужа, что я должна к нему вернуться. Лучше бы мне умереть, говорили они, чем сбегать от своего свами — хозяина и господина. Никто из них и не пытался понять, почему я это сделала. А я хотела, чтобы дети мои жили, как людям положено. Мало произвести их на свет. С рождением ребенка рождается и ответственность: нужно из несмышленыша вырастить человека. Мой муж не понимал или не хотел понимать того, что тоже за них отвечает. Но его это не волновало. В семье должен быть мир и нормальная обстановка. Муж и не думал меняться, и мы все время ссорились на глазах у детей. Я понимала, что так будет всегда, что сильной должна быть я — должна искать выход.

Пусть люди думают, что я поступаю неправильно. Буду искать работу и обязательно найду. В нашем районе живет столько рабочих. Быть не может, что только я одна останусь не у дел. Я *найду* заработок — я была настроена решительно.

Не прошло и нескольких дней, как меня вызвала мемсахиб[1]:

— Баби, поди сюда.

Я поспешила на ее зов, испугавшись, не случилось ли чего.

— Иди, собирай вещи, — сказала она. — Привози детей.

Как? Бросить все по первому же слову и переехать? Ведь нужно собрать вещи, искупать детей, постирать и просушить их одежду.

— Я не успею за сегодня, — ответила я. — Перевезу вещи и детей послезавтра. За пару дней ничего не изменится. Я закончу все дела, постригу детям волосы, сделаю все, что нужно.

Мемсахиб сильно разозлилась:

— Когда тебе негде было жить, ты умоляла пустить тебя к нам. А теперь, когда я согласилась, тебе, оказывается, ничего не надо.

Я не стала спорить. Мне и правда грех было жаловаться. Как лучше поступить? Я каждый день езжу в такую даль на работу. А дети там одни. Неизвестно, что им приходится выслушивать от взрослых, пока меня нет. Когда я иду с работы, они бегут навстречу и кричат "Мама! Мама!" так жалобно, что я сама чуть не плачу. И каждый день спрашивают, почему я снова так поздно. Как объяснить, что когда работаешь на хозяина, то уходишь, только если он разрешит?

Мемсахиб была непреклонна.

— Хорошо, — согласилась я. — Вечером поеду за вещами и заберу детей.

— Не вечером. *Сейчас.* Бросай все и езжай.

Я сделала, как она сказала.

Старший брат сильно удивился, увидев меня.

— Ты так рано. Что случилось?

— Я за детьми, — ответила я. — Мемсахиб велела переехать сегодня же.

1. Баби долго ждала ответа хозяйки из соседского богатого дома, возьмут они ее на работу или нет. Помучив ее изрядно, они приняли ее.

— Скорей, — обрадовался дада. — Отличная новость! Собирайся!

Они были рады моему переезду. Брат нашел моему старшему сыну работу, но не сказал, в каком именно доме. Я не знала, где его искать. Попросила брата дать мне знать, когда мальчик появится у него, собралась, взяла младших и поехала к мемсахиб. Прибыли на место около девяти вечера. Позвонила в дверь, навстречу вышли мемсахиб и девушка-бенгалка.

— Ты почему так долго? — спросила мемсахиб. — Отправляйся спать. Сегодня больше ничего не делай.

И даже не спросила, не голодные ли мы. Хорошо, что по дороге я купила детям еды, зная, что готовить будет некогда. Мы кое-как заснули. А со следующего дня на меня навалили столько работы, что подчас вздохнуть было некогда. <...>

Придя на работу[1], я увидела, как в дом моего нового хозяина входит вдова лет тридцати пяти-сорока: она явно пришла работать. Сахиб поливал во дворе цветы. Увидев меня, пошел в дом, а ей сказал, чтобы она уходила: он нанял другую. Та вышла и начала меня ругать.

— Слушайте, — ответила я, — если бы я знала, что здесь уже кто-то есть, я бы не согласилась. Не надо так на меня кричать. Если хотите, сами скажите сахибу, что я отказываюсь, и можете здесь оставаться.

Но она ушла, осыпая меня проклятьями. Сахиб позвал меня в дом и рассказал о моих обязанностях. Я работала усердно, и в доме все на меня удивлялись. Однажды сахиб спросил, как мне удается успевать так много всего и так хорошо делать.

— Где ты училась? — спросил он.

Я ответила, что домашней работы не боюсь с детства. Мы жили без матери, хозяйство лежало на мне.

Так все и шло. Я приходила утром, заканчивала работу после обеда, возвращалась домой. Однажды сахиб спросил, ходят ли мои дети в школу. Я ответила, что очень этого хочу и все время думаю, как бы их устроить. Но не получается — не хватает денег. Пока не сдаюсь, объяснила я, подыскиваю школу. Вскоре он вызвал меня к себе и сказал, чтобы я привела детей.

— Есть тут поблизости одна школа, — сказал он. — Завтра утром отведешь их туда. А на обратном пути домой будешь забирать.

Так мои дети начали учиться. Утром я отводила их на занятия, шла на работу, а после обеда, когда они заходили ко мне после уроков, сахиб всегда усаживал их за стол.

Надо было искать еще одну работу: того, что я зарабатывала, не хватало. Я спросила сахиба, не поможет ли он мне найти что-нибудь еще. Он обещал поискать, но запретил мне делать это самой. А пока нужно было найти жилье подешевле. Я отправилась в тот район, где жил брат, узнать, не сдает ли там кто, и нашла квартиру всего за пятьсот рупий в месяц. Единственное — в доме не было туалета. Но раз люди живут, то и я смогу. Соседи, как обычно, начали про меня спрашивать у родственников, почему я одна, откуда приехала. Многие отнеслись ко мне хоро-

1. Баби перешла на работу к другому хозяину — прежние ее безбожно эксплуатировали.

шо, но были и другие, болтали про меня всякое. Я ни на кого не обращала внимания, ни с кем не разговаривала, вставала рано, собирала детей в школу, запирала дверь, шла на работу. Обо мне ходили сплетни, мол, как это ей хватает одного заработка. Я, если честно, задавала себе тот же вопрос и каждый день спрашивала сахиба, не нашел ли он мне еще какую работу. Он отвечал уклончиво. Наверное, не хотел, чтобы я устраивалась куда-то еще, считал, что я не справлюсь, да и на детей мне не будет хватать времени. Как-то раз он спросил:

— Баби, а сколько ты тратишь в месяц?

Я так смутилась, что ничего не сказала. Он не стал настаивать.

Каждое утро я просыпалась и бежала к нему в дом. Поесть не успевала. Сделав все у сахиба, шла домой убирать и готовить. Сахиб молчал, но мне казалось, что он меня жалеет: с утра, до моего прихода, частенько сам мыл посуду или подметал пол. Мне очень нравилось у него. И работа нравилась. Меня никто никогда не ругал, не следил за каждым моим шагом. Сахиб встречал меня с радостью, и мне казалось, что я знаю, о чем он думает, хотя он и не говорил: "Почему эта бедная женщина уехала из дома и живет одна?" Сахиб не хотел, чтобы я мучилась, иногда мне казалось, что он вот-вот скажет это вслух, но он молчал.

— *Ачча*[1], Баби, — сказал он мне однажды. — Что ты делаешь, когда возвращаешься домой?

— Готовлю детям обед. Потом кормлю, укладываю спать. Вечером вожу их на прогулку, а когда возвращаемся, усаживаю за уроки. Потом снова кормлю, укладываю и ложусь сама. Утром встаю и прихожу сюда.

— Как же ты будешь успевать на двух работах?

— Успею как-нибудь. Не хватает денег.

— А если я буду тебе помогать, ты прекратишь поиски?

Меня тронула его забота. Я задумалась.

— Что случилось? Почему не отвечаешь? О чем ты думаешь?

Я молчала.

— Послушай, Баби. Считай, что я твой отец, твой брат, твоя мать, друг — кто угодно. Не надо больше думать, что на целом свете у тебя никого нет. — Потом он добавил: — Мои дети зовут меня *татуш*[2]. Ты тоже можешь меня так называть.

Я назвала его татуш, и он обрадовался.

— Ты мне как дочь, — повторял он мне. — Этот дом твой. Забудь, что ты у чужих людей.

Ко мне и правда относились, как к члену семьи.

У татуша было трое сыновей, все молодые мужчины, но я видела только одного из них, младшего. Если я хлопотала на кухне, а он хотел чаю, то заваривал сам, никогда меня не просил. Говорил он мало, и не только со мной, но и с остальными. Однажды татуш сказал, что приезжает его старший сын.

— Мой старший сын и твой старший брат.

Приятно было услышать эти слова.

Через несколько дней меня вызвал татуш.

— Баби, ты нашла другое жилье?

1. Ачча — хорошо, прекрасно.
2. Татуш — ласковое обращение к отцу, "батюшка".

— Да, — ответила я.

— А почему мне не сказала? Нехорошо.

Он был прав. И как я могла забыть? Но так уж вышло. Татуш был расстроен. Откуда он узнал, что я переехала? Оказалось, татушу об этом сообщил Сунил[1]. А ему как стало известно?

— Сунил приходил к тебе на прежнюю квартиру, и ему ответили, что ты переехала.

А татуш встретил Сунила утром по дороге за молоком.

— Если бы не он, я бы так и не знал, что ты теперь живешь в другом месте.

Мне стало очень стыдно.

— Чем ты сейчас занималась? — спросил татуш.

— Вытирала пыль наверху, — ответила я.

— Иди, кончай работу.

Я пошла наверх. Там стояли три шкафа с книгами. Кто их читает, интересно, думала я. Здесь было несколько книг на бенгали, я открывала их время от времени. Однажды, когда я протирала там пыль, зашел татуш. Он увидел у меня в руках книгу на бенгали, но ничего не сказал. На следующее утро я принесла ему чаю, и он спросил, умею ли я читать и писать. Сердце у меня упало. Что ответить? Я пробормотала что-то в ответ, натужно улыбнулась и отступила назад.

— Так ты умеешь читать или нет? — повторил он вопрос.

— Врать не буду, — ответила я. — Но и не буду говорить, что умею.

— Ты училась в школе? До какого класса?

— До шестого или седьмого.

Он задумался и промолчал.

Когда я пришла на следующее утро, он улыбался. Он вообще все время слегка улыбался — мне казалось, что его сердцу неведома злость. У него был мягкий голос, говорил он с расстановкой и напоминал мне Шри Рамакришну[2]. Если нам случалось разговориться, он рассказывал много разных историй. Я молча думала обо всем этом, и вдруг ни с того ни с сего он спросил:

— Баби, назови имена писателей, которые тебе нравились. Помнишь кого-нибудь?

— Помню, — засмеялась я. — Например, Рабиндранат Тагор, Кази Назрул Ислам, Шоротгондро Чаттерджи, Шоттендронатх Дотто, Шукумар Рай[3].

Не знаю, почему я назвала именно эти имена. Татуш положил мне руку на голову и посмотрел на меня с изумлением. Он словно поверить не мог тому, что услышал.

— А тебе нравится читать и писать?

— Да, но что толку? Мне сейчас не до письма и не до книжек.

1. Сунил — шофер соседей прежних хозяев Баби, который помог ей устроиться к татушу.
2. Рамакришна (наст. имя Гададхар Чаттерджи; 1836—1886) — индийский религиозный мыслитель и общественный деятель.
3. Рабиндранат Тагор (1861—1941) — индийский поэт, писатель, писавший на бенгали, в 1913 году получил Нобелевскую премию по литературе, автор гимнов Индии и Бангладеш; Кази Назрул Ислам (1899—1976) — бенгальский поэт, философ, революционер, вошедший в историю как "поэт-мятежник"; Шоротгондро Чаттерджи (1899—1938) — бенгальский романист и новеллист; Шоттендронатх Дотто (1882—1922) — бенгальский поэт; Шукумар Рай (1887—1923) — бенгальский поэт, драматург, новеллист, часто сравниваемый с Льюисом Кэрроллом.

— Зря ты так думаешь. Я вот до сих пор читаю. Ты никогда не задумывалась, для чего все эти книги? И если я читаю, то почему ты не можешь? Пойдем.

Наверху он вытащил из шкафа книгу:

— Прочти название.

Я взглянула на обложку и подумала: я знаю, что там написано. Но вдруг сделаю ошибку? А потом подумала, ну и что с того? Скажу в таком случае, что не умею читать.

Татуш наблюдал за мной, пока я размышляла.

— Давай, — подтолкнул он меня. — Прочти хотя бы слово.

И я выдавила из себя:

— *Амар Мейебела*, Таслима Насрин[1].

— Боялась сделать ошибку, да? — спросил татуш.

Я засмеялась.

— Возьми эту книгу с собой и почитай, если хочешь.

Так я и сделала. Каждый день я читала одну-две страницы. Мои соседи сильно удивились, увидев меня с книгой, и начали судачить, но я не обращала ни на кого внимания. Поначалу было тяжело браться за чтение, но чем больше я читала, тем становилось легче. Однажды татуш спросил, одолела ли я ту книгу, которую он мне дал.

— Да, — ответила я.

И тогда он сказал:

— Я тебе кое-что дам. И хочу, чтобы ты этим воспользовалась. Если хочешь знать, это и есть моя работа.

— Вы о чем? — спросила я.

Он вытащил из письменного стола блокнот и ручку.

— Я хочу, чтобы ты писала в этом блокноте. Всё, что хочешь. Напиши историю своей жизни. Записывай всё, что осталось в памяти с тех пор, как ты себя помнишь. Постарайся каждый день делать заметки.

Я взяла ручку и бумагу и, задумавшись, что бы такое рассказать, унеслась мыслями далеко-далеко.

— Что случилось? — спросил татуш. — О чем ты задумалась?

Я хотела ответить, но так ушла в себя, что смогла только спросить:

— А у меня получится?

— Конечно! Не сомневайся. Ты, главное, *пиши*.

Я отправилась домой. В тот день я написала две страницы. Если уставала, то бралась за книгу Таслимы Насрин. Когда я на следующее утро пришла на работу, татуш спросил, написала ли я что-нибудь, и очень обрадовался, когда я ответила "да".

— Отлично! — воскликнул он. — Пиши каждый день, только обязательно пиши!

Иногда я была так поглощена чтением и письмом, что, подняв голову от книг, понимала, что в доме наступила тишина: все прилегли отдохнуть перед обедом. Случалось, что они просыпались, а я еще читала. А дома с утра пораньше меня все время спрашивали:

— И как тебя не клонит в сон? Зачем тебе столько читать?

1. Таслима Насрин (р. 1962) — бенгальская писательница и журналистка, известная своей критикой ислама и потому живущая вдали от родины. Книга, которую татуш дал Баби, — "Мое детство" (1999).

Я только отмахивалась. Меня расстраивали эти вопросы. Я хотела найти другое жилье, в этом было неуютно....

Я написала довольно много, и татуш сделал ксерокопию с моих записок и отослал их своему другу в Калькутту, а через некоторое время позвал меня к себе:

– Баби, тебе письмо.

Я очень удивилась. Письмо! Кто это мне пишет? Татуш объяснил, что пишет мне его друг из Калькутты. Я попросила татуша прочесть письмо вслух:

Дорогая Баби! Не могу передать тебе, как мне понравились твои записи. Где ты научилась так хорошо рассказывать? Ты замечательно пишешь. Повезло твоему татушу, ты настоящее сокровище. Жаль только, что я не могу писать тебе на бенгали. На бенгали я только читаю. Я на год старше твоего татуша. Я бы очень хотел выучить бенгали, но сейчас у меня нет времени. Пожалуйста, продолжай писать и читать на этом языке. Многие мои друзья пожелали прочитать твои записки. Один из моих друзей решил напечатать твою историю, но сначала ты должна ее закончить. Повторяю еще раз: не останавливайся. Помни, что Бог направил тебя в этот мир, чтобы ты писала. Благословляю тебя.

Паван Варма
Великий средний класс

Перевод Екатерины Кудашкиной

Книга "Великий средний класс" впервые увидела свет десять лет назад, когда Индия отмечала пятидесятую годовщину своей независимости. Теперь, когда нашей независимости исполнилось больше шестидесяти, настало время вновь обратить внимание на класс, который продолжает играть центральную роль в становлении современной Индии. Она развивается. Индия выходит из тени прошлого навстречу будущему и его новым возможностям. Сегодня у нас много суеты и волнений — трансформацию переживает страна с миллиардным населением и огромным количеством запутанных и сложных проблем. Ключевым игроком в этом процессе остается средний класс. Основные его характеристики не изменились. Однако на фоне изменений, произошедших в самой Индии, некоторые перемены произошли и в нем. Какие именно? Достаточно ли глубокие, чтобы подвергнуть пересмотру само понятие "индийский средний класс"? Или эти изменения не более чем продолжение качеств, которыми он обладал и прежде? Если же средний класс в каком-то отношении начинает обновляться, то насколько жизнеспособной окажется эта его новая аватара?

Не вызывает сомнений, что численность среднего класса особенно быстро выросла в последнее десятилетие. От экономических реформ 1991 года и ускорения экономического роста средний класс выиграл больше, чем бедные и беднейшие слои общества. По мере того как увеличивался "экономический пирог", увеличивалось и число рабочих мест, а у представителей индийского среднего класса появлялось все больше возможностей реализовать себя в бизнесе. Бум информационных технологий, разразившийся на рубеже тысячелетий, сыграл роль некой огромной воронки, втянувшей в себя тысячи молодых специалистов, получивших техническое образование, которых поставляет на рынок постоянно расширяющаяся сеть высших учебных заведений. Сеть институтов, как государственных, так и частных, формировалась в предыдущие десятилетия ради удовлетворения потребностей среднего класса — во многом в ущерб развитию начального образования, в котором остро нуждалась страна.

Несмотря на то что средний класс сложился в последние десять лет, точно определить его численность трудно. В контексте индийских реалий мне представляется, что в этот несущийся в будущее поезд попадает всякий, у кого есть жилье, кто может позволить себе трехразовое питание, кто имеет доступ к элементарному медицинскому обслуживанию, общественному транспорту, среднему образованию и чей доход позволяет приобрести такие товары, как вентилятор, наручные часы или велосипед. Исходя из этих критериев, к среднему классу можно отнести четыреста миллионов человек. Над средним классом — 2 % населения, куда входят очень состоятельные индийцы, ниже него триста миллионов индийцев, живущих за чертой бедности, и еще двести миллионов, которые хоть и пребы-

© Pavan Varma, 1998, 2007
© Екатерина Кудашкина. Перевод, 2009

вают в не столь отчаянном положении, но тоже очень бедны.

Вряд ли нужно напоминать, как формировалась эта довольно многочисленная и разнородная прослойка. В 1947 году средний класс, по большей части возникший как результат колониального сотрудничества с британцами, походил на закрытый клуб для избранных. В 1960 и 1970-е это положение стало меняться, а после 1991 года перемены стали стремительными. Несколько ветеранов прежнего "клуба", дожившие до наших дней, были бы потрясены, узнав, что те, к кому они относились как к людям низшего сорта, сегодня считают себя их ровней. В наши дни среди новых членов "клуба" можно встретить и так называемых капиталистов при буйволах. Это фермеры, тщательно возделывавшие свои земельные угодья и сумевшие разумно использовать государственные сельскохозяйственные субсидии, предоставляемые им правительством, которое одновременно принимало меры по борьбе с кастовыми пережитками. Среди других представителей нынешнего среднего класса — миллионы владельцев лавок, мелких предпринимателей, агентов по торговле недвижимостью, промышленных рабочих средней квалификации, работников сектора услуг и семей служащих, чей совокупный располагаемый доход (то есть доход после уплаты налогов и вычетов) намного превосходит по размерам пенсию "старой гвардии".

Однако, несмотря на видимую пестроту, которая соответствует постоянно увеличивающейся пестроте национальной экономики, у всех представителей среднего класса легко просматривается нечто общее. Почти каждый из них упорно шагает по одному и тому же пути к вершинам карьеры и заветным целям. В 1997 году типичный представитель среднего класса только выходил из-под сени социализма и только начинал ощущать вкус к новой философии потребления, которую "узаконили" и стимулировали реформы 1991 года. В те первые дни после либерализации материализм среднего класса носил характер спонтанный и в то же время "настороженный": от старых идеологических императивов отказывались довольно неохотно. Средний класс чувствовал, что наступает его время, но все еще не был вполне уверен, что стоит заявлять об этом во весь голос. Сегодня сомнения в том, стоит ли стремиться к благам современной жизни, уже отброшены. Слово "консьюмеризм" перестало быть ругательным, а от принципов строгости и самоограничения Махатмы Ганди или социализма Джавахарлала Неру открестились окончательно.

Смена идеологии была подкреплена появлением большего количества денег и вещей, которые на эти деньги можно было купить. Сегодня страну — больше, чем что-либо и когда-либо — объединяет реклама все новых и новых объектов вожделения. Прежние представления о том, что жить надо по средствам, оказались похоронены под лавиной пластиковых кредитных карточек: с 2001 года количество индийцев, обладающих таковыми, увеличилось в четыре раза. По прогнозам "МастерКард", к 2015 году "растущий состоятельный класс индийцев будет тратить на покупки в магазинах $14,4 млрд (в 2005 году эта цифра составляла $5,6 млрд), $8 млрд — на рестораны и развлечения ($5,3 млрд в 2005 году), $13,6 млрд — на путешествия и отдых ($3,3 млрд в 2005 году), $8,9 млрд — на автомобили, персональные компьютеры, мобильные телефоны и так далее ($2,8 млрд в 2005 году) и $6,4 млрд — на здоровье и медицинское обслуживание ($1,8 млрд в 2005 году). Итого получается $51,3 млрд. При этом "шопинг" поддерживает цикл потребления, инвестиций и создания рабочих мест. В одном только производственном секторе количество рабочих мест к 2010 году должно составить около 83 миллионов — это в два раза больше, чем в 2006 году. В секторе информационных технологий по итогам 2006 года был зафиксирован рост прибыли в размере 35 %; в 2007 году число новых рабочих мест пре-

высит 150 000, а уровень заработной платы в корпоративном секторе, и без того неслыханно высокий для стран с развивающейся экономикой, в 2007 году вырос в среднем на 14 %. Это самый внушительный показатель в Азиатско-Тихоокеанском регионе за 2007 год.

По данным одного из последних исследований "Маккинзи глоубл институт"[1], к 2025 году численность среднего класса увеличится до 583 миллионов человек, а уровень доходов вырастет по сравнению с нынешним в 11 раз. Причем это прогноз довольно осторожный, так как авторы исследования не включили в средний класс группу населения, которую они назвали *стремящимися*. При этом аналитики Института признают, что представители этой группы способны тратить более половины своих доходов на товары отнюдь не первой необходимости. По оценке "Маккинзи", на одну ступеньку выше *стремящихся* располагаются две группы потребителей – *ищущие* и *"старающиеся"*[2]. Именно эти два типа потребителей, по мнению составителей доклада, и образуют новый средний класс Индии. Впрочем, какие бы подгруппы ни выделяли аналитики, сами по себе размеры этого развивающегося класса таковы, что Индия вполне может стать крупнейшим потребительским рынком в мире. "На протяжении жизни одного поколения, – пишет журнал "Ньюсуик", – эта страна станет государством со стремительно растущим уровнем благосостояния среднего класса, который будет покупать товары высшего качества – от дорогих автомобилей до дизайнерской одежды. Через двадцать лет Индия опередит Германию и выйдет на пятое место в мире по размерам потребительского рынка".

1. McKinsey Global Institute. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. В соответствии с принятой классификацией потребителей этот тип, не располагая значительными денежными средствами, ориентируется главным образом на товары, которые могут свидетельствовать о высоком социальном статусе владельца.

Один из признаков нынешнего среднего класса, бросающийся в глаза, – беспрецедентно высокий потенциал "сконцентрированной" человеческой энергии. В основе его – предпринимательский талант и умение много и упорно трудиться, в которых индийцы почти не знают равных. Несмотря на то что они любят, когда иностранцы приписывают им некую духовную ауру, на самом деле это изобретательные и выносливые предприниматели, которые прочно стоят на земле и, не отрываясь, смотрят в бухгалтерские книги. Вообще в индуизме, как известно всему миру, *Артха* (достижение материального благополучия) является одной из четырех высших жизненных целей (*пурушартхв*), наряду с *Дхармой* (следование Шастрам), *Камой* (реализацией желаний) и *Мокшей* (путем к спасению). В отличие от Библии, в индуизме нигде не говорится, что "удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие!"[1]. Напротив, Лакшми, богине богатства и процветания, поклоняются едва ли не в каждом индийском доме. Неудивительно, что предпринимательство ради стяжания материальных благ остается неистребимой чертой индийцев. При этом трудности и конкуренция только отшлифовали эту их способность. Средний класс всегда знал, что в Индии выживание гарантировано только самым выносливым. Возможностей было немного, ровных игровых площадок – еще меньше, а народу, пытающегося прорваться в каждую дверь, – много. Чтобы победить в мире, жестоком к проигравшим, требовались талант предвидения, гибкая тактика, проницательность, позволяющая оценивать человеческие потребности, и умение пользоваться обстоятельствами в собственных целях. В условиях жесткой экономии и недостатка капитала средний класс научился вырабатывать нестандартные подходы к инвестициям и сни-

1. Евангелие от Марка. 10:25.

жению расходов. Прибавьте сюда способность сосредоточиваться исключительно на результате, зачастую, а то и вовсе не обращая внимания на средства, с помощью которых достигается этот самый результат. Еще одним доказательством силы предпринимательского духа стало стремительное развитие малого бизнеса в 1960 и 1970-е годы, невзирая на душившее его законодательство и беззастенчивое вымогательство и грабеж со стороны чиновников.

Удивительно и то, что триумф предпринимательства происходит в среде, где практически не существует надежных условий работы. В организованном секторе экономики (частном, государственном и корпоративном) занято около 5 % рабочей силы. Подавляющее большинство населения — независимые предприниматели, умудряющиеся получать доход в таких условиях, которые предприниматель в развитой стране даже представить себе не может. В Европе в официальном секторе экономики трудится 90 % населения. Они работают эффективно в условиях хорошо организованного производства — с высокой прогнозируемостью прибыли и надежной системой охраны труда. Тогда как индийский "предприниматель-следопыт" работает, что называется, на лезвии бритвы, и каждый новый день приносит новые трудности. Простор для предпринимательства, открывшийся в 1991 году, вновь показал, на что способны индийцы, если позволить им реализовать их природный талант делать деньги. Многие из них — предприниматели в первом поколении: большинство не принадлежит к торговому сословию. И это еще одно доказательство того, что коммерческая хватка присуща индийцам как народу. Первопроходцы всегда шли на риск. Им была свойственна дальновидность и вера в себя, они исключительно ловко использовали возможности для бизнеса. Описывая средний класс современной Индии, следует отдать должное новаторству, настойчивости, целеустремленности, умению приспосабливаться к любым условиям и рисковать, присущим большому числу его представителей.

Средний класс всегда высоко ценил образованность, однако в последние годы роль образования стала еще выше. У землевладельцев всегда была собственность в виде наделов, у знатных семей — наследственные состояния. Для типичного представителя среднего класса единственным способом подняться по общественной лестнице было образование. Оно же позволяло ему сохранять, если не увеличивать, разрыв между собственным статусом и положением тех, кто зарабатывает себе на жизнь неквалифицированным трудом. С 1947 года образование становилось все более и более доступным, а возможность получить работу многократно увеличилась благодаря экономическим реформам 1991 года и последовавшей за ними революцией в области информационных технологий. Вследствие всего этого индийский средний класс растет сегодня как на дрожжах. В обществах с жесткой системой иерархии существует сильное давление, ограничивающее стремление к личному росту. Как только две эти силы приходят в столкновение, взрыв неминуем. Когда на рубеже нового тысячелетия стали стремительно развиваться компьютерные компании, быстро отреагировало и правительство: принялось инвестировать средства в компьютерные школы и институты по подготовке специалистов в области компьютерных технологий, а также открывать и модернизировать курсы по развитию информационных технологий. Почуяв новые возможности, частные институты тоже занялись подготовкой таких специалистов. На сегодняшний день в Индии в общей сложности насчитывается более тысячи инженерных колледжей и столько же учебных заведений, выдающих диплом специалиста по компьютерным технологиям. Более 300 университетов и существующих при них колледжей

каждый год выпускают более двух миллионов программистов и компьютерщиков. Из них число выпускников инженерных учебных заведений составляет порядка 150 000 человек, а если принимать в расчет и выпускников политехнических институтов, то цифра превысит миллион.

Средний класс приложил немало сил, чтобы участвовать в образовательном буме и извлечь из него максимум пользы. На каждое место в Технологическом институте претендует несколько тысяч абитуриентов. В 2007 году общий письменный экзамен для поступления в Индийские технологические институты[1] держало 300 000 человек. Из них поступило 2000 — менее 1 % абитуриентов. Подобная конкуренция не может не внушать страх: в такой ситуации люди то и дело отказываются от своих планов, перестают верить в успех и выходят из борьбы. Но не индийский средний класс. У его представителей жестокая конкуренция только разжигает стремление к успеху. Родители с юных лет готовят детей к грядущей борьбе. Семьи со скромным бюджетом тратят астрономические суммы на частных преподавателей. Дети нацелены на подготовку к вступительным экзаменам, и нередко их усилия вполне можно назвать героическими. В своей книге "Что такое быть индийцем" я привожу два примера, которые заслуживают того, чтобы их воспроизвести вновь. 16-летний Шатрунджай Верма, лучший из двух миллионов выпускников 2003 года в штате Уттар-Прадеш, жил в деревне Багула Нада, в которой не было электричества. Он учился при керосиновой лампе и каждый день ездил в школу на велосипеде за 10 км. Другой пример: здесь речь пойдет о деревне Патватоли (штат Бихар), в которой живет отсталая община ткачей. В деревне царит полная нищета. Из такой среды выходят скорее наксалиты[1], чем выпускники инженерных институтов. Тем не менее к 2002 году 22 юноши из этой деревни, мечтая пополнить ряды среднего класса, поступили в разные технологические институты. К 2007 году число жителей этой деревни, поступивших в такие институты, увеличилось в пять раз. Это мальчики из бедных семей. У них не было денег, чтобы учиться на дорогих подготовительных курсах. Учебники они покупали на деньги от частных уроков, которые давали днем, а в институт готовились ночами. Серьезным препятствием было слабое знание английского языка, но, как потом признался один из этих студентов, на ночь он читал словарь, чтобы пополнить лексический запас. В 2007 году в один из Индийских технологических институтов поступил сын рикши Анупам Кумар. Сейчас его примеру готовится последовать его младший брат Абхишек. Поступил в технологический институт и Сантош Кумар, сын безземельного фермера из штата Бихар. По его стопам намерен пойти и его младший брат Саурабх. Сантош учился в школе, которая размещается в ветхой лачуге, но носит при этом имя знаменитого индийского математика Шриниваса Рамануджана. Руководит ею местный учитель математики Ананд Кумар, который тоже поступил в Индийский технологический институт, но его зачислили в Кембридж, а там он не мог платить за образование. В 2006 году из 30 учеников Ананда Кумара в технологические институты страны поступило 28 человек. В 2007-м, когда вышла эта книга, по его словам, должны были поступить все 30.

Неудивительно, что героями среднего класса становятся преуспевшие люди, "сделавшие себя" сами. Пожалуй, самым известным из них стал Нараяна Мурти. В 1962 году он блестяще сдал вступительный экзамен в технологический институт, но не смог учиться, так как его отец, госу-

1. Индийские технологические институты — система, в которую входит тринадцать технических институтов. Создавались в 1950 и 1960-е как Институты национального значения.

1. Неофициальное название вооруженных коммунистических отрядов в Индии.

дарственный служащий с зарплатой в 500 рупий в месяц, был не в состоянии платить 150 рупий за институтское общежитие. Несмотря на это, Мурти основал "Инфозис"[1]. Сегодня Мурти – один из самых богатых людей Индии. Средний класс любит истории о том, как нищие становятся принцами. У них вызывают уважение трудолюбие, упорство и самоотверженность подобных личностей; средний класс мечтает жить как эти "принцы". Но при этом предпочитает не тратить время на тех, кто так и остался нищим. Десять лет назад, когда я писал эту книгу, я критиковал средний класс за его установку: равнодушное отношение ко всему, что лежит за пределами его личных интересов, кроме разве пересчитывания денег в карманах богачей. На мой взгляд, с тех пор мало что изменилось.

Почему так происходит? Почему большинство индийцев так невосприимчивы к тому, что творится в обществе? Почему в их сознание не "встроены" такие понятия, как единство и общее благо? В 1997 году я все еще был оптимистом. Я верил, что средний класс, столь чуткий к собственным интересам, именно благодаря этой своей чуткости, осознает, как важно понимать их более широко. Необходимость этого очевидна. Вопрос в том, произойдет ли это. Мои сомнения основаны отчасти и на личном опыте. Когда эта книга впервые увидела свет, она вызвала большой резонанс. Меня часто приглашали выступать в разных городах Индии, и везде аудитория горячо воспринимала мысль о необходимости активнее участвовать в общественной жизни страны, где проблемы бедности, неграмотности и недоедания до сих пор стоят недопустимо остро. Однако те самые люди, которые в принципе соглашались со мной, на практике делали чрезвычайно мало, чтобы изменить себя. Складывалось впечатление, что их личности состояли из двух изолированных частей. Одна существовала на уровне теории и была гибкой и податливой, а другая – на уровне действий и ни на йоту не отклонялась от стандартного поведения, правила которого словно были высечены на каменных скрижалях. Мне задавали очень часто один и тот же вопрос: сможет ли сделать погоду один человек, если остальные будут по-прежнему бездействовать? Мой ответ, что усилие отдельно взятого человека тоже имеет значение и что перемены – процесс постепенный, почти никого не убеждал.

Тогда, в 2000 году, мы вместе с журналистом Ренукой Нараянаном выпустили книгу под названием "Извлеките максимальную пользу из жизни: план действий для среднего класса"[1]. Мы надеялись, что она станет практическим руководством, с помощью которого средний класс сумеет повернуться к обществу лицом. Я говорил, что рядовому представителю среднего класса не нужно копировать Махатму Ганди, идеализм и социальная отзывчивость которого были столь высоки, что обычному человеку подражать ему очень трудно, если вообще возможно. Опасность заключалась в другом – будучи не в состоянии вести себя, как Ганди, большинство представителей среднего класса бросились в иную крайность: такое понятие, как общественное благо, для них попросту исчезло. Задача состояла в том, чтобы найти образ жизни, который находился бы между этими двумя полюсами. Обычные люди, не отказывающиеся быть членами общества, а заодно и вкушать радости жизни, тоже могли бы сделать немало и стать полноценными гражданами страны, в которой живут, а не быть, так сказать, в положении квартирантов. Для того чтобы показать, что это реально, я стал раз в две недели писать в "Хиндустан таймс", где рассказывал о людях и организациях,

1. "Infosys" – международная компания, занимающаяся разработкой сложного программного обеспечения для электронной коммерции и телекоммуникационных компаний.

1. Pavan Varma. Maximize Your Life: An Action Plan for the Middle Class.

относившихся как раз к той самой средней части общества. Я хотел, чтобы они послужили примером хотя бы для некоторых представителей среднего класса, которые желали делать больше, но не знали, с чего начать. Эти колонки под названием "Люди как мы" были позже опубликованы отдельной книгой.

Книга "Извлеките максимальную пользу из жизни: план действий для среднего класса" бестселлером не стала. По правде говоря, она продавалась хуже всех моих книг. Что касается колонки "Люди как мы", то через год мы оставили эту затею. Постепенно я пришел к твердому убеждению, что деятельную заботу о страждущих и обделенных никак нельзя назвать сильным качеством индийского характера. Богатые в Индии никогда не проявляли особого интереса к океану нищеты, среди которого жили. В стране, которая входит в число "лидеров" по уровню бедности, повсеместно распространено стремление к богатству и изобилию, ставшее самоцелью. Бедные, хотя в чем-то и обойдены, в этом отношении от богатых не отличаются. Они хотят стать богатыми — а почему бы и нет? Но как только им удается вскочить на заветную подножку, а то и подняться повыше, они точно так же, как богатые, становятся безучастными к тем, кто остался сзади. Буйное развитие потребления после 1991 года — явление, касавшееся отнюдь не только среднего класса, хотя именно на его примере этот процесс проявился наиболее наглядно. Стремительное распространение потребительской философии в принципе полностью соответствует устремлениям индийцев. Несмотря на то что индийцы всегда идентифицируют себя с той или иной крупной социальной группой (родом, кастой или общиной), они, как правило, невероятно эгоцентричны, замкнуты в собственном мире проигрышей и выигрышей и больше ничем не интересуются. Принято считать, что люди рождаются, чтобы жить так, как им на роду написано, а следовательно, страдать или преуспевать в зависимости от своих кармических "наработок". Жизнь — длинная сага, и возможность вырваться из нужды и голода, о которой мечтает бедняк, вполне может представиться в следующем рождении без всякого человеческого вмешательства. Эта-то философия и воспитывает подозрительное отношение к коллективному альтруизму и укрепляет уверенность в том, что в качестве движущей идеи личная выгода выше, чем общественное благо. Иерархия воспринимается как одна из важнейших закономерностей общественного устройства. Представителям низших сословий суждено жить в лишениях, а стоящим на самом верху (правда, находящиеся ниже все равно смотрят на них не без зависти) положено обладать тем, чем они и обладают. Если же подворачивается возможность вырваться из дыры, куда закинуло человека провидение, нужно, вопреки сопротивлению окружающих, воспользоваться предоставившимся случаем и сделать личное усилие — ради личной выгоды.

При таком взгляде на жизнь вся моя затея с развитием социальной отзывчивости, какими бы проповедями и агитацией она ни сопровождалась, теперь представляется мне ущербной изначально. Недавний призыв, с которым обратился к стране премьер-министр Индии Манмохан Сингх — повышать социальную ответственность и ограничивать неумеренное потребление, был воспринят, как и следовало ожидать, довольно цинично. Настроенные критически полагают, что прежде чем взывать к бизнес-сообществу, премьер-министр мог бы сначала обратить внимание на расточительность правительства, министров и их приближенных. И тут они правы. Однако, в сущности, оригинальная идея Ганди, мыслившего себе общество как некий трест, где богатые добровольно отдают часть своего богатства бедным, стала типичным случаем "разговоров в пользу бедных" — ослепленный собственным идеализмом мессия сам не ведал, каков на деле окружающий его мир. Стремиться к личному благосостоянию, не учитывая потребностей общества, — свойство индийского характера в целом и среднего класса в част-

ности. Если же говорить о выработке реалистичных политических решений, то выбор таковых весьма невелик. Идеи социализма или хотя бы государства всеобщего благосостояния, понимаемого в самом широком смысле, всегда были обречены на провал. А единственная разновидность капитализма, которая может оказаться продуктивной, похоже, несет на себе проклятие социального равнодушия.

В такой ситуации реальным средством, которое могло бы преодолеть "окаменевшее нечувствие" среднего класса, должны стать не благостные увещевания политиков, а демократические методы, способствующие укреплению политического влияния малоимущих слоев общества. За шесть десятилетий работающая демократия дала "немытым толпам" голоса и властные полномочия – если бы не это обстоятельство, преуспевшие давно бы создали собственную республику. Нехотя и с трудом средний класс начинает понимать, что в сегодняшней Индии приоритетными становятся отнюдь не его интересы. Для класса, который с 1947 года обладает исключительно высоким влиянием (непропорционально высоким, учитывая его численность), это, безусловно, явление новое. Конечно, он все еще сохраняет влияние. Однако теперь сознает, что получить желаемое может, только конкурируя с другими, доселе более пассивными группами населения. Именно это понимание вынуждает его наиболее разумных представителей поворачиваться к обществу – в собственных же интересах.

Хороший пример подобных перемен – деятельность представительских групп Ассоциации благосостояния жителей[1] в крупнейших городах страны. Средний класс начал проявлять активность и в других областях. Вечером 29 апреля 1999 года Ману Шарма, избалованный сынок влиятельного индийского политика, в приступе пьяной ярости убил выстрелом в голову молодую симпатичную Джессику Лал в присутствии многочисленных свидетелей. Только потому, что девушка отказалась продать ему очередную порцию виски. Суд первой инстанции его оправдал. Тогда средний класс, едва ли не впервые, дал волю своему негодованию. Его неоценимым "пособником" стала революция на рынке средств коммуникаций. Практически у каждого представителя среднего класса был мобильный телефон, а у кого не было, тот собирался приобрести его в ближайшем будущем. И рассылка SMS-сообщений оказалась действенным средством, благодаря которому удалось расшевелить людей и организовать коллективное выступление. Кроме того, сегодня есть возможность обратиться к гораздо более широкой аудитории через СМИ, которые, используя в борьбе за рейтинг адресное вещание, могут превратить то или иное отдельно взятое происшествие в самое важное событие для судьбы целой страны. На протяжении нескольких недель все телеканалы проводили опросы общественного мнения: людей спрашивали, что они думают по поводу оправдательного приговора. Создавались комитеты, следившие за тем, чтобы по делу Джессики Лал свершилось правосудие. В общественных местах проводились акции памяти с зажженными свечами и ночными бдениями. Дело кончилось тем, что в Верховный суд была подана апелляция, и комиссия из двух судей отменила приговор, а 20 декабря 2006 года было оглашено новое решение: Ману Шарме дали пожизненный срок. Вне всякого сомнения, в этом случае средний класс одержал важную победу.

И все же главное – не утратить чувства реальности. Дело Джессики Лал могло бы стать первой ласточкой, свидетельствующей о том, что образованные индийцы начинают высвобождаться из кокона индивидуализма и переходят к осознанным коллективным действиям общественного характера, но на самом деле средний класс просто отреагировал на ситуацию, непосредственно

1. Resident Welfare Associations (RWA) – неформальные общественные объединения.

затрагивавшую его мирок и его благополучие. Джессика была девушкой из среднего класса, и ее страшное убийство заставило содрогнуться каждого индийца — представителя городского среднего класса. Беззастенчивая попытка обелить виновного была воспринята как личный вызов каждым его представителем, а потому у всей этой группы возникло стремление выступить против произвола. Это пример положительный. Однако трезвый подход состоит в том, чтобы не делать поспешных выводов и не рассчитывать, что индийский средний класс станет так же реагировать на десятки изнасилований и убийств, на то и дело имеющий место сговор между властями предержащими, о которых помалкивают СМИ, как помалкивают и о бедах тех, кто к среднему классу не принадлежит. И тот же средний класс, который в деле Джессики Лал так организованно выступил в защиту правосудия, сегодня выступает в качестве "выгодоприобретателя" в тысячах других, более мелких, случаев несправедливости, коррупции и аморализма. Если говорить о коррупции, то средний класс по-прежнему, с одной стороны, выражает негодование по поводу ее проникновения в самые "высокие" кабинеты, а с другой — отнюдь не чурается ее в собственной практике. И здесь опять я невольно прихожу к выводу, что индийцы вообще не считают коррупцию злом и только злом. Они видят в ней некий инструмент для достижения цели. Инструмент вредный, если им пользуется кто-то другой, но вполне приемлемый, если им пользуешься ты сам. Прагматизма ради индийцы признают, что коррупция нужна, и относятся к ней вполне терпимо — вопреки всем своим лицемерным разглагольствованиям о необходимости борьбы с ней. Единственным средством от этой пагубы остается более широкое применение новейших технологий и тесно связанные с ним политические реформы, которые несколько минимизируют роль человеческого фактора в нашей стране.

Что у среднего класса и в самом деле изменилось, так это его отношение к провокациям, ведущим к межконфессиональным столкновениям. Когда в начале 1990-х страсти вокруг Бабри масджид[1] достигли высшего накала, многих представителей индийского среднего класса легко было привлечь на ту или другую сторону — мусульман или индуистов. Официальной позицией властей был секуляризм, однако за их разговорами о светском государстве скрывалась озабоченность тем, что им казалось опасным заигрыванием с меньшинствами, а это, в свою очередь, порождало враждебность среди отдельных групп. Сегодня этот средний класс, по всей видимости, уже понимает, как играют на чувствах верующих политические партии. Большинство представителей среднего класса стремятся покинуть островки религиозной исключительности и плыть в сторону светского государства со всеми его преимуществами, то есть просто жить своей жизнью. Я могу подтвердить свою правоту простым примером: сравните, как отреагировал средний класс на взрывы в Мумбаи в 1993 и 2003 годах. В 1993 году индусские и мусульманские общины мгновенно превратились в два враждующих лагеря, а насилие продолжалось еще много дней спустя после катастрофы. В 2003 году и индусские, и исламские организации резко — и без промедления — осудили эти подлые провокации, а в очереди, чтобы сдать кровь для раненых, стояли вместе и индусы, и мусульмане. На следующий же день Мумбаи вернулся к жизни. Правда и то, что все меньше индийцев — представителей среднего класса вступают в ряды индийских националистических организаций. Да и среди мусульман — членов консервативной партии Дарул Улюм (Darul Uloom) в Деобан-

1. В декабре 1992 г. произошло кровавое столкновение между индуистами и мусульманами, поводом для которого стало разрушение в городе Айодхье древней мечети Бабура — Бабри масджид.

де — как никогда много изучающих компьютеры и английский язык. Нестабильность, к которой приводят религиозные распри, отвлекает представителей среднего класса от главной цели: скорейшего продвижения наверх. Чтобы вести борьбу за голоса представителей среднего класса, политическим партиям пришлось ступить на секулярную почву. И это к лучшему.

На самом деле благодаря расширению сферы светского государства стали расти паниндийские настроения, которыми сегодня охвачен весь средний класс. На протяжении нескольких десятилетий этому способствовало многое: и большая доступность образования, и мобильность рабочей силы, и радио (в том числе на новых частотах FM), и телевидение (включая и кабельное, абонентами которого стали, среди прочих, тысячи человек, проживающих в сельской местности), и фильмы (по тысяче новых лент в год), и связанная с киноиндустрией индустрия музыкальная, и развивающийся рынок, и реклама, и увеличивающееся потребление, и растущие тиражи газет (совокупный размер читательской аудитории составляет до 200 млн человек по всей стране), и развитие внутреннего туризма (по выходным до 200 млн индийцев совершают поездки по стране), и проводная и беспроводная телефонная связь, и наконец всепроникающая поп-культура (которая одна только знает, почему альбом под названием "Пенджабский", записанный Дейлером Менди, побил рекорд продаж в штате Керала, где большинство не имеет ни малейшего представления, о чем он поет). Вследствие всего этого сегодня большинство индийцев среднего класса одинаково одеваются, питаются одними и теми же продуктами фастфуда, посмотрев один и тот же фильм, напевают один и тот же мотивчик, стремятся к обладанию одними и теми же предметами, говорят на одной и той же смеси английского и хинди, хотят получить сходную работу, спешат домой смотреть одни и те же сериалы и вообще, незаметно для себя, становятся почти неотличимыми друг от друга, чего прежде никогда не бывало.

Это всеохватное — за неимением лучшего слова — взаимоуподобление разбавило традиционные нормы, но не сумело их отменить. Например, кастовая система все еще сохраняет свое влияние, хотя оно и заметно ослабело. Брачные объявления, по-прежнему занимающие по несколько полос в ежедневных газетах, до сих пор компонуются по кастовому признаку. Однако все чаще в них попадается фраза о том, что принадлежность к другой касте не является неодолимым препятствием для супружеского союза при условии компенсации определенными преимуществами (читай — материальным и общественным положением). Вне всякого сомнения, увеличивается число межкастовых браков, особенно в крупных городах. Кастовая принадлежность соискателя перестает играть существенную роль при приеме на работу. Из "миски салата" Индия постепенно превращается в "плавильный котел", и средний класс играет при этом ведущую роль.

Однако никто не может с уверенностью сказать, что же варится в этом котле, особенно если зачерпнуть поглубже. Понимание необходимости перемен то и дело наталкивается на привычную пассивность. Калейдоскоп искрится тысячью разноцветных стеклышек, однако вращается с такой скоростью, что узора, в который они складываются, почти не разглядеть. В городах, где едва ли не каждое утро возникают новые кварталы с гигантскими торговыми центрами, а молодежь, измученная подражанием западному выговору, после бессонной ночи с трудом выползает из колл-центров, разбросанных по всей стране, частная жизнь представителей среднего класса пребывает в переходной стадии, где прошлое и настоящее существуют в странных, порой неожиданных формах. Если считать показательными тенденции кино и СМИ, то налицо больше сексуальной свободы. Однако в жизни нравы все еще консервативны, а терпимость по отноше-

нию к ханжеству — соответственно — выше. Недавно власти одной из провинций потребовали запретить презервативы с виброкольцами, изготавляемые некой государственной компанией, мотивировав это тем, что подобные вещи "противоречат индийской культуре". При этом в крупнейших ежедневных газетах страны публикуются столбцы рекламных объявлений о массажных салонах, которые обещают клиенту, что в заботливых руках женщин из России, Испании и Индии ему гарантировано исполнение любых желаний. Прилюдные ласки в больших городах уже не редкость. Однако некоторые правые группировки по-прежнему ставят себя в глупое положение, пытаясь время от времени объявлять войну парочкам, предающимся любовным утехам в общественных местах. Все больше женщин из среднего класса идут учиться в колледжи, а затем поступают на работу. И все же гендерные стереотипы все еще сильны даже у тех, что называют себя эмансипированными. Талантливые и умные инженеры из таких современных организаций, как "Инфозис" в Бангалоре, отвергают гендерную иерархию на работе, но не в отношениях с родителями, женой или слугами. Многие образованные мужчины на людях осуждают обычай брать за невестой приданое, но в то же время молча уступают требованиям родителей, способствуя тем самым его сохранению. Традиция счастливо уживается в Индии с новыми веяниями, и среднестатистический представитель среднего класса во многих отношениях являет собой пример уравновешенного шизофреника. Как я не раз говорил, индийский ум похож не на сервант, а на комод: выдвиньте один ящик и увидите в нем компьютерную клавиатуру, по которой быстро бегают пальцы человека XXI века; выдвиньте другой — и в нем вы вполне можете найти астрологическую карту этого же человека, составленную каким-нибудь шарлатаном, утверждающим, что он специалист по гороскопам.

Между переменами и застывшей традицией возникает пустое место, которое постепенно становится частью привычного — для среднего класса — пейзажа. Уходят в прошлое такие явления, как совместное существование нескольких поколений, когда женатые дети остаются в отчем доме, при том что новые традиции формирования молодых семей еще не сложились. Отдельные семьи (супружеская пара и дети), живущие в "джунглях" стремительно растущих безликих городов, до сих пор не могут приспособиться к новым видам деятельности и новому стилю жизни — столь желанным, но трудным в освоении. Явное воодушевление, вызванное открывшимися возможностями, соседствует с подспудным ощущением отстраненности и апатии. Ностальгия по утраченному — более предсказуемому и менее бурному — образу жизни зачастую ограничивает выброс адреналина и не дает ему подняться до уровня, необходимого, чтобы воспользоваться преимуществами возникшей конкуренции. Наверное, именно этим объясняется, почему в последнее время, как грибы после дождя, появляются все новые и новые гуру современных вероучений, борющиеся между собой за право унимать тревогу среднего класса (и это при том, что тиски канонических религий и ритуалов заметно ослабли). Их выступления транслируются по нескольким телеканалам, а йога-гуру Баба Рамдев приобрел чуть ли не культовый статус. Маниакально развивающаяся индустрия развлечений тоже старается заполнить пустоту. Взять хотя бы доморощенную копию Голливуда, из-за которой огромные толпы представителей среднего класса вечерами напролет сидят дома, "приклеившись" к "ящику для идиотов". Что касается семей, занятых хотя и более благодарным, но все более и более однообразным делом — добычей жизненных средств, они, не без усилий со стороны СМИ, открывают для себя искусительный мир гламура. Все это свидетельствует об ослаблении культурных традиций и тяге к имитации: посмотрите, как

популярен стал сейчас День святого Валентина. Между тем ни один из подростков, к которым я обратился с соответствующей просьбой, не смог сделать подстрочного перевода нашего национального гимна. Так возникает еще одна серьезная угроза: мир среднего класса может стать очередной копией основных парадигм западной культуры.

По мере того как Индия превращается в мировую державу, средний класс все больше проникается новым ощущением гордости. Он больше прочих выиграл от реформ 1991 года и убежден, что Индию ждут большие перемены и что она наконец займет приличествующее ей место на международной арене. К сожалению, охваченный эйфорией, он все больше забывает о печальной участи бедных и обделенных. Самоубийства фермеров или нищета трущоб, невыносимое зрелище голодных детей или огромное до сих пор количество неграмотных индийцев — всего этого не существует ни в неоновом сиянии огромных торговых центров, ни в ярком блеске новых рабочих перспектив. Для среднего класса важно, что экономика растет беспрецедентными темпами, что достижения Индии в целом ряде областей вынуждают мировое сообщество относиться к ней с огромным уважением, что многие индийцы прекрасно зарекомендовали себя за границей и что их страна является ядерной державой. Справедливости ради надо сказать: средний класс считает, что приложил немало сил к тому, чтобы Индия пришла в движение, и потому заслуживает аплодисментов. Типичный представитель нынешнего среднего класса и в самом деле карабкался вверх, не имея ни в чем уверенности: ни в доступности среднего образованиия, ни в подаче воды и электричества, ни в медицинской помощи, ни в получении высшего образования, ни в том, что у него будет жилье, — все это надо было добывать с боем. Например, в Нью-Дели бесперебойная подача электричества — роскошь, доступная лишь избранным. Люди считают, что им повезло, если за вечер электричество отключили всего один раз и ненадолго. Когда они просыпаются на следующее утро, в сердце у них весна, им нипочём разбросанный вокруг мусор, они бодро шагают в новый день. Каждый день городу не хватает 568 тысяч кубометров воды, тем не менее он продолжает развиваться и расцветать. Телевизор есть у трех четвертей семей, у 50 % жителей Нью-Дели имеется счет в банке, а на улицах города столько автомобилей и мотороллеров, сколько во всех прочих крупных городах страны, вместе взятых. Чудо состоит в том, что значительная часть людей, похоже, с этим справляется и, более того, стремится к большему, как если бы все было нормально. Те, у кого есть вентилятор, собираются приобрести кондиционер; у кого есть велосипед, мечтают о мотороллере. Те, у кого небольшая машина, надеются обзавестись автомобилем побольше, а те, у кого жизнь не очень задалась, трудятся, чтобы дать своим детям возможность жить лучше. В этом непрерывном цикле все возрастающих ожиданий трудности считаются естественной частью процесса. Если сегодня на вас обрушились невзгоды, завтра может достаться награда. Дистанции без препятствий не бывает — препятствий, которые устанавливает мир. И типичный представитель среднего класса, целиком поглощенный собственными заботами, переносит трудности безропотно, стойко, героически. Лучше всего это описывается фразой, которую я прочел на повозке делийского рикши. Мудрая мысль была сформулирована предельно лаконично: *Хота хэ* — Все бывает!

Что такое быть индийцем

Там, где Ганг спускается с Гималайских гор, чтобы продолжить свой долгий путь по равнинам до самого моря, стоит Хардвар — город, священный для всякого индуса. Каждый день сюда стекаются тысячи странников. Среди суеты и толчеи паломников и богомольцев в любое время года, даже зимой, видно, как в ледяной воде речных перекатов стоят несколько человек. Дни напролет эти люди внимательно всматриваются в стремительный поток сквозь прозрачные стекла, которые держат в руках. Их немигающий взгляд свидетельствует о сосредоточенности, пожалуй, более глубокой, чем у толпящихся здесь же многочисленных молящихся. Правда, намерения у этих людей иные: они не стремятся стяжать дар молитвы, или идти путем мокши, или познать способ спасения души по выходе ее из тела. Все их внимание нацелено на монетки на дне реки, заметив которые, они виртуозно извлекают их из воды босой ногой.

Индия — одна из тех стран, которые очень трудно описать. Дать определение, кто такие индийцы, тоже нелегко, особенно сегодня, когда они выходят из-под сени истории в ярко освещенный мир глобализации. Эта книга представляет собой попытку понять, какие мы на самом деле, кто мы в контексте нашего прошлого и в свете перспектив, открывающихся перед нами. Это рискованная задача. Индия слишком велика и слишком многообразна, чтобы к ней можно было применить универсальные категории. На каждое обобщение найдется исключение, которым нельзя пренебречь. На каждую аналогию отыщется некое существенное отличие. Поэтому в этой книге я хотел бы заранее попросить прощения у тех, чьи чувства могут быть задеты, или у тех, кто видит себя совсем не так, как описано здесь. Я хотел написать портрет, как можно более правдивый, однако признаю, что истина не универсальна и исключения неизбежны. Должен заметить, что иногда я использовал слова "индусский" и "индийский" в качестве взаимозаменяемых понятий. Это вызвано отнюдь не шовинизмом, а всего лишь тем, что огромное большинство индийцев исповедуют индуизм. В любом случае есть черты, вне всякого сомнения, свойственные всем индийцам, независимо от их религиозных убеждений.

Сегодня, похоже, Индия готова к взлету. Однако, прежде чем анализировать, как это случилось, следует избавиться от эйфории, вызванной нынешним подъемом. Пытаясь написать портрет народа, который на протяжении тысячелетий подвергался испытаниям в горниле истории, невозможно получить черно-белое изображение. Не бывает так, чтобы все было только правильно или только неправильно. Задача состоит в том, чтобы на основании разных черт, свойственных этому народу, составить своего рода бухгалтерский баланс и попробовать доказать, что, несмотря на очевидные слабости, сильные стороны в конце концов возобладают. В этих расчетах значительная роль отводится культуре, истории и структуре общества, а также внутренней стойкости народа, его устремлениям и амбициям. В нашем случае мы должны также учитывать наш непостижимый талант доводить дело до конца, несмотря ни на что, умение обращать слабость в силу и конечно же — удачливость.

Материал для книги я собирал в течение нескольких лет, но писал ее в основном на Кипре, когда работал там дипломатом. На этом прекрасном острове мне были обеспечены и хорошие условия, и географическая дистанция, необходимые для того, чтобы писать о предмете, столь близком моему сердцу...

© Pavan K. Varma, 2004

Итак, цель этой книги состоит в том, чтобы попытаться провести новое, не похожее на остальные, исследование, что значит быть индийцем. Такое исследование сегодня особенно необходимо — и не только самой Индии, но и всему мировому сообществу. В XXI веке индийцем будет каждый шестой обитатель нашей планеты. Благодаря тому, что численность индийского среднего класса, главного покупателя товаров и услуг, превышает полмиллиарда, Индия может стать вторым по размерам потребительским рынком в мире. По паритету покупательной способности индийская экономика уже вышла на четвертое место. По размерам ВВП она входит в десятку крупнейших экономик планеты. Индия, крупнейшая в мире демократия, является ядерной державой и совершенно не сомневается в том, что имеет право стать постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Более того, сегодня на субконтиненте время больших перемен. В данный момент количество дипломированных специалистов-индийцев превышает численность всего населения Франции. Индия становится признанным поставщиком информационных технологий. Через несколько лет годовой объем экспорта программного обеспечения превысит 50 миллиардов долларов США. По размеру индийская диаспора уступает только китайской. Из всех этнических сообществ США самым состоятельным оказались индийцы. Их численность растет и во многих других странах, в том числе в Соединенном Королевстве и в государствах Персидского залива. Хочет того мир или нет, в новом тысячелетии будет очень трудно так или иначе не соприкасаться с индийцами. Поэтому сегодня, больше, чем когда-либо, столь важно ясно и честно сказать себе, что же это такое — быть индийцем.

До сих пор исследованиям такого рода сильно мешали два фактора. Первый — стереотипное восприятие Индии иностранцами. И второй — восприятие себя самими индийцами, а также тот образ себя, который они стремятся создать. Что касается иностранцев, то, оказавшись в Индии, они обычно замирают от восторга или от ужаса. Их поражает обилие впечатлений. Примеров можно привести много, однако достаточно и одного, чтобы проиллюстрировать слегка истеричную тональность отзывов иностранцев. Вот как описывал Индию Марк Твен, побывавший там в конце XIX века: "Это и есть Индия! Земля грез и романтики, неслыханного богатства и небывалой нищеты, роскоши и бедности, дворцов и лачуг, духов и исполинов, ламп Аладдина, тигров, слонов, кобр и джунглей; страна сотен народов и языков, тысячи религий и двух миллионов богов... Это колыбель людской расы, место рождения человеческой речи, мать истории, бабушка легенды, прабабушка традиции..."<...>

В колониальный период восприятие Индии было искажено тем, что Эдвард Саид[1] назвал "ориентализмом" Запада. Восток был чужим и "другим", а обитавшие там народы воспринимались как незнакомые "они", совсем не похожие на хорошо знакомых "нас". У большинства англичан Индия вызывала поверхностную реакцию: эйфорию — или осуждение. Страна казалась им непоправимо раздробленной и поразительно духовной, практически неуправляемой и простодушно самоуверенной, безнадежно коррумпированной и блаженно-нематериалистичной, невыносимо непонятной и при этом очаровательно древней и исполненной откровений. Соответственно сами индийцы оказывались неисправимо ленивыми или потрясающе трудолюбивыми, ужасно суеверными или удивительно развитыми, омерзительно подобострастными или постоянно бунтующими, невероятно

1. Эдвард Саид (1935–2003) — американский литературовед, культуролог, историк, автор ряда книг, в том числе нашумевшего "Ориентализма", в котором он критикует восприятие Востока западной наукой, обвиняя ее в оправдании колониализма.

талантливыми или откровенно подражающими другим — народом великой культуры или безнадежной нищеты, а главное — слишком многочисленным. Британские ученые были сильны в описании отдельных сторон действительности — например, флоры и фауны или географических особенностей Индии — так, они составили прекрасные географические справочники. Однако частное иной раз легко превращалось в общее, куда включались и менее изученные явления. Так, немецкий санскритолог Макс Мюллер, всю жизнь посвятивший индийской философии, страстно доказывал, что индийцы, помимо всего прочего, исключительно честны.

Когда Махатма Ганди возглавил борьбу за освобождение, его идея межконфессиональной гармонии и выбор *ахимсы*, или стратегии ненасилия как способа победить Британию, привели к возникновению нового образа индийцев — терпимого народа, не приемлющего насилие. За долгое время, что первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру оставался у власти, сложилось представление о миллионах демократически настроенных индийцев, изо всех сил пытающихся перейти от традиционного уклада к современному. Известный экономист Джон Кеннет Галбрейт, который жил в Индии и был другом Неру, как-то произнес знаменитую фразу, назвав Индию "функционирующей анархией". Несколько десятилетий спустя он был вынужден признаться, что сказал это только для того, чтобы "привлечь к себе внимание".

После экономических реформ 1991 года и ядерных испытаний 1998 года "точка" Индии на радарах политтехнологов и аналитиков-экономистов — в первую очередь западных — стала расти. Британский журнал "Экономист" сравнил Индию с проснувшимся слоном, который тяжело и неуклюже, но все же отправился наконец к своему загону на рынке. Стивен П. Коэн написал исследование, основанное на большом количестве документальных источников, в котором задавался вопросом: станет ли Индия когда-нибудь сверхдержавой или так и останется страной "вечного роста"? Впрочем, подобные экзистенциальные сомнения вряд ли одолевают умы менее "ученых" туристов, которые, к огромному сожалению, приезжают в Индию в гораздо меньших количествах, чем хотелось бы Министерству туризма. Те же, кто оказывается в Индии, как правило открывают для себя ее древнюю культуру, знакомясь с великолепными историческими памятниками, разбросанными там-сям по всей стране. Они уже читали о духовности Индии и, так сказать, видят ее воочию, глядя на высокие шпили, венчающие храмы Южной Индии, и на паломников, совершающих омовение в водах Ганга в Варанаси. Чтобы запечатлеть все многообразие блюд и одежд, их фотоаппараты и кинокамеры изводят километры пленки. Как бы в подтверждение той невообразимой экзотики, которая была им обещана, они за бесценок скупают изделия ручной работы. Современную Индию они открывают для себя, встретившись с индийцем, который говорит по-английски, или глядя на очередной небоскреб в городах-мегаполисах. Обманувший их зазывала — лишнее подтверждение тому, что в странах со слаборазвитой экономикой обычно процветает коррупция. От нищеты и нечистот тошнит, однако, не особо утруждаясь поисками причин, они и это относят на счет духовности Индии, существующей вне времени и реальности. Чуть больше времени уходит на то, чтобы объяснить, как случилось, что народ, проповедующий отказ от насилия, взорвал ядерную бомбу. Однако тут их поездка подходит к концу. Турист возвращается домой, недоумевая, как такой огромной стране удается сохранять целостность и как получается, что толпы нищих оборванцев продолжают голосовать за демократию. Ни одно из полученных впечатлений нельзя назвать совсем неверным. Индийская реальность одновременно и прозрачна, и мутна. Все, что лежит на поверхности, точно такая же правда, как и все, что скрыто от чужих глаз.

Иностранцы видят лишь то, что открыто взгляду, и увязывают это с собственным представлением о "великой индийской цивилизации". В этом процессе многое ускользает даже от внимательного критического взгляда, и очень часто оказывается, что выводы, к которым приходят посторонние, или неверны, или верны отчасти. Однако чужим можно простить ошибки. Но не индийцам. На протяжении многих лет руководство страны и образованные индийцы сознательно создают заведомо ложный и приукрашенный образ своего народа, заставляя при этом доброжелательного и доверчивого туриста (а в еще большей степени иностранного ученого) в него поверить. Хуже того, они сами влюбились в этот имидж и уже не в состоянии осознать, что это неправда.

Образ этот возник в результате логического парадокса: неподражаемого умения индийцев подменять сомнительным и чаемым реально существующее. С тех пор как в 1947 году Индия получила независимость, она остается парламентской демократией. Тем самым нельзя отрицать, что по характеру индийцы – демократы. В Индии возникло и продолжает развиваться несколько религий, поэтому, что касается мироощущения, – индийцы чрезвычайно духовны. В Индии нашли пристанище приверженцы разных верований, так что индийцы в основном отличаются терпимостью. Махатма Ганди победил британцев, сделав ставку на *ахимсу*, и, значит, индийцы – мирный народ, не склонный к насилию. В индуистской философии этот мир видится преходящим и эфемерным; следовательно, индусы – люди не от мира сего, обладающие нематериалистическим мышлением. Индия хранит многообразие, это означает, что индийцы придерживаются эклектических и широких взглядов.

Сегодня Индия играет столь важную роль, а в грядущие десятилетия потенциал ее настолько возрастет, что оставаться заложниками такого рода примитивного мифотворчества больше невозможно. Наверное, в 1947 году существовали определенные причины, в силу которых распространение подобных мифов поддерживалось и поощрялось сверху. Тогда, как тяжелые дождевые тучи в сезон дождей, над страной навис страх: достанет ли жизнеспособности молодой стране, только что добившейся независимости? Государство было ослаблено. Раздел серьезно подорвал надежды на достижение межконфессиональной гармонии. В сохранении единства нации полной уверенности тоже не было. В такой ситуации все правительства начинают заниматься мифотворчеством, чтобы сплотить народные массы. Индия нуждалась в этом едва ли не больше прочих. Однако то, что было выгодно для государства в период становления, вскоре превратилось в сознательный и постоянный обман целого народа. Из-за того, что мифы нередко содержат толику правды, внимательному взгляду не сразу удается разглядеть, что красивое шитье оторвано от платья. Однако вопрос слишком серьезен, чтобы сводить его к банальной критике уловок профессиональных имиджмейкеров. Сегодня необходимо осознать, что подобное намеренное искажение реальности ставит под удар долгосрочные интересы Индии при решении по меньшей мере двух важных задач. Первой – правильного выбора политики и программ, нацеленных на эффективное использование подлинных черт характера и сильных сторон индийского народа, что особенно важно в свете наших новых задач. Второй – создания более точного представления об Индии и индийском народе у мирового сообщества, которому в скором времени предстоит активно взаимодействовать и с нашей страной, и с ее народом.

На то, чтобы в самом деле уничтожить ложь, которая пришла к нам из прошлого, потребуется смелость: это все равно что поставить под сомнение основы государства. Впрочем, решение этой проблемы нельзя откладывать "на потом", как и подходить к ней формально или не-

достаточно жестко: слишком высоки ставки. В этой ситуации нужен некий "интеллектуальный растворитель", который мог бы прочистить ватное сознание нашего придуманного мира и заставил бы нас задаться некоторыми фундаментальными вопросами. Почему индийскую элиту, конечный продукт 5000-летней истории нашей цивилизации, оказалось так легко колонизировать, что она превратилась в "хороших мальчиков" Маколея[1]? Почему нас так часто завоевывали? Из-за нашего характера, отвергающего насилие, или из-за нашей готовности признавать того, кто сильнее, и даже сотрудничать с ним? Почему индийцы так малодушно простираются ниц перед богатыми и могущественными и почему они так равнодушны к страданиям слабых и бедных?

Несмотря на вопиющую несправедливость общественно-политического строя, в Индии не было революционного переворота ни до, ни после обретения независимости. Что это, еще одно доказательство нашего неприятия насилия, или ответ следует искать в чем-то другом? Почему народ, видевший перед собой пример Махатмы Ганди с его высочайшей нравственностью, так быстро стал невероятно коррумпированным? На самом ли деле мы готовы отказаться от цели, для достижения которой требуются неправедные действия, или же мы стремимся только к конечному результату невзирая на средства?

Называя "неприкасаемыми" крупнейшую группу своих единоверцев, индусы до сих пор практикуют — в рамках кастовой системы — одну из наиболее жестких систем дискриминации. Так имеют ли они на самом деле право называться толерантными? А если нет, то как получается, что в Индии сохраняется секулярность, и отчего мы полагаем, что в ближайшие годы она только укрепится? Можно ли считать демократичным народ, столь осмотрительно сохраняющий верность иерархическим и "статусным" ценностям и укладу, в котором изначально отсутствует равенство? Если же нет, то почему в Индии сохраняется и процветает парламентская демократия? Можно ли считать, что народ, чьи просвещенные представители чуть не до смерти избивают слуг, лишают зрения подследственных, чтобы вынудить их к признанию, или сжигают жен, за которыми не дали большого приданого, по своей сущности не склонен к насилию? А если склонен, то как же получилось, что политика ненасилия, избранная Ганди, оказалась успешной, а революционный пыл Субхаса Чандры Боса или Бхагата Сингха привлек так мало последователей?

Первым требованием любой переоценки должна быть честность. Народ, который называет торговца *махаджан*, или великая душа, горячо чтит богиню богатства Лакшми и превозносит стремление к материальному благосостоянию, *артхе*, как одну из главных целей жизни, этот народ вместе с тем пользуется репутацией "духовного" и "не от мира сего". Так в каком же смысле мы духовны и какую роль эта хваленая духовность играет в нашей жизни? Страна, где так много этносов, культур и языков, сумела сохранить единство. Как это случилось? Благодаря некой уникальности индийской "души" или "духа"? Или растущее чувство паниндийской общности является результатом чего-то менее возвышенного и более соответствующего нашей подлинной сути?

Отвечать на эти вопросы следует спокойно. Они сформулированы не для того, чтобы обличать или, наоборот, восхвалять. Это вопросы нейтральные. Они нужны только затем, чтобы заставить нас пересмотреть некоторые взгляды. Ответы, которые мы предлагаем, и легли в основу этой книги. Здесь же можно лишь кратко изложить их суть. Ин-

1. Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – английский историк, публицист и государственный деятель; в 1833–1838 гг. член Верховного совета при вице-короле Индии. Провел в Индии реформу просвещения, направленную на насильственное введение английского языка и культуры.

дийцы необычайно любят власть. Они считают стремление к власти законным и самодостаточным и проявляют величайшие хитрость и изворотливость, приспосабливаясь к власти или стараясь выявить, кому она принадлежит. Они уважают власти предержащие и готовы сотрудничать и договариваться с ними в личных целях. Ради власти они прибегают к фракционной борьбе и интригам и чувствуют себя при этом как рыба в воде. Тех, кто отвергает блеск власти, они боготворят, но не потому, что хотят последовать их примеру, а из чувства священного ужаса перед удивительной способностью отказаться от того, перед чем устоять невозможно. Несмотря на недавние перемены, о которых мы поговорим позже, индийцы необычайно чтят иерархию и склоняются ниже, чем следовало бы, перед теми, кого считают выше себя, и презирают и унижают тех, в ком видят "низших". Понятно, что они придают большое значение самооценке и я-образу, соответствующим определенному "статусу". Индийцы не демократичны ни на уровне инстинкта, ни на уровне темперамента. Демократия в Индии сохраняется и процветает только потому, что индийцы быстро распознали в ней наиболее эффективную систему карьерного роста, открывающего возможности для стяжания личной власти и богатства.

Индийцы никогда не были и не будут людьми "не от мира сего". Они мечтают о материальных благах, которые предлагает им этот мир, и с уважением относятся к богатым. В погоне за прибылью они упорнее многих. Из них получаются хитрые торговцы и изобретательные, чтобы не сказать гениальные, предприниматели. Ногами они твердо стоят на земле, а глаза их устремлены в финансовый отчет. Как и при погоне за властью, результат интересует их куда больше, чем средства его достижения. Духовность, при всей своей высокой метафизичности, в их религиозной практике оказывается, по большей части, средством, с помощью которого они надеются заручиться божественной поддержкой, чтобы добиться власти и богатства. Впрочем, эта же духовность помогает им переживать тяжелые времена и таким образом укрепляет их стойкость. О большинстве индийцев можно сказать, что они "не от мира сего", только вследствие безразличия к внешним обстоятельствам, не сулящим прямой выгоды лично им или их ближайшему окружению.

Такая безмерная поглощенность собой на самом деле оборачивается поразительной терпимостью к несправедливости, грязи и человеческому страданию. В своем отношении к миру этот прагматичный народ аморален по природе. В индуизме отсутствует понятие смертного греха. В известных обстоятельствах любое действие может быть оправдано, с богами же, как правило, договариваются, давая им "взятки". Коррупция растет, так как до тех пор, пока она приносит желаемые результаты, никто в этой стране всерьез ее не порицает. Когда факт коррупции становится достоянием гласности, это вызывает бурю негодования, и чем спокойнее на деле относятся к коррупции, тем сильнее буря. Моральные представления и высокие принципы милы индийцам в качестве теоретических построений, но в повседневной жизни о них чаще всего забывают, как о вещах совершенно не практичных.

Многие образованные индийцы заявляют, что стремятся быть современными в том смысле, как понимал современность Неру или понимают ее на Западе — то есть хотят мыслить рационально: без предубеждений и субъективности. Однако на деле эти декларации — всего лишь тога, под которой скрывается все та же приверженность традиции; современность и традиция по-прежнему существуют бок о бок, уживаясь поистине уникальным образом. Наконец, индусы не столько не приемлют насилие, сколько хорошо понимают, где проходят его границы. Они охотно откажутся от насилия ради более сущест-

венной цели — выживания. Они задумаются, стоит ли прибегать к насилию по отношению к более сильному противнику, и предпочтут худой мир самоуничтожению. В этом контексте легче понять их пресловутую историческую "терпимость" к другим религиям, особенно тем, за которыми стояла военная сила. Межконфессиональные столкновения в Индии случаются, однако, вопреки тому, как это обычно преподносится, эти инциденты — отнюдь не норма. Вообще индийцы выступают против насилия, если оно ведет к нестабильности и беспорядку столь разрушительным, что они угрожают существованию общественной системы. Тем не менее в управляемой ситуации, как, например, при утверждении кастовой иерархии, или в тех случаях, когда насилие санкционировано самим обществом или сторонники насилия имеют большое численное преимущество, индийцы могут быть не менее жестокими, чем любая другая раса.

Все вышеизложенное представляет собой описание некоторых главных особенностей индийцев, но отнюдь не полный их перечень. Всегда есть исключения. Личность человека отличается бесчисленным количеством нюансов, у каждого характера — свои особенности. Данное описание — ни в коей мере не критика. Вне всякого сомнения, оно отличается от привычного имиджа, созданного нами самими. Но народ не бывает хорошим или плохим, сильным или слабым, его нельзя измерять неким единым нравственным эталоном. Наше описание нельзя считать жестким лишь потому, что оно не соответствует сложившемуся у нас представлению о том, какие мы есть или какими хотели бы быть. Характерные особенности народа невозможно вытащить, как кролика из цилиндра фокусника, какими бы добрыми намерениями ни руководствовался такой фокусник. Напротив, настоящая сила и стойкость народа вырабатываются как раз благодаря тем его свойствам, которые могут выглядеть как умаление его романтических представлений о себе. Точно так же ни одну из этих черт нельзя рассматривать в отрыве от прочих. Разгул коррупции в Индии — в абсолютных категориях явление негативное. Но если бы индийцы не придавали такого большого значения материальным ценностям, если бы они были не такими прагматиками или если бы их меньше интересовал успех, к которому они рвутся любой ценой, они не были бы столь удачливыми предпринимателями. Хотя, конечно, будь они натурами более возвышенными, коррупции в стране было бы меньше.

Главная истина заключается в том, что индивидуальные особенности народа сложны и взаимосвязаны. Их нельзя разделить на части и выбрать набор по вкусу. В этой книге мы попытаемся показать, что некоторые так называемые неприятные особенности, быть может, сослужили индийцам добрую службу в прошлом. Если бы они на самом деле думали, что парламентская демократия — это волшебная палочка, с помощью которой можно создать эгалитарное общество (во что искренне верили некоторые англизированные члены Законодательного собрания), они бы слишком быстро в ней разочаровались и, последовав примеру многих развивающихся стран, поставили бы на тоталитарную систему. Сомнительный политический трансплантат, доставленный из Британии, благополучно пережил испытательный срок именно потому, что многие индийцы увидели в нем долгожданный, практичный и эффективный путь к могуществу и власти. Поистине счастливый случай, ведь со временем бабочка всегда готовится покинуть ставший ненужным кокон. Бóльшая привлекательность билетика на экспресс, мчащийся к высотáм личной власти, стала для многих влиятельных индийцев и их единомышленников тем самым "интересом", которым и объясняется их готовность участвовать в демократическом процессе. Существующий политический строй, несмотря на все его недостатки, не был изменен — он сохраняется "благодаря" врожденному страху индийцев перед насилием, неконтролируемой ситуа-

цией и нестабильностью. "Благодаря" аморальному уважению к богатству и материальным благам сословие торговцев сохранило свою платежеспособность. Это же уважение помогло развиться предпринимательству даже в такой чуждой и враждебной среде, как Уагадугу, столице африканского государства Буркина-Фасо, где единственный в городе универсальный магазин принадлежит индийцу, приехавшему туда несколько лет назад без гроша в кармане. В ситуациях, когда речь идет о выживании, склонность индийцев искать компромиссы и способы мирного сосуществования, а не героически сражаться до последней капли крови, позволила индусской цивилизации не только пережить многочисленные завоевания, но и обогатиться за счет захватчиков, пытавшихся обратить коренное население в свою веру.

В этой работе мы также рассмотрим три новые тенденции, которые, по всей вероятности, уже в ближайшие годы сильно изменят образ индийца. Первая – формирование новой паниндийской идеи. О цивилизационном единстве Индии написано очень много. И это понятно. Однако в этих работах, как правило, предпринималась попытка обосновать культурную преемственность народа, который на микроуровне оставался раздробленным из-за присущих ему совершенно непреодолимых различий. История, культура и традиция выковали некий обладающий общими психологическими особенностями национальный тип, который стал считаться индийским. Однако в рамках этой цивилизационной общности единого типа индийца не существует. Индиец в Варанаси или индиец в Тричуре могли читать один и тот же текст на санскрите, отмечать одни и те же праздники, однако мало знали друг о друге и у них было мало общего, если иметь в виду их причастность к "всеиндийскому опыту". В десятилетия, последовавшие за 1947 годом, эта ситуация стала понемногу меняться. В последние несколько лет перемены приобрели стремительность.

Вторая тенденция состоит в постепенной, но заметной эрозии социальных иерархических систем, считавшихся прежде священными. Индийцы и сегодня признают важность иерархии – их приверженность кастовым обычаям до сих пор сильна. Однако бесправные, угнетаемые ранее сословия, которые находятся в самой нижней части социальной лестницы, сейчас стали как никогда активны. Теперь уже не удастся ни подавить, ни замаскировать их стремление получить от национального пирога кусок побольше. Быть может, элита вовсе не рассчитывала, что политика демократии будет иметь столь нежелательные для нее последствия. Тем не менее, благодаря все возрастающему политическому влиянию бедняков и улучшению их экономического положения, стимулируемому правительством, сейчас у огромного количества индийцев – большего, чем за всю историю Индии, – растут амбиции и растут надежды. Каким же образом эти недавно утвердившиеся в своих правах индийцы, придя во власть, изменят Индию XXI века? Сколько энергии вырвется наружу, когда разрушение вековых общественных устоев будет не фигурой речи в политических говорильнях, а произойдет в реальной жизни? Станут ли эти новые "мятежники", охваченные революционным пылом, ломать прежние структуры и порождаемые ими отношения? Или они последуют примеру своих бывших "угнетателей" и потребуют себе гораздо бóльший кусок пирога, не настаивая на изменении рецепта его приготовления?

Третий фактор – общепризнанное превращение Индии в мировую державу в области информационных технологий. Как это ни парадоксально, но в Индии, стране с самым большим в мире количеством неграмотных, образование всегда являлось приоритетом для элиты и особенно для браминов, рассматривавших его как один из способов сохранения своего превосходства. Поэтому неудивительно, что после по-

лучения независимости правящий класс вкладывал много сил и средств в создание высших учебных заведений, причем зачастую в ущерб начальному образованию, потребность в котором у общества была выше. За пять десятилетий эта политика дала закономерный результат: в Индии сформировалась едва ли не самая большая в мире армия специалистов, получивших техническое образование, а также появились высококлассные институты по подготовке инженеров, медиков и компьютерщиков. "Правильный" диплом о высшем образовании способствует сегодня быстрому восхождению по социальной лестнице в той же мере, что и политическая карьера. Именно в этом контексте и следует рассматривать участие индийской молодежи в информационной революции. Индийские специалисты по разработкам программного обеспечения пользуются высоким спросом во всем мире. Сейчас экспорт программного обеспечения из Индии сравнивают с экспортом нефти из арабского мира, сильно повлиявшим в свое время на его экономическое развитие. Индию называют сверхдержавой коллцентров. У более чем 40 % пятиста крупнейших мировых корпораций автоматизированные внутренние системы взаимодействия находятся в Индии. Сохранится ли эта все еще развивающаяся тенденция? Может быть, индийцы обладают природным талантом в этой области? Сколько человек примут участие в информационной "революции" или выиграют от нее? Попытаются ли они повторить успех новых индийских миллионеров в Силиконовой долине? Или большинство индийцев с радостью согласятся на роль электронных "кули"? И главный вопрос: как эта новая тенденция отразится на имидже индийцев? Скажем, на Кипре домашняя прислуга — выходцы из Шри Ланки и Филиппин; специалисты в области программного обеспечения — из Индии. Захотят ли индийцы меняться, чтобы соответствовать ожиданиям мировых сообществ? И в чем они останутся прежними?

Общества меняются, но до известных пределов. Определенные особенности, сформировавшиеся в результате многовековых процессов, остаются неизменными, и именно на них зиждется культурное своеобразие народа. Другие особенности могут размываться или меняться. Не исключено, что добавляются и новые черты, но они представляют собой скорее наносные явления, "складки" на установившемся рельефе. Именно это сочетание старого с некоторым количеством нового и есть тот самый культурный багаж, который индийцы берут с собой в будущее.

Для Фрэнсиса Фукуямы, написавшего бестселлер под названием "Конец истории", будущее наступило после окончания "холодной войны" и триумфальной победы западной модели капитализма. Однако, даже если счесть его позицию универсальной, ход истории по-прежнему не может не определяться тем, как к этой конечной цели будут приближаться такие древние культуры, как индийская. В этом мире, где разные этносы оказываются все теснее и теснее связаны между собой, большое значение имеет, в каком отношении и до какой степени индийцы будут отличаться от американцев или японцев, китайцев или немцев. Фукуяма сам признает это в своей более поздней и гораздо более глубокой работе "Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию". По его мнению, способность наций обеспечить себе общественное и экономическое процветание будет зависеть от их культуры. Культура представляет собой "унаследованные этические привычки", сложное сочетание образов, навыков и иррациональных общественных установок, которые нельзя систематизировать и возвести в универсальные законы. Функционирование обществ определяется известными культурными привычками. Некоего непреложного экономического закона, равно применимого ко всем народам, быть не может, так как, ут-

верждает Фукуяма, экономика сама основана на общественной жизни и не может быть понята в отрыве от проблемы более широкой: как современные общества структурируют себя. Вследствие чего Фукуяма приходит к выводу, что только в обществах с высокой степенью социального доверия (то есть единого понимания честности и кооперативной деятельности) могут возникнуть способные к маневрированию крупные корпорации, необходимые для обеспечения конкурентоспособности в условиях новой глобальной экономики. Фукуяме, изучавшему американское общество, известна была неспособность американцев видеть себя адекватно. Он также тщательно исследовал общества Китая, Франции, Италии, Южной Кореи, Японии и Германии. Индию он не изучал. Не изучал ее и Сэмюэл Хантингтон, автор широко обсуждавшейся книги "Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка"[1]. Как и Фукуяма, Хантингтон утверждает, что большинство людей придает особое значение культуре и культурной самобытности. После завершения "холодной войны", говорит он, самыми важными различиями между народами стали различия культурные, а не политические, экономические или идеологические. Различия в политическом и экономическом развитии, полагает Хантингтон, тоже определяются культурами. Критикуя "претензии Запада на универсальность", он предупреждает о его грядущем столкновении с другими цивилизациями, и прежде всего — с китайской и исламской. Это столкновение может представлять серьезную угрозу для мира во всем мире.

Обобщения Хантингтона, касающиеся народов и цивилизаций, — результат глубоких исследований. Однако для нас особенно важно признание автора, что споры, которые вызвал этот труд, заставили его "тщательно изучить все цивилизации, за исключением индуизма".

1. В русском переводе — "Столкновение цивилизаций". М.: АСТ, 2003.

Почему и Фукуяма, и Хантингтон, выстраивавшие универсальные теории, исключили из своих исследований Индию? Быть может, дело в том, что индийский народ — единственный в своем роде? Индийцев нельзя, даже если кому-то так сподручнее, красить одним цветом — белым, черным или желтым. Они не относятся к христианскому миру. Их нельзя отнести к миру ислама. Индусы, представляющие огромное большинство населения Индии, в основном живут в Индии и в гималайском королевстве Непал. Индийцев не измерить единой меркой. Они не принадлежат ни к посткоммунистической формации, ни к народам, которые только начинают строить демократическое общество. Индийское общество не теократическое, но и не безрелигиозное. Индийцев слишком много, чтобы их можно было сбросить со счетов, но вместе с тем они слишком *другие*, чтобы можно было применить к ним принятую систему оценок. Более того, при всей сложности их нельзя считать совсем уж непонятными. У них парламентская демократия, а их элита очень хорошо говорит по-английски.

Однако, как мы уже отметили в самом начале, сейчас никто не может ни игнорировать, ни стараться затушевать вопрос о том, кто такие индийцы и куда они могут привести Индию в XXI веке. В книге "Протестантская этика и дух капитализма" Макс Вебер связал развитие капитализма в Западной Европе с бережливостью, экономностью и меркантилизмом ранних пуритан. Есть ли у индийцев столь же заманчивое "уникальное торговое предложение", как у пуритан, и, если есть, какое оно? Может быть, индийскому обществу недостает великой добродетели общественного доверия, о которой говорит Фукуяма? Значит ли это, что индийцы никогда не смогут создать себе в будущем жизнеспособный капитализм? И аморальность, присущая им от природы, — затянет ли она их в пропасть безнадежной коррупции или, несмотря на это зло, их

материализм и прагматизм все же обеспечат устойчивый экономический рост? Приведет ли их стремление преуспеть любой ценой к тому, что они больше потеряют, чем сэкономят, или благодаря этой самой своей "слабости" они разовьют в себе способность выигрывать вопреки, несмотря на любые трудности?

Приведет ли их чрезмерная любовь к властным привилегиям к окончательному развалу политических институтов, или эта склонность укрепит их умение приноравливаться к переменам и ограничивать себя, без чего не может сохраниться нынешний политический строй? Опустятся ли они до религиозного экстремизма, или их здравый смысл и нелюбовь к беспорядку помогут им осознать практические выгоды, заложенные в мирном сосуществовании? Станет ли кто-нибудь из их лидеров посягать на секулярную основу страны, или они поймут, что в Индии политика может привести к успеху, только если страна поднимется над конфессиональными различиями? Будут ли региональные проблемы "балканизировать" Индию, или растущее чувство общности все же одержит верх? Приведет ли желание индийской элиты видеть свою страну сверхдержавой к милитаристскому авантюризму, или свойственные индийцам склонность к компромиссам и стремление к самосохранению заставят Индию как ядерную державу сознавать свою ответственность? И наконец, сможет ли недавний успех в области информационных технологий сколько-нибудь основательно изменить я-образ индийцев, или "чудный сон" продлится до ближайшего мирового кризиса?

Вот некоторые вопросы, поставленные в этой книге. Не все ответы будут категоричны или бесспорны. Однако если, основываясь на них, мы будем исходить из того, кто такой настоящий индиец, мы сможем сказать, что, вероятнее всего, ждет Индию в будущем. За шесть лет до конца прошлого тысячелетия Генри Киссинджер предсказал, что в XXI веке ведущими станут по меньшей мере шесть главных сил: США, Европа, Россия, Япония, Китай "и, вероятно, Индия". Будет ли эта неопределенность довлеть над Индией и впоследствии? Может быть, и нет. Но совершенно ясно, что любая серьезная попытка оценить будущее этой страны должна основываться не на механическом бухгалтерском перечислении "активов" и "пассивов", а на анализе личности индийца и культуры, ее сформировавшей.

Только такой подход даст иностранцам точное представление о сильных и слабых сторонах Индии и поможет им эффективнее взаимодействовать с ее жителями. Важнее всего, что это поможет руководству Индии формировать политику, соответствующую психологическому складу индийцев. Политика, основанная на ложных представлениях о характере и особенностях народа, скорее всего, окажется неэффективной и будет мешать стране добиться целей, к которым она стремится. Одна из главных ошибок, допущенных высокопоставленными индийскими политиками в прошлом, состояла в том, что они признавали за народом некий подспудный идеализм, приверженность великой идее общественного блага. Законодатели пытались сконструировать некий набор возвышенных и желанных целей и действовать на его основе, не принимая в расчет сложное сплетение узких личных интересов, которые на самом деле и приводят в движение индийское общество. Результатом этой ошибки стал один из самых объемистых сводов высокоумных законов в мире и один из самых ничтожных результатов его правоприменения. С другой стороны, более честная самооценка могла бы привести к более трезвому законодательству, и тогда мастерство ценилось бы больше, чем справедливость, изобретательность — больше, чем сострадание, прибыль — больше, чем социальное обеспечение, а частный сектор экономики — больше, чем государственный. Например, только сейчас в Индии стали

приходить к пониманию того, что имущим легко обойти законы справедливого распределения благ, а неимущие не могут по-настоящему воспользоваться этими благами из-за собственной беспечности. Учитывая индийский характер, надеяться осчастливить миллионы бедных можно только при условии, что весь "пирог" станет больше.

В этой работе пойдет речь еще о двух особенностях индийского народа. Первая – это его удивительная способность сохранять надежду. Какой-нибудь бедняк, живущий в ужаснейших трущобах Мумбаи, тем не менее продолжает надеяться, что в один прекрасный день он добьется успеха, а его дети будут жить лучше него. Результаты экономического процветания среди разных слоев общества, конечно, распределялись по-разному. Тем не менее даже тех крох, которые достались низшим слоям, по-видимому, хватило, чтобы помочь им не потерять оптимизм. Вторая черта – стойкость индийцев, воспитанная постоянной необходимостью преодолевать трудности. Даже представители среднего класса вынуждены бороться за такие элементарные вещи, как электричество, вода, транспорт и медицинское обслуживание. Те, кто очень беден, конечно, выживают и без всего этого. Постоянная борьба воспитала в индийцах поистине удивительные изобретательность и желание выжить.

И, наконец, несколько слов о методологии нашего исследования. Портрет народа не может быть создан при помощи одних лишь теоретических выкладок. Человеческая личность сложна, а многообразие культуры очень велико, поэтому необходимо оживить то или иное допущение примером, умозаключение – анекдотом, а дедукцию – случаем из личного опыта. Экономисты полагают, что их универсальные построения применимы к любому обществу. Однако те, кто изучает народ в его культурной среде, опираются на так называемое насыщенное описание, которое позволяет понять, как на самом деле люди реагируют и ведут себя в повседневной жизни.

Амартья Сен
Тагор и его Индия

Нобелевская премия 1998 года

Перевод Яна Шапиро

Золотой голос Бенгалии

Великий бенгальский поэт и писатель Рабиндранат Тагор умер в 1941 году в возрасте восьмидесяти лет. Знакомясь с тысячелетней литературой Бенгалии, обширной и процветающей, нельзя не поразиться тому огромному влиянию, которое он оказал на нее. Его стихи и романы, рассказы и эссе любимы широким кругом читателей; его песни звучат в Восточной Индии и по всей Бангладеш. В остальном мире, и особенно в Европе и Америке, былая слава Тагора почти угасла. А ведь в начале XX века Запад принял его с воодушевлением. Английский перевод поэтического сборника "Гитанджали" ("Жертвенные песни")[1], за который ему присудили Нобелевскую премию по литературе, вышел в Лондоне в марте 1913 года и уже к ноябрю — времени присуждения премии — был переиздан десять раз. Но в наши дни Тагора на Западе читают мало, да и в 1937 году Грэм Грин уже имел основания утверждать: "Что же касается Рабиндраната Тагора, то не верится, что кто-нибудь, за исключением Йейтса, все еще принимает его стихи всерьез".

Восточный мистик

Контраст между актуальностью трудов Тагора для бенгальской литературы и культуры и его почти полным забвением в остальном мире, конечно, интересен, но еще интереснее разница в восприятии его идей: для читателя из Индии и Бангладеш он разносторонний и глубоко актуальный мыслитель; для остальных — многословный эзотерик из чужеземной страны. У Грэма Грина Тагор вызывал ассоциации "с теми, у кого, по слову Честертона, "блестящие, как галька, глазки"[1] — с теософами". И в самом деле, налет мистицизма сыграл свою роль в популяризации Тагора его первыми поклонниками на Западе: Йейтсом, Эзрой Паундом и другими. Даже Анна Ахматова, одна из немногих почитательниц Тагора поздних времен (она переводила его стихотворения в середине 1960-х), говорила о "мощном потоке поэзии, который, как в Ганге, черпает силы в индуизме и называется Рабиндранат Тагор".

В *месте слияния трех культур*

Рабиндранат и в самом деле родился в семье индусов — зажиточных землевладельцев, чьи поместья находились преимущественно на территории современной Бангладеш. Но какой бы смысл ни крылся в замечании Ахматовой о глубинной связи Рабиндраната с индуизмом и Гангом, жители Бангладеш — в большинстве

© Amartya Sen, 1997
© Ян Шапиро. Перевод, 2009
Печатается с сокращениями.

1. Сборник вышел с предисловием У. Б. Йейтса. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – прим. перев.*)

1. Перевод Н. Трауберг — см. Г. К. Честертон. Автобиография — в кн.: Человек с золотым ключом. — М.: Вагриус, 2003. С. 104. (Честертон говорит не о теософах, а о теософках: "...я не выносил некоторых теософок... за то, что у них блестящие, как галька, глазки и терпеливая улыбка".)

своем мусульмане — чувствуют свою близость к нему и его идеям. Это, должно быть, немало смущает поборников современной концепции "столкновения цивилизаций": "мусульманской", "христианской" и "западной", — находящихся в отношениях жесткой конкуренции. Не в меньшей степени их смутила бы и оценка Рабиндранатом его собственной — бенгальской — семьи как плода "слияния трех культур: индусской, магометанской и британской"[1].

Дварканат Тагор, дед Рабиндраната, был известным знатоком арабского и персидского языков. В семье, где рос мальчик, знание санскрита и древних индуистских текстов сочеталось с интересом к персидской литературе. Рабиндранат не то чтобы пытался (или хотя бы намеревался) соединить столь разные религии (к чему так стремился император Акбар из династии Великих Моголов), просто его мировоззрение отвергало всякую замкнутость, и в его писательском наследии (а это около двух сотен книг) отчетливо ощущается влияние различных сторон индийской и мировой культуры[2].

Мирная обитель

Большинство работ Тагора написано в Шантинекетане — маленьком городке, выросшем вокруг школы, которую он основал в 1901 году. В высшей степени самобытный писатель, чья изысканная проза и завораживающая поэзия знакомы и близки бенгальскому читателю, Тагор вовсе не похож на того гуру, которым так восторгался и которого затем отверг Лондон. Удивительно многогранный поэт, Рабиндранат, кроме того, писал романы и малую прозу, пьесы, эссе и песни. Он был и художником: его талантливые полотна, в которых абстрактное переплетено с конкретным, лишь теперь оценены по достоинству. Эссеистика Тагора посвящена проблемам литературным и политическим, социальным и культурным, религиозным и философским, вопросам международной политики и многому другому.

Ганди и Тагор

Многие исследователи сравнивают взгляды Рабиндранта Тагора и Мохандаса Ганди — ведущих индийских мыслителей XX века. Джавахарлал Неру, который узнал о смерти Рабиндраната 7 августа 1941 года, находясь в британской тюрьме, пишет в своем дневнике:

> Ганди и Тагор. Фигуры совершенно несхожие и одновременно типичные для Индии; оба принадлежат к длинному ряду великих индийцев... я считаю, что Ганди и Тагор — не из-за какой-то одной добродетели, но tout ensemble[1] — превосходят своими человеческими качествами всех великих людей современности. Я тесно общался с обоими — как же мне повезло!

Несходство между ними поражало и Ромена Роллана; закончив книгу "Ганди", он в марте 1923 года пишет одному индийскому ученому: "Я завершил свою книгу, отдав дань восхищения двум великим индийцам, которые, подобно рекам, переполнены божественным духом: Тагору и Ганди". В следующем месяце в его дневнике появляется запись о разногласиях между Ганди и Тагором. Письмо с изложением их беседы прислал Р. Роллану присутствовавший при ней Ч. Ф. Эндрюс[2]:

> Первым поводом для разногласий стали идолы; Ганди их защищал, утвер-

1. Rabindranath Tagore. The Religion of Man. — London: Unwin, 1931 (2nd edition, 1961). P. 105. (*Прим. автора.*)
2. Отец Тагора Дебендранат был членом религиозной реформистской группы Брахмо Самадж, которая отвергала многие индуистские ритуалы того времени, считая их отклонением от древних индуистских текстов. (*Прим. автора.*)

1. По совокупности (*франц.*)
2. Чарльз Фрир Эндрюс (1871–1940) — английский священник, борец за независимость Индии, соратник Махатмы Ганди.

ждая, что народ не в состоянии немедленно подняться до отвлеченных идей. Тагору не нравилось, что к простым людям вечно относятся как к детям. Ганди говорил о великих свершениях Европы, достигнутых благодаря культу знамени; Тагор легко нашел контраргументы, но Ганди стоял на своем, противопоставляя европейские флаги с их орлами и тому подобным, собственному символу, в качестве которого выбрал вращающееся колесо[1]. Вторым камнем преткновения был национализм, за который ратовал Ганди. По его словам, чтобы достичь интернационализма, необходимо пройти через национализм — так же как необходимо пройти войну, чтобы добиться мира.

Тагор, искренне восхищаясь Ганди, был во многом с ним не согласен. Они расходились во взглядах на патриотизм и национализм, на важность культурного обмена, рационального мышления и науки, на природу экономического и социального развития. Я попытаюсь доказать, что эти расхождения имеют ясный и последовательный характер: Тагор стремился повысить роль рационального мышления (и наоборот, ограничить традиционалистский подход), призывал внимательнее относиться к миру за пределами Индии, уважать науку и объективное знание в целом.

Рабиндранат понимал, что, в отличие от Ганди, не сможет обеспечить Индии политическое руководство, и не уставал восхвалять все, что сделал Ганди для индийского народа. Несмотря на это, по многим вопросам они оставались непримиримыми противниками. И в Индии, и за ее пределами наследию Махатмы Ганди уделяется несравненно больше внимания, поэтому немаловажно, на мой взгляд, понять, какую позицию занимал Тагор в спорах с Ганди.

В своем тюремном дневнике Неру писал: "Может быть, это и к лучшему, что [Тагор] умер теперь, не увидев тех ужасов, что грозят Индии и всему миру. Он и так многое повидал и был бесконечно печален и несчастен". Ситуация в Индии, где к бремени "стандартных" проблем — голода и нищеты — прибавился конфликт между индусами и мусульманами, разжигавшийся некоторыми политическими силами, действительно приводила в уныние Тагора в последние годы жизни. В 1947-м, через шесть лет после его смерти, во время раздела Британской Индии, этот конфликт приведет к бессчетным убийствам; но немало крови пролилось и на закате его жизни.

Взгляд Запада на Восток

Больше всего поражает ограниченность "западного" понимания писателя. Тагора с его широчайшим спектром творческой деятельности вновь и вновь загоняют в рамки "великого мистика с Востока"; этот его образ, якобы несущий Западу послание, одних восхищает, других раздражает, а третьим попросту неинтересен. "Западный" Тагор во многом есть плод воображения самого Запада, традиционно ищущего истину на Востоке, и особенно в Индии, которая, как выразился Гегель, "тысячи лет обитает в воображении европейцев". Фридрих Шлегель, Шеллинг, Гердер и Шопенгауэр — вот лишь немногие мыслители, следовавшие одному и тому же стереотипу: вначале они полагали, что Индия — источник высшей мудрости (Шопенгауэр в какой-то момент даже утверждал, что у Нового Завета "так или иначе должны быть индийские корни: об этом свидетельствует его совершенно индийская этика, трансформирующая нравственность в аскетизм, а также пессимизм, инкарнация божества в 'личность Христа'"), затем эти же философы с великой страстностью отвергали свои собственные теории, зачастую укоряя при этом Индию за то, что она не оправдала их беспочвенных ожиданий.

Вероятно, сам облик Рабиндраната — статного, бородатого, обла-

1. Колесо прялки — символ колеса закона, круговорота рождения и смерти, единства народов Индии.

ченного в непривычные для западного глаза одежды — наводил на мысль о диковинной чужеземной мудрости. Экзотическая наружность Тагора помогала "продвигать" его на Западе как выдающегося поэта-мистика — так было легче квалифицировать столь неординарную личность. Фрэнсис Корнфорд так описывала Уильяму Ротенстайну[1] свои впечатления от внешности Рабиндраната: "Теперь мне наконец-то удалось представить себе Христа, могущественного и милосердного". Беатрис Уэбб[2] говорила, что он "прекрасен на вид", но в речи его слышны "доведенные до совершенства интонации и мягкая напевность вкрадчивого проповедника".

В первых рядах восторженных поклонников Тагора были, среди прочих, Эзра Паунд и Уильям Батлер Йейтс, но восторг быстро сменился безразличием и даже язвительной критикой. В 1912 году Йейтс восхваляет творчество Тагора ("Эти лирические стихотворения... раскрывают в мыслях своих тот мир, о котором я мечтал всю свою жизнь"), в 1935-м свергает его с пьедестала ("К черту Тагора!"). Столь резкий поворот вызван отчасти тем, что многогранное творчество Тагора не умещалось в узкие рамки, раз и навсегда заданные Йейтсом: в свое время он характеризовал Тагора как порождение "целого народа, целой цивилизации, неизмеримо чуждой нам..." — в которой "мы встретили свой собственный образ... или, впервые, быть может, в литературе, услышали свой собственный голос, как во сне...".[3] В последующие годы Тагор очень много писал и публиковался, в том числе и по-английски (зачастую в весьма посредственных переводах), и Йейтса явно раздражало, что работы Тагора не укладываются в образ, который он создал для западного читателя.

И все же Йейтс (в отличие от Эзры Паунда и некоторых других) не совсем охладел к творчеству Рабиндраната: редактируя Оксфордскую антологию современной поэзии 1936 года, он поместил туда его ранние стихотворения. Для прозы Тагора Йейтс тоже находил слова одобрения. Йейтсу не нравилась поздняя поэзия Тагора еще и потому, что тот сам переводил ее на английский. "Тагор не знает английского; ни один индиец не знает английского", — негодовал Йейтс.

Не секрет, что поэзия с трудом поддается переводу, и, если кто-нибудь читал стихи Тагора в оригинале по-бенгальски, его вряд ли удовлетворит перевод, пусть даже сделанный или отредактированный Йейтсом. Проза Тагора тоже до некоторой степени пострадала при переводе.

Впрочем, Тагор, сам того не желая, тоже повлиял на судьбу своей "английской" репутации. Сначала он с радостью и удивлением принимал непомерные похвалы, а затем с еще большим удивлением и едва скрываемой болью — столь же нелепые упреки. Он был чувствителен к критике и тяжело на нее реагировал, даже если то был откровенный вздор, — так, существовало мнение, что нобелевским лауреатом должен был стать не он, а Йейтс, якобы "переписавший" "Гитанджали". Доводилось ему страдать и от рвения своих не в меру рьяных защитников. "Эти люди... как пьяницы, которые страшатся периодов воздержания", — писал он К. Ф. Эндрюсу в 1920 году.

Бог и другие

Йейтс не без основания подчеркивал важность религии в творчестве Тагора. Рабиндранату, несомненно, было что сказать о жизни и смерти.

1. Фрэнсис Корнфорд (1886–1960) — английская поэтесса. Сэр Уильям Ротенстайн (1872–1942) — английский художник, известный портретист, пейзажист.
2. Беатрис Уэбб (1858–1943) — английский экономист, активистка тред-юнионистского движения и фабианского социализма.
3. Здесь и далее "Гитанджали" цитируется по: У. Б. Йейтс. Предисловие к сборнику "Гитанджали" // Перевод под ред. Ю. Балтрушайтиса // Рабиндранат Тагор. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 1. — М.: изд-во В. Португалова, 1915.

Мысль о прямых отношениях человека с Божеством — радостных, лишенных страха, — встречается во многих религиозных сочинениях Тагора, включая стихотворения из цикла "Гитанджали". Он многое почерпнул из разнообразной индийской религиозной традиции — как из древних священных текстов, так и из народной поэзии. Но из его стихов на вас не глядят "блестящие, как галька, глазки" теософов. В "Гитанджали", несмотря на архаизированный язык первого перевода (который, на мой взгляд, не слишком соответствует простоте оригинала), обыкновенная человечность проступает отчетливее, чем сложная и напряженная духовность.

Религиозные переживания, лежащие в основе стихотворных молитвенных обращений Тагора, невозможно определить однозначно — они обращены к любому читателю, независимо от его конфессии. Излишне подробное толкование губительно для этой неопределенности[1]. Это более всего относится к тем его стихам, где образы человеческой любви слиты с благоговейной любовью к Божеству.

Йейтс поспешил подсказать, что "слуга или невеста, ожидающие в пустом доме возвращения господина... — все это образы сердца, обращенного к Богу"[2]. Наверное, об этом действительно стоило упомянуть. Но из-за столь настойчивого подталкивания читателя к "главному" пропало нечто от сокровенной красоты бенгальского стиха -- даже то немногое, что сохранилось в архаизированном языке английского перевода.

Тагор, несомненно, был человеком глубоко верующим (в необычной, неконфессиональной форме), но интересовался и множеством других вещей — и хотел о них высказаться. Думал он и о политике и ясно излагал свои суждения в лекциях и письмах. Он последовательно выражал свои взгляды на национализм, войну и мир, ратовал за изучение других культур, отстаивал свободу мысли, говорил о важности критицизма и открытости восприятия. Западные поклонники Рабиндраната, однако, ожидали от него совсем другого — тех самых эзотерических откровений, о которых трубили первые его пропагандисты. Европейские и американские слушатели приходили на его публичные лекции, ожидая рассказов о трансцендентном, — и негодовали, когда Тагор рассуждал о том, как следует вести себя государственному деятелю, — особенно когда (как писал Э. П. Томпсон[1]) "на политические реприманды уходили все семьсот долларов [лекционного гонорара]".

Мыслить *свободно*

Тагор считал очень важным, чтобы люди могли жить и мыслить свободно. На этом убеждении строилось его отношение к политике и культуре, к национальному и межнациональному, к традиции и современности. Наверное, нигде его принципы не выражены столь отчетливо, как в этом стихотворении из "Гитанджали":

Где разум не знает страха и
голова поднята высоко;
Где знание свободно;
Где мир не раздроблен на части
узкими домашними стенами...
В этом небе свободы,
о, мой Отец,
дай проснуться моей стране.

Руководствуясь этими же убеждениями, Рабиндранат хоть и с оговорками, но поддерживал национальное

1. Мысль о важности неоднозначных и незавершенных образов в поэзии Тагора получила дальнейшее развитие в замечательном тезисе Уильяма Рэдайса, одного из лучших переводчиков Тагора на английский язык: "Слияние поэзии и прозы у Тагора чем незавершеннее, тем точнее". (*Прим. автора.*)
2. Из "Предисловия" Йейтса к "Гитанджали".

1. Эдвард Палмер Томпсон (1924–1993) — британский историк и социолог, написал книгу о Тагоре.

движение и не признавал чужеземную власть. Тем же вызваны и его опасения по поводу патриотизма, который, по мнению Тагора, может ограничить свободный обмен идей, рожденных вне "узких домашних стен", и желание поддерживать волеизъявление других народов. Приверженность Рабиндраната свободе – основа его противостояния слепому традиционализму, который превращает человека в пленника прошлого (блуждающего, как выразился Тагор, "в унылых, пустынных песках мертвой привычки").

Об опасностях косного отношения к прошлому говорится в забавной, но глубокой и мудрой притче "Картар Бхут" ("Призрак"[1]). Умирает почтенный раджа; его перепуганные подданные умоляют его и после смерти не оставлять их своими наставлениями. Проходят годы; подданные осознают, что их жизнь опутана ритуалами и запретами, и просят призрак освободить их, а он отвечает, что власть эта существует лишь в их воображении.

Тагор питал глубокое отвращение к слепому следованию традициям, исключающему готовность к переменам. Он не ценил даже такую признаваемую всеми добродетель, как безоговорочная верность обещаниям. Однажды, когда Махатма Ганди посетил школу Тагора в Шантинекетане, одна молодая женщина попросила его оставить автограф на книге, тот написал: "Никогда не давай опрометчивых обещаний. Дав слово, ты должен сдержать его даже ценой жизни". Прочитав эту надпись, Тагор пришел в волнение. И вписал в ту же книгу короткое стихотворение на бенгальском о том, что человек – не "вечный пленник на глиняной цепи". И добавил по-английски (возможно, для Ганди): "Забудь свое обещание, если оно оказалось ошибкой".

Восхищаясь человеческими и организационными качествами Махатмы Ганди, Тагор настороженно относился к той разновидности национализма, которую проповедовал Ганди, и к его консервативному отношению к индийским традициям. Но как личность Ганди всегда вызывал у него глубокое уважение. В своем эссе 1938 года "Ганди как человек" Тагор пишет:

> Великий политик, организатор, руководитель, реформатор нравственности, он еще более велик как человек, поскольку все эти виды деятельности не ограничивают его человечности – наоборот, она вдохновляет и питает их.

И все же между Ганди и Тагором лежала глубокая пропасть. Тагор открыто высказался по этому поводу:

> Мы часто ставим себе в заслугу склонность пренебрегать доводами разума, заменяя их слепой верой, которую принимаем за духовность, – за что всегда расплачиваемся: нам отказывает рассудок и мстит судьба. Я возлагаю вину на Махатму за то, что он эксплуатирует иррациональность и легковерие нашего народа; это хороший способ быстро возвести здание, одновременно подрывая его фундамент. С этого начиналась моя оценка Махатмы как вождя нации, но я счастлив, что этим она не завершилась.

И в самом деле "этим она не завершилась", однако со временем Ганди и Тагор только все больше расходились во взглядах. Например, Ганди настойчиво пропагандировал *чаркху* – примитивную ручную прялку. Он полагал, что каждый индиец должен прясть у себя дома. Для Ганди это было важной частью самообеспечения Индии. "Ручная прялка, – как писал его биограф Б. Р. Нанда, – понемногу становилась главным предметом деревенской жизни в гандийской схеме индийской экономики". Тагор считал экономическое обоснование этой схемы весьма далеким от реальности. Он, как отметил Ромен Роллан, "никогда не уставал критиковать *чаркху*". В экономическом смысле Тагор конечно был прав. Учитывая, что высококачественная домотканая одежда занимает сравни-

1. Рабиндранат Тагор. Призрак / Перев. Е. Быковой // Рабиндранат Тагор. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1982.

тельно скромное место на рынке сбыта, трудно найти экономический смысл в ручном прядении – даже если речь идет о прялке не столь примитивной, как *чаркха* Ганди. Внедрить ручное прядение повсеместно можно лишь при соотвествующем государственном субсидировании[1]. Впрочем, борясь за *чаркху*, Ганди исходил не только из экономики. Требуя, чтобы каждый отдавал прядению "по тридцать минут в день – как жертвоприношению", он стремился к сплочению нации, пытался пробудить в состоятельных людях чувство общности с бедными соплеменниками. Ганди раздражало, что Тагор не желал этого понять:

Поэт живет завтрашним днем и ждет от нас того же... Можно задать вопрос: "Мне не нужно трудиться, чтобы зарабатывать на жизнь, – зачем же мне прясть?" Да затем, что я ем то, что мне не принадлежит. Я живу грабежом своих соплеменников. Проследите путь любой монеты, оказавшейся в вашем кармане, и вы поймете истину моих слов. Прясть обязан каждый. Пусть Тагор прядет, как все остальные. Пусть сожжет свою иностранную одежду – сегодня это долг каждого. О завтрашнем дне позаботится Бог.

Если Тагор чего-то не понял в аргументации Ганди, то Ганди упустил самую суть критики Тагора. Дело не только в экономической бессмысленности *чаркхи*: Тагор считал, что таким образом нельзя побудить человека к рефлексии: "*Чаркха* никого не заставляет думать; ты просто нескончаемо крутишь колесо..."

Семья и безбрачие

К личной жизни Тагор и Ганди тоже относились по-разному. Ганди стремился к добродетелям безбрачия, теоретизировал на этот счет, а после нескольких лет супружеской жизни публично дал обет воздержания. Подход Рабиндраната был совсем иным, но о своем несогласии с Ганди он писал очень деликатно:

Гандиджи[1] осуждает половую жизнь как несовместимую с нравственным развитием, страшась сексуального не меньше, чем автор "Крейцеровой сонаты", но, в отличие от Толстого, Ганди не испытывает отвращения к сексуальности, искушающей род человеческий. В действительности же его мягкость и доброта по отношению к женщинам – одна из самых благородных и постоянных черт его характера; а среди его лучших и преданнейших товарищей в великом движении, которое он возглавляет, немало женщин.

Личная жизнь самого Тагора во многом сложилась несчастливо. Он женился в 1883 году, потерял жену в 1902-м и больше никогда не вступал в брак. Он стремился к доверительным отношениям в семейной жизни (Рабиндранат писал своей жене Мриналини: "Как бы было чудесно, если бы мы с тобой были товарищами в наших трудах и мыслях; но мы не можем достичь всего, чего желаем").

Возможно, Рабиндранат был человеком нерешительным или робким – однако он не разделял отрицательного отношения Махатмы Ганди к плотской любви. В вопросах социальной политики Тагор выступал за контрацепцию и планирование семьи, в то время как Ганди высказывался в пользу воздержания.

Наука и люди

Принципиально разным было и отношение Ганди и Тагора к науке. В январе 1934 года в индийской провинции Бихар произошло разрушительное землетрясение; погибли тысячи людей. Ганди, который в то время активно боролся против дискриминации "неприкасаемых" (варварского пережитка древней кастовой системы Индии, запрещающего "низшим кастам" даже приближать-

1. Экономические вопросы рассматриваются в моей книге Choice of Techniques. – Oxford: Blackwell, 1960. Appendix D. (*Прим. автора.*)

1. Суффикс "-джи" добавляется к имени уважаемого человека.

ся к членам "высших каст"), понял эту трагедию как некое назидание: "Такие люди, как я, – заявил Ганди, – не могут не увидеть в этом землетрясении божественную кару за наши грехи – и особенно за греховное отношение к 'неприкасаемым'": "Я усматриваю важную связь между трагедией Бихара и кампанией за права 'неприкасаемых'".

Тагор ничуть не меньше Ганди ненавидел кастовые предрассудки и поддерживал борьбу против них. Но не мог согласиться с подобным толкованием стихийного бедствия, погубившего множество невинных людей, включая детей и грудных младенцев. Тагору был ненавистен сам подход, при котором стихийное бедствие связывалось с моральным несовершенством людей. "Это тем более прискорбно, – писал он, – что великое множество наших соотечественников с готовностью переймут подобные антинаучные взгляды на природные явления".

Впрочем, считая современную науку важнейшим инструментом познания природы, Тагор придерживался весьма неортодоксальных гносеологических взглядов. Он отвергал простой "реалистический" подход, который ассоциируется с современной наукой. Из его беседы с Эйнштейном, опубликованной в газете "Нью-Йорк таймс" в 1930 году, видно, как настойчиво он стремился познать истину, используя в качестве инструмента наблюдение и размышление. Тагор полагал, что об "истинном" или "ложном" можно говорить, если есть тот, кто наблюдает и осмысливает данный феномен. На вопрос Эйнштейна: "Если бы вдруг не стало людей, то Аполлон Бельведерский перестал бы быть прекрасным?" – Тагор ответил кратким "Да". Эйнштейн, развивая эту мысль, возразил: "Я готов согласиться, когда речь идет о прекрасном – но не об истине". – "Почему же? – возразил Тагор. – Ведь истина познается людьми"[1].

1. Из статьи: Einstein and Tagore Plumb the Truth // The New York Times, 10 августа 1930 г. (*Прим. автора.*)

Между национализмом и колониализмом

Понятно, что Тагор отвергал любое религиозно-культурное сектантство (в частности, ультраортодоксальный индуизм, враждебный учениям ислама, христианства и сикхизма). Но и национализм вызывал в нем настороженность. Всю сложность отношения Тагора к индийскому национализму подытожил Исайя Берлин:

> Тагор твердо держался избранной им узкой тропы, не отступая от своего понимания сложных истин. Он клеймил идеализацию прошлого, с помощью которой, по его мнению, Индию привязывают к минувшим векам, "как жертвенного козла к столбу". Тагор утверждал, что поборники старины (он считал их реакционерами) не понимают сути настоящей политической свободы, и подчеркивал, что само это понятие заимствовано из английской мысли и английских книг. О космополитическом подходе Тагор говорил, что индийцы должны так же стоять на собственных ногах, как и англичане. В 1917 году он в очередной раз предостерег от опасности "полагаться на неизменную волю Господина", будь то брамин или англичанин[1].

Двойственность, которую отмечает Берлин, видна и в отношении Тагора к культурному многообразию. Он хотел, чтобы индийцы интересовались происходящим в мире, жизнью других народов, их ценностями и так далее – но не в ущерб интересу к собственному культурному наследию. Важность синтеза культур подчеркивается и в педагогическом наследии Тагора. Та же мысль прозвучала в его советах индийцам, которые учатся за рубежом.

Тагор несколько раз принимал самое живое участие в кампаниях против Британского раджа[2]; особен-

1. Isaiah Berlin. Rabindranath Tagore and the Consciousness of Nationality // Isaiah Berlin. The Sense of Reality: Studies in Ideas and Their History. – New York: Farrar, Strauss and Giroux, 1997. P. 265 (*Прим. автора.*)
2. Британский радж – британское владычество над Индией.

но активно — в 1905 году, в движении против раздела Бенгалии на две провинции (это решение британских властей было в конце концов отменено из-за сопротивления народа[1]). Он решительно осуждал жестокость британских колониальных властей, и в особенности — после Амритсарской бойни 13 апреля 1919 года, когда войска расстреляли безоружных участников митинга (триста семьдесят девять убитых и две тысячи раненых). Между 23 и 26 апреля Рабиндранат отправил пять взволнованных писем Чарльзу Эндрюсу; впрочем, и сам Эндрюс был крайне встревожен, особенно после того, как один из чиновников Индийского государственного управления заявил ему, что эта демонстрация силы "подняла моральный престиж" британской власти в Индии "на невиданную высоту".

Через месяц после Амритсарской бойни Тагор посылает вице-королю Индии прошение об отказе от рыцарского звания, которое получил четырьмя годами ранее.

И Ганди, и Неру с благодарностью говорили о роли Тагора в борьбе индийского народа. Неудивительно, что Индия после получения независимости использовала в качестве государственного гимна песню Тагора "Джана гана мана адхинаяка" ("Властитель дум всех народов"). А позднее, когда другая песня Тагора "Амар шонар Бангла" ("Моя золотая Бенгалия") была выбрана в качестве гимна Бангладеш, он стал, пожалуй, единственным автором государственных гимнов двух стран.

С годами Тагор все более последовательно и настойчиво осуждал британское владычество в Индии. Это часто оставляют без внимания, так как он всегда проводил четкую грань между критикой раджа и умалением роли британцев (как и западного мира в целом) и их культуры. Широко известна язвительная острота Махатмы Ганди, который на вопрос: "Что вы думаете о цивилизации Запада?" ответил: "Задумано было неплохо". В устах Тагора подобную колкость представить невозможно. Он прекрасно знал причины, вызвавшие такую реакцию Ганди, — в числе которых имперская заносчивость и культурное чванство британцев. Яркий пример последнего мы находим у Д. Г. Лоуренса: "Меня все больше поражает, насколько наша европейская цивилизация выше того уровня, о котором восточная культура, индийская и персидская, могут только мечтать... Лицемерное стремление брать пример с Востока, все эти жалкие возгласы 'ах-великий-Тагор!' просто омерзительны". И все же Тагор, в отличие от Ганди, даже в шутку не отозвался бы о западной цивилизации в пренебрежительном тоне.

В знаменитой лекции 1941 года, которую Тагор читал в свой последний день рождения, поэт обличал британское владычество над Индией[1], но при этом изо всех сил старался подчеркнуть разницу между борьбой с западным империализмом и отказом от западной цивилизации. Говоря о своей стране, "придавленной тяжестью британского правления" (и вспоминая о "другой великой и древней цивилизации, от ответственности за трагическую судьбу которой не могут отказаться британцы — о Китае"), Тагор напоминает, что́ получила Индия от "споров о драматургии Шекспира и поэзии Байрона, а больше всего... от гуманного либерализма английской политики XIX века". Трагедия, считает Тагор, состоит в том, что "у британских властей в нашей стране отсутствует главная ценность, присущая западной цивилизации как таковой: защита человеческого достоинства... Если вместо этого они с дубинкой в руке устанавливают власть 'закона и порядка' — иными словами, власть полицейскую, — такое надругательство над цивилизацией не может вызывать наше уважение".

1. Бенгалия была разделена в 1905, вновь объединена в 1911-м.

1. Текст лекции потом вышел отдельным изданием под названием "Кризис цивилизации". (*Прим. автора.*)

Изъяны патриотизма

Тагор отвергал яростный национализм, к которому часто приводит освободительное движение, и потому воздерживался от активного участия в политической деятельности. Он хотел отстаивать право своей страны на независимость, не отрицая чужих достижений, с которыми индийцам следовало познакомиться — причем добровольно и себе же во благо. Он опасался, что отказ от всего западного в пользу исконно индийского не только породит замкнутость, но и обернется враждебностью ко всему "иностранному": к христианству, которое проникло в отдельные регионы Индии еще в IV веке; иудаизму, появившемуся вместе с еврейской иммиграцией вскоре после падения Иерусалима; зороастризму, который пришел в Индию несколько позже вместе с персами (в основном в VIII веке); и прежде всего к исламу, чье присутствие в Индии было весьма значительным с X столетия.

Полемика с патриотами характерна для всего творчества Тагора: "Патриотизм не может быть нашим последним духовным приютом; я ищу убежища в гуманизме. Я не собираюсь покупать простую стекляшку по цене бриллианта — и никогда, покуда жив, не позволю патриотизму восторжествовать над человечностью".

Этой непростой теме во многом посвящен его роман "Дом и мир" (прекрасную экранизацию которого осуществил Сатьяджит Рей[1]). Неудивительно, что на "Дом и мир" обрушилась волна злобной критики — причем не только со стороны индийских националистов. Так, Дьёрдь Лукач[2] обозвал роман Тагора "низкопробной мелкобуржуазной байкой", "интеллектуальной услугой британской полиции" и "омерзительной карикатурой на Ганди". Конечно, считать, что в одном из образов романа выведен Ганди, было бы нелепо, но там явственно прозвучало "мягкое, но решительное" (как записал в своем дневнике Бертольт Брехт) предупреждение: национализм подвержен порче в силу его необъективности. Ненависть вызывает ответную ненависть, даже если эти чувства чужды благородным лидерам националистов — таким, как Махатма Ганди.

1. Сатьяджит Рей (1921–1992) — классик индийского кинематографа, единственный индийский лауреат премии "Оскар".
2. Дьёрдь (Георг) Лукач (1885–1971) — венгерский философ, социолог, деятель венгерского коммунистического движения.

Япония: восхищение и разочарование

Отношение Тагора к национализму ясно видно на примере Японии. Тагор желал побежденному и униженному народу Японии, до XIX века остававшемуся на обочине истории, обрести уверенность в себе (чего желал и своему народу). Приехав в Японию в 1916 году, он начал одну из лекций ("Национализм в Японии") с того, что "худшая форма гнета — гнет уныния, сковывающий людей цепями вечного неверия в себя". Тагор разделял свойственное всей Азии восхищение Японией — символом успешного соперничества азиатов с Западом в сферах промышленного развития и экономического прогресса. Он с большим удовлетворением отметил, что Япония "одним гигантским прыжком преодолела столетия бездействия, обогнав современность". Но затем он перешел к критике зреющего в стране национализма и желания стать империалистической державой. Такое откровенное осуждение не вызвало восторга у японской аудитории: как пишет Э. П. Томпсон, "радушие, с которым его принимали сразу по приезде, сменилось прохладным отношением"[1]. Двадцать два года спустя, в 1937 году, когда Япония воевала

1. E. P. Thompson. Introduction to Tagore's Nationalism. — London: Macmillan, 1991. P. 10. (*Прим. автора.*)

с Китаем, Тагор получил письмо от жившего в то время в Японии индийского революционера Раша Бехари Боса — непримиримого врага англичан. Бос, боровшийся за независимость Индии и обратившийся за поддержкой к японскому правительству, надеялся на помощь Тагора. Тот ответил так:

Я провел над Вашей телеграммой много бессонных часов... Как жаль, что Вы не попросили моего содействия в другом деле, против которого не восставал бы мой дух. Я знаю, что, обращаясь ко мне с этой просьбой, Вы помнили о моем уважении к японцам, которыми я вместе со всей Азией некогда восхищался, глядя на них снизу вверх и доверчиво полагая, что благодаря Японии вся Азия даст наконец достойный ответ Западу, а новая мощь Японии будет направлена на защиту культуры Востока от иностранного вмешательства. Но прошло совсем немного времени — и Япония предала эти надежды... — и сама превратилась в злейшую угрозу для беззащитных народов Востока.

Еще более характерна история Субхаса Чандры Боса, одного из лидеров индийских националистов, который во время войны сбежал из английской тюрьмы и добрался до Японии через Италию и Германию; он помог японцам создать из взятых в плен при наступлении индийских солдат подразделения Индийской национальной армии, которая воевала с англичанами на стороне Японии. Рабиндранат в свое время восхищался Субхасом Босом — убежденным борцом за независимость индийцев. Но будь Рабиндранат жив в ту пору, когда Бос попал в Японию, он не поддержал бы его. Тагор видел в японском милитаризме наглядный пример того, что национализм способен сбить с пути даже народ, обладающий огромным потенциалом и добившийся больших успехов. В 1938 году выдающийся японский поэт Йоне Ногучи, друг Тагора (а также Йейтса и Паунда), просит его пересмотреть отношение к Японии. Ответ Тагора, написанный 12 сентября 1938 года, был совершенно бескомпромиссным:

Думаю, нам бесполезно переубеждать друг друга, поскольку я не разделяю твою веру в непогрешимое право Японии силой и угрозами заставлять другие азиатские народы мириться с политикой вашего правительства.... Поверь, лишь стыд и печаль, а не злость побудили меня написать тебе. Мне очень больно — не только потому, что известия о страданиях китайцев разбивают мне сердце, но и потому, что я больше не могу с гордостью указывать на пример великой Японии.

Тагор был бы рад увидеть, как послевоенная Япония возрождается в качестве миролюбивой державы. Ему было бы приятно знать (поскольку ему не было чуждо тщеславие), что его идеями увлечен романист Ясунари Кавабата[1], да и не только он.

Интерес к зарубежным делам

Тагор не слишком хорошо разбирался в международной политике. Так, во время своей короткой поездки в Италию в мае-июне 1926 года (организованной профессором Карло Формичи, ученым-санскритологом из Римского университета) он согласился нанести визит Муссолини. Во время встречи Тагор выразил желание повидаться с Бенедетто Кроче; "Невозможно! Это невозможно!" — отреагировал Формичи, а Муссолини добавил, что Кроче "нет в Риме". Когда Тагор выразил готовность отправиться "туда, где он живет", Муссолини заверил его, что местонахождение Кроче неизвестно.

Учитывая подобные инциденты, а также предостережения Роме-

1. Кавабата широко пользовался идеями Тагора и даже развил его тезис о том, что "иностранцу легче понять, что есть в Японии истинно ценного для всего человечества" (см. Yasunari Kawabata The Existence and Discovery of Beauty). (*Прим. автора.*)

на Роллана и других друзей, Тагор мог бы и раньше прервать свой "роман" с Муссолини. Но лишь встретившись с двумя политэмигрантами, Гаэтано Сальвемини и Гаэтано Сальвадори, и выслушав их подробный рассказ о жестокостях итальянского фашизма, Тагор публично осудил фашизм и отправил в августе 1926 года открытое письмо в газету "Манчестер гардиан". В сентябре газета "Пополо д'Италия", которую издавал брат Муссолини, откликнулась: "Кого это волнует? Италия смеется над Тагором и над теми, кто привез сюда этого несносного скользкого типа".

Отношение Тагора к Советскому Союзу вызывает много споров. В России его творчество было широко известно. В 1917 году вышло сразу несколько переводов "Гитанджали", один под редакцией Ивана Бунина (первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе); к концу 20-х годов благодаря усилиям ряда известных переводчиков многие английские переводы Тагора появились на русском языке. Тагора переводили на русский и позже: так, в 50–60-е годы его переводил Борис Пастернак.

Побывав в России в 1930 году, Тагор был под большим впечатлением от того, как упорно русские стремятся к прогрессу, как искренне, на его взгляд, желают покончить с бедностью и экономическим неравенством. Но еще больше его поразил размах всеобщего обучения в бывшей Российской империи. В "Письмах из России", написанных по-бенгальски и опубликованных в 1931 году, он критикует хладнокровное отношение британской администрации к царящей в Индии неграмотности и сравнивает его с усилиями России в деле распространения образования:

> Когда я ступил на землю России, первое, что привлекло мое внимание, были успехи в образовании, – по меньшей мере, у крестьян и рабочих, добившихся за эти несколько лет невообразимых успехов, каких не было даже у наших высших классов за последние сто пятьдесят лет...[1]

Когда в 1934 году "Письма из России" были частично переведены на английский язык, заместитель министра по делам Индии, выступая в парламенте, заявил о "предумышленном искажении фактов, имеющем целью опорочить и скомпрометировать британскую администрацию". Английский перевод "Писем из России" вскоре запретили – и не публиковали вплоть до получения Индией независимости.

Образование и свобода

Не одна британская колониальная администрация пыталась замолчать "российские" размышления Тагора. Та же судьба ждала их в России. В 1930 году в интервью газете "Известия" Тагор резко отозвался об отсутствии в Советском Союзе свободы:

> Должен вас спросить: разжигая в умах граждан, которых вы воспитываете, ярость, классовую ненависть и мстительность по отношению к тем, кого вы считаете врагами, полагаете ли вы, что это идет на пользу вашим идеалам?.. Свобода мысли позволяет постичь истину; страх – убивает ее... Вместе со всем человечеством я надеюсь, что вы не вызовете к жизни злобный дух насилия, жестокость которого уже нельзя будет обуздать... Вы стремитесь уничтожить многочисленные пороки [царского] времени. Почему бы вам не уничтожить и этот?

Интервью Тагора было напечатано в "Известиях" только в 1988 году – почти через шестьдесят лет[2]. В 1930 году отношение Тагора к Рос-

1. Русский перевод отдельных писем см. в книге: Рабиндранат Тагор. Письма о России / Пер. М. Кафитиной // Рабиндранат Тагор. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1982.
2. Интервью все же было опубликовано в газете "Манчестер гардиан" вскоре после того, как должно было выйти в "Известиях". (*Прим. автора.*)

сии определялось двумя важнейшими его убеждениями: в необходимости "свободы мысли" (отсюда критика Советского Союза) и в том, что всеобщее образование – основа социального прогресса (отсюда же и похвалы Советскому Союзу, особенно в сравнении его с Британской Индией). Неграмотность Тагор считал главной причиной многих социально-экономических бед своей страны:

> На мой взгляд, единственная причина страданий, которые огромной каменной глыбой придавили самое сердце Индии, – отсутствие образования. Кастовое деление, религиозные конфликты, нежелание работать, шаткие экономические условия – все сосредоточено вокруг этого обстоятельства.

Тагор заботился не только о расширении системы образования в Индии (и особенно в деревенской глубинке, где школ было очень мало), но и о том, чтобы сама учеба стала радостнее и интереснее. В Шантинекетане было немало прогрессивных нововведений. Особое внимание там уделяли не дисциплине, а пробуждению в ребенке интереса к учебе; не духу соревновательности и погоне за объемом освоенного, а развитию интеллектуальной любознательности.

Индия сегодня

В пятидесятую годовщину независимости Индии особый интерес вызывали раздумья о реализованных и упущенных за прошедшие полстолетия возможностях. Если бы Тагор увидел Индию сегодня, через полвека после обретения независимости, то, наверное, больше всего его потрясла бы всё та же безграмотность простого народа. Он счел бы это нарушением обещаний, которые давали руководители национального движения в годы борьбы за независимость, – обещаний, прозвучавших даже в горячей речи Неру в канун обретения независимости в августе 1947 года (о "встрече Индии с Судьбой"[1]).

Тагора, столь трепетно относившегося к просвещению, вряд ли утешил бы необычайный взлет высшего образования: доля индийского населения, обучающегося в университетах Индии, на сегодняшний день в шесть раз превышает соответствующий показатель в Китае. Скорее, он был бы потрясен тем, что, в отличие от жителей Восточной и Юго-Восточной Азии, включая Китай, половина взрослых индийцев не умеет читать и писать; неграмотны две трети индийских женщин. Согласно надежным статистическим источникам, даже в конце 1980-х годов почти половина деревенских девочек в возрасте от 12 до 14 лет ни разу в жизни не была в школе. С другой стороны, Рабиндраната несомненно обрадовала бы демократическая направленность страны, ее относительно свободная пресса и вообще "свобода мысли", которую политикам независимой Индии удалось сохранить. Ему было бы приятно и то, о чем пишет историк Э. П. Томпсон (сын того Эдварда Томпсона, перу которого принадлежит одна из первых биографий Тагора)[2]:

> Все пересекающиеся течения этого мира проходят через [индийское] общество; [в нем есть] индуисты, мусульмане, христиане и неверующие; сталинисты и либералы, маоисты, социал-демократы и гандисты. Нет в западном или восточном мире такой идеи, которая не овладела бы мыслями какого-нибудь индийца[3].

Тагор наверняка был бы счастлив, что единственная попытка индийской власти отобрать основные политические и гражданские права,

1. "Мы назначили встречу с Судьбой, и сегодня она состоялась" – знаменитые слова Неру, произнесенные с балкона Красного форта в Дели в ночь с 14 на 15 августа 1947 года.
2. Edward Thompson. Rabindranath Tagore: Poet and Dramatist. – Oxford University Press, 1926. (*Прим. автора.*)
3. Цит. по: Shashi Tharoor. India From Midnight to the Millennium. – N.Y.: Arcade Publishing, 1997. P. 9. (*Прим. автора.*)

предпринятая в 1970-е годы в порядке "чрезвычайной меры"[1] премьер-министром Индирой Ганди (по иронии судьбы, бывшей ученицей Шантинекетана), вызвала резкий протест у большинства избирателей и привела к стремительному падению ее правительства. Рабиндранат увидел бы, что изменения в политике, благодаря которым в независимой Индии прекратился голод, тесно связаны с тем, что в демократической Индии стал слышен голос свободы. В пьесе Тагора "Раджа и рани" ("Король и королева") добрая королева в конце концов восстает против бессердечного отношения к голодающим. Администрация вице-короля Индии поступала с голодающими безжалостно вплоть до самой независимости: в 1943 году в Бенгалии от голода (который легко было предотвратить) погибло от двух до трех миллионов человек. В стране с многопартийной демократической системой, выборами и свободной прессой правительство не может игнорировать голос толпы.

Рабиндранат, в отличие от Ганди, не стал бы возражать против движения Индии по пути технического прогресса и развития современных отраслей промышленности: он не хотел, чтобы Индия оставалась прикованной к мерно вращающемуся "колесу древнего механизма". Тагор опасался, что люди могут оказаться во власти машин, но не выступал против современных технологий, приносящих пользу человеку. "Высокоразвитая промышленность, – писал Тагор в 'Кризисе цивилизации', – благодаря которой британцы удерживают власть над своей огромной империей, остается книгой за семью печатями, заглянуть в которую наша беззащитная страна не имеет права".

Рабиндраната глубоко волновали экологические проблемы и в особенности вырубка лесов (еще в 1928 году он положил начало "празднованию посадки деревьев – врикшаропаны"). Наверное, он стал бы ратовать за более активное вмешательство государства и частных компаний в охрану природы, но вряд ли высказывался бы против современной промышленности и технологии.

О *культурном сепаратизме*

Рабиндраната поразил бы рост культурного сепаратизма в Индии и во всем мире. Та самая открытость, которую он так высоко ценил, сегодня во многих странах едва удерживает свои позиции. У индийского религиозного фундаментализма не так уж много приверженцев, зато различные секты изо всех сил стараются завербовать побольше сторонников. В некоторых регионах Индии (особенно на западе и на севере) религиозные сектанты добились больших успехов. Такой всплеск сектантства Тагор расценил бы как результат навязывания индийцам сепаратистского взгляда на культуру.

Тагор энергично отверг бы взгляд на страну через призму индуизма – сам он считал Индию продуктом слияния множества культур. Ведь Индия даже после раздела остается третьей страной мира по количеству мусульман – их больше, чем в Бангладеш, и почти столько же, сколько в Пакистане! Последователей ислама больше только в Индонезии. Кстати, говоря о богатой и многообразной истории страны, необычайной разнородности ее культурного наследия, Тагор доказывал, что сама концепция Индии отрицает культурный сепаратизм – "твердую веру в отделенность нашего народа от остальных".

Тагор протестовал бы и против культурного изоляционизма, который в последнее время стал распространяться в Индии, и против чрезмерного страха перед влиянием Запада. Он всегда верил, что человек способен впитать несколько культур:

1. Имеется в виду чрезвычайное положение, введенное Индирой Ганди в 1975 г. и действующее до 1977 г. Помимо прочего, начиналось проведение принудительной стерилизации мужчин для ограничения роста населения, были введены цензура и ограничения на свободу торговли, провозглашена кампания по сносу трущоб и т. п.

Каким бы видом человеческой деятельности мы ни овладели, что бы ни пытались постигнуть, это сразу становится нашим — вне зависимости от происхождения. Воспринимая иностранных поэтов и художников как своих соотечественников, я горжусь своей принадлежностью к роду человеческому. Я хочу ощущать чистую радость, осознавая все великие победы человека как свои собственные. Вот почему меня огорчают звучащие в моей стране призывы к отказу от всего западного, в том числе — от западного образования, которое нам якобы только вредит.

В 1940 году Тагору было присвоено звание почетного доктора Оксфордского университета; церемония состоялась в его собственном учебном заведении — Шантинекетане: "In Gangem Defluit Isis"[1] — учтиво пояснил Оксфорд. Как выразилась дружившая с Рабиндранатом квакерша Марджори Сайкс, на вполне предсказуемый оксфордский "шквал латыни" он ответил "залпом санскрита". Добродушное резюме Сайкс: "В этом поединке Индия сумела постоять за себя" — вполне адекватно передает гордость Тагора за индийскую культуру. Его открытое отношение к западной цивилизации зиждилось на вере в то, что культура его страны крепка и не нуждается в "защите" от чужеземных влияний.

Он говорил, что индийцы "чуть ли не вынуждены учить английский язык и благодаря этому счастливому обстоятельству могут приобщиться к богатейшей поэтической литературе мира". Мне кажется очень важной мысль Рабиндраната о том, что колонии, в том числе и бывшие, должны уметь отделять несправедливое распределение власти (яркий пример которого — колониализм) и непредвзятый подход к западной культуре, позволяющий понять ее благотворность.

Рабиндранат настаивал на открытом обсуждении любых вопросов и не доверял готовым формулам, как бы убедительно они ни звучали сами по себе (вроде таких, как: "Нам это навязывают наши хозяева-колонизаторы — значит, мы должны от этого отказаться", "Это наши традиции — мы обязаны им следовать", или "Мы обещали — значит, должны исполнить обещанное"). Он вновь и вновь задается вопросом: если учесть все обстоятельства — достаточно ли у нас оснований желать того, что нам предлагают? Как бы ни была важна история, рациональное мышление не менее важно и должно преодолевать инерцию прошлого. В безраздельной власти свободного, бесстрашного разума — вот где мы слышим бессмертный голос Рабиндраната Тагора.

1. "Айзис к Ганге течет" (*лат*). Айзисом называется участок Темзы возле г. Оксфорда; так же называют и Оксфордский университет.

Сергей Арутюнов
Вражда без конца и без краю

О книге Судхира Какара "Цвета насилия"[1]

С давних времен синий цвет ассоциируется в Индии с исламом, красный – с индуизмом. На обложке книги С. Какара мертвенно-синеватый обнаженный мусульманин занес кинжал над беспомощно распростертой на его коленях девочкой-индуской в красном платьице. Он – убийца, она – жертва. Яркий и однозначный взгляд художника на мусульманско-индуистское противостояние.

Не знаю, как отнесся автор книги к такой обложке для своего труда, спросили ли его согласия. Сомневаюсь, ибо Судхир Какар, несомненно, хотел создать книгу объективную, не одностороннюю. Но не получилось. Обложка выражает общее впечатление от книги, написанной индусом и в основном с индусских позиций.

Какар – психоаналитик. Другие его книги без психоаналитической составляющей просто не могли бы появиться. И эту книгу, посвященную проблеме индусо-мусульманского противостояния, он хотел написать именно как психоаналитик, анализирующий кровавые столкновения в Хайдарабаде. Даже приложением снабдил: на двух страницах анкета теста Гиссена – балльная самооценка, терпелив я или нетерпелив, застенчив или нет, думаю ли я, что окружающие считают меня сильным или слабым и так далее. И еще одно: интервью. Тоже на двух страницах, с девятнадцатью вопросами – хорошо или плохо, допустимо или недопустимо, чтобы у мусульманина были друзья-индусы, чтобы мусульманин женился на индуске и тому подобное.

В книге обсуждаются результаты опросов, но ценность их не сущностная, а иллюстративная. Наши коллеги-социологи в России провели несметное множество подобных интервью с гораздо более детализированными вопросниками практически во всех регионах, где наблюдаются те или иные проявления этнического противостояния. Их результаты мало что дают для понимания его глубинных корней. В этом смысле опрос, проведенный Судхиром Какаром, ничем от них не отличается. Но впечатляет сама глубина выраженного в ответах осознания своей *инаковости*. Вряд ли найдешь что-либо подобное в интервью, взятых где-либо за пределами Индии. Изнасилования, например, сопровождают вспышки межэтнических конфликтов повсеместно. Причем повсюду изнасилования совершаются не всеми участниками конфликта поголовно, а лишь наиболее "отмороженными" из них, и рядовыми участниками не одобряются. Индия – не исключение. Но только в Индии информант-мусульманин может сказать, что он порицает мусульманина, насилующего индуску, не за бесчеловечность и жестокость, а за то, что он оскверняет себя, входя в нечистое тело индуски; ведь это все равно что есть свинину! Тело индуски – материя нечистая, запрещенная, как и свинина, она *харам* (запретная). А если мусульманину часом случится изнасиловать му-

© Сергей Арутюнов, 2009

1. Sudhir Kakar. The Colors of Violence. – New Delhi: Penguin Books, 1996. – 272 pp.

сульманку, то это, конечно, нехорошо, но все же не в такой степени: ведь тело мусульманки — *халяль* (ритуально чистая материя)!

Регион Южной Азии — та часть мира, где накал воинствующего исламизма, его конфликтность с другими конфессиями достигает наивысшего уровня. Точные цифры приводить не имеет смысла, так как население региона быстро увеличивается. Все же следует отметить, что именно мусульманское население растет самыми высокими темпами, опережая все остальные конфессиональные группы, тогда как прирост индусского (то есть индуистского) населения, хотя и не малый, но все же наименьший среди прочих конфессий, так что доля мусульман в Индии постепенно растет и в настоящее время уже достигает 15 %, то есть более полутораста миллионов человек. Примерно по полтораста миллионов мусульман проживает и в Пакистане, и в Бангладеш, а с учетом мусульман Шри Ланки, Мальдив и других относительно небольших территорий Южной Азии общее их число здесь достигает полумиллиарда человек. Число индуистов — примерно миллиард человек, большинство которых проживает в Индии, а общая численность населения региона приближается к двум миллиардам — более чем одной четверти всего населения Земли.

Каждая этноконфессиональная группа населения этого региона показывает положительное демографическое сальдо, кроме, может быть, парсов (зороастрийцев), у которых по ряду причин очень низкая рождаемость. Некоторое превышение темпов прироста мусульман над индусами (индуистами) вызывает у последних панический страх, и постоянно слышатся стенания — дескать, рано или поздно настанет день, когда в самой Индии мусульман станет больше, чем индусов. Причем создается впечатление, что такой день может настать чуть ли не завтра, хотя реально — при сохранении нынешних демографических тенденций — для этого потребуются столетия.

Автор сам понимает, что книга у него получилась не собственно психоаналитическая, но настаивает в предисловии, что писал он ее все-таки именно как психоаналитик. Он подчеркивает, что религиозные конфликты (в отечественной науке мы бы назвали их этноконфессиональными) порождаются совокупным действием политических, экономических, культурных и психологических факторов. Но хочет дать психоаналитический взгляд на конфликт, чтобы "углубить понимание, даваемое другими дисциплинами".

Город Хайдарабад был основан в качестве новой столицы правителем княжества Голконды, Мухаммедом Кули Кутуб-Шахом, в 1589 году. Первоначально он носил индусское имя Бхагнагар, но вскоре был переименован по-нынешнему. Романтическая легенда возводит оба названия к имени и придворному титулу любимой наложницы шаха, индуски Бхагмати, происходившей из простонародья. Эта легенда, за которой стоят вполне реальные исторические факты, ныне трактуется мусульманами как свидетельство величия и благородства их средневековых предков, а индусами — как свидетельство унижения и эксплуатации всяческого рода, включая сексуальную.

Невзирая на могольское завоевание, смену династии, а затем переход под английский протекторат, Хайдарабад оставался столицей полунезависимого княжества со своим наследственным правителем — низамом — и был процветающим и блестящим, преимущественно мусульманским, городом до 1948 года, когда низам был низложен, а территория княжества разделена между несколькими штатами новой независимой Индии — в соответствии с этническим составом их по большей части индусского населения. Все же в основном территория княжества и сам город отошли к дравидоязычному, то есть говорящему на языке телугу, штату Андхра-Прадеш. Как и в большинстве других штатов Индии, мусульманское население, по боль-

шей части свободно владея титульным языком штата, тем не менее демонстративно называет родным язык урду, общемусульманский символ, исламизированный (то есть арабофарсизированный) вариант многодиалектного языка хиндустани (санскритизированным индусским вариантом этого же языка является хинди). За урду не стоит никакого этноса, а только конфессиональная общность индийских мусульман; зато он имеет статус государственного языка Пакистана.

До 1948 года элита города состояла из мусульманских семей, имевших реальные основания заявлять свое персидское, турецкое, арабское или иное иноземное происхождение. Она и по физическому типу заметно отличалась от темнокожих городских низов, выходцев из сельской местности. Мусульманская часть этих низов, под язвительные насмешки индусов, всячески пыталась приписать себе какое-либо "благородное" происхождение, хотя всем было ясно, что это почти целиком потомки неофитов из низких и даже неприкасаемых каст. Что же касается индусского населения, то подавляющая его часть именно к этим кастам и принадлежала.

После 1948 года большинство хайдарабадской элиты эмигрировало в Пакистан. Ее сменила обычная буржуазная верхушка, характерная для прочих городов Индии (правда, с более широкой "оторочкой" рядового среднего класса), составленная из брахманских, интеллигентских слоев, торгово-предпринимательских средних (вайшьясских) каст титульного населения (в данном случае телугу) с обильной примесью "иногородних" — военных и полицейских (в основном кшатрийских каст), не чуждых индусам (то есть безоговорочно допускаемых в индуистские храмы) сикхов и джайнов и тому подобных некоренных компонентов населения. Эти относительно преуспевающие и затронутые духом буржуазно-европейской толерантности слои в основной массе не являются ни объектом мусульманского этноконфессионального насилия, ни субъектом антимусульманских эксцессов. Однако в случае возгорания подобных конфликтов они (как и принадлежащий именно к этим слоям автор рассматриваемой книги) скорее, пусть и подсознательно, симпатизируют индусской стороне.

За последние полтора десятка лет в Хайдарабаде и поблизости от него появились отдельные кварталы, микрорайоны и целые поселки как жилищной, так и промышленной, торговой, офисной застройки, резко отличающиеся по стилю от застройки старого города. Университет Османия, названный по имени последнего низама и первоначально строившийся на его средства как преимущественно гуманитарный вуз с явным мусульманским уклоном, превратился в один из ведущих университетов Индии с мощной естественно-научной и физико-математической базой. Его выпускников можно встретить во всех уголках Индии и много где за ее пределами, но все же бóльшая их часть находит себе работу в самом Хайдарабаде с его развитой аэрокосмической индустрией, точным приборостроением и производством компьютерно-программного обеспечения. Вместе с другим южноиндийским городом Бангалором Хайдарабад считают в Индии аналогом Силиконовой долины.

Нет нужды объяснять, что и диета, и бытовые обычаи, и ценности, включая конфигурацию кругов брачности (обычно опирающуюся на настоятельно-предпочтительную эндогамию внутри данного кастового подразделения и строгую экзогамию внутри довольно широкого круга родственников) у работников этих сфер, да и вообще верхних страт среднего класса (включая состоятельную буржуазию, начальствующее чиновничество, кадровое офицерство и им подобных) совершенно иные, чем у неквалифицированных рабочих или торговцев-разносчиков. Дистанция здесь неизмеримо больше, чем, скажем, в Италии меж-

ду ведущим инженером завода "Фиат" и горцем-пастухом из высокогорья сардинской Барбаджи. И отношение к индусско-мусульманской конфронтации, хотя и остается напряженным, но загнано глубоко в потаенные уголки психики, притом что внешне может вообще не вербализоваться и никак не выражаться.

Основным субъектом и объектом индусско-мусульманского насилия и, в частности, погромов 1990 года, служила и служит как индусская, так и мусульманская низкокастовая "чернь", "плебс", "люмпен-пролетариат".

Все же следует иметь в виду при этом, что так называемый городской плебс — это далеко еще не самое "дно" индийских городов. Дно — это большие семейства и одиночки из числа настоящих бомжей, в самом деле не имеющие пристанища, спящие в груде тряпья на улице, в лучшем случае сооружающие навес из засаленной циновки на веревке, которая прикреплена к задней стене какого-нибудь дома. Отметим кстати, что владелец дома отнюдь не протестует против такого самоуправства; наоборот, он горд и счастлив, что его стена послужила некоторой опорой бедным людям, и полагает, что совершает тем самым некоторое благодеяние, отчасти подобное подаче милостыни, которое, несомненно, улучшит его карму.

Такие бомжи также не очень вовлекаются в конфликты: во-первых, на них не написано, кто они с точки зрения религии, а во-вторых, им, не владеющим имуществом, легче легкого вскочить и сбежать куда подальше, как только в воздухе запахнет жареным. Погромам подвергаются прежде всего постоянные жилища в бедных кварталах — сначала собственно дома, а затем и их обитатели.

Дома эти ветхие и тесные, и живут в них скученно и скудно, но все же жители стараются содержать их в относительной чистоте, раз в месяц обновляют обмазку стены глиняным раствором (у индусов часто с добавлением коровьего навоза), а рамы, наличники и двери периодически красят — мусульмане почти всегда зеленой краской, индусы — в другие яркие цвета.

Но главное, что отличает обитателей этих домов от представителей настоящего "дна", — это то, что при всей скудости быта, у них в жилищах есть, и были уже в 1990-х годах, дешевенькие черно-белые телевизоры. Еще ранее имелись по крайней мере маленькие транзисторные радиоприемники. Мне доводилось работать в индийских (индусских и племенных) деревнях центральной и южной Индии в конце 1970-х — начале 1980-х. Их облик живо напомнил мне прекрасно выполненную экспозицию Государственного музея Грузии в Тбилиси времен моей юности, где на макетах было изображено южно-кавказское поселение эпохи неолита и ранней бронзы: те же эллиптические дома из сырца с тростниковыми крышами, дверные проемы, сложенные даже не из бревен, а из массивных неотесанных каменных плит, очаги на трех камнях, всевозможная, сошедшая с круга сельского гончара круглодонная черная или красная лощеная керамика — все, как пять тысяч лет тому назад. Но транзисторы во многих таких домах уже были. У некоторых были и велосипеды.

Это означает, что в последние четыре-пять десятилетий у жителей деревень и малых городов Индостана появились две новые черты, которых у них не было в предшествующие четыре-пять тысяч лет: подвижность и информированность. Прежде такой житель редко покидал пределы своего городка или нескольких деревень, и не знал, и не интересовался тем, что происходит за этими пределами, разве что иногда мог по обету отправиться в пешее паломничество к относительно удаленному храму (для мусульман роль храма порой играли могилы и склепы местных святых). Теперь же все изменилось: ему стал доступен весь невообразимый "компот" индийских радио, телевидения, кино, а для не очень многочисленных грамот-

ных — также и пресса, включающая дикую смесь информации, дезинформации, всякого пиара — черного, белого, а чаще всего позолоченного, открытую и скрытую религиозную пропаганду, а наипаче того — всевозможную ахинею. Но каждый черпает из этого "компота" и усваивает то, что созвучно его восприятию, обусловленному рождением, воспитанием, верой, кастой и индивидуальным жизненным опытом.

Пожалуй, самое важное, что усваивает потребитель этого СМИ-компота, — некоторая очень эффективная "Растишка" для изживания вечного комплекса неполноценности и замены его комплексом превосходства. Для индусов — это гордые реляции о вводе в строй новых кораблей ВМФ, о доле Индии в глобальном производстве программного обеспечения, о числе и статусе индийских ученых в ведущих университетах мира и так далее. Это постоянное внушение самим себе, что времена вечной отсталости позади, что теперь "у нас" все как у больших, причем как у самых больших. А для мусульман актуальны речи о растущей роли исламских государств в мире, о неспособности Запада справиться с мусульманским сопротивлением, об огромных нефтяных доходах арабских стран, о чудесах Объединенных Эмиратов, и прочее, и прочее. И хотя из несметных доходов нефтяных шейхов обитателю хайдарабадских трущоб не перепадает ни пайсы, а к чудесам Эмиратов он в самом лучшем случае — если очень повезет — может причаститься лишь как чернорабочий-гастарбайтер, живущий и в Эмиратах примерно в таких же трущобах, как дома, все равно гордость его по поводу богатства и мощи мусульман мира безмерна.

Идеологическая основа взаимных обвинений такова: в глазах индусов мусульмане — чужие. Они нарочно пользуются чужим языком. Государство, проводя политику помощи беднейшим слоям, гораздо более заботится о благополучии не заслуживающих того мусульман, нежели о столь же нуждающихся индусах. Оно якобы потворствует им в расширенном деторождении, тогда как индусов агитирует рожать поменьше. Между тем мусульмане не считают Индию своей родиной. Они во всем симпатизируют Пакистану и в случае индо-пакистанского конфликта будут "пятой колонной".

Мусульмане, в свою очередь, с ностальгией вспоминают времена, когда власть была в руках исчезнувшей ныне мусульманской элиты. Тогда даже перед самыми бедными из них открывалось больше перспектив, чем сейчас. Сейчас они обречены на постоянную безработицу, разного рода дискриминацию, особенно при приеме на работу. Многие, чтобы получить какую-нибудь, пусть маленькую, должность, меняют имя и выдают себя за индусов, но рано или поздно обман раскрывается и их выгоняют. Индусы могут надеяться на то или иное продвижение по службе, но мусульманам ничего не светит, в лучшем случае их ждет участь мелкого торговца-разносчика или поденного рабочего без постоянного места работы.

В 1947 году, когда Пакистан отделился от Индии и масса индусов-беженцев, в основном из среднего класса, хлынула искать убежища у своих близких и дальних родственников в городах Северной Индии, Судхиру Какару было девять лет. Общую картину этих и более поздних индусско-мусульманских столкновений он рисует по своим детским и юношеским впечатлениям, по услышанным им рассказам очевидцев и по пересказам слухов, как всегда в таких случаях далеко не всегда достоверных, а нередко и стандартизованно-мифологизированных, но это не столь уж важно: важно не то, что произошло в действительности, а то, во что люди верят. Подобная уверенность и ее последствия хорошо известны по многим другим случаям этнических конфликтов и передаются из поколения в поколение в течение столетия и более — как можно видеть, например, в случае геноцида армян в османской Тур-

ции. То, как описывает свои впечатления Какар, это прежде всего хорошая художественная литература, в которой документальная и антропологическая достоверность занимают не главное место. Это, кстати сказать, относится и ко многим другим пассажам его повествования. Что не недостаток, а достоинство книги. Фактологический отчет об этнических конфликтах в Индии можно найти во многих публикациях[1]. Книга Судхира Какара ценна тем, что дает живую картину событий, позволяющую видеть их суть, — это мир, отраженный в капле воды. Эта книга ярко иллюстративна, и в этом ее основная ценность.

Третья глава книги озаглавлена "Воины". Это в основном портреты людей, которые в Хайдарабаде являются и организующей, и главной ударной силой при погромах. Это так называемые пехлеваны (по-персидски — богатыри) — профессиональные борцы. Автор подробно описывает их историю, социальный статус, технику подготовки, распорядок дня. В других культурах ближе всего к ним стоят японские сумока, являющиеся, как и пехлеваны, кумирами своих фанатов. Сумока может иметь связь с якудза, но это отнюдь не правило. Пехлеваны же, как правило, имеют тесную связь с теневой экономикой, с полукриминалом, участвуют в разруливании всевозможных "стрелок" и разборок. Многие из них политически ангажированы.

Пехлеванов с сумока, как и с другими чемпионами восточных единоборств, роднит также и неразрывная связь этого спорта с определенными жесткими идейными и моральными установками их круга. Важная роль пехлеванов, как мусульман, так и индусов, в организации не только погромов, но и более насущной защиты материальных и моральных (статусных) интересов "своей" группы составляет характерную часть индусско-мусульманских взаимоотношений, хотя и не во всей Индии.

Далее автор описывает типичных рядовых представителей конкретных местных групп, индусов и мусульман, участвовавших в погромах и/или бывших их жертвами. С индусской стороны в качестве примера взята маленькая группа парди, до недавнего времени имевшая статус "зарегистрированного племени" (scheduled tribe), сохранившая даже предания о своем охотничьем — некогда — образе жизни. Но в новое время они были городским населением, в основном жившим торговлей фруктами, которые выращивались в садах мусульман. То есть парди жили в экономическом симбиозе с мусульманами, в тесном соседстве, между ними существовали отношения дружбы и сотрудничества. Нередко женщины-парди выходили замуж за мусульман (принимая при этом ислам), и даже бывали случаи замужества мусульманок за индусами (что вообще-то чрезвычайно редкое явление и встречается почти исключительно среди мигрантских, деклассированных и самых низкокастовых групп). Все это, однако, не помешало возникновению конфликтной ситуации, перешедшей в погром.

Последующие разделы книги Какара посвящены формированию нового, фундаменталистского самосознания как среди индусов, так и среди мусульман. Они опираются на цитаты из речей фанатичных и по-своему талантливых демагогов и подстрекателей, которые пытаются воспитать в своих слушателях чувство непримиримой вражды к "другому", создать новое, четкое, чисто общинное самосознание, идущее на смену относительно мирному консенсусу сосуществования, который хоть и с определенными нарушениями, но все-таки господствовал в Индии до ее раздела. Нет нужды объяснять, что все такие агитаторы политически "крайние" и тесно связаны с самыми реакционными партиями современной Индии.

Книга Какара позволяет читателю глубоко проникнуть в анатомию

1. См., например, A. A. Engineer. Communal Riots in Post-Independence India. — New Delhi, 1985.

мусульманско-индийского противостояния. Но всю огромную мозаику, весь гигантский паззл этого противостояния, возникшего в одной из крупнейших в мире стран – второй по счету перешагнувшей миллиардный уровень населения, – всё это никакая книга объять не может. Однако Судхир Какар показывает нам, как под увеличительным стеклом, сцепление разноцветных кусочков в отдельных, произвольно выбранных участках мозаики и позволяет, экстраполируя рисунок этих участков, понять мозаику в целом.

И все же это только анатомия болезни, а не диагноз. Симптоматика, но не этиология. И психоанализ здесь никак не может помочь. Безработные, неграмотные, лишенные надежды люди, фанатичные демагоги-агитаторы, беспредельствующие полицейские, криминализованные пехлеваны – это все токсины, производимые вирусом этноконфессиональной отчужденности, но еще не сам вирус. Где он, откуда он взялся? Эксплицитного ответа на этот вопрос книга Какара не дает, если не считать уже упомянутой отсылки к совокупности политических, экономических, культурных и психологических факторов. Такой совокупностью можно "разъяснить" любое крупное общественное явление, отчего сущность его яснее не станет. Какар блестяще показал, как возникает и как протекает вспышка межэтнического насилия, но не то – почему она вообще возникает.

В доколониальной Индии такое силовое противостояние наблюдалось постоянно, но носило преимущественно межгосударственный характер. Различным мусульманским султанатам, а затем силам могольской империи противостояли раджпутские княжества, государства маратхских пешв и сикхских гуру, шла борьба индусов с мусульманским порабощением. В колониальной системе британского раджа межгосударственная борьба сменилась межобщинной, и при постепенном развитии свараджа (самоуправления) она могла бы далее смениться и, наверное, сменилась бы более или менее цивилизованным соперничеством, как и спорадическим сотрудничеством.

Но когда это соперничество нашло свой выход в разделении на Индию и Пакистан, непрестанное враждебное противостояние двух государств стало с новой силой порождать конфликты уже внутри индийского политического организма. И приобретшее новую силу противостояние превратилось из причины раздела в его следствие. Именно к такому выводу подводит книга Какара, хотя сам он его не делает.

Весь XIX век и первая половина XX века прошли в Европе под знаком франко-германского противостояния, которое с образованием Европейского Союза ушло в прошлое. Если страны Южной Азии под воздействием необоримых сил глобализации объединятся в некий вид Южноазиатского Союза, может уйти в прошлое и индусско-мусульманское противостояние. Но пока до этого еще очень далеко.

Татьяна Загородникова
Серебряный век и Индия

Серебряный век. Время необычайного расцвета культуры, время поиска новых форм в музыке, литературе — как в поэзии, так и в прозе, — театральном искусстве, живописи. Этот поиск шел в разных направлениях, одно из них было связано с Востоком. В России возникает интерес к культурам Японии, Индии и Китая: К. Д. Бальмонт переводит произведения Ашвагхоши и Калидасы; в 1914 году Камерный театр А. Я. Таирова открывается постановкой средневековой драмы "Сакунтала"; А. Н. Скрябин начинает писать грандиозную Мистерию — литургию в формах искусства, местом исполнения которой намечалась Индия; трое молодых художников — Н. Ф. Шереметьевская, В. И. Кравченко и В. А. Ватагин — едут на Цейлон и в Индию за новыми впечатлениями, новыми образами.

Несколько индийцев жили в это время в Европе, некоторые — посещали и Россию. Среди них — суфий и музыкант Инаят Хан.

В декабре 1913 года в московском кафешантане "Максим" начали давать удивительные концерты. Трое восточных людей, одетых в странные одежды, играли на незнакомых инструментах. Мелодии были очень незамысловатые, но даже их тамошняя публика — полупьяные компании, которые, развалясь на коврах и тахтах, под какими-то импровизированными балдахинами, пили черный кофе с ликерами, — воспринимала с трудом. Причем к началу концертов — почему-то в час ночи — посетители были уже под большим градусом. Кто же был тот музыкант, который отважился на выступления в такое время в таком месте и перед такой публикой? Разумеется, Инаят Хан — первый настоящий индийский музыкант, исполнявший в России классическую индийскую музыку. На тот момент он успел объехать полмира во исполнение возложенной на него миссии. По России Инаят Хан путешествовал с ансамблем, который состоял из его братьев Махбуб Хана (1887—1948) и Машараф Хана (1895—1967). Их сопровождал молодой индиец Рама Свами, который, продав свою маленькую чайную плантацию на Цейлоне, раздал деньги неимущим и принял послушание — стал петь и играть с Учителем.

Инаят Хан родился 5 июля 1882 года в Западной Индии, в городе Барода, столице крупного княжества, в музыкальной семье. Музыка сопровождала его с самого рождения. Его дед — знаменитый Мула Бакш (1833—1896), чей портрет находится в Индийском отделе Британского музея в Лондоне, — основал индийскую систему нотной записи. Отец Инаят Хана тоже был музыкантом. В их доме, где главными ценностями считались взаимное уважение и понимание, собирались музыканты, поэты, философы, здесь они могли свободно излагать свои мнения по самым насущным и глубоким вопро-

© Татьяна Загородникова, 2009

сам религии и бытия. Мальчик рос в атмосфере веротерпимости, и у него сформировалось убеждение в том, что все религии имеют некую единую, общую основу. Инаят Хан делал большие успехи в музыке, с девяти лет исполнял свои собственные произведения, а с восемнадцати — выступал по всей Индии и приобрел большую популярность, особенно при дворах многочисленных индийских раджей. По общему признанию он превзошел талантом своего деда. Музыку Инаят Хана называли божественной и мистической, а его самого современным Таценом[1]. Религиозные искания привели молодого человека к суфизму, свободно толковавшему основы ислама. Он стал последователем суфийского ордена Чишти. Одной из особенностей суфизма является тесная связь ученика со своим наставником. Путешествуя по югу Индии, он несколько раз видел во сне седовласого старца и, когда в Хайдарабаде встретил Саида Абу Хашима Мадани, узнал в нем мудреца из своих сновидений. Его учение длилось четыре года, до 1908 года, когда не стало Учителя. На пороге вечности Учитель сказал Инаят Хану, что необходимо ехать на запад, чтобы, приобщая европейцев к индийской музыке и суфийским идеям, содействовать взаимопониманию и единению Востока и Запада. Выполняя завещание главы суфийского братства, Инаят Хан в 1910 году отправился сначала в США, а потом в Европу, где основал международный суфийский орден[2]. Штаб-квартира ордена находилась в Лондоне, а отделения — по всему миру: в США, Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Италии и других странах.

Так, путешествуя по Европе, Инаят Хан очутился в Москве и, поскольку он ни с кем не был здесь знаком, попал в лапы к какому-то шустрому, недобросовестному антрепренеру. Тот предложил ему выступать в большом помещении в "восточном вкусе", гарантировал, что будет много публики. Предложенное время — час ночи — показалось музыканту странным, но, может быть, здесь так принято? На первом же концерте действительное положение вещей прояснилось, но, вместо того чтобы поднять скандал, расторгнуть контракт и платить значительную неустойку, Инаят Хан рассудил, что, если Бог привел его сюда, очевидно, следует выполнить Его волю. Священные песнопения и музыку, с помощью которых проповедуется учение, он, конечно, здесь исполнять не будет, но с простыми народными песнями выступать можно. Так Инаят Хан начал давать концерты в "Максиме". Слухи о том, что в кафешантане выступает какой-то экзотический музыкант, распространились мгновенно. По-видимому, первыми, кто заинтересовался необычными концертами, были теософы. Они стали называть Инаят Хана Учителем и даже хотели выкупить контракт у недобросовестного антрепренера с тем, чтобы его расторгнуть.

На одном из концертов Инаят Хан заметил двух необычных посетительниц, выделявшихся из общей массы кафешантанной публики: это были молодые девушки, еще почти девочки, в форменных темных платьях. Одна из них, круглолицая, скуластая, с раскосыми глазами и смоляными косами вокруг головы, особенно привлекла его внимание. Хотя девушки пришли в сопровождении двух молодых людей, на вид — студентов, позднее время и в особенности обстановка были для них совершенно неподходящими. Это были курсистки, слушательницы Высших педагогических женских курсов им. В. И. Герье, Женя Спасская и Шура Соколова. Вот какое впечатление произвел на них Инаят Хан: "Из боковой двери вышел и прошел мимо нас человек редкой красоты и величия в каком-то темно-оранжевом хитоне. Шествовал он, казалось, не по грешной земле,

1. Знаменитый музыкант при дворе Великого Могола Акбара в XVI в.
2. The Brotherhood of Purity, современное официальное название Sufi Order International.

по крайней мере по облакам, в каком-то ином мире; за ним следовали еще четыре человека. Один из них совсем юный, такой же редкой красоты, вероятно, брат Иннаят-хана. Усевшись в ряд на эстраде, они играли на незнакомых струнных инструментах и пели незнакомые песни так, как если бы в комнате не было никого кроме них"[1].

Сначала девушки восприняли посещение кафешантана как некое веселое приключение, как шутку. Они специально подговорили своих приятелей-студентов отвезти их посмотреть на диковинку, но незнакомая индийская музыка захватила и взволновала их. В то же время обстановка кафе, полупьяная публика, не проявлявшая ни уважения, ни интереса к артистам, настолько не отвечала происходящему на сцене, что это несоответствие, а также неодобрительные взгляды, которые бросал на них Инаят Хан, смутили курсисток, и они почувствовали, что их шутка зашла слишком далеко. Но вот выступление закончилось, музыканты собрали инструменты и направились к выходу. Проходя мимо девушек, Инаят Хан остановился и очень строго спросил у стоявшего тут же студента по-английски: "Зачем вы привели сюда этих девушек?" Убитым голосом тот ответил ему, что не мог противиться их желанию послушать индусские песни, что эти студентки — любительницы музыки. Инаят Хан еще пристальнее посмотрел на молодых людей, так они выделялись среди собравшихся, и пригласил их зайти к нему домой — через несколько дней он по индийскому обычаю собирался праздновать "сороковины" со дня рождения его дочери Русы.

В назначенный день под вечер, принарядившись, вся компания отправилась в конец Дмитровки, где в недорогой гостинице остановились музыканты. В какой-то книге об Индии они вычитали, что на "сороковины" полагается делать подарки матери новорожденного. Но какая она? Что ей нравится? Что полагается дарить? Проходя мимо цветочного магазина Ноева, Женя увидела в центре витрины великолепный букет белых лилий. Ничего лучше этого невозможно придумать, решили все и, сложив наличные "капиталы", купили штук десять крупных ароматных цветов на длинных стеблях.

Инаят Хан уже ждал гостей и, пока мать была занята ребенком, начал показывать гостям музыкальные инструменты. Завязался оживленный разговор, изъяснялись на английском, мешая его с французским, а также — с помощью мимики и жестов. Не чувствовалось никакой натянутости или неловкости, казалось, все давно знакомы друг с другом и, как обычно, зашли на чашку чаю. Сыпались шутки, и звучал смех. Все ждали появления молодой матери с малюткой. "Но вот бархатная портьера раскрылась, и в дверях соседней комнаты появилась... не знаю, что увидели остальные, но мне показалось, что я вижу Нестеровскую голубую мадонну, — вспоминала потом Спасская, — на фоне темно-красной бархатной портьеры стояла тоненькая, светлая, в голубом шарфе, обернутом вокруг стройного тела, юная мать с крошечным смуглым младенцем на руках. Длинный конец шарфа спускался с головы, открывая спереди золотые волосы, очень ясные голубые глаза и все личико смущенное, вся хрупкая фигурка рядом с высокой величественной фигурой Иннаят-хана и его лицом, смуглым, спокойным, радостным — составляли такой удивительный контраст, какой редко встречается и крепко запоминается. Иннаят-хан подвел ее к нам, и, когда мы с Шуркой опомнились и поднесли ей наши лилии, все подумали, что для подарка ей ничего лучшего нельзя придумать! — левой рукой она держала спокойную смуглую крошку, а правой — лилии, опуская в букет свое нежное личико". Это была Бигем Инаят Хан (урожденная Ора Рей Бек-

1. Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. (Далее – РИО): Сборник архивных документов и материалов. – Док. № 304. – М.: издательская фирма "Восточная литература" РАН. – 1999.

Этнографическій отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

19 14

АУДИТОРІЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

(Старое зданіе).

Въ Четвергъ, 6-го Марта, ЛЕКЦІЯ-КОНЦЕРТЪ:

„ИНДУССКАЯ МУЗЫКА"

ИНАЯТЪ КХАНА.

Съ участіемъ его квартета струнныхъ и ударныхъ инструментовъ.

I-е Отдѣленіе.

Конспектъ лекціи: Идеалы музыки на Востокѣ. Духовность въ музыкѣ. Высокое значеніе, которое индусскіе Святые и Іогги придаютъ музыкѣ. Значеніе музыки въ религіозныхъ обрядахъ всѣхъ народовъ. Сила вибрацій и вліяніе ихъ на человѣческую жизнь.

II-е Отдѣленіе.

Историческій очеркъ съ музыкальными иллюстраціями.

1. Музыка **Шивы** (Богъ Іогговъ) за 5000 лѣтъ до нашего времени.
2. Музыка Индіи за 3000 лѣтъ.
3. Музыка принимаетъ космополитическій характеръ за 1000 лѣтъ до нашего времени.
4. Перемѣна въ музыкальныхъ идеалахъ совершилась примѣрно за 500 лѣтъ до нашего времени.
5. Современная музыка Индіи.

Музыкальныя иллюстраціи послѣ каждаго №.

III-е Отдѣленіе.

Образцы Индусской музыки.

1. Духовная музыка Индусовъ (пѣніе).
2. Соло на инструментѣ Dilruba.
3. Народная пѣсня (пѣніе).
4. Соло на инструментѣ Tablâ.
5. Крестьянская пѣсня (пѣніе).
6. Соло на инструментѣ Вина (Vinâ).

ПѢНІЕ.

7. Пѣснь покаянія женщинъ.
8. Классическое пѣніе Индіи.
9. Суффистская пѣснь душъ, стремящихся освободиться отъ тѣла.

БИЛЕТЫ отъ **50** коп. до **3** руб. въ музык. магазинахъ: **Юргенсонъ** (Неглинный), **Россійское Музыкальное Издательство** (Кузнецкій), **„Симфонія"** (Никитская) и въ **Политехническомъ** музеѣ.

Афиша лекции-концерта Инаята Хана в Москве, 1914 год

кер, 1890—1949), англичанка из Нью-Мексико, которую Инаят Хан встретил во время своего путешествия по Америке. Она с детства интересовалась Индией, была знакома с религиозными мистическими доктринами Востока, ее увлекло учение и проповеди музыканта, и она пошла за ним. Наперекор воле семьи она решила стать женой Инаят Хана и уехала с ним в Европу.

Наконец началось вручение подарков: "голубую мадонну" усадили в кресло, все подходили к ней поочередно, каждый низко кланялся, пел приветствие и что-нибудь дарил. Песни были протяжные, торжественные, но Махбуб Хан спел что-то веселое, очевидно, собственного сочинения, так как все индийцы добродушно посмеивались. Потом гостей угощали какими-то незнакомыми сластями и печениями, которые умудрился приготовить один из индийцев — рябоватый, толстоватый, бывший повар богатого ресторана в Индии, уже успевший познакомиться и подружиться с поварами соседнего трактира. По просьбе гостей вновь и вновь звучали индийские песни, исполнявшиеся под аккомпанемент струнных инструментов, слова переводили сначала на английский, потом — на русский. Все это время девочка тихо лежала на руках матери, как будто сознавая важность момента[1]. Так закончилась эта встреча.

По-видимому, доброжелательные приветливые молодые люди пришлись по душе индийцам, и знакомство продолжилось. Индийцы попросили девушек показать им Кремль. Через несколько дней все вместе отправились осматривать центр Москвы. Кремль произвел на них сильное впечатление: настенные орнаменты соборов напоминали им росписи индусских храмов.

Женя Спасская с ее друзьями были, конечно, не единственными, кто заинтересовался личностью и музыкой Инаят Хана. Он встречался с певицей Е. А. Лавровской, Ф. И. Шаляпиным, А. Н. Скрябиным, Вяч. Ивановым, С. Л. Толстым, В. И. Полем[1] и многими другими деятелями русской культуры, состоялось несколько лекций-концертов Инаят Хана в Политехническом музее. Вот афиша лекции-концерта Инаят Хана в Политехническом музее в Москве.

Лекции, которыми Инаят Хан сопровождал свои концерты, везде проходили с неизменным успехом. Интересны их темы: "Чему Восток должен научиться у Запада и Запад — у Востока?", "Суфизм", "Философия музыки", "Эзотерическая музыка", "Тайна звука" и другие. Вот какая запись осталась в протоколе публичного заседания Музыкально-этнографической комиссии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ), на котором выступал Инаят Хан: "...Индусский лектор коснулся сначала философской стороны музыки, а затем перешел к ее характеристике и демонстрациям.

По словам Инаят-Кхана, индусская музыка, если и бедна гармонически и не отличается богатством красок, зато она полнее выражает элемент мелодический и идеально-духовный, нежели музыка Запада, усложненная, загроможденная, "материализованная" внешними аксессуарами. К сожалению, индусская музыка тоже не избегла сторонних влияний и в теперешнем виде она далека от первоисточника. В общем, однако, сохранились и старинные напевы, которые дают верное представ-

1. Эта девочка, старшая дочь Инаят Хана, оказалась очень талантливым ребенком: с детства писала стихи, пела, играла на музыкальных инструментах, знала несколько языков. Окончила музыкальную школу в Париже, училась в Сорбонне на факультете детской психологии, опубликовала несколько рассказов. Во время Второй мировой войны стала радисткой и погибла в рядах французского Сопротивления. Посмертно награждена английским орденом "Крест Георгия" и "Крестом за боевые заслуги с Золотой звездой" Франции.

1. Владимир Иванович Поль (1875—1962) — композитор и педагог, написал музыку к драме "Сакунтала" Калидасы в переводе К. Д. Бальмонта, поставленной А. Я. Таировым в Камерном театре в 1914 г.

ление об истинном характере индусской музыки.

Лекция сопровождалась иллюстрациями как древнейших напевов Индии, так и более поздних в исполнении самого профессора Инаят-Кхана и его индусского квартета из струнных и ударных инструментов.

Лектор демонстрировал также свои национальные инструменты.

Председатель от имени комиссии выразил благодарность лектору при дружных аплодисментах публики, переполнившей залу"[1].

Вот как известная исследовательница русского фольклора Е. Э. Линева вспоминает концерт Инаят Хана: "Глубокая, философски-религиозная по своему внутреннему содержанию, нежная и изящная по внешнему исполнению, то мечтательная, то доходившая до экстаза, музыка эта производит сильнейшее впечатление, всецело захватывает слушателя. И это достигается тихими, мягкими звуками струнных и ударных инструментов и голосом человеческим, который поет сдержанно, не позволяя себе ни одного выкрика, ни одного жесткого звука. Чувство как будто затянуто облачной дымкой, звучит точно в глубине души, но сила этих нежных вибраций непреодолима. Так поет Инаят Хан"[2].

Конечно, трудно себе представить, что столь необычная, чуждая европейской культурной традиции музыка была единодушно воспринята музыкальной общественностью России, но интерес она вызвала огромный. А. Н. Скрябин, побывавший на одном из выступлений, пригласил Инаят Хана к себе в Николопесковский переулок. Друг и личный биограф Скрябина Л. Л. Сабанеев вспоминает, какое впечатление индийский музыкант произвел на русского композитора: "...Он был в восторге от одного вида этого Инаят Хана. 'Какое величие и спокойствие в нем! — говорил он мне (я не был на сеансе с Инаят Ханом у него). — Как это именно то, чего нам так недостает, нашей мелкой, беготней наполненной культуре!' Но музыка Инаят Хана ему все-таки не понравилась... 'Это все-таки не то, что мне надо. Правда, тут есть утончение... Мне кажется, что есть большая духовность в этой музыке, тут, наверное, есть какие-нибудь тонкие оттенки, которых мы еще не воспринимаем', — утешался он"[1].

По-видимому, бóльший интерес вызывала сама личность музыканта, та философия, которую он пропагандировал. Помимо музыкальной деятельности Инаят Хан вел большую работу по разъяснению учения суфиев. В индийской культуре всегда находились люди — и индусы, и мусульмане, — которые ради духовного единения забывали о вероисповеданиях друг друга. Заслуга Инаят Хана была в том, что он нашел способ объяснения суфийских идей и символов европейцам. Вокруг него в Москве, а потом и в Петербурге собирались те, кто увлекался духовной жизнью Индии. Именно тогда среди российской интеллигенции появляются первые суфии. Им он давал уроки восточной мудрости, рассказывал суфийские притчи, разъяснял значения символов в природе и жизни.

Однажды к Инаят Хану подошел незнакомый человек и представился Андреем Балакиным. Эта встреча имела предысторию. Приезд в Россию такой экзотической личности, как Инаят Хан, не мог не привлечь внимание властей. С какой целью приехал этот странный путешественник? Атмосфера в Европе накануне войны явно сгущалась и, хотя он и был гражданином союзной державы, за ним надо было следить. Именно с этой целью к нему и был приставлен офицер Андрей Балакин. Но случилось так, что и он увлекся идеями индийского музыканта и захотел стать его последователем, если Инаят Хан простит его.

1. РИО, док. № 302.
2. Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, рук. Е. Линевой.

1. Л. Л. Сабанеев. Воспоминания о Скрябине. — М.: Классика XXI. — 2000. — С. 200.

Инаят Хан ответил: "Ты служишь своему начальству, я служу Моему", – что было и прощение, и приглашение к сотрудничеству. Так Балакин стал учеником индийца. Через несколько месяцев Андрей Балакин перевел и издал книгу Инаят Хана "Суфийское Послание о Свободе Духа", снабдив ее кратким введением[1]. И это тогда, когда даже отпечатать визитные карточки можно было лишь с разрешения полиции[2]. Эта небольшая книжка, написанная простым, доступным языком, содержит бесценные сведения по истории и практике суфизма.

Самые теплые отношения у Инаят Хана сложились с Сергеем Львовичем Толстым (1863–1947), старшим сыном Л. Н. Толстого, композитором и музыковедом-этнографом. Сергей Львович вместе с Владимиром Ивановичем Полем начали записывать в переложении для фортепьяно мелодии и песни, которые исполнял Инаят Хан.

Позднее, вспоминая о приезде Инаят Хана, С. Л. Толстой писал: "...Зимой 1913/14 года в Москве появился интересный и талантливый индусский музыкант Инаят Хан. Он с тремя своими товарищами, также индусами, играл и пел сперва в кафешантане 'Максим', а затем в двух или трех концертах в Политехническом музее. Аккомпанементом к пению индусов служила 'вина' – щипковый инструмент, нечто среднее между гитарой и маленькой арфой, смычковый инструмент – нечто вроде альта, и барабанчик. Эти инструменты звучали бедно: они только дублировали мелодию на однообразном органном пункте; поэтому Инаят Хан задумал сопроводить свои мелодии европейской гармонией на сюжет известной древней индусской поэмы 'Сакунтала' Калидасы. Он сочинил одноактную пьесу 'Скетч', где героиня должна была быть танцовщицей, а музыка состоять из индусских мелодий, сопровождаемых оркестром. Гармонизировать и оркестровать эти мелодии он предложил Танееву. Танеев отказался и предложил это сделать Гречанинову. Гречанинов тоже отказался, тогда Танеев предложил эту работу мне. Я охотно взялся за нее, но не будучи уверен в своих силах, особенно в оркестровке, пригласил сотрудничать со мной Вл. Ив. Поля. В результате частью я, частью он гармонизировали 17 мелодий Инаят Хана; Поль их инструментировал для малого оркестра. К сожалению, Инаят Хану не удалось поставить свой 'Скетч'. Клавир его мелодий в нашей общей обработке был напечатан. А оркестром они были два раза исполнены на Сокольничьем кругу..."[1]

С этим "Скетчем" связана еще одна сторона деятельности Инаят Хана в России. Он считал своей миссией постановку балета "Сакунтала". Дело в том, что он рассматривал сюжет этой средневековой индийской пьесы с символической точки зрения. Основная сюжетная линия пьесы заключается в том, что царь Душанти повстречал в лесу молодую девушку Сакунталу и, влюбившись в нее, подарил ей кольцо и пообещал жениться. Девушка потеряла кольцо, а царь, вернувшись домой, забыл свое обещание. Инаят Хан увидел нечто похожее во взаимоотношениях народа и царя в России 1914 года: царь "забыл" про свой народ. Инаят Хан понимал, что Россия движется к войне, но считал, что войны можно избежать. Своей пьесой он словно хотел предупредить монарха. Зашифровав в музыке к балету некое послание о любви, гармонии и красоте, он хотел передать его не в словах, а через состояние, дух, идею опасности вражды, раздоров, несправедливости – так, чтобы посла-

1. Профессор Инайят-хан (Пир-о-Муршид и Тансен). Суфийское послание о свободе духа / Авторизованный пер. с англ. и предисл. А. Балакина. – М.: Тип. М. О. Аттая и К°, 1914.

2. См. об этом электронную версию статьи С. Путилова "Суфий Сергей Москалев: 'Для диалога религий нужен контакт от сердца к сердцу'", на сайте "Новая родина": http://www.uusikotimaa.org/9/033.htm

1. С. Л. Толстой. Очерки былого. – Тула, 1975, С. 356.

ние по возможности заставило царя отказаться от участия в войне[1].

В начале мая Инаят Хан с братьями выехал в Петербург, где, как предполагалось, будет поставлен балет "Сакунтала". Сергей Львович Толстой обещал пригласить Императора Николая II и Императрицу. Но по разным причинам спектакль с весны 1914 года был перенесен на осень, что оказалось равноценно закрытию постановки: в августе началась Первая мировая война. Потерпев неудачу в выполнении этой своей миссии, в конце мая Инаят Хан вместе с братьями покинул Петербург и направился в Париж на Международный музыкальный конгресс, где должен был представлять индийскую музыку.

Ко времени отъезда у Инаят Хана появились близкие ученики, и он открыл филиал суфийского ордена в России, музыкальное отделение которого возглавил граф Сергей Львович Толстой. После начала Первой мировой войны Инаят Хан оказался отрезан от своих русских друзей и учеников, но письма и даже небольшие посылки все-таки достигали адресатов. 8 августа 1914 года, через восемь дней после начала войны, он пишет письмо Сергею Львовичу: "Дорогой граф Толстой, мы несколько раз писали Вам, и, хотя не получили от Вас никакого ответа, никогда не забываем Вас и хотели бы знать, как вы поживаете.

Совсем недавно мы отмечали четвертую годовщину нашего суфийского ордена, где Вы были избраны представлять нашу музыку в России. Поэтому прошу Вас, если будут возникать какие-либо вопросы в отношении нашей музыки, пожалуйста, отвечайте на них, как сможете"[2]. Инаят Хан собирался приехать в Россию, но война затягивалась, и этим планам уже не суждено было осуществиться. Тем не менее связь между Толстым и Инаят Ханом не прерывалась. Когда в 1915 году вышел нотный альбом для фортепиано "Индусскіе песни и танцы записанныя проф. Инаятъ-Ханомъ"[1], он был отправлен в Лондон и дошел до автора. Правда, посылка шла долго: только в декабре 1916 года Инаят Хан пишет Сергею Львовичу благодарственное письмо: "Пока продолжается война, невозможно будет мне приехать в Россию, но как только она закончится, ваше притяжение, мои друзья, может подвигнуть меня на это. У нас в семье прибавление, мальчик, которого мы назвали Вилаятом[2,3].

Неизвестно, сохранялись ли в дальнейшем контакты Инаят Хана с его последователями в России. Вся его деятельность в Европе сосредоточилась вокруг суфийского ордена. В 1923 году в Женеве он учредил международный штаб суфийского движения, ежегодно проводил летние школы для своих многочисленных учеников и последователей, которыми был постоянно окружен. В 1926 году Инаят Хан, оставив семью во Франции, где они жили с 1920-го, и предчувствуя, что уже не вернется, уехал в Индию. Там 5 февраля 1927 года Инаят Хан ушел из жизни.

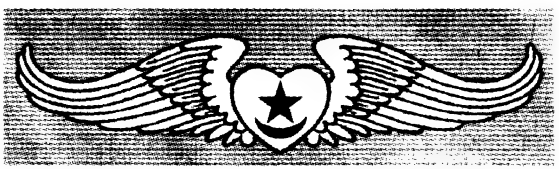
Международный суфийский орден существует и поныне, им руководит внук Инаят Хана Пир Зия Инаят Хан. По-прежнему проводятся летние школы, на которые приезжают и русские суфии — последователи Инаят Хана. В Государственном мемориальном музее А. Н. Скрябина проводятся концерты музыки Инаят Хана. В октябре 2002 года состоялась премьера балета "Сакунтала"[4] на музыку Инаята Хана в исполнении московского Ансамбля совре-

1. См. об этом: С. Путилов, указ. соч.
2. ГЦММК, ф. 249, д. 219, л. 2.

1. Индусскіе песни и танцы записанныя проф. Инаятъ-Ханомъ в переложении Сергея Толстого и Владимира Поля. — М., 1915. — 31 с.
2. Всего в семье музыканта было две дочери и два сына. Пир Вилаят Инаят Хан (1916—2004) стал музыкантом и композитором, главой международного суфийского ордена.
3. Отдел рукописей Государственного музея Л. Н.Толстого, ф. 53, кп. 15596, л. 1 и об.
4. В настоящее время утвердилась форма "Шакунтала".

менной хореографии Александра Шишкина, музыка в переложении для камерного ансамбля В. Поля в исполнении квинтета Российской академии музыки (руководитель Александра Францева). В 2004 году в Новосибирске был выпущен диск "Солнце любви на небосклоне вечности" – музыка Инаят Хана, его сына Хидаят Инаят Хана и брата Махбуб Хана в исполнении Новосибирского струнного квинтета. В России переиздано "Суфийское послание...", а также более десяти томов сочинений Инаят Хана, все они доступны в РГБ. Самая известная его книга "Мистицизм звука"[1] рекомендована для чтения студентам музыкальных ВУЗов.

Скоро – в будущем году – исполнится сто лет с тех пор, как началась миссия индийского суфия и музыканта Инаят Хана в христианском мире по сближению Запада и Востока. Его работа продолжается. И сегодня летит на крыльях сердце – символ Международного суфийского движения.



1. Хазрат Инайят Хан. Мистицизм звука / Пер. с англ. Александра Михалковича. – М.: Сфера, 2002. – 341 с.

Нирупама Менон Рао

Санкт-Петербург

Здесь особенный свет: пропитанный кровью и стужей,
Опаленный историей. Медный всадник, горящие здания,
Девятьсот дней, вписанных в симфонии выплаканных глаз.
"Твоих оград узор чугунный" чарует, отрывает от земли,
Перестраивает зрение, включает воображение:
Вон там осушали болота, вот в этом летнем домике
Отец убивал сына... Жуткий холод,
А местные жители, деловитые, как муравьи,
Выстроились за мороженым. Нет, правда,
Таких не победить, пусть даже все они —
И солдаты, и матери, и влюбленные —
Видели торжество смерти.
Зеркала каналов, на Невском сверкающие автомобили
Олигархов... Глядя, как музыка отражается от стен
И сахарных потолков Мариинки, я думаю
О голодных очередях за хлебом
На берегах этой медленной утомленной реки.

Перевод Дмитрия Веденяпина

© Дмитрий Веденяпин. Перевод, 2009

Борис Волхонский

Одна жизнь – в разных жанрах

Мала Сен *Царица бандитов Индии. Подлинная история Пхулан Деви* (Mala Sen. India's Bandit Queen. The True Story of Phoolan Devi)

Штат Уттар-Прадеш – самый густонаселенный в Индии и едва ли не самый пестрый в социальном, этническом и иных отношениях. Здесь соседствуют крупные города и крохотные деревеньки, жители которых едва сводят концы с концами; древние и средневековые святыни (как индусские, так и мусульманские), памятники культуры – и безграмотность огромных масс населения; современная промышленность, новые технологии, роскошные дворцы старой знати и новых хозяев жизни – и ужасающая нищета миллионов. На территории штата совершаются важнейшие религиозные ритуалы, и он же является ареной кровавых межконфессиональных битв между индусами и мусульманами, в которых с обеих сторон гибнут сотни и тысячи людей. Виднейших политиков штата традиционно считают главными претендентами на высшие посты страны, и одновременно миллионы людей лишены каких-либо реальных политических или экономических прав. Здесь развит культ великой богини-воительницы Дурги, а в жизни миллионы женщин по-прежнему полностью зависимы от мужчин – в начале жизни от отца, затем от мужа. Тут разворачивались славные страницы истории борьбы против иноземных захватчиков, а в сознании людей и в повседневной жизни до сих пор сильны кастовые пережитки, с рождения определяющие границы того, что дозволено и не дозволено каждому, независимо от его личных достоинств и недостатков. Короче говоря, штат как бы зримо воплощает в себе лозунг, являющийся идеологическим обоснованием сегодняшней Индии – "единство в многообразии".

Именно здесь, на юге штата Уттар-Прадеш близ границы со штатами Раджастхан и Мадхья-Прадеш, разворачиваются основные события книги проживающей в Лондоне индийской журналистки Малы Сен, которая описывает судьбу одной из самых заметных фигур в жизни штата Уттар-Прадеш конца 1970 – начала 1980-х годов – предводительницы банды разбойников Пхулан Деви, в истории которой отразились многие из свойственных современной Индии противоречий.

Роман в стиле критического реализма

Повествование о начале жизни Пхулан Деви (что в переводе с хинди означает Цветочная богиня) словно сошло со страниц произведений Према Чанда или других индийских писателей, творивших в стиле критического реализма первой половины XX века. Пхулан Деви, родившаяся в августе 1963 года, была вторым

© Борис Волхонский, 2009

ребенком в многодетной семье, принадлежавшей к касте рыбаков (*малла*), относящейся к низшему из четырех индийских сословий (*варн*). Ее отец Девидин был безграмотен. Воспользовавшись этим, его старший брат Бихарилал, дав взятку главе совета деревни (*панчаята*), переписал все документы, касающиеся собственности семьи, став таким образом единственным владельцем большого участка земли и двухэтажного дома, выстроенного их отцом. Девидин с многочисленным семейством был вынужден поселиться в крохотной лачуге на окраине деревни, живя тем, что давала скудная земля, а поскольку этого было недостаточно для пропитания шестерых детей, то и периодически батрача на более богатых соседей.

Бихарилалу этого показалось недостаточно, и он решил окончательно изгнать брата из деревни, объявив, что тот вовсе не сын своего отца. В преследовании семьи Девидина особое рвение проявил сын Бихарилала Маядин, спевшийся с отчаянными головорезами из числа "высшей знати" деревни — молодыми людьми, в основном принадлежавшими к касте *тхакуров*, относящейся к варне *кшатриев* (воинов).

В семье Девидина был всего один сын Шив Нараин, в ту пору — совсем маленький. Отпор Маядину и его подручным попытались организовать две старшие дочери — Рукмини и Пхулан Деви, причем заводилой была именно Пхулан. Однако все их попытки помешать Маядину (который то пытался срубить дерево во дворе дома Девидина, то уничтожал посевы на его крохотном поле) только оборачивались против Пхулан Деви. Используя свои связи в руководстве деревни, Маядин каждый раз поворачивал дело так, будто подвергся нападению именно он. В итоге Пхулан Деви уже в раннем детстве приобрела репутацию девушки, ведущей неподобающий образ жизни.

Стремясь избежать распространения порочащих семью слухов, Девидин решил выдать замуж старших дочерей, еще не достигших совершеннолетия: Пхулан Деви было одиннадцать лет, ее сестра Рукмини была немногим старше. Судьба сестер сложилась по-разному. Рукмини вышла замуж вполне удачно и со временем, как пишет Мала Сен, даже полюбила своего мужа (если понятие "любовь" вообще применимо в данном случае). А вот Пхулан Деви не повезло. Ее муж Путтилал, которому было тогда около тридцати лет, всячески третировал ее. Сама Пхулан Деви, рассказывая об этом Мале Сен (эти рассказы записывали родственники, имевшие право навещать Пхулан в тюрьме, и потом передавали журналистке), не слишком распространяется о подробностях своей семейной жизни, но между строк вполне прочитывается, что Путтилал был законченным извращенцем и периодически насиловал свою малолетнюю жену.

В конце концов он выгнал жену из дома, пообещав принять ее обратно, только если ее родители заплатят ему за нее кругленькую сумму. До поры до времени родители приютили дочь у себя, но ее возвращение вызвало новую волну слухов о неподобающем поведении Пхулан Деви и еще более способствовало тому, что о ней стали думать как о беспутной девке.

Родителям удалось уговорить Путтилала принять жену обратно. Но тот к тому времени был снова женат, и его новая жена преуспела в издевательствах над Пхулан Деви еще больше своего мужа: заставляла выполнять самую черную работу, держала впроголодь, а спать заставляла вместе со скотом. В один прекрасный день Путтилал поехал вместе с Пхулан Деви в ее родную деревню якобы для того, чтобы навестить ее родителей, но когда до конца пути оставалось только пересечь реку, он бросил жену на берегу, сказав, что отправляется на поиски лодочника, и больше не вернулся.

В рассказе о первом — "доразбойничьем" — периоде жизни Пхулан Деви прослеживаются многие из тех противоречий, о которых мы

говорили выше. В деревне, где тон задают выходцы из высших каст, никто не станет заступаться за представителя низшей варны. Но деньги могут сделать многое — и об этом говорит пример Бихарилала и его сына Маядина: благодаря ловко провернутой афере с наследством им удалось встать почти вровень с людьми, по рождению стоящими на несколько ступенек выше них в кастовой иерархии.

В спорах между мужчинами и женщинами традиционные органы власти и деревенское общественное мнение всегда больше верят мужчине. Именно поэтому все попытки Пхулан Деви объяснить, что зачинщиком стычек был Маядин, успехом не увенчались, а его обвинения в ее адрес ложились на благодатную почву.

Формально браки детей в Индии запрещены, однако на деле практикуются весьма широко. А жена, согласно традиционным канонам индийской этики, должна во всем повиноваться мужу. Поэтому тот факт, что Путтилал отказался (причем дважды) от своей жены, лег черным пятном позора на всю семью Пхулан Деви. Неслучайно Мула, мать Пхулан, однажды даже в сердцах сказала ей: "Лучше бы ты прыгнула в колодец и умерла". И порадоваться можно только одному: тому, что Путтилал не поступил с Пхулан Деви так, как поступают многие индийские мужья — обливают чем-то не угодивших им жен керосином и поджигают, а потом выдают это за несчастный случай, произошедший во время приготовления пищи, либо за попытку самоубийства. Сообщениями о таких инцидентах едва ли не еженедельно пестрят все ведущие индийские газеты. При этом, как пишет Мала Сен, движение за права женщин в Индии (в больших городах) существует, но для индийских феминисток подобные случаи — лишь удобный повод для саморекламы. Реальной помощи миллионам женщин, живущих в деревнях и малых городах, они оказать не могут — или не хотят.

Гангстерский боевик

Однажды ночью (дело было летом 1979 года) в дом Девидина вошли люди в полицейской форме. Пхулан Деви тогда была под следствием по делу об очередной стычке с Маядином, и поначалу домочадцы решили, что это настоящие полицейские. Но действительность оказалась еще хуже — это были бандиты. В индийском варианте английского языка за ними закрепилось название *дакойты* (dacoits, от слов на хинди *дакейт* или *даку* "разбойник").

Бандиты, которых навел, судя по всему, все тот же Маядин, связали Пхулан Деви и силой увели ее с собой. Предводитель банды Бабу Сингх Гуджар начал распоряжаться ею как своей собственностью, еженощно насилуя девушку, угрожая ей, что, если не будет повиноваться, отрежет ей нос (один из высших знаков позора). Но неожиданно за Пхулан Деви вступился второй человек в банде — Викрам Малла. Однажды во время ссоры с предводителем он убил Бабу Сингха Гуджара и двух его ближайших сподручных и сам возглавил банду. Пхулан Деви стала его любовницей. "А что мне оставалось делать? — объяснила она Мале Сен. — Вещь не имеет права выбора".

Со временем между ней и Викрамом установились вполне доверительные и теплые отношения, а сама Пхулан Деви превратилась в полноправного члена банды, которая грабила грузовики на большой дороге, занималась похищениями людей ради выкупа, совершала налеты на дома богатых жителей, оставаясь при этом неуловимой: изрезанная оврагами местность предоставляла бандитам прекрасное укрытие, а местные жители не спешили выдавать разбойников, окруженных в их глазах какой-то легендарной славой.

Но в 1980 году Викрам Малла был убит. И не в стычке с полицией, а при выяснении отношений с "коллегами по цеху", принадлежавшими к касте тхакуров. Пхулан Деви вновь попала в лапы людей, считавших се-

бя выше ее по происхождению, и, судя по всему, подверглась групповому изнасилованию (опять-таки она рассказала об этом Мале Сен в весьма обтекаемых выражениях: "Эти люди надо мной сильно издевались").

Месть Пхулан Деви, которая вернулась в банду и заняла место предводителя вместо убитого любовника, была страшной. Однажды в феврале 1981 года ее банда напала на деревню Бехмаи, где тон задавали тхакуры (те, что ее изнасиловали около года назад, и их родственники), и в упор расстреляла двадцать два человека. После этого за Пхулан Деви закрепилось прозвище "Царица бандитов" и она стала едва ли не самым разыскиваемым преступником во всей Индии.

И этот, разбойничий, период жизни Пхулан Деви дает основание говорить, что отмеченные выше противоречия определяют жизнь не только мирных граждан, но и, казалось бы, вычеркнутых из общества разбойников. Именно — "казалось бы": на самом деле индийские разбойники вполне органично вписываются в традиционную систему отношений, занимая в ней вполне определенную нишу.

Викрам Малла вступился за Пхулан Деви вовсе не из-за того, что был каким-то уж очень сострадательным человеком и великим гуманистом. Просто, как и Пхулан, он принадлежал к низшей касте малла, а его противником (и ее насильником) был человек, принадлежавший к касте *гуджаров*, относящейся, как и тхакуры, к варне кшатриев. От рук тхакуров он и погиб, и они же стали жертвой мести Пхулан Деви.

Таким образом, кастовые противоречия в разбойничьем сообществе проявляются даже более остро, чем среди "мирного населения". Более того, кастовая вражда разбойников значительно превосходит вражду между индусами и мусульманами. Наоборот, бандиты из низших каст (такие, как Викрам Малла) легко находят общий язык с мусульманами — предводителями других банд, периодически объединяясь с ними для проведения совместных операций.

Почему бандиты (а банда Викрама-Пхулан была далеко не единственной, действовавшей в этом районе) так легко уходят от преследований? Дело не только в характере местности. И не только в коррупции среди полицейских — хотя и этот фактор играет немаловажную роль. Главная причина в том, что местное население к разбойникам относится в целом вполне благожелательно и сочувственно. Поэтому в каждой деревне у них есть свои информаторы, заранее предупреждающие о готовящихся рейдах полиции. Есть и близкие родственники, всегда готовые приютить их у себя и укрыть от преследователей.

Причин тут несколько. Одна вполне банальная: бандиты не только не грабят бедняков, но, наоборот, при случае щедро одаривают их деньгами, ценными вещами, золотыми украшениями. Опять-таки причина — не в гуманизме "а-ля Робин Гуд", а в очень прагматичной установке, принятой на вооружение большинством бандитов: "Грабить богатых и покупать поддержку бедных".

Есть еще целый комплекс причин, в силу которых население не только сочувствует бандитам, но и окружает их образ ореолом мучеников и борцов за свободу и права угнетенных. Дело в том, что в течение веков именно бандитские шайки были наиболее сильными отрядами сопротивления иноземным захватчикам — сначала мусульманам, а затем англичанам. Так до сих пор в районе, непосредственно прилегающем к тому, где действовала банда Пхулан Деви, народ слагает и поет песни о Царице Джанси (Джанси Рани — жене махараджи), возглавлявшей один из боевых отрядов, оказавших наиболее ожесточенное сопротивление британцам во время восстания сипаев 1857 года. Кстати, сами бандиты негативно относятся к тому, что их именуют дакейтами (даку). Они предпочитают называть себя *баги* – повстанцы.

Небольшая по численности (в разные периоды состоявшая, как правило, из семи-восьми человек), но влиятельная банда Пхулан Деви успешно действовала на юге штата Уттар-Прадеш в течение трех лет, наводя ужас на жителей и одновременно давая пищу для устного народного творчества. Но близились всеобщие выборы, и представители высших сословий, доминирующие в регионе, обратились к центральному правительству с недвусмысленной угрозой: если бандитской деятельности Пхулан Деви и еще нескольких группировок не будет положен конец, они не гарантируют благоприятный для правительства исход голосования. Рисковать голосами избирателей самого густонаселенного штата правительство, возглавлявшееся в тот момент Индирой Ганди, не могло и не хотело. Но как поймать неуловимую Пхулан?

В итоге правительство было вынуждено пойти на сделку с Пхулан Деви. В результате долгих переговоров ее уговорили сдаться. При этом она выторговала для себя целый ряд условий. Первое – ее не казнят. Второе – никто из членов ее банды не проведет за решеткой больше восьми лет. Третье – судить членов банды будут не в штате Уттар-Прадеш (где она справедливо опасалась несудебного возмездия со стороны бывших жертв и их родственников), а в соседнем штате Мадхья-Прадеш. Там же они будут отбывать наказание. Четвертое – ее семье выделят дом и участок в штате Мадхья-Прадеш и позволят взять с собой из старого дома корову и козу. Пятое – ее брат Шив Нараин (единственный из шести детей, посещавший школу) будет принят на государственную службу. Был выдвинут и ряд требований, касавшихся самой процедуры сдачи: она должна произойти публично, с участием прессы, члены семьи Пхулан должны прибыть к месту торжественной церемонии под охраной полиции, а на самом месте церемонии должны находиться два изображения – богини Дурги и Махатмы Ганди.

Правительство пошло на все это, и бандитский период жизни Пхулан Деви завершился. Семья ее переехала в Гвалиор (город в Мадхья-Прадеш), Шив Нараин, как ни парадоксально, был принят на службу в полицию и даже получил табельное оружие. Сама же Пхулан отбывала наказание в центральной тюрьме Гвалиора, причем окна ее камеры выходили на знаменитое поле боя, на котором в 1857 году в неравном бою с англичанами была убита Джанси Рани.

Мала Сен начала собирать материал для своей книги в 1986 году (когда Пхулан Деви отбывала наказание), а опубликовала ее в 1993 году. К тому времени все подельники Пхулан уже вышли на свободу, отсидев оговоренные восемь лет заключения. В отношении самой Пхулан Деви это обещание выполнено не было: вскоре после ее ареста была убита Индира Ганди, а в 1991 году – ее сын Раджив Ганди. Правившее в то время правительство коммуналистской партии "Бхаратия джаната", строившее свою политику главным образом в интересах высших индусских сословий, не спешило отпускать на свободу знаменитую разбойницу, виновную в гибели десятков представителей высших каст.

В эпизоде, описывающем капитуляцию Пхулан Деви властям, особо примечательно то, что сдаться она решила рядом с изображениями богини Дурги и Махатмы Ганди. Этим она хотела подчеркнуть, что сдается не органам государственной власти, а высшим духовным авторитетам. Показателен и выбор этих авторитетов. Махатма Ганди – проповедник теории ненасилия, утверждавший, что свободы можно добиться, не прибегая к силе оружия. Обращаясь к его образу, Пхулан Деви как бы подчеркивала, что разбойницей она стала поневоле, в душе вовсе не желая причинить кому-либо зло. А с другой стороны – богиня Дурга или Кали. Это не просто великая богиня, это великая богиня в ее грозной ипостаси, уничтожающая демонов, воплощенных

главным образом в мужских образах, и увешанная ожерельем из человеческих черепов. Обращением к этому образу Пхулан Деви в очередной раз хотела продемонстрировать, что она и члены ее группы — не простые бандиты, а борцы со злом и несправедливостью, царящими в этом мире.

Мифы и легенды

Еще когда банда Пхулан Деви вовсю разбойничала в штате Уттар-Прадеш, слава о ней распространилась далеко за пределы округи. Подобно Стеньке Разину, она стала персонажем множества песен и легенд, где уже трудно было отделить правду от вымысла.

В одной из таких песен поется:

Боль Пхулан — кто поймет ее?
Кто измерит месть, пылавшую
в ее сердце?
Все то, что заставляло ее идти
разбойничьими тропами
И открывать огонь по врагам.

Отдельные эпизоды, прямо или косвенно связанные с деятельностью банды, стали активно использоваться индийскими сценаристами и режиссерами, снимающими гангстерские боевики. Таким образом правда и вымысел накладывались друг на друга, и слава Пхулан Деви росла как снежный ком (если такое сравнение применимо, когда речь идет об Индии).

Уже после выхода Пхулан Деви из тюрьмы в 1994 году индийский кинорежиссер Шекхар Капур снял о ее жизни художественный фильм "Царица бандитов", в котором умело перемешал факты и вымысел. И хотя сама Пхулан Деви фильм не одобрила и даже пыталась добиться запрета на его показ в Индии, он только добавил ей ореол мученицы и борца за права обделенных. Слава Пхулан Деви стала поистине всемирной.

Книга Малы Сен стала первым подробным жизнеописанием знаменитой разбойницы. Но далеко не единственным. После выхода из тюрьмы Пхулан Деви сама надиктовала свою биографию двум авторам: Мари-Терез Кьюни и Полу Рамбали.

Продолжение политического детектива и суровая реальность

В 1994 году Пхулан Деви наконец вышла из тюрьмы. Куда ей было податься? Ответ оказался на удивление прост: конечно, в политику. Сначала она основала гуманитарную организацию, поставившую своей целью помощь беднейшему населению. Главным, чему Пхулан учила бедняков, было искусство самообороны.

В 1996 году Пхулан Деви выставила свою кандидатуру на выборах в парламент как кандидат от "Самаджвади парти" (Социалистической партии). Надо ли говорить, что победа ее была триумфальной? На выборах 1999 года она была переизбрана вновь. Сама Пхулан Деви так объясняла свои политические цели: "Моя главная цель — добиться того, чтобы те блага, которыми до сих пор могли распоряжаться только богатые и влиятельные люди, стали доступны для бедняков: питьевая вода, электричество, школы и больницы. Я бы хотела, чтобы женщинам были предоставлены места на государственной службе. Женщины должны иметь возможность учиться в школе. И их никто не должен заставлять выходить замуж в чересчур юном возрасте. Самое главное — это равенство".

Относительно успехов Пхулан Деви как парламентария мнения расходятся. Сама она в 1998 году утверждала, что группа депутатов парламента Великобритании выдвинула ее кандидатуру на Нобелевскую премию мира. Но чаще ей припоминают другие эпизоды, связанные в основном с превышением служебных полномочий. Каких-то достижений Пхулан Деви на парламентском посту история не сохранила.

25 июля 2001 года, когда она выходила из машины у ворот своего дома в Дели, на нее напали трое вооруженных людей. Они всадили в нее шесть пуль и ранили телохранителя. Пхулан Деви скончалась на месте. Нападавшие скрылись на моторикше. Как позднее объяснил один из нападавших, Шер Сингх Рана, добровольно сдавшийся властям и признавший свое участие в покушении, убийство Пхулан Деви было местью за расстрел двадцати двух тхакуров в деревне Бехмаи. Это дало начало новой легенде: движение "Гордость кшатриев" (KSASC) присудило Шеру Сингху Ране специальную награду "за защиту достоинства кшатриев" и за то, что он "осушил слезы вдов Бехмаи".

В момент убийства Пхулан Деви оставалось около двух недель до 38-летия. Узнав о ее гибели, Мала Сен заметила: "Этого следовало ожидать".

Мира Салганик

Анджоли Эла Менон – свободный поиск

Соединение ума, глаза и руки, направляемое чувством и воображением, приводит к созданию произведения искусства. Мне иногда кажется, что люди, которых я пишу, сойдут с холста и заговорят со мной.

Анджоли Эла Менон

Она живет в Низамуддине, старинном районе Дели, в уютном доме с ухоженным садом. Живет с мужем, контр-адмиралом Раджагопалом Меноном, растит внуков, ведет дом. Семья всегда была на первом месте в ее жизни. Она говорит:

Сейчас молодые женщины расходуют так много энергии на феминистские баталии. В известном смысле лучше уступить и играть одновременно все свои роли.

Так она и делает.

Она – это Анджоли Эла Менон, одна из лучших и самых известных художниц Индии, культовая фигура индийской интеллигенции. Ее международное признание – 30 персональных выставок: во Франции, Бразилии, Америке и много где еще. Уже не говоря об Индии. Правительство Индии наградило ее высоким орденом Падма Шри (Красота лотоса).

Не знаменитостью она никогда не была.

В 1958 году, когда Анджоли Дев было неполных восемнадцать, в Дели состоялась ее первая выставка и известный критик Ричард Бартоломью, тогдашний секретарь Академии изящных искусств Индии, объявил: "Это молодое дарование, несомненно, вступит в ряды наших лучших художников".

Сразу после выставки ее взял под свое крыло прославленный художник, "индийский Пикассо", М. Ф. Хусейн, который ввел ее в художническую среду; она считает его своим учителем, от которого многому научилась, хотя по его стопам не пошла:

Мне во многом помогло общение с М. Ф. Хусейном. В молодости я училась, наблюдая, как работает он. Он говорил, что работать можно всюду – даже сидя на полу; что требуется неистовая энергия, чтобы создать нечто в уме и потом овеществить это; что труд художника тяжел и мастер должен уметь использовать все свои ресурсы, знания, умение и вдохновение, чтобы идея дала плоды.

Анджоли Эла Дев родилась в Западной Бенгалии в семье офицера. Ей дали прекрасное образование: она училась в престижной Лоуренскул в южной Индии, затем в бомбейском Институте прикладного искусства и в женском колледже Миранда-хаус в Дели. В 1959 году получила стипендию в парижской Высшей национальной школе изобразительных

© Мира Салганик, 2009

искусств, которую окончила с красным дипломом. Пребывание в Европе добавило европейское измерение к ее преимущественно индобританскому образованию. Потом — Италия, Испания, Греция, влюбленность в византийское и романское искусство. Иран, Ирак, Сирия — случайная встреча с археологами, которые вели там раскопки, дала ей ощущение вневременности прошлого, впоследствии выразившееся во многих ее работах.

В Индию она возвратилась "пространством и временем полная".

Анджоли приходится очень много путешествовать — и далеко не всегда по собственному выбору: выйдя замуж за друга детства, офицера военно-морских сил, она обрекла себя на десятилетия кочевой жизни:

Путешествия безусловно обогащают художника. Художники неугомонны по природе. Во всяком случае я... Но меня донимали эти бесконечные переезды с места на место. Иногда служба мужа забрасывала нас в довольно странные места. Не могу сказать, что благодарна флоту за впечатления. Я больше получила, путешествуя одна, не говоря о пребывании в Париже.

В 1967 году судьба забросила Раджу Менона во Владивосток — он был включен в группу экспертов, наблюдавших за строительством подводной лодки для Индии. С ним поехала семья: жена и двое маленьких сыновей. "Мы без конца стояли в длинных очередях за самыми необходимыми продуктами. Жилье у нас было спартанское, и дети поочередно болели воспалением легких". Но во Владивостоке состоялась выставка Анджоли Элы Менон — одна из самых памятных для художницы. В письме к отцу она писала:

В конце концов выставка открылась. Произошла страннейшая вещь. В последнюю минуту мне запретили рассылать приглашения, даже афиши не разрешили вывесить. Я была страшно расстроена, но Гена и Виктор заверили меня, что во Владивостоке люди всё узнают друг от друга. Объявление все-таки появилось, и когда я пришла в 3.30, то увидела очередь чуть не до вокзала. Очереди выстраиваются за всем, поэтому я сначала не поняла, что это очередь ко МНЕ! К пяти часам, когда на открытие приехал адмирал Новиченко, народу было полно. Вчера я получила тонну писем и подарков: шоколад, оленьи рога, икону и три бутылки спиртного. Раджа и офицеры, которые везли картины на трамвае (ни у кого из нас нет машины) были счастливы. Я даже продала 11 картин. Между прочим, три обнаженные натуры на выставку не допустили. Сказали, что по решению "комитета". Но мне грех жаловаться, ведь это чудо, что выставка вообще состоялась.

И появилась картина "Batushka" — православный священник с горящими глазами. Ее художница оставила себе.

Видный искусствовед Исана Мурти писал:

Двухлетнее пребывание Анджоли Элы Менон в Советском Союзе усилило ее интерес к византийскому и романскому искусству и вызвало к жизни серию сумрачных христоподобных фигур, контрапунктом к ним являются образы матери с младенцем, навеянные собственными материнскими чувствами художницы. Анджоли утверждает, что супружество и материнство – неотъемлемая часть ее художественного развития.

Работы Анджоли Элы Менон узнаваемы с первого взгляда, в каком бы жанре и с каким материалом она ни работала. Одно время художница увлекалась портретами, в которых использовала палитру приглушенных тонов с полупрозрачными красками, усиливая ее лессировками, отчего картины будто излучали сияние. Слова "загадочное", "таинственное" или даже "магическое", как писали критики, прочно связались с ее именем в молодые годы. Эти работы привлекли такое внимание и знатоков, и широкой публики, что в 1966 году молодая художница получила чрезвычай-

но лестный заказ: написать портрет Индиры Ганди, незадолго до того ставшей премьер-министром Индии. Портрет Индиры, написанный в той же манере, позднее станут называть пророческим: огромные глаза, излучающие свет, и жесткая, скорбная линия рта. Рассказывают, что Индира, увидев законченный портрет, задумчиво спросила: "Значит, вот какой вы меня видите?"

"Часто бывает легче двигаться в сторону, чем вверх или вниз! – написала Анджоли Эла Менон. – Мой самый страшный враг – это мои почитатели, которые хотят удержать меня в капкане ставшего узнаваемым стиля, созданного мной".

Но удержать ее невозможно. Она увлекается керамикой и работает неистово, одержимо, овладевая совершенно новым материалом. В ее керамике угадываются образы увиденного на раскопках в Сирии. Керамика имеет бешеный успех, но Анджоли переходит на фрески. По заказу правительства штата Уттар-Прадеш она создает коллаж из силуэтов зданий, построенных в период Великих Моголов. Этому увлечению суждено сильно повлиять на ее дальнейшее творчество. Она полностью отказалась от бумаги и холста, начала работать маслом по оргалиту, что и стало новой приметой "магии Менон".

Потом наступит черед стекла. Этот хрупкий материал Анджоли осваивала в итальянском Мурано, но выставка, ставшая демонстрацией ее мастерства как стеклодува, не случайно носила название "Сакральная призма": изысканная мелкая скульптура на темы индусской мифологии.

Для Анджоли Элы Менон источник творческого развития – неудовлетворенность достигнутым. Она хорошо знает и понимает глобальные тенденции искусства, но выбирает – и переосмысливает на индийский лад – только то, что близко ее ви́дению и ощущению жизни.

Ощущение жизни – или отношение к жизни – наглядно меняется с середины 90-х. Искусство Анджоли Элы Менон, при всем его формальном разнообразии, с самого начала было интровертным. Теперь же она всматривается не столько в себя, сколько в изменяющуюся реальность индийской жизни и становится ее комментатором – часто ироническим, но никогда не мрачным.

В качестве темы она избирает неистребимый и повсеместный индийский китч: базарную культуру, искусство, украшающее жилища, насыщающее потребность в прекрасном, формирующее вкус миллионов (а теперь уже более миллиарда!) ее соотечественников, которые никогда не переступали порог музеев или выставочных залов. Аляповатые настенные календари с розовощекими богами, кричащие щиты с киноафишами и плакатами, обложки грошовых журнальчиков и прочее – урбанистическая визуальная матрица, увиденная и преобразованная Анджоли Элой Менон, представлена на ее выставках: "Боги и другие" (2000) и "Китч китч хота хэ" – китч есть китч (2002).

"Столько красоты среди убожества", – пишет Анджоли Эла Менон.

Художница исследует китч – искусство, предназначенное миллионам, – с той же пристальностью и проницательностью, с какой раньше стремилась проникнуть во внутренний мир моделей своей портретной живописи. Теперь же она исследует современное мифотворчество масс и создает некое подобие мозаичной картины их ви́дения мира, комментируя их в своем искусстве.

"Входи в каждую незапертую дверь"

С Салманом Рушди беседует журналистка Мита Капур

Перевод Марии Кленской

МИТА Капур. Согласны ли вы с утверждением, что роман "Дети полуночи" изменил в Индии традицию письма на английском языке?

Салман Рушди. Как и все утверждения на свете, это не совсем верно. Еще до выхода "Детей полуночи" индийские писатели пытались — каждый по-своему — внести национальные ритмы в тексты на английском. Но выход этой книги произвел эффект разорвавшейся бомбы, и стали говорить, что роман открыл новую эпоху. Меня тогда часто спрашивали, какие современные индийские писатели мне нравятся. Страшно сказать, но я не мог назвать ни одного имени. К писателям старшего поколения — Мулк Радж Ананду, Р. К. Нарайану, Аните Десаи — я относился с бесконечным почтением, но среди ровесников (тогда мне было чуть за тридцать) не мог назвать никого. Помню, я как-то сказал одному журналисту: "Вполне вероятно, что индийская литература на английском долго не продержится. Да и как ей продержаться, когда есть столько других языков? Возможно, "Дети полуночи" — это конец чего-то... некой традиции, у которой нет будущего". Но следующие десять лет доказали обратное. Обрушился целый поток англоязычных текстов, и сейчас на наших глазах таких книг появляется очень много.

М. К. В наше время известность сильно меняет жизнь писателя. Ваш "статус" не удаляет вас от мира?

С. Р. *(смеется).* Какой статус? Немногие писатели становятся по-настоящему великими. С большинством этого не происходит. Роман — очень *вульгарная* форма искусства, от латинского слова *vulgus* — для *людей.* В романе говорится о реальной жизни реальных людей, о том, что их вдохновляет, очаровывает, разрушает, во что они влюбляются, — о людях и о мире, какой он есть на самом деле, за пределами вот этого абсурдного дворца *(показывает на роскошный Дворец Рамбаг в Джайпуре).* В таких вот дворцах романы не пишутся! *(Посмеивается.)* Разумеется, даже у аристократов получаются порой хорошие книги, но роман — преимущественно демократическая литературная форма. Серьезный писатель не может отстраниться от мира: он должен погрузиться в него, проникнуть в самые разные его уголки, посмотреть, что там происходит на самом деле, узнать судьбы, которые совсем не похожи на его собственную.

Никому не пожелал бы испытать на себе фетву, но именно в тот период я был вынужден пройти столько политических коридоров, что теперь отлично представляю себе, как там все выглядит и что происходит. В образе Макса я хотел вывести человека власти — как много я их повидал! Я имел представление об этом мире, а не выдумывал его, высасывая все из пальца. Писатель должен входить в каждую незапертую дверь.

М. К. Какое место в вашем творчестве занимает литературная традиция и как она соотносится с вашим индивидуальным писательским талантом?

© Mita Kapur, 2007
© Мария Кленская. Перевод, 2009

С. Р. Нет писателя, который не испытал бы литературного влияния. Это очень важно, потому что, впитывая чужое и противопоставляя себя ему, можно четче определить собственные границы. Чем больше ты пишешь, тем меньше испытываешь чужих влияний. Это похоже на стартовую площадку для запуска ракеты в космос: ракета взлетает, и каркас, поддерживавший ее, рушится.

В молодости я много размышлял о Кундере, Кальвино, Маркесе — выдающихся писателях того времени. Теперь же, подбирая слова, чтобы выразить ту или иную мысль, я просто думаю о том, чего бы я не хотел написать. Два последних романа отходят от традиции магического реализма. Например, повествовательная структура "Ярости" — научно-фантастическая, некоторые эпизоды можно назвать сюрреалистическими, но в целом роман встраивается в реалистическую традицию.

М. К. Часто индийских писателей упрекают в том, что они пишут только о городской жизни.

С. Р. Мне тоже так казалось. Все, что я сам написал до книги "Клоун Шалимар", было о городе. Этот упрек не лишен оснований, потому что в Индии жизнь за городскими стенами очень интересна — о ней стоит говорить! В "Шалимаре" я начал наконец писать о деревне. Пусть этот роман получился странным, но главное — он не урбанистический, и я очень рад, что у меня получилось вырваться из плена города. Я чувствовал, что эта сторона индийской жизни осталась без внимания и нужно познакомить с ней читателя. Сейчас я стараюсь понять, о чем еще я не написал и о чем хотел бы написать побольше.

М. К. В эссе, опубликованном по случаю пятидесятилетия независимости Индии, вы говорите, что после 1947 года индийская литература создавалась преимущественно на английском языке. Вы не изменили своего мнения?

С. Р. Обратите внимание: за последние пятьдесят лет британского господства было написано огромное количество произведений на хинди, маратхи, тамильском, каннада, урду, а на английском — практически ничего. В Индии английский не был основным языком литературы. Но за пятьдесят лет, прошедших после обретения независимости, появилось огромное количество произведений на английском языке — случился настоящий взрыв. Конечно, есть значительные писатели, которые пишут на других языках, например, такие, как Нирмал Вирма и Махашвета Деви, но отрицать, что важнейшая перемена, произошедшая в индийской литературе, — это обилие англоязычных произведений, невозможно. Откровенно говоря, я считаю — и многие, за исключением любителей поспорить, согласятся со мной, — что литература хинди переживает не лучший период. Именно романы на английском оживили индийскую литературу. Это не хорошо и не плохо. Оценивать такое явление я не возьмусь, но его нельзя не заметить. И, разумеется, я не хочу умалять значение других языков.

М. К. В сборнике эссе "Переступить черту" вы пишете о Ганди. Как вы думаете, почему о нем говорят до сих пор? Его личность похожа на произведения классиков, которые перечитываешь всю жизнь.

С. Р. Меня беспокоило то обстоятельство, что из Ганди сделали культовую фигуру. Такое отношение совершенно чуждо тому, как он жил и что делал. Его представляют как духовного лидера, а не политика. Мне, как и другим пишущим о Ганди, интересно показать, что за всем этим стоит реальный человек.

Ганди возглавил движение за освобождение Индии и сумел заставить британцев уйти не потому, что был святым. Он победил потому, что был умелым юристом из Гуджарата, он оказался более умным, более профессиональным, чем британцы. Мне нравится идея демистификации и гуманизации личности Ганди. Сегодня уже можно говорить, например, о том, что у него была любовная связь, которая чуть не разру-

шила его брак. Тридцать лет назад написать об этом значило бы вызвать настоящую бурю протестов. Я думаю, правильнее сказать так: "Ганди — не Бог, а великий человек".

Ганди превратил националистические настроения немногочисленной элиты в массовое движение, что и помогло Индии обрести независимость. К тому же Вторая мировая война ослабила и разорила британцев. Они отчаянно хотели покинуть Индию, и, если бы не Ганди и Неру, передача власти могла бы закончиться катастрофой. Индии грозила судьба Ирака. В мировой истории последних двухсот пятидесяти лет огромную роль играли империи, а Ганди с его концепцией мирного сосуществования стал символом деколонизации. Наследие Ганди — искусство освобождать людей от колониальной зависимости. Сейчас отношения между имперской властью и бывшей колонией исключительно разумные: британцев прекрасно принимают в Индии, а не относятся к ним как к потомкам бывших притеснителей.

М. К. В ваших романах часто переплетается сакральное с тем, что можно было бы назвать профанным, греческая мифология с попкультурой, например...

С. Р. Когда я писал роман "Земля под ее ногами", то внезапно осознал, что люди обращаются к миру мифов, чтобы отыскать там критерии оценки собственной жизни и того, что происходит вокруг. В Индии до сих пор в мыслях царят Пураны и Веды.

Теперь же побеждает пошлая культура поп-идолов: обычных людей искусственно возвышают и делают кумирами, а их жизнь становится примером для подражания. Поп-идолы заняли место греческих и римских богов древности. Самое забавное в создании таких "искусственных божеств", конечно, то, что их можно низвергнуть в любой момент. Поражает сходство между тем, как люди относятся к религиозным мифам и к новой мифологии, которую творят средства массовой информации. "Земля под ее ногами" — как раз об этом. Я не считаю литературу башней из слоновой кости, закрытой для внешнего мира.

М. К. Однажды вы сказали, что чувствуете себя гражданином Нью-Йорка, а не Америки. Что вы имели в виду?

С. Р. В Индии люди чувствуют себя жителями какого-то района или штата, а не страны: тамильцами или бенгальцами, а не жителями Индии. Если вы выросли в Бомбее, то будете называть себя бомбейцем, а не индийцем.

Лондон совсем не похож на остальную Англию: когда живешь в Лондоне, он становится родным. Я провел много лет в Бомбее, Нью-Йорке и Лондоне и считаю, что принадлежу этим трем городам, однако вопрос национальный — совершенно другое дело.

М. К. Каковы ваши планы?

С. Р. У меня есть замыслы нескольких рассказов, но я бы назвал себя марафонцем, а не спринтером. Каждая книга приходит ко мне по-своему. "Шалимар" получился так: передо мной стояла картина убийства, но я даже не знал, кто кого убил и почему — нужно было постепенно в этом разобраться. Иногда мне вдруг становится интересен какой-нибудь человек, случай из жизни, запоминается фраза... Так начинается новая история. Джозеф Хеллер однажды сказал, что начал книгу "с одного предложения, которое таило в себе сотню других".

Наши приоритеты

Со Светланой Михайловной Аникеевой, директором издательства "Восточная литература", беседует Татьяна Львовна Шаумян, руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН.

Издательство "Восточная литература" Российской академии наук два года назад отметило полувековой юбилей. За годы своего существования оно выпустило в свет более восьми тысяч книг по всем отраслям востоковедения и африканистики: истории, этнографии, археологии, экономике, философии, религии, мифологии, литературе, искусству и лингвистике.

Татьяна Шаумян. Этот номер "ИЛ" посвящен литературе Индии, поэтому у нас к вам вопросы именно о ней. Издаете ли вы классическую индийскую литературу?

Светлана Аникеева. Книги по литературе, истории, культуре Индии всегда составляли заметную часть выпуска издательства. Мы опубликовали первые переводы на русский язык десятков древнеиндийских памятников, таких, как "Дхаммапада" — самый значительный литературный памятник раннего буддизма (перевод В. Н. Топорова), "Джатакамала" ("Гирлянда джатак") знаменитого древнеиндийского поэта Арья Шуры (перевод А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой), "Упанишады" — произведения этико-философской литературы древней Индии (перевод А. Я. Сыркина), избранные гимны "Ригведы" (перевод Т. Я. Елизаренковой), переводы из "Рамаяны" и "Махабхараты", среди них "Бхагавадгита" (перевод В. С. Семенцова). Многие тексты издавались в нашей серии "Памятники письменности Востока", которая была начата ровно пятьдесят лет назад, — тогда она называлась "Памятники литературы Востока". Серия пользуется авторитетом и известна всем востоковедам еще и как "черная серия" — по цвету переплета. Из последних изданий хотелось бы отметить "Вишну-смрити" — это одна из наиболее крупных дхармашастр — сборников древнеиндийских правил и предписаний, содержащих религиозные, морально-этические нормы поведения (перевод Н. А. Корнеевой), и "Атхарваведу", или "Веду [жреца огня] Атхарвана", основу которой составляют магические обряды, заговоры и заклинания, — перевод, исследование и комментарии выполнены выдающимся лингвистом, крупнейшим специалистом по ведийской культуре Т. Я. Елизаренковой. Она совершила истинно научный подвиг, тридцать пять лет посвятив полному переводу "Ригведы" на русский язык[1], за что удостоилась высшей награды Индии, присуждаемой за вклад в культуру и просвещение, — ордена "Падма Шри" ("Красота Лотоса"). Текст "Атхарваведы" делится на двадцать книг, девятнадцать из них успела перевести Татьяна Яковлевна.

Ряд памятников древнеиндийской философской мысли издан в другой специальной серии, "История восточной философии", которую ведет профессор М. Т. Степанянц (Институт философии РАН).

Т. Ш. Сотрудничаете ли вы с индийскими научными центрами и издательствами?

С. А. Вернее было бы сказать, что мы возобновляем сотрудничест-

1. Опубликован в трех томах издательством "Наука" в серии "Литературные памятники". (*Прим. ред.*)

во после долгого перерыва. Так, в прошлом году мы договорились с "Сахитья академи" (Литературной академией Индии) о переводе и издании на русском языке ряда книг. На Московской книжной ярмарке мы проведем презентацию двух совместных проектов. Один из них – книга известного специалиста по искусству, литературе и духовной культуре Индии профессора Капилы Ватсьяян "Наставление в искусстве театра", посвященная классическому индийскому трактату "Натьяшастра" Бхараты о театральном искусстве, а также значению этого трактата для эстетической мысли Индии, для создания теорий поэзии и драматургии (перевела М. Салганик). Различные практические интерпретации "Натьяшастры" сыграли немалую роль в формировании новых тенденций не только в современном индийском, но и в западном театре. В наше издание включен перевод трех глав из самой "Натьяшастры", выполненный замечательным санскритологом Ю. М. Алихановой.

Второй проект – "Скакун солнца: индийский рассказ XX века". "Сахитья академи" выпустила английский перевод составленной Е. Рамакришнаном антологии лучших рассказов, написанных на различных языках Индии за прошедшие сто лет. В издание, которое готовим мы, вошла небольшая, но интереснейшая часть из того, что есть в индийском издании. К работе мы привлекли известных переводчиков. Замечу, что на отечественном книжном рынке современная индийская новелла отсутствует уже много лет и эта антология, возможно, будет первой в стране. А ведь как раз пятьдесят лет назад в России началось массовое издание индийской художественной литературы, тогда же стала формироваться известная школа перевода русской классической литературы на языки Индии.

Т. Ш. Какие еще индологические работы есть в портфеле издательства?

С. М. Только что под грифом Института философии вышла фундаментальная энциклопедия "Индийская философия". Подготовкой этого однотомного, но увесистого (объемом около тысячи страниц) свода знаний об индийской философии от древности до наших дней – самого полного в отечественной литературе – руководила доктор философских наук М. Т. Степанянц, а в написании статей, посвященных категориям, персоналиям и избранным памятникам философской мысли, участвовал большой коллектив авторов. Скоро выйдут исследование и новый перевод двух важнейших и самых больших книг древнеиндийского политического и экономического трактата "Артхашастра" Каутильи, выполненные А. М. Самозванцевым, книга "Суфизм в средневековой Индии" Л. З. Танеевой-Саломатшаевой. Увидит свет и третий том уже упоминавшегося русского перевода "Атхарваведы", завершает эту работу ученик Т. Я. Елизаренковой санскритолог Л. Куликов.

Т. Ш. Как вы считаете, удовлетворен ли интерес читателей к Индии? Каких изданий не хватает?

С. А. На мой взгляд, остро не хватает публикаций о современности, о жизни, проблемах и успехах современной Индии. Пусть это будут наши исследования или переводы книг индийских авторов, главное – чтобы они были интересно и увлекательно написаны. Очень надеюсь, что после нынешней Московской книжной ярмарки, на которой наши и индийские издатели смогут познакомиться и установить контакты, такие книги у нас появятся. Актуальна тема отношений между Востоком и Западом – диалога цивилизаций. Совсем недавно увидел свет очередной выпуск историко-литературного альманаха "Восток–Запад" под редакцией академика В. С. Мясникова. Сборник, в который авторы из Института востоковедения РАН представили много материалов о культурно-исторических связях Индии со странами Запада и Россией, получился очень интересный.

Т. Ш. А как в вашем издательстве обстоят дела с научно-справочной литературой?

С. А. Мы выпустили в свет четыре тома энциклопедии "Духовная культура Китая", издаваемой Институтом Дальнего Востока РАН. Главный редактор – академик М. Л. Титаренко, авторы – известные отечественные китаеведы нашего времени. По замыслу составителей, все тома энциклопедии, тематически разные ("Философия", "Мифология. Религия", "Литература. Язык и письменность", "Историческая мысль. Политическая и этико-правовая культура"), дают целостное представление о едином духовном комплексе китайской культуры. Этот труд, равного которому не было в России, сопоставимый с самыми солидными аналогами на Западе, рассчитан на всех читателей, интересующихся китайской культурой и основами научных знаний о ней. Сейчас готовятся тома, посвященные науке и искусству Китая. В такой сложной работе – не только с профессиональной, но и с организационной, технологической стороны – издательство, как показывает опыт, может играть роль организационного центра: здесь встречаются авторы, составители, художники и редакторы, здесь обсуждаются планы, здесь можно получить квалифицированную консультацию. Уже сейчас мы обсуждаем, каким будет том энциклопедии по буддийской философии – это новый проект М. Т. Степанянц. От наших индологов, уже выпустивших ранее справочник "Индия сегодня", мы ждем фундаментальной энциклопедии по Индии. По моему убеждению, издание научных энциклопедий отвечает запросам современного общества. Такая энциклопедия адекватно отражает уровень современных знаний в определенной области и может стать мощным подспорьем для исследователей, прежде всего молодых, или побудить кого-либо заняться дальнейшими исследованиями.

Сергей Строкань

Увидеть Бенарес и не умереть

Этот город, один из старейших на Земле, стал Меккой индуистского мира. Одни едут сюда, чтобы смыть в водах Ганга свои грехи. Другие — чтобы стать бессмертными.

"Выходим без пяти шесть утра. И ни минутой позже. Иначе упустим самое главное", — предупредил накануне вечером опытный гид, предложивший встретить рассвет на Ганге. В старейшем городе Индии, священном для каждого индуса Бенаресе, где, как считают, около пяти тысяч лет назад зародилась индоарийская цивилизация, нам предстояло увидеть то, о чем мечтает каждый из устремляющихся сюда миллионов паломников.

Когда первые лучи солнца коснутся речной глади, нужно зачерпнуть в ладони пригоршню воды, поднять ее к солнцу и выплеснуть обратно в Ганг, при этом прочитав вслух строки из древней "Ригведы": "О бог, мы видим твой свет, который пронизывает три мира, и молимся, чтобы твое сияние озарило наш разум".

Еще одно название Бенареса — Каши ("Сияющий город"). Индуисты считают его источником вечного света, который останется и после того, как в результате космической катастрофы погибнет Вселенная (в том, что такая катастрофа произойдет, не сомневается никто — ведь так учит индуизм). Между тем приезжающие сюда рассчитывают умереть не умирая: после телесной смерти слиться с вечным духом — достичь состояния мокши.

© Сергей Строкань, 2009

Лета, Стикс, Ганг

Мы медленно пробираемся к реке, переступая через тела сидящих или лежащих на тротуаре людей. Предрассветный Бенарес чем-то напоминает зал ожидания огромного вокзала. По мере приближения к Гангу мы оказываемся в плотной толпе, движущейся в том же направлении. Все пребывают в необычайном возбуждении. На каменных ступенях набережной царит суматоха: индийцы пытаются найти место поближе к воде, иностранцы договариваются с лодочниками, предлагающими поездку по Гангу.

Лодочная прогулка — идеальная возможность увидеть главное действо Бенареса, которое разворачивается на каменных ступенях набережной — гхаттах. Копошащиеся здесь люди молятся, совершают омовение, приносят жертвоприношения из рисовых шариков, выполняют йогические упражнения. Здесь же, на гхаттах, на погребальных кострах, сжигают умерших, после чего пепел сбрасывают в реку.

Первое ощущение, которое вызывает Ганг, — ужас, смешанный с отвращением. Слишком много приходилось слышать о превращении этой реки в огромную сточную канаву. Еще в XV веке индийский поэт Кабир писал о Ганге: "Ад плывет по реке, полной тронутых тленом трупов мужей и зверей". В бассейне

Ганга сегодня проживает полмиллиарда человек, плотность населения — 1000 человек на квадратную милю — самая высокая в мире. Ежедневно эти люди сбрасывают в реку более 1,3 миллиарда литров сточных вод и останки людей, зачастую не полностью сгоревшие при сжигании, так как денег на необходимое количество дров не всегда хватает. При этом современные очистные сооружения отсутствуют.

Неудивительно, что рассказ экскурсовода о том, что "живительную воду" Ганга вливают в рот умирающим, невольно вызывает у вас горькую усмешку. Увидев реакцию иностранцев, гид словно решает пощекотать вам нервы. Он наклоняется за борт, зачерпывает воды в банку и, хохоча, демонстративно поливает себе голову, делая при этом несколько глотков. "Божественный вкус. Это же река. Это богиня в образе реки, спустившаяся на землю, чтобы очистить души. Разве может она принести вред?" — восклицает он, изображая высшее блаженство.

Между тем медленно поднимающееся солнце, словно всплывающее с речного дна, позволяет лучше рассмотреть совершающих омовение. Далеко не все приезжают в Бенарес умирать. Многие из этих энергично натирающих себя мочалкой людей — крепкие, мускулистые, явно не жалующиеся на здоровье. Они приехали только для того, чтобы смыть грехи. Один такой "качок" решается не просто помыться, а добраться вплавь до нашей лодки. "Ну и холодина", — кричит он. Пловцу не позавидуешь — вплоть до апреля ночи стоят холодные, температура воды как у нас примерно в конце октября.

Посредине Ганга неожиданно различаю мощный всплеск и спину какого-то существа. Неужели крокодил? Нет, в этом месте Ганга крокодилов нет, успокаивают сопровождающие. Это речной дельфин. Оказывается, такие существуют и водятся в Ганге. Говорят, тому, кто увидел речного дельфина, улыбнется удача.

Что останется от этого города, если попытаться вынуть его из пыльной мифологической паутины? Не останется почти ничего. Архитектура Бенареса, который, как и Рим, называют Вечным городом, ничем не примечательна. Тесные узкие улочки, базары, лавки, в которых торгуют дешевыми браслетами, медными и латунными сосудами, аляповатыми тканями, цветными открытками с нечеткой печатью и прочей дребеденью. Слышны крики уличных торговцев фруктами, молоком и творогом. У входа в кинотеатр — огромные плакаты, рекламирующие новинки индийского кинематографа: очередной кровавый боевик и слезливую мелодраму. В миллионном Бенаресе идет своим чередом такая же жизнь, как и в других индийских городах. Это город святых и воров, аскетов и прожигателей жизни, рвачей и бессребреников одновременно. Земной Бенарес с его заботами, радостями и страданиями удивительным образом соседствует с другим, небесным Бенаресом — городом духа, существующим исключительно в воображении людей. При этом мифы настолько сильны, что определяют социальный уклад, подчиняют себе реальную жизнь. Более того, создается впечатление, что текущая здесь жизнь создана лишь для того, чтобы служить иллюстрацией легенд.

Представление о том, что Ганг — это не Ганг, а спустившаяся на землю богиня, — лишь одна из них. Кстати, в этом месте река делает крутой поворот и на каком-то участке словно начинает течь вспять. Индусы объяснют это тем, что, когда река дошла до Бенареса, он ей так понравился, что она не хотела идти дальше и чуть было не повернула назад.

Большая часть бенаресских мифов связана с именем Шивы — одного из трех главных богов индуизма. Хотя Шиве поклоняются в разных частях Индии, считается, что именно Бенарес — его "родной город". В отличие от Брахмы-созидателя и

Вишну-хранителя, Шива — бог-разрушитель. Однако при этом его губительная сила направлена не против человека, а против всего иллюзорного в мире. Вот мы ходим по улицам, что-то покупаем, болтаем друг с другом, а на самом деле ведь мы мертвы. Только Шива внутри нас жив, со знанием дела объясняет бенаресский шиваит. Этот бог уничтожает саму смерть, уничтожает время, ибо все, что существует во времени, — тленно и обречено на смерть. Именно благодаря Шиве Бенарес и заслужил репутацию места, где человек освобождается от всего тленного.

Индуистская мифология предопределила роль Бенареса как главного крематория Индии. Согласно представлениям индуизма, именно на этом месте после смерти вселенной будут сожжены трупы пяти составляющих ее элементов — земли, огня, воды, воздуха, эфира. Вот и едут сюда умирать правоверные индуисты (у нас их еще называют индусами), думая о том, что однажды здесь сгорит дотла труп мироздания.

Торговцы спасением

Типичная уличная сценка в Бенаресе. Впереди небольшой процессии — барабанщик и трубач, наигрывающий веселую мелодию. За ними полтора десятка человек, движущихся быстрой походкой. Эти люди несут обернутые цветной материей носилки. Это похоронная процессия. На носилках лежит мертвец, укутанный плотной тканью с головы до ног — чтобы не глазели любопытные. Родственники и друзья усопшего явно торопятся. При этом на их лицах не видно особого страдания. Два человека приплясывают. Для правоверных индусов смерть — не просто конец, а высший подарок, который только может подарить жизнь. Потому что она дает шанс на продолжение существования. Нужно только правильно и вовремя выполнить все ритуалы.

Ключевое значение имеет ритуал кремации. Сожжение трупа — это принесение человеческого тела в жертву Агни, огню. Считается, что, принимая эту жертву, бог Агни — посредник между землей и небом — уносит душу умершего в мир иной. На набережной Бенареса днем и ночью пылают костры. Их зарево видно на многие километры. "Конвейер" работает круглосуточно в течение всего года. Грузовики подвозят новые партии дров.

Чтобы обосновать идею кремации, индуизм четко оговаривает момент смерти. Оказывается, она наступает не тогда, когда человек умер, а на погребальном костре. И только после того, как вершащий ритуал жрец, вооруженный увесистой алебардой, рассечет череп усопшего. Этот варварский для непосвященного обычай имеет особый смысл — выпустить наружу заключенную в теле душу. Ее последующий путь из мира людей в мир предков занимает двенадцать дней. Совершаемые в течение этого времени ритуалы призваны помочь душе не сбиться с дороги, найти путь в мир, где ее ждет новое перерождение в одно из 8 400 000 тысяч (!) существ, населяющих Землю. В кого именно — зависит от суммы благих и неблаговидных деяний усопшего.

Переход от одной жизни к другой — очень ответственный этап. Для странствующей души эти 12 дней — крайне опасное время. Если по какой-либо причине жрец сделает что-то не так или родственники не выполнят какой-нибудь обряд, душа может зависнуть между небом и землей, став неприкаянным призраком, не нашедшим новой телесной оболочки.

Понятно, что родственники усопшего стараются изо всех сил, ежедневно принося на берег Ганга рисовые шарики разной величины — символы отдаляющегося "эфирного тела". Кроме того, они всячески пытаются задобрить заправляющего ритуалом жреца-брахмана. Не случайно брахманы в Индии — высшая каста, они стоят на самой вершине

социальной лестницы. Алчные священнослужители, обладающие монопольным правом "пропускать в бессмертие", беззастенчиво пользуются своим положением. Они нередко ведут себя бесцеремонно по отношению к родственникам умершего и выжимают из них все, что можно. Меньше чем за 1200 рупий (около 30 долларов) не возьмутся за кремацию. А для многих индийцев это огромные деньги. Значит, нужно влезать в долги. Впрочем, заказчики ритуала не держат обиду на брахманов, успокаивая себя тем, что нажива в Бенаресе лишена всякого смысла. Ведь предназначение этого города — освобождать человека от земных уз. "Что значат рупии по сравнению со спасением?" — философски рассуждают многие.

Несколько лет назад в Бенаресе произошло малозаметное событие, которое когда-нибудь, может быть, сочтут историческим. Тысячелетняя традиция вступила в противоречие с прагматизмом и современными технологиями. Индийское правительство открыло на набережной Ганга два электрических крематория. Здесь нет ни статуй Шивы, ни брахманов с их алебардами, распевающих гимны. Все максимально упрощено. Кремация занимает 45 минут, а не два с половиной часа, как обычно. И стоит такой ритуал сущий пустяк — всего 100 рупий. При этом правительство предоставляет живущим за чертой бедности субсидии на похороны.

Не ожидавшим такого удара брахманам ничего не оставалось, как заявить, что те, кто решил пойти к спасению упрощенным путем, не достигнут небесного мира, так и останутся призраками. Как и люди, принявшие решение о строительстве современных крематориев. Тем не менее статистика показывает, что новое медленно, но неуклонно побеждает. "Сегодня к нам обращаются не только родственники бедняков, но и состоятельные, образованные люди", — говорит главный оператор бенаресского крематория Панчдев Сингх.

Подвиги аскетов

Индусский образ жизни, как и вся доктрина индуизма, соткан из противоречий и парадоксов. В нем уживаются, казалось бы, взаимоисключающие вещи: призыв к социально активной жизни, с одной стороны, и стремление подняться над ее потоком, противопоставить себя обществу — с другой. Эти две противоположные установки демонстрируют, что к окончательному освобождению — мокше — можно прийти разными путями. Один из них — путь активного действия — подразумевает добросовестное выполнение своей кармы, того, что тебе предначертано судьбой, тщательное соблюдение всех ритуалов. Другой — путь религиозного аскета-отшельника, стремящегося радикально порвать с действительностью, убить в себе все желания и, перестав ощущать себя человеком, слиться с творцом.

Эта цель достигается сложными йогическими упражнениями, позволяющими аскету полностью контролировать свое тело, приостанавливать идущие в нем процессы и, таким образом, как бы вернуться к состоянию неподвижности эмбриона. Той неподвижности, в которой, собственно, и пребывает мировой дух. Показательно, что аскетов-саньяси не кремируют, а хоронят в сидячем положении. Тем самым подчеркивается, что аскет не умирает, а достигает бессмертия.

Говорят, что отшельники-саньяси, объединенные в различные секты, обладают сверхъестественной силой. В Бенаресе насчитывается более ста площадок-акхар, где они совершают свои подвиги. Непосвященному может показаться, что эти люди занимаются акробатикой, тяжелой атлетикой или каким-то изощренным бодибилдингом, принимающим крайние экзотические формы (например, такие, как попытки поднять пенисом, находящимся в состоянии эрекции, кусок гранита).

В течение всего года в Бенарес стекаются не только паломники, но и аскеты со всей Индии. Особенно

много их здесь в зимние месяцы, когда отшельники вынуждены покидать свои пещеры в Гималаях, где становится нестерпимо холодно, и спускаться вниз. Тогда на улицах города можно увидеть толпу голых, натертых пеплом мужчин, напоминающих нестриженых бородатых нудистов.

Самая экзотическая секта — это агхоры. Они живут прямо на площадках для кремации, спят на похоронных носилках, почти не носят одежду, нередко заворачивая себя в саван, снятый с умершего. Агхоры украшают себя ожерельями из человеческих костей, едят и пьют из черепов и натирают себя пеплом из погребальных костров. Считается, что настоящему, так сказать, продвинутому агхору все равно, чем питаться: он должен уметь пить не только воду, но и мочу, есть не только обычную пищу, но и трупное мясо и экскременты.

Теологическое обоснование столь шокирующего образа жизни выглядит так. Все, что нас окружает, создано Творцом, и поэтому любое деление явлений жизни на "чистые" и "грязные", "притягивающие" и "отталкивающие" по своей сути искусственно и порочно. Нельзя отворачиваться от любого, внешне самого отвратительного проявления бытия, ибо в нем тоже заключен бог, как говорят аскеты. Утверждая этот принцип, агхоры следуют строгой внутренней дисциплине. Они используют любой случай, чтобы принизить "чистое" и "высокое", превратить его в "низкое" и "грязное".

Существует мнение, что институт аскетов — возникшая внутри индуизма форма протеста против окостеневшей кастовой системы, жестко регламентирующей поведение человека и делающей его несвóбодным. Если встать на эту точку зрения, то аскетические подвиги — не что иное, как крайний способ утверждения индивидуальной свободы в противовес индуистским догматам. Агхоры и подобные им секты — это, так сказать, авангардисты духовного пространства индуизма, ниспровергатели его официальных норм. Желание "перестать быть человеком" имеет в своей основе стремление прорваться к высшей реальности.

Как бы то ни было, аскеты исповедуют еще одну концепцию спасения, конкурирующую с концепцией индусских жрецов. В Бенаресе есть место и тем, и другим. Как, впрочем, и каждому, кто хочет умереть не умирая.

Постколониальный роман: взгляд изнутри

Киран Десаи. Наследство разоренных / Перев. с англ. Ю. А. Балаяна. — СПб.: Амфора, 2007. — 427 с.

Роман индийской писательницы Киран Десаи "Наследство разоренных" ("The Inheritance of Loss") получил Букеровскую премию в 2006 году. Судьи обосновали свое решение следующим образом: "Великолепный роман о широте человеческой души и мудрости, полный забавной нежности и мощной политической актуальности". Критики назвали "Наследство разоренных" "острой, умной, визуальной прозой" ("Atlantic Monthly"), "освещенной интеллигентностью, яростной и в то же время нежной" ("New York Times Book Review"), изображающей "ужас и восторг бытия" ("New Yorker").

В момент получения премии писательнице было 35 лет — самый молодой букеровский лауреат. Она родилась и выросла в Индии, в пятнадцатилетнем возрасте переехала в Великобританию, где получила образование. Сейчас живёт в США.

Любая литературная премия, разумеется, в первую очередь отмечает не достоинства "чистого художества": творческий почерк автора расценивается как нечто вспомогательное, некое средство, путь, способ, может быть, мост, делающий идеи писателя внятными и жизненными образами, благодаря чему они и воспринимаются читателем. Букеровские лауреаты, как любые другие, издаются огромными тиражами, их книги раскупаются прежде всего в англоязычном мире, а затем и в других языковых мирах; значит, явленная ими философия существования становится более-менее "всеобщей". Известно, что порой западные литераторы не так тщательно работают над тем, что мы пока еще считаем главным достоинством словесности — над построением индивидуальных, только данному и никакому другому писателю присущих, взаимоотношений с языком. Зато рассказанная история должна быть и занимательна, то есть иметь динамически движущийся сюжет, и "учительна" (разумеется, это одна из тенденций; в ряде случаев появляются и по-другому построенные тексты), если воспользоваться словарем русской критики XIX столетия. Гуманизм, вдумчивое и любовное отношение к человеку, пожалуй, стоит на втором месте по сравнению с социальной ролью героя или описанной коллизией.

Очень интересно, между прочим, проследить, как меняются в мире модели оценки литературных произведений. То, что с начала народнических десятилетий и до конца советского периода в русской литературе было основным критерием (сформулирую приблизительно: "литература должна быть учебником жизни, а писатель обязан пасти народы") и порядком "навязло" у нас в ушах, вдруг стало во многом определяющим и руководит выбором критиков и читателей на Западе. "Наследство разоренных" дает пищу для размышления в этом направлении — во всяком случае тем, кого такие размышления увлекают.

С этой точки зрения проблематика романа Десаи более чем актуальна для англоязычного мира. Колониальное прошлое, и довольно долгое, и насыщенное разнообразными событиями, ни для Англии, ни для Индии (не говоря о других

странах, по прежнему ощущающих себя — во всяком случае культурно — подчиненными "метрополии") до сих пор не стало *собственно прошлым*. Оно длится. Оно влияет. Оно воздействует. Оно формирует и поведенческие стереотипы, и мировоззрение, и социальные приоритеты. Во всяком случае, это касается *интеллигентской прослойки*. Национальная самоидентификация жителей бывших колоний (разумеется, не только английских!), какими бы средствами они *ни добивались ее* ("мирными" или "жесткими", вроде, скажем, исламских экстремистов), не может быть свободна от ощущения *былой*, но так и *не прошедшей* подчиненности иной нации.

В этом смысле любое произведение, затрагивающее означенный круг жизненных вопросов, не может не быть идеологичным.

Киран Десаи, выбрав путь показа "тихой" жизни "маленьких" людей, сумела максимально компенсировать идеологический накал, который в ином случае воспринимался бы чересчур навязчиво — во всяком случае, сегодняшним российским читателем.

В романе каждый герой, как это и полагается, разматывает свою сюжетную линию. Индийская семнадцатилетняя девушка Саи, дочь лётчика, готовившегося стать космонавтом и по роковой случайности погибшего в России, влюбленная, как и положено в семнадцать, индийская девушка, получающая проевропейское, проанглийское воспитание и не знающая, как "соразмерить" себя с родным языком и родной страной. Судья Джемубхаи Пател, получивший образование в Англии, *образованный в Англии, образованный Англией*. Индус-повар, живущий мечтами о бывшем величии своего хозяина-судьи (никогда не имевшем места величии, правда же?) и будущем величии своего сына Бижу (они никогда не сбудутся, без сомнения). Сам этот Бижу, уехавший в Америку искать счастья, нелегал, желанный на черной работе и гонимый отовсюду — словно ветром...

Их ненависть, в которой они обвиняют друг друга. Их поиски возможности счастья, которое каждый из них жаждет обрести *через другого*. Их инфантилизм, *колониальное мышление* на уровне экзистенции: ожидать перемен извне, а не требовать от себя самого энергии и сил.

...И над полуразвалившимся от бедности, отсыревшим от вечных дождей домом бывшего судьи — пять вершин горы Канченджанги, которые в конце романа "золотеют, наливаются светом истины — хоть и ненадолго".

Судьба героев и перипетии их совместной жизни — нападение экстремистов, исчезновение собаки Шамки, любови и разрывы, политические обстоятельства, в действительности и важные, и исполненные исторического значения, — описаны... нет, скорее *изложены* Десаи словно вчуже: будто ее герои живут не сами, а так, чтобы на них кто-нибудь смотрел; это ключевой для романа художественный прием, который впрямую связывает происходящие события с четко моделированной читательской реакцией: *иди и смотри*. Смотри и вдумывайся. Соразмеряй с собственным опытом.

Расширение эмоционального и мировоззренческого опыта человечества можно определить как авторскую задачу. При кажущейся отстраненности манеры Десаи добра, физически ощутимо добра, и этот добрый взгляд со стороны, пожалуй, формирует ту самую "точку зрения", с которой мы видим все происходящее.

Чем же интересно "Наследство разоренных" российскому читателю?

Литературная судьба "маленького человека" нам близка традиционно. Лейтмотив восприятия задает эпиграф из Х. Л. Борхеса, также нам близкого: "Молю не о вечных красотах — о верности духу, и только. // О строке, подтвер-

жденной дорогами и сиротством. // Сытый досужими клятвами, иду по обочине // жизни неспешно, как путник издалека, не надеющийся дойти". Рассказ о тех и *о таких*, кто всегда остается "на обочине", идет и не надеется дойти, выдержан Десаи в эпической манере, нам опять-таки отчасти известной — вспомним прозу двадцатых годов XX века, в которой об ужасах бытия Бабель, Соболь, Пильняк рассказывали отнюдь не дрожащим голосом.

Однако дело не только в этом. Есть некоторые "идеологические" обстоятельства, важные для нас, также живущих в постколониальный период. Притом живущих в *бывшей* метрополии, что помогает нам (провоцирует нас?) ощущать себя представителями "белой" расы, несущей "бремя белого человека" — добровольное бремя господства над расой "черной", убирающей *наши* города, торгующей *на наших* рынках и *в наших* магазинах, словом, обслуживающей *нас*. Бытовой расизм кажется нам столь органичным и более того — неизбежным, совершенно естественно возникшим, что мы не возмущаемся ни собой, ни друг другом, произнося слова, которых устыдились бы каких-нибудь тридцать лет назад. Он успел так въесться в наше ощущение жизни, что мы развозим его по Европе, куда приезжаем работать или жить: так российские переселенцы в Германии поражают *сегодняшних* немцев словами о "грязных турках".

Постколониальная ситуация описана Десаи *не с нашей* точки зрения. Та направленность взгляда, которую избрала писательница, непривычна ни *"нативным"* россиянам, ни *"нативным"* англичанам или французам. "Наследство разоренных" — это панорама постколониального мира, увиденного *изнутри*. Причем такого постколониального мира, который в любой момент готов сам стать колонизатором (именно в этом качестве выступают индийцы по отношению к народу *горки*[1], живущему рядом со своей исторической родиной Непалом и столь близкому индийцам, что можно было бы — в другой ситуации — говорить и о *братстве*).

Одновременно это повествование, идущее не от первого лица, и речь, как уже говорилось, ведущаяся скорее тоном свидетеля, наблюдателя, чем участника.

Иногда авторская интонация — но и в этом случае в оболочке "посторонности" — все же прорывается. Например, при описании благополучного ("образцового") исхода судьбы иммигранта в Америке: "Саид наслаждался этой игрой, наслаждался тем, как эта страна заставляла его шевелить мозгами и ногами, руками и членом. Он любил эту страну, обманывал ее, он был ее образцовым и преданным гражданином, хотя и нелегальным. Когда пришло его время, этот субъект, специалист по проникновению через черный ход, с помощью копировальной техники неоднократно обманывавший ее официальную систему (он утверждал, что при желании способный парень с копиром может поставить Америку на колени), этот самый Саид со слезами на глазах и с глубокой убеждённостью в голосе присягнул звездно-полосатому флагу. Он признал страну, страна признала его. Редкий случай взаимности. Роман в духе седой старины".

Однако нас и здесь не вынуждают принимать участие в событиях. Нас не включают в действие, не навязывают нам чужую картину мира. Нам просто предлагают посмотреть, как оно есть на самом деле. Только посмотреть.

У нас есть возможность увидеть, если так можно выразиться, *обратную сторону Луны*. Задуматься о том, о чем "белый человек" не задумывается никогда. Коснуться ду-

1. В переводе романа названия многих индийских реалий, к сожалению, приобрели неузнаваемый вид; так, "горки" — это гуркхи, непальская народность, а "дези" (см. ниже) — это "деши", абориген.

шевной жизни персонажей — а "жители колоний" для нас ведь и в реальности только "персонажи", не более, — и сравнить их комплексы с нашими.

Комплексы судьи. Судья всю жизнь хотел стать похожим на англичанина, всегда отставал и оказывался худшим — *там* и лучшим — *здесь*, на родине, которая заведомо хуже, чем Англия: гибнущий корабль, с обреченного судна не сбегают только заведомые неудачники. Остающиеся чувствуют себя неудачниками заранее, они запрограммированы на неудачи. Воспоминания судьи, которые можно отогнать, только помотав головой. Он никогда не может решить, кто он такой: "*Джеймс Питер Питерсон* или *Джемубхаи Попатлал Пател?*"...

Комплексы индианки Нони, до поры до времени — учительницы Саи: "Время не должно стоять на месте... Не повтори моей ошибки, не попади туда, где время не движется. Это лучший совет, который я могу тебе дать". Ощущение собственной страны как безвременья.

Комплексы народа, существующего в оболочке европейской цивилизации. "А на рынке появляются новые плакаты, бередящие старые раны, на стенах лавок и офисов сами собой возникают лозунги, намалёванные краской либо нацарапанные. 'Где наше государство?', 'Лучше умереть, чем жить рабами!', 'Конституция издевается над нами. Отдайте нашу землю!'. Вдоль шоссе эти лозунги дрались за место со стандартными увещеваниями, украшающими бетонные крепления склона: 'Без виски — нет риска', 'Лучше поздно, чем никогда', 'Сэкономишь минуту — потеряешь жизнь', 'Коль женился — не флиртуй со скоростью!'"

Наконец, комплексы тех, кто считал свою жизнь навсегда связанной с "культурной доминантной", *колонизатором*, и внезапно оставшихся без наставника. Эти обломки империи, жертвы логики жизни: поток отхлынул, и на песке остались... *земноводные*.

Национальная рознь среди тех, кто комплексует: непримиримая рознь. Эти хуже тех, те хуже этих. "*Дези* против *паки*". Непременно. Непримиримо.

Современный мир не доверяет художественности ("молю не о вечных красотах..."). Вымысел выглядит так, будто чем-то скомпрометировал себя — излишней эмоциональностью, быть может? *Неправдой чувств*, вероятно? Неизвестно. Современный мир явно предпочитает литературу non-fiction: мемуары, свидетельства, словом, все, что несет на себе отпечаток "подлинности". И "Наследство разоренных", как любой современный роман, то есть художественное произведение, должен *воспринять* приемы non-fiction, чтобы *быть воспринятым*. Авторское бесстрастие служит как бы гарантом того, что нам рассказывается *непридуманное*. Но природа искусства такова, что оно пролезет всюду, да еще и покажет, что пропитанная комплексами реальность, убивающая слабого, на самом-то деле лжива. Никчемная, с точки зрения судьи, жена его Ними не реагирует на жизнь, пропитанную ненавистью к ней, не выучившей ни слова по-английски ("из чистого упрямства — так полагал судья"). Создания искусства — только они могут заставить ее чувствовать: "За рекой виднелись развалины охотничьего замка Великого Могола Джахангира: несколько арок поддерживали рельефы с изображением ирисов. Моголы спустились с гор, чтобы завоевать Индию, война билась в их жилах, но мягкое сердце плакало по погибшему от солнечного жара цветку. Повсюду ирисы, запечатленная неизвестными камнерезами неизвестная им красота".

Жажда красоты — тоже, вероятно, комплекс: с точки зрения судьи, которого вряд ли можно назвать *хозяином своей судьбы*.

Родной язык — если смотреть глазами того же персонажа — так-

же окажется чем-то недоброкачественным. Но национальные смыслы не усваиваются при насильственном сурдопереводе. "Никто не измерит того, сколько истин исчезает между языками, между языком и неграмотностью".

Непознанная, отчужденная персонажами языковая стихия всё равно пребывает рядом с ними, в мире, параллельном их существованию, с той же неизбежностью, что и ненависть. Индия многоязыка; слова *джхора*, *нахра*, *хубши*, *хансама*, *чурва*, *тангха*, *чокси*, *тикка масала*, *дханьявад*, *шукрия* и другие, данные в тексте без перевода и курсивом (ругательства, названия предметов обстановки, блюд, имена злых духов и др.), слова, не люди, создают в романе образ действительности, замкнутой в себе, самодостаточной и не комплексующей.

Стоит обратить внимание на эти курсивы, заставляющие жителя метрополии на кратчайшие доли секунды почувствовать себя гостем в чужом и могучем мире, не несущем "бремя белого человека".

Вера Калмыкова

Индийская литература на страницах "ИЛ"

1956

Чаттопадхайя Хариндранат — *К поэтам.* Стихотворение. Перевод М. Ваксмахера [4]

Бхаттачария Бхабани — *Оседлавший тигра.* Роман. Перевод с английского С. Кругерской и Ф. Лурье. Под редакцией Е. Калашниковой [5—6]

Современные поэты Индии. Бималчагдра Гхош, Нирала, Сумитранандан Пант, Сардар Джафри. Перевод с хинди, бенгали и урду С. Северцева [11]

1958

Чандар Кришан — *Рассказ.* Перевод с урду И. Кудрявцевой и И. Рабиновича [9]

Яшпал — *Одна сигарета.* Рассказ. Перевод с хинди Т. Катениной и Н. Толстой [9]

Гонгопадхайя Нарайян — *Кукла.* Рассказ. Перевод с бенгали Е. Смирновой [9]

Сингх Гурвел — *Зинат.* Рассказ. Перевод с панджаби Л. Мирцевой и И. Рабиновича [9]

1959

Сударшан — *Байджу Бавра.* Рассказ. Перевод с хинди В. Л. Быкова [4]

Сатхе Аннабхау — *Хира.* Рассказ. Перевод с хинди Ю. Маслова [4]

Падмаразу Палагумми — *На баркасе.* Рассказ. Перевод с хинди Н. Королева [4]

Чандар Кришан — *Индиец, вернувшийся из Америки.* Рассказ. Перевод с урду И. Кудрявцевой и И. Рабиновича [4]

Бондопадхай Маник — *Лодочник с Падмы.* Повесть. Перевод с бенгали А. Горбовского [9]

1960

Нарайан Р. К. — *Святой Раджу.* Роман. Перевод с английского И. Бернштейн и Н. Демуровой. Под редакцией М. Лорие [6—7]

1962

Нирала С. Т. — *Лирика.* Перевод с хинди и предисловие С. Северцева. Под редакцией Е. Челышева [2]

1964

Нарайан Р. К. — *Людоед в Мальгуди.* Роман. Перевод с английского Н. Демуровой [2]

Чандар Кришан — *Господин Обедок.* Рассказ. Перевод с урду И. Кудрявцевой и И. Рабиновича. Вступление Ходжи Ахмада Аббаса [4]

1965

Нарайан Р. К. — *День астролога.* Рассказ. Перевод с английского Н. Демуровой [8]

1966

Суман Сингх — *Лирические стихи.* Перевод с хинди Бориса Андрианова [7]

Шивамангал

Джафри Али Сардар — *Но я вернусь!..* Стихи. Перевод с урду Сергея Северцева. Под редакцией Н. Глебова [11]

1967

Пант Сумитранандан — *Локаятан.* Фрагменты поэмы. Перевод с хинди Натэллы Горской [1]

1968

Притам Амрита — *Лирические стихи.* Из книги "Черная роза". Перевод с английского Натэллы Горской [1]

Чандар Кришан — *Три рассказа.* Перевод с урду А. Сухочева [1]

Куруп Шанкара Г. — *Стихи.* Перевод с малаялам Натэллы Горской. Вступление С. Ачута Минон [9]

1969

Нарайан Р. К. — *Продавец сладостей.* Роман. Перевод с английского Н. Демуровой [1]

Ислам Назрул — *Стихи.* Вступление и перевод с бенгали Михаила Курганцева [10]

Куддус Голам — *Ленин.* Стихотворение. Перевод с бенгали Натэллы Горской [11]

Хайдар Нияз — *Ленин с нами.* Стихотворение. Перевод с урду Натэллы Горской [11]

1970

Найду Сароджини — *Стихи.* Перевод с английского Асара Эппеля. Вступление Е. Калинниковой [1]

Мохиуддин Махдум — *Стихи.* Перевод с урду С. Северцева [4]

Баччан Хариваншрай — *Стихи.* Перевод с хинди А. Сенкевича [10]

Бхарати Дхармавир — *Торговка Гулаки.* Рассказ. Перевод с хинди В. Чернышева [10]

1971

Вирх Кульвант Сингх — *Рассказы.* Перевод с панджаби Н. Толстой [11]

"Новая поэзия" хинди. Агьейя, Шрикант Варма, Сарвешвар Даял Саксена, Рагхувир Сахай, Кайлаш

Ваджпейи. Переводы Александра Сенкевича, И. Кошежевой, Ник. Зиновьева. Вступление М. Салганик [12]

1972

Нарайан Р. К. — *Два рассказа.* Перевод с английского Н. Демуровой [8]

1973

Мукерджи Субхас — *Стихи.* Перевод с бенгали Сергея Северцева [3]

Рену Пханишварнатх — *Третья клятва.* Рассказ. Перевод с хинди В. Чернышева [9]

Калидаса — *Облак-вестник.* Поэма. Перевод с санскрита и вступление С. Липкина [11]

1976

Махапатра Ситакант — *Стихи.* Перевод с английского Ст. Куняева. Вступление М. Салганик [12]

1978

Нарайан Р. К. — *Мои дни.* Перевод с английского Н. Демуровой. Послесловие М. Салганик [10—11]

Карандикар Говинд Винаяк — *Стихи.* Перевод с языка маратхи Евг. Винокурова. *Тайна прикосновения.* Эссе. Перевод с языка маратхи Н. Сиделева. Послесловие Н. Сиделева [11]

1979

Малгонкар Манохар — *Медведь на тарелочке.* Рассказ. Перевод с английского Андрея Лещинского [9]

Притам Амрита — *Преодоление.* Перевод с панджаби и вступление И. Серебрякова [10]

1980

Адаван — *Крылья.* Повесть. Перевод с тамильского А. Ибрагимова [1]

Мукхопаддхай Шубхаш — *Куда ведут дороги...* Повесть. Перевод с бенгальского В. Коровина и С. Серебряного [11]

Тилак Девараконда Балагангадхара — *Стихи.* Перевод с телугу Н. Габриэлян. Вступление З. Петруничевой [12]

1981

Гуджрал Шила — *Стихи.* Перевод с хинди Сергея Северцева, с хинди и английского — Н. Гусевой [6]

1982

Гангопадхайя Шунил — *Рассказы.* Перевод с бенгали С. Цырина [8]

Баради Субраманья — *Стихи* (К 100-летию со дня рождения). Перевод с тамильского С. Северцева [12]

Сахни Бхишам — *Духовное родство.* Перевод с английского М. Загота [12]

1984

Бано Джилани — *Ушла.* Рассказ. Перевод с урду Владимира Соколова [1]

Мукхопаддхай Шубхаш — *Мыс, или Болезнь Гансена.* Повесть. Перевод с бенгальского В. Коровина [2]

Сахни Бхишам — *Рассказы.* Перевод с хинди Л. Кузнецова [3]

Ганди К. Л. — *"Кто утрет их слезы?"* Рассказ. Перевод с хинди М. Салганик [5]

Мурти Ананта — *Самскара.* Повесть. Перевод с английского М. Салганик. Вступление Чингиза Айтматова [12]

1985

Варма Шрикант — *Стихи.* Перевод с хинди Роберта Рождественского и Александра Сенкевича. Составление и послесловие М. Салганик [6]

Нарайан Р. К. — *Бог и уличный сапожник.* Рассказ. Перевод с английского И. Бернштейн [7]

Рассказы индийских писателей. Харишанкар Парсаи, Камалешвар, Бхишам Сахни. Переводы с хинди Н. Солнцевой, Б. И. Шуршалина, В. А. Чернышева [10]

1987

Дарувалла Кеки — *Рассказы.* Перевод с английского И. Бернштейн [7]

Из поэзии хинди. Вступление и перевод с хинди Александра Сенкевича [8]

Ваджпейи Ашок — *Поэзия в роли оппонента.* Беседу записала Л. Васильева [12]

1989

Рушди Сальман — *Стыд.* Роман. Перевод с английского И. Багрова [8]

1991

Вивекананда Свами — *Четыре йоги.* Вступление и перевод с английского Мариам Салганик [9]

1993

Дехлеви Хасан — *Газели.* Перевод с фарси Семена Липкина [3]

Литературный гид "Индия: связь времен и миров" [9]

Из классической индийской лирики. Перевод с английского Г. Агафонова [9]

Дас Камала — *Стихи.* Перевод с английского А. Шараповой [9]

Джабвала Рут Правер — *Я – в Индии.* Эссе. Перевод с английского И. Тогоевой. *Курс английского.* Рассказ. Перевод с английского И. Бернштейн [9]

Кришнамурти Дж. — *Беседы разных лет.* Перевод с английского М. Салганик [9]

Сет Викрам — *Золотые ворота.* Роман в стихах. Фрагменты. Перевод с английского Г. Агафонова [9]

1995

Рушди Сальман — *Рассказы.* Перевод с английского И. Тогоевой [11]

1997

Видьяпати — *Три рассказа о радже Викрамадитье.* Из книги "Испытание человека". Перевод с санскрита и вступление С. Д. Серебряного [5]

1999

Рой Арундати — *Бог Мелочей.* Роман. Перевод с английского Л. Мотылева [7—8]

2006

Сет Викрам — *Крокодил и павиан.* Зверская сказка. Перевод с английского Марины Бородицкой [1]

Шаши Тхарур
Shashi Tharoor
[р. 1956]. Прозаик и публицист. Лауреат писательской премии стран Содружества [1991], премии *Гордость Индии* [2009] и др.

Автор книг *Великий индийский роман* [*The Great Indian Novel*, 1989], *Шоу-бизнес* [*Show Business*, 1992], *Индия: от полуночи до тысячелетия* [*India: From Midnight to the Millennium*, 1997], *Неру: изобретение Индии* [*Nehru: The Invention of India*, 2003], *Слон, тигр и мобильный телефон: размышления об Индии в XXI веке* [*The Elephant, the Tiger and the Cell Phone: Reflections on India in the 21st Century*, 2007] и др.
Роман публикуется по изданию *Riot* [India: Viking by Penguin Books, 2001].

Петр Владимирович Топычканов
[р. 1981]. Младший научный сотрудник ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, член Научного совета Московского центра Карнеги.

Автор статей, опубликованных в журналах *Азия и Африка сегодня*, *Восточная коллекция*, *Вестник Московского университета*, *Полития* и др. В *ИЛ* публикуется впервые.

Салман Рушди
Salman Rushdie
[р. 1947]. Писатель. Учился в Англии. В 1964-м получил британское гражданство. Президент международного Пен-центра США [2004–2006]. Лауреат Букеровской премии [1981], обладатель приза *Букер Букеров* [1993] и др..

Автор романов *Дети полуночи* [*Midnight's Children*, 1981; рус. перев. 2006], *Стыд* [*Shame*, 1983; рус. перев. 1989], *Сатанинские стихи* [*The Satanic Verses*, 1983; за этот роман аятолла Хомейни приговорил писателя к смертной казни], *Земля под ее ногами* [*The Ground Beneath her Feet*, 1999; рус. перев. 2008], *Клоун Шалимар* [*Shalimar the Clown*, 2005; рус. перев. 2008], *Флорентийская чародейка* [*The Enchantress of Florence*, 2008; рус. перев. 2009].
Рассказ публикуется по изданию *The Shelter of the World* [*The New Yorker Magazine*, February 25, 2008], интервью взято из журнала *Atlas* [№ 2, 2007].

Аравинд Адига
Aravind Adiga
[р. 1974]. Прозаик. Лауреат Букеровской премии [2008].

Автор романа *Белый тигр* [*White Tiger*, 2008].
Текст публикуется по изданию *The Sultan's Battery* [*The Guardian*, October 18, 2008].

Амин Камил
Amin Kamil
[р. 1924]. Поэт, драматург, романист. Пишет на языке кашмири. Лауреат премий Государственной академии культуры *Шринагар* и академии Сахитья [1967].

Автор романа *Свет среди тьмы* [*Gati Manz Gaash*, 1958], сборника рассказов *История внутри истории* [*Kathi Manz Kath*, 1960] и др., поэтических сборников *Опять тот же я* [*Beyi Suy Paan*, 1967], *Одна нога, оттеняющая другую* [*Padis Pod Tshay*, 1972], *Вот они, мои слова* [*Yim Myan Sokhan*, 2007] и др.
Рассказ *Cock's Fight* взят из сборника *Современные индийские рассказы* [*Contemporary Indian Short Stories*. Sahitya Akademi, 2006].

Ашок Ваджпейи
Ashok Vajpeyi
[р. 1941]. Поэт, критик, переводчик, общественный деятель, президент Академии изящных искусств в Индии, пишет на

Автор 38 книг – поэзия, проза, сборники критических статей. В *ИЛ* опубликовано интервью с ним *Поэзия в роли оппонента* [1987, № 12].
Стихи печатаются по рукописи.

хинди. Лауреат премии Литературной академии Индии [1994], Кавалер орденов Польши и Франции [за переводы с польского и французского].

Гульзар
[р. 1936].
Поэт, прозаик, киносценарист, пишет на хинди, урду и английском. Лауреат премии Литературной академии Индии [2003], премии *Оскар* за песню *Джай хо* в фильме *Миллионер из трущоб* [2008], удостоен высокой правительственной награды – ордена *Падма Бхушан* [2004].

Его первый поэтический сборник *Капля луны* вышел в свет в 1962 г., за ним последовал ряд других, в том числе сборник трехстиший под названием *Тривени*. Сборник его лучших киносценариев *Книга зрелищ* [*Манзарнама*, 2002; премия *Достижения жизни*] стал событием в литературной жизни Индии.
Стихи печатаются по рукописи.

А. Джайяпрабха
A. Jayaprabha
[р. 1957]. Поэт и критик, пишет на языке телугу.

Автор семи сборников стихов, двух сборников критических статей. Совместно с К. Сатьявати редактирует феминистский журнал на языке телугу *Лохита*..
Стихи взяты из сборника *Автографы. Сто индийских поэтов* [*Signatures. One Hundred Indian Poets.* National Book Trust, 2006].

Сукумаран
Sukumaran
[р. 1957]. Поэт, новеллист, переводчик и критик.

Автор трех сборников стихов. Стихи взяты из сборника *Автографы. Сто индийских поэтов* [*Signatures. One Hundred Indian Poets.* National Book Trust, 2006].

Гаган Гилл
Gagan Gill
[р. 1959]. Поэт, переводчик и журналист, пишет на языке хинди и пенджаби.

Автор четырех сборников стихов. Стихи взяты из сборника *Автографы. Сто индийских поэтов* [*Signatures. One Hundred Indian Poets.* National Book Trust, 2006].

Джой Госвами
Joy Goswami
[р. 1954]. Поэт и журналист, пишущий на языке бентами.

Стихотворение взято из сборника *Автографы. Сто индийских поэтов* [*Signatures. One Hundred Indian Poets.* National Book Trust, 2006].

Юмлембам Ибомча Сингх
Yumlembam Ibomcha Singh
[р. 1949]. Поэт, прозаик и журналист. Пишет на языке манипури. Лауреат премии Литературной академии Индии.

Автор двух сборников стихов и сборника рассказов.
Стихотворение взято из сборника *Автографы. Сто индийских поэтов* [*Signatures. One Hundred Indian Poets.* National Book Trust, 2006].

Баби Халдар
Baby Halder
Писатель. Пишет на бенгальском языке.

Текст публикуется по изданию *A Life Less Ordinary* by Baby Halder, translated from Hindi by Urvashi Butalia [New Delhi: Zubaan, 2006].

Паван К. Варма
Pavan K. Varma
[р. 1953]. Дипломат, писатель, посол Индии в Бутане.

Автор книг *Галиб: человек и время* [*Ghalib: The Man, The Times*, 1989], *Любовь и желание: антология эротической литературы древней и средневековой Индии* [*Love And Lust: An Anthology Of Erotic Literature from Ancient And Medieval India*, 2004] и др. Издал в Индии свою редакцию древнего, написанного два тысячелетия назад, трактата о любви — *Камасутра: искусство любить женщину* [*Kama Sutra: The Art of Making Love to a Woman*, 2007].
Великий средний класс публикуется по изданию *The Great Indian Middle Class* [Penguin Books, 2007], *Что такое быть индийцем* — по изданию *Being Indian* [Penguin Books, 2005].

Амартья Кумар Сен
Amartya Kumar Sen
[р. 1933]. Индийский экономист. Лауреат Нобелевской премии по экономике "за вклад в экономическую теорию благосостояния" [1998], лауреат премий Ф. Сейдмана [1986] и В. Леонтьева [2000].

Автор книг *Бедность и голод* [*Poverty and Famines*, 1981], *Возвращение к проблеме неравенства* [*Inequality Reexamined*, 1992], *Развитие как свобода* [*Development as Freedom*, 1999]. Текст публикуется по изданию *Tagore and His India* [*The New York Review of Books*, on 26 June 1997].

Сергей Александрович Арутюнов
[р. 1932]. Российский этнолог, археолог, преподаватель. Член-корреспондент РАН, заведующий отделом Кавказа в Институте этнологии и этнографии РАН.

Автор более четырехсот девяноста публикаций, пятнадцати монографий, в том числе: *Современный быт японцев* [М., 1968], *Проблемы этнической истории Берингоморья* [М., 1975; в соавторстве с Д. А. Сергеевым], *У берегов Ледовитого океана* [1987], *Япония: народ и культура* [М., 1991; в соавторстве с Р. Ш. Джарылгасиновой], *Культуры, традиции, их развитие и взаимодействие* [Люистон, 2002], *Культурная антропология* [М., 2004; в соавторстве с С. И. Рыжаковой] и др.

Татьяна Николаевна Загородникова
Историк-востоковед, занимается проблемами русско-индийских отношений в XIX—начале XX вв., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Автор более 60 научных работ, составитель, автор предисловия и примечаний сборника архивных документов *"Большая игра" в Центральной Азии: "Индийский поход русской армии"* [М.: ИВ РАН, 2005].

Нирупама Менон Рао
Nirupama Menon Rao
Поэт, дипломат. В ранге посла представляла Индию в Перу, Шри-Ланке, Китае.

Публикуемое стихотворение взято из сборника ее стихов *Запах дождя* [*Rain Rising*. New Delhi: Rupa and Co., 2004].

Борис Михайлович Волхонский
[р. 1955]. Филолог-востоковед, переводчик с английского, хинди, сингальского языков, кандидат

Составитель и переводчик *Сингальских сказок* [совместно с О. М. Солнцевой; М.: Наука, 1985].

филологических наук, журналист, старший научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, редактор международного отдела *Русского журнала*.

Мира Львовна Салганик
Индолог, переводчик с урду, хинди и английского языков. Удостоена правительственной награды Индии – ордена *Падма Шри* [2008].

Переводила труды Рамакришны, Свами Вивекананды, Ауробиндо. В ее переводе вышел ряд произведений современных писателей Индии, Пакистана и Бангладеш, среди них *Огнепоклонники* Бапси Сидхва, *Дела семейные* Рохингтона Мистри и др. В *ИЛ* опубликованы ее переводы романов *Самскара* Ананты Мурти [1984, № 12], *Король Яяти* В. С. Кхандекара [1988, № 5–7], а также ее статьи *Алогизм повседневности* [1983, № 9], *Гармония ислама. Заметки на полях одной книги* [1992, № 5–6], *Кришнамурти – кто он?* [1993, № 9], *Относительность прошлого* [1993, № 9] и др.

Сергей Владленович Строкань
[р. 1959]. Журналист, публицист, поэт, переводчик. Обозреватель ИД *Коммерсант*. Член Союза писателей России.

Автор книг стихов *Белый свет*, *Прощание с зимой*, *Осы*, *сентябрь*, *Осирис*.
В *ИЛ* публикуется впервые.

Вера Владимировна Калмыкова
Поэт, филолог, кандидат филологических наук. Главный редактор издательства *Русский импульс*.

Автор поэтической книги *Первый сборник* [2002], книг по истории искусства и истории литературы, в том числе *Венецианская живопись XV–XVI вв.* [Белый город, 2008], *XIX век. Национальные школы* [в соавторстве с В. Темкиным; Белый город, 2008], принимает участие в издании словарей, энциклопедий и других справочных изданий по вопросам теории и истории литературы. Постоянно печатается в журналах *Нева*, *Октябрь*, *Юный художник*, в одесском альманахе *Дерибасовская-Ришельевская* и др.

Переводчики

Анна Ароновна Суворова
Востоковед, культуролог, переводчик и искусствовед. Доктор филологических наук. Заведующая отделом литератур народов Азии Института востоковедения РАН. Награждена одной из высших наград Пакистана — орденом *Ситара-и-имтияз*.

Автор многочисленных научных трудов и переводчик классической и современной прозы Индии и Пакистана. В ее переводе выходили *Дильруба* Куррата уль-Айн Хайдара, пьесы в сборнике *Слепой век. Индийская драма XXв.* [М., 1996], рассказы в сборнике *Скакун солнца. Антология индийского рассказа XXв.* [М., 2009]. В *ИЛ* публикуется впервые.

Татьяна Владимировна Бердикова
Издатель, переводчик с английского.

В ее переводах выходили *История Англии для детей* Ч. Диккенса, *Дедушкины рассказы* В. Скотта, *Вдали, весной* Агаты Кристи, рассказы Дж. Д. Сэлинджера, О. Генри и др.

Наталья Поваляева
Переводчик с английского, специалист по английской литературе XIX и XX вв., доцент кафедры зарубежной литературы Белорусского государственного университета.

Автор многих статей, посвященных творчеству В. Вулф и Дж. Уинтерсон. Перевела роман Дж. Уинтерсон *Хозяйство света* [2006]. В *ИЛ* в ее переводе опубликованы рассказы Дж. Уинтерсон [2009, № 2] и рассказ Й. Макгрегора *Что видят небеса* [2009, № 3].

Равиль Бухараев
[р. 1951]. Поэт, прозаик, драматург, сценарист, историк, радиожурналист. Лауреат Республиканской премии [Татарстан] имени Мусы Джалиля [1986], Государственной премии Республики Татарстан [2001, 2004], обладатель Золотой медали имени М. В. Ломоносова за вклад в искусство, науку и образование [2005].

Автор поэтических сборников *Яблоко, привязанное к ветке* [1977], *Редкий дождь* [1980], *Комментарии к любви* [1985], *Трезвые пиры* [1990], *Бесконечный поезд* [2001], *Казанские снега* [2004] и др., повести *Раскрытие неопределенностей* [1989], книги прозы *Белый минарет* [2006] и др., пьес *The Little Daisy Star* [*Звездочка-ромашка*, 1985], *The Iron Pea* [*Железная горошина*, 2005] и др., многих книг по истории и богословию ислама и истории татар в контексте всероссийской истории, написанных на русском, татарском и английском языках.

Дмитрий Юрьевич Веденяпин
[р. 1959]. Поэт и переводчик поэзии и прозы.

Автор книг стихов *Покров* [1993] и *Трава и дым* [2002]. В его переводах публиковались стихи англоязычных, немецких, французских, фламандских поэтов, а также сборники рассказов И. Б. Зингера *Последняя любовь* [1999], *Страсти* [2001] и *Каббалист с Восточного Бродвея* [2003]. В *ИЛ* напечатаны его переводы романов М. Каннингема *Дом на краю света* [1997, № 8—9] и *Часы* [2000, № 9], Б. Чатвина *Утц* [2005, № 4], рассказов И. Б. Зингера [2003, № 5], А. Миллера [2005, № 10], стихов Ч. Симика [2003, № 1], В. Шимборской [2003, № 5], А. Дагена [2004, № 4], М. Светлицкого [2006, № 8], Т. Кинселлы [2007, № 6], Ю. Комуняки и Л. Эмануэль [2007, № 9], а также статья *Еврейский-писатель-Зингер* [2009, № 6].

Лев Владимирович Оборин
[р. 1987]. Студент историко-филологического факультета РГГУ. Поэт, переводчик с английского.

В его переводах публиковались произведения Ш. Сильверстайна, О. Нэша, Э. Лира, А. Э. Хаусмана. В *ИЛ* напечатаны в его переводе стихи А. Э. Хаусмана [2006, № 6], М. Дж. Солтер [2007, № 9], Р. М. Дэвиса [2008, № 7], рассказ *Ханья, Крит* [2007, № 5] и эссе *Между благоговением и привычкой* [2007, № 12] С. Цейтлина.

Екатерина Владимировна Скрылева
Переводчик с английского.

В ее переводе выходили романы Дж. Деверо, Э. Джордж, М. Али, Г. Вука. В *ИЛ* в ее переводе публиковались эссе М. Этвуд и Р. Дэвиса [2006, № 11], беседа Д. Дроздовского с А. С. Байетт [2006, № 12], статья П. Трэверс [2007, № 6], беседы с Дж. Бэнвиллом, Дж. Макгахерном, Ш. Хини, У. Тревором из ирландского сборника *Вчитываясь в будущее* [2007, № 6] и др.

Екатерина Александровна Кудашкина
Переводчик, журналист-международник. Редактор международного отдела журнала CITY SPACE.

В *ИЛ* публикуется впервые.

Ян Лазаревич Шапиро
[р. 1961]. Переводчик с английского.

В его переводе печатались рассказы Г. Лавкрафта, П. Г. Вудхауза, книги для детей *Знаешь, как я тебя люблю* С. Макбратни [совместно с Е. Канищевой], *Морской конек* и *Очень голодная гусеница* Э. Карла и др. В *ИЛ* публикуется впервые.

RINET
Internet Service Provider

ИНТЕРНЕТ
ПО ВЫСОКОСКОРОСТНЫМ ВЫДЕЛЕННЫМ ЛИНИЯМ
в Центральном округе Москвы

объединенная волоконно-оптическая районная сеть RiNet в ЦАО.
• оптимальные условия подключения,
• бесплатный доступ к внутрисетевым ресурсам

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ ← В ЦЕНТРЕ ГОРОДА → В ЦЕНТРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

круглосуточно:
(095) 232-1730 238-3922 916-7009.
адрес:
МОСКВА, 1-Й ХВОСТОВ пер., д. 11А.
подробности:
WWW.RINET.RU

В оформлении обложки использован фрагмент картины индийской художницы Анджоли Элы Менон [р. 1940] *Фокусник за работой* [2000].

Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

Старший корректор Анна Михлина.
Компьютерный набор Евгения Ушакова, Надежда Родина.
Компьютерная верстка Вячеслав Домогацких.

Главный бухгалтер Татьяна Чистякова.
Коммерческий директор Мария Макарова.

Адрес редакции: 119017, Москва, Пятницкая ул., 41 (м. "Третьяковская", "Новокузнецкая") ;
телефон 953-51-47; факс 953-50-61.
e-mail inolit@rinet.ru

Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи.
Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.
Льготная подписка оформляется в редакции (понедельник, вторник, среда, четверг с 12.00 до 17.30).

Купить журнал можно:
в редакции;
в киоске "Новой газеты" (Страстной бульвар, д. 4);
в книжной лавке ВГБИЛ им. М. И. Рудомино (Николоямская ул., д. 1);
в книжном магазине клуба "Проект-О.Г.И." (Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2, вход со двора; м. Чистые пруды, Китай-город);
в книжном магазине "У Максима" (МГУ им. М. В. Ломоносова, 1-й Гуманитарный корпус; м. Университет);
в книжном магазине "Русское зарубежье" (Нижняя Радищевская, д. 2; м. Таганская-кольцевая);
в книжном магазине "Фаланстер" (Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27, стр.2–3);
в книжном магазине "dodo-space" (Рождественский бульвар, д. 10 / 17).

Электронный дайджест журнала:
http://magazines.russ.ru/inostran
Наш блог:
http://obzor-inolit.livejournal.com

Журнал выходит один раз в месяц.

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции.

Регистрационное свидетельство № 066632 выдано 23.08.1999 г. ГК РФ по печати

Подписано в печать 15.10.2009
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 25,20.
Уч.-изд. л. 24.
Заказ № 1345.
Тираж 6300 экз.
Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО "Типография "Ново
105005, Москва,
ул. Фр. Энгельса, 46.

PERSONA
Журнал «Персона»/«Persona»

Журнал о творчестве
для творческих людей

Подписка-2009
38678
Объединенный каталог «Подписка-2009» – «Пресса России»
80905
Каталог агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»

Продажа
в книжны
магазина
театрах
и культур
центрах
Москвы и

Льготная
подписка
и продаж
в редакц
(возможн
с доставк

Редакция 119019 ул. Новый Арбат, ,
(495) 691-20-05, 691-50-27
E-mail persona-magazine@mail.ru
www.persona-magazine.ru

[12] 2009

РОМАН АЛАНА БЕННЕТТА "НЕПРОСТОЙ ЧИТАТЕЛЬ" / РАССКАЗЫ ДЖЕНЕТ УИНТЕРСОН, ЭРРИ ДЕ ЛУКИ, ЮДЖИНА МАККЕЙБА / ИЗ КНИГИ ХУАНА БЕНЕТА "ТРИНАДЦАТЬ БАСЕН С ПОЛОВИНОЙ И БАСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ" / СТИХИ, ПРОЗА, ПИСЬМА ГЕРТЫ КРЕФТНЕР / МИЛАН КУНДЕРА В РУБРИКЕ "NB" / ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: "ГИМН И ДРУГИЕ СТИХИ" ФЕРЕНЦА КЁЛЬЧЕИ

(*роль*) **Ex** Each character was ~ed with so much race and art. Все роли были исполнены с большим изяществом и мастерством.

NEW!

sustainability [səˌsteɪnə'bɪlətɪ] *n* устойчивость; устойчивое развитие; ecological / environmental ~ экологическая устойчивость, устойчивость окружающей среды *(предполагает поддержание экологической целостности и запасов природных ресурсов)*; financial ~ финансовая устойчивость; the Royal Award for S. *брит* королевская премия за устойчивое развитие *(вручается предпринимателям)*

NEW!

sustainable [sə'steɪnəbl] *adj* **1.** устойчивый; жизнеспособный; ~ development устойчивое развитие; ~ economic growth устойчивый экономический рост **2.** экологически рациональный; способный существовать, не нанося ущерба окружающей среде; «устойчивый»; ~ agriculture экологически рациональное сельское хозяйство, «устойчивое» сельское хозяйство; ~ forestry экологически рациональное лесопользование, «устойчивое» лесопользование; ~ use of natural resources рациональное использование природных ресурсов

sustained [sə'steɪnd] *adj* **1.** длительный, продолжительный; непрерывный **Syn** long, protracted **2.** монотонный *(о звуке)*

sustaining [sə'steɪnɪŋ] *adj* **1.** поддерживающий, подпирающий; ~ power стойкость, выносливость **2.** доказывающий, подтверждающий

NEW!

sustaining program *n амер радио* некоммерческая радиопрограмма

sustenance ['sʌstəns] *n* **1.** средства к существованию **2.** питание; пища **Syn** food, fare **3.** поддержание, поддержка, помощь **Syn** maintenance

sustention [sə'stenʃən] *n* поддержание *(в том же состоянии)*

sustentive [sə'stentɪv] *adj* поддерживающий; подкрепляющий

susurrant [su:'sʌrənt] = susurrous

susurrate ['su:səreɪt] *v книжн* **1.** шептать **2.** издавать лёгкий шорох, шелест

susurration [ˌsu:sə'reɪʃən] *n* **1.** шёпот **Syn** whisper **2.** лёгкий шорох, шелест

susurrous [su:'sʌrəs] *adj* **1.** шепчущий **2.** шуршащий; шелестящий

susurrus [su:'sʌrəs] = susurration

Susy ['su:zɪ] *n уменьш от* Susan, Susannah Сюзи *(женское имя)*

Sutherland ['sʌðələnd] = Sutherlandshire

Sutherlandshire ['sʌðələndʃə] *n геогр* Сатерлендшир *(графство Шотландии)*

Sutlej ['sʌtlɪʤ] *n геогр* Сатледж *(река на территории Пакистана, Индии, Китая)*

sutler ['sʌtlə] *n* маркитант **Syn** canteen keeper

NEW!

...дятся. **3.** нить для сшивания раны 4. сшивание, соединение

...*мед* накладывать шов, сшивать

SUV *сокр от* Sport Utility Vehicle внедорожник *(автомобиль повышенной проходимости, предназначенный для активного отдыха, чаще всего с приводом на все четыре колеса)*

Suva ['su:və] *n геогр* Сува *(столица государства Фиджи, юго-западная часть Тихого океана)*

suzerain ['su:zəreɪn] *n* **1.** феодальный властитель, сюзерен **2.** сюзеренное государство; ~ lord правитель сюзеренного государства

suzerainty ['su:zəreɪntɪ] *n* **1.** власть сюзерена **2.** сюзеренитет

SVC *буквенный код для* El Salvador colon сальвадорский колон *(денежная единица)*

svc. *сокр от* service **1.** обслуживание, сервис **2.** служба

NEW!

svelte [svelt] *adj* стройный, гибкий *(о женщине)* **Syn** thin

Sverdlovsk [ˌsveəd'lɒfsk] *n геогр, ист* Свердловск *(название г. Екатеринбург в период с 1924 по 1991 г.), см тж* Ekaterinburg

Sverdrup Islands [ˌsveədrʊp-] *n pl геогр* острова Свердруп *(группа острова в составе Канадского Арктического архипелага)*

SVO *сокр от* subject verb object *лингв* тип языка с характерным порядком слов: подлежащее - сказуемое - прямое дополнение *(как в русском, английском), см тж* SOV

SW¹ *сокр от* short waves короткие волны

SW² *сокр от* southwest юго-запад

Sw. *сокр от* Sweden Швеция

swab [swɒb] **I** *n* **1.** 1) швабра, щётка **Syn** mop 2) *воен* банник *(насадка типа щётки на шомпол)*; шомпол 3) помазок **2.** *мед* 1) тампон 2) мазок **3.** *мор жарг* офицерский погон **4.** 1) *презр* салага 2) *разг* матрос, моряк **Syn** sailor, gob

II *v* **1.** *(тж ~ down)* мыть шваброй; подтирать шваброй **Ex** Every morning, the sailors had to ~ down the deck of the ship. Каждое утро матросы должны были швабрами драить палубу на корабле. **2.** *мед* смазывать, наносить тампоном **Ex** She ~ bed the wound with iodine. Она смазала рану йодом.

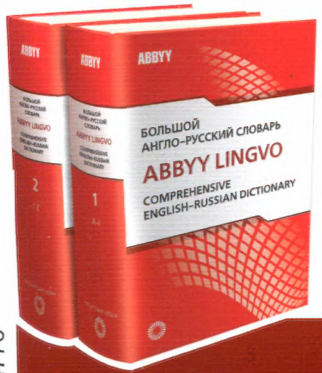
swabber ['swɒbə] *n* **1.** юнга, драящий палубу **2.** грубый, невоспитанный, подлый человек **3.** разг увалень **Syn** clodhopper, bumpkin **4.** швабра, веник, метла

Swabia ['sweɪbɪə] *n геогр, ист* Швабия *(историческая область в Германии)*

swaddle ['swɒdl] **I** *n* = swaddling clothes

II *v* **1.** пеленать, свивать *(младенца)* **2.** *(тж ~ up)* бинтовать, забинтовывать **3.** сдерживать

S



Словари ABBYY Lingvo
Современный язык
Академический подход

ABBYY®
www.ABBYY.ru
+7 (495) 783 3700

job@abbyy.com

Приглашаем на работу лингвистов и лексикографов

ИНДЕКС 70394
ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2009, №11, 1-304
ISSN 0130-6545 09011
9 770130 654770